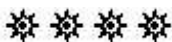

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

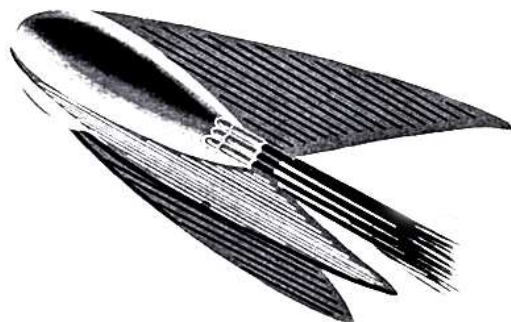

ЗАВОЕВАНИЕ НЕБА

*Космические путешествия,
контакты с инопланетянами и не только
в произведениях советских фантастов
20-х — начала 40-х годов XX века*

**Том 3
20-е годы**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

© Состав, издательство «СПУТНИК™», 2020 г.

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

ВНЕ ЗЕМЛИ

Научно-фантастическая повесть

Константин Циолковский

ВНЕ ЗЕМЛИ

Повесть, 1920 год

Иллюстрации М. Novak, Tibor Tonzc.

И. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ.

26

ВНЕ ——— ——— ЗЕМЛИ.

ПИСЬМА

ИЗДАНИЕ

Калужского Общества Изучения Природы и Местного Края.

КАЛУГА.
4-я Советская Типография.
1920 г.

ВНЕ ЗЕМЛИ

Фантастическая повесть К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ.

(Несколько слов о К. Э. Циолковском и его трудах).

Часть предлагаемой повести, до главы *Вечная весна*, написана К. Э. Циолковским еще в 1896 году. По предложению редакции журнала «Природа и Люди», эта повесть была закончена в 1916 году и стала печататься в журнале с № 2 до 11, без перерыва. Но на этом номере журнал закончил свое существование, так что половина повести оказалась неизданной.

Еще в 1896 г., т. е. 23 года тому назад, автор, после глубоких математических изысканий, продолжавшихся около года, остановился на реактивном приборе, как на наиболее доступном сейчас средстве заатмосферных или межпланетных путешествий.

Хотя вопрос уже был разработан математически Циолковским еще в 1895 году, но полученный труд удалось поместить ему в *Нарцисом Общественности* лишь в 1903 году (кн. 5). Содержал он около сотни формул, но издан был небрежно, с ужасными опечатками и кажется не обратил на себя достаточного внимания, если не считать изобретателей, применивших идеи автора к военному делу в Швеции (полк. Унге, который продал патент Круппу) и в Соед. Шт. Сев. Америки (Бирж. Вед. 1905 г., № 113). Обещанные особые отклики труда, несмотря на все хлопоты, получить К. Э. Циолковскому от редакции «Н. О.» не удалось.

Через 8 лет (11—12 годы), в «*Вестнике воздухоплавания*», автор обнародовал резюме первой работы и ее продолжение. Инженер-технолог В. В. Рюкин в одной из статей своего сборника (1914 г. Николаев: *Пароходы в мировое пространство*) говорит следующее:

«...Циолковский, в солидной подкрепленной математическими формулами, научной работе дал обоснование действительной возможности междупланетных сношений. В журнале «Вестник Воздухоплавания» вот уже 2-й год печатается выдающаяся по интересу статья Циолковского: «Исследование мирового пространства реактивными приборами». Сухое заглавие, столбцы формул, масса числовых данных,—но какая сказочная мысль иллюстрирована этими формулами и цифрами! Человек только вчера оторвавшийся от поверхности земли, делающий еще первые попытки завоевания воздушных путей сообщения, уже поднял глаза к мерцающим звездам, и гордая, смелая мысль озарила его мозг: «туда, все выше и выше, в мировое пространство!».

«Пользуясь любезным разрешением самого К. Э. Циолковского, мне хотелось бы популяризировать его оригинальную, выдающуюся по своей смелости, идею, сделав ее доступной широким кругам читателей. Ракета—

тот тот экипаж, который единственно возможен для путника, собирающегося отправиться в мировое пространство, желающего отделиться не только от поверхности земли, но и преодолеть силу ее притяжения. Новая, никем до сих пор не высказанная, но и единственно верная мысль. Ни пушка Жюль-Верна, ни уничтожающий притяжение «кеворит», придуманный (увы! только в романе) Уэльсом, не в состоянии решить задачу установления сношений между телами нашей солнечной системы. Только реактивный прибор может и преодолеть притяжение земли, и регулировать скорость движения, и изменять направление в пространстве, и притом—быть управляемым изнутри. Будущие междупланетные путешественники—не пассивные пассажиры пушечного ядра, а в полном смысле слова автомобилисты мирового пространства».

«...Увеличьте размеры ракеты до размеров вагона, устройте так, чтобы взрывы газообразующего вещества регулировались по силе и по направлению выхода,—и у вас в руках верное средство для полета в междупланетном пространстве. Всякий другой двигатель—колесный, гребной, винтовой—требует присутствия твердой опорной поверхности или окружающей движущееся тело жидкой или газообразной среды; лишь реактивный прибор может не только перемещаться, но и изменять свою скорость и направление в пространстве эфира».

«Дело техники выработать конструкцию такого прибора,—но это уже, так сказать, второстепенное дело, важен данный Циолковским принцип возможности осуществления аппарата для завоевания междупланетных сфер. Принцип этот ни строго обоснован математическими выводами. Начальная скорость, которую должен иметь снаряд, чтобы преодолеть земное притяжение, правда, поразительно велика в сравнении с достигнутыми до сих пор человеком,—не менее 11.170 метров в секунду, т.-е. свыше 10 верст».

«Возможно ли достичь такой скорости? Невозможно сегодня, но, быть может, станет возможным завтра!..»

«При увеличении скорости до 11 километров в секунду, человек, не принявший особых мер предосторожности, будет убит на месте, расплюснет о заднюю стенку своего воздушного экипажа. По инерции его тело еще будет оставаться в покое в момент, когда снаряд взойдет ввысь—и действие будет аналогично тому, как если бы этот снаряд ударил в спокойно стоящего человека. Но реактивный прибор и не нуждается в развитии максимальной скорости в первый же момент движения,—она может возрастать постепенно. Кроме того, погружение путешественника в жидкую несжимаемую среду может ослабить действие инерции и дать ему возможность безвредно перенести момент отделения от земли».

«Далее, в полете пассажиру предстоит приучиться к неведомому на земле ощущению отсутствия силы тяготения».

«Что касается обеспечения путника кислородом для дыхания и пищевыми веществами, то это—вопрос, почти не встречающий затруднений уже и в наше время. Ведь, под рукой мирового путешественника б

ничный запас лучистой энергии в виде солнечного света, не затмеваемого на пол-суток толщей земного шара, как он привык на поверхности последнего...»

«Полное отсутствие силы тяжести в пути позволит выдвигать из стен вагона ряд закрытых стеклами оранжерей для выращивания растений, могущих служить эмигрантам на их многолетней пути из одной солнечной системы в другую».

«Что касается «коротких» переездов на ближайшие планеты, то при них всегда можно обеспечить себя провиантом на прямой и обратный путь...»

«...Пусть идея нашего талантливой соотечественника так и останется для человечества только идеей и никогда не будет приведена в исполнение,—одна мечта о ее осуществлении уже является завоеванием человеческого разума, каких еще не бывало доньше. И я лично твердо верю, что все же когда-нибудь настанет время, когда люди,—быть может, забыв имя творца этой идеи,—понесутся в громадных реактивных снарядах, и человек станет гражданином всего беспредельного мирового пространства».

Приведем тут и слова инж. Б. Н. Воробьева, редактора *Техники Воздухоплавания* (орган VII отд. Русск. Техн. Общ.), который говорит в «Современном Мире» (1912 г.):

«Существует до сих пор еще мало разработанная отрасль воздухоплавания при помощи реактивных двигателей, т.е. по принципу полета ракеты, которая, как известно летит и в безвоздушном пространстве. Этот род воздухоплавания *отрвом научной* и отнюдь не являющийся фантазией, позволит когда-нибудь человеку проникнуть за пределы земной атмосферы, в далекую область многочисленных, окружающих нашу планету небесных миров. Он открывает перед человеческим творчеством широчайшие, положительно бесконечные горизонты.

Я позволю себе поэтому закончить свою статью следующими словами из полученного мною письма старинного русского работника по воздухоплаванию, изобретателя Циолковского, который давно уже разрабатывает вопрос о названном только что способе воздухоплавания: «человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все около-солнечное пространство».

В 1913 г. инженер Эсно Пельтри, изобретатель аэроплана «Рей», председатель французского общества воздухоплавательной промышленности, сделал доклад о возможности непосредственных межпланетных сношений. Он также признал «Ракету» наиболее целесообразным прибором для этой цели (см. «Природа и Люди» № 4, 1914 г.). По поводу доклада Эсно Пельтри редакция журнала «Природа и Люди» делает тут же следующее примечание.

«Идея путешествовать в мировом пространстве в реактивном аппарате, не нова: еще в 1905 г. русский ученый, К. Э. Циолковский подробно разработал ее, а в 1912 г. посвятил этому вопросу обстоятельную работу: «Исследование мировых пространств реактивными приборами». В свое время мы познакомили читателей со смелым проектом нашего соотечественника,

на много опередившего своих западных собратьев. И вот, не прошло и года, как к тому же вопросу начинают подходить на Западе с практической стороны».

Несомненное право автора на приоритет начинается со времени опубликования работ, т.-е. с 1903 года, или за 10 лет до доклада Эсно Пельтри.

20-го ноября 1913 года, Я. И. Перельман, в «Обществе Любителей Мирведения», сделал сообщение о возможности междупланетных путешествий.

Краткое извлечение из этого сообщения г. Перельман поместил в «Современном Слове» (см. 1-го декабря 1913 г.), где, между прочим, пишет (полное сообщение напечатано в «Свободном Слове», № 1, 14 год):

«...В стороне от всех фантастических проектов стоит идея, высказанная нашим известным теоретиком воздухоплавания—К. Э. Циолковским. Здесь перед нами уже не измышление романиста, а научно разработанная и глубоко продуманная техническая идея, высказанная вполне серьезно. К. Э. Циолковский указывает на единственный реальный путь осуществления межпланетных путешествий. Принцип, на который опирается его проект—это давно известный, но еще почти не использованный техникой принцип реакции, отдачи (проявляющийся, например, при стрельбе). На этом основано устройство ракет—и межпланетный дирижабль Циолковского, в сущности, ничто иное, как огромная ракета».

«Отчего ракета взлетает вверх? Ошибочно думать, что ракета летит, подобно пуле, или, что она отталкивается от воздуха вытекающими из нее газами». В том-то и дело, что полет ракеты несколько не зависит от воздуха и вообще от окружающей среды. Газы, образующиеся при сгорании пороха в трубке ракеты, стремительно вытекают вниз,—а сама ракета, силою реакции (отдачи) отбрасывается в обратном направлении, т.-е., вверх. В абсолютной пустоте ракета бы взлетела на еще большую высоту, так как воздух, вследствие трения, только мешает ее полету. Если вы вообразите себе ракету колоссальных размеров, с камерой для людей, могущих по желанию регулировать истечение газов—вы получите наглядное представление об управляемом небесном снаряде Циолковского».

«Преимущества такого снаряда очевидны. Во-первых, он в полном смысле слова управляем, ибо, регулируя скорость и направление истечения газов, пассажиры могут по желанию изменять быстроту и направление своего движения. Во-вторых, нарастание скорости происходит здесь не внезапно (как в ядре Жюль Верна), а постепенно, по мере истечения газов,—так что пассажирам не грозит опасность быть раздавленными собственным весом».

«Циолковский разрабатывает свой проект уже более 18-ти лет. Правда, он еще настолько далек от практического осуществления, что не вылился даже в конкретную форму, но принцип указан совершенно правильно. Любопытно, что известный французский авиатор и конструктор, инженер Эсно Пельтри недавно выступил в Париже с докладом о возможности достичь луны на аппарате, основанном именно на этом принципе. Очевидно,

идея реактивного прибора для межпланетных путешествий в наши дни, как говорят, «носится в воздухе»... Заманчивая мечта о достижении иных миров, о путешествии на луну, на Марс или Сатурн, превратится, наконец, в реальную действительность. Воздух, необходимый для дыхания, нетрудно будет взять с собой (в виде хотя бы жидкого кислорода), точно так же как и аппараты для поглощения выдыхаемой углекислоты. Точно также, конечно, вполне мыслимо снабдить небесных путешественников достаточным запасом пищи, питья и т. п. С этой стороны едва ли могут представиться серьезные препятствия для путешествия, например, на луну, а современем — и на планеты».

«Итак, если нам суждено когда-нибудь вступить в непосредственное сообщение с другими планетами, включить их в сферу своей добывающей промышленности, быть может, даже колонизовать иные миры, если астрономия превратится когда-нибудь в «небесную географию и геологию», — словом, если земному человечеству суждено вступить в новый «вселенский» период своей истории, то осуществится это, всего вероятнее, при помощи споллинских ракет и вообще реактивных приборов. Это единственное намечающееся в настоящее время практическое разрешение проблемы межпланетных путешествий».

О сообщении г. Перельмана даны отчеты во многих газетах и журналах (см. «Речь», № 320; «Бирж. Вед.», № 275; «Прир. и Люди», № 8; «Бюллетени Лит. и ж.», № 7; «Новое Вр.»; «Электрич. и ж.»; «Физик — Любитель» и многие другие). Укажем еще выдержку из статьи инженера Н. Мануйлова (*Вестник Южн. ж. дорог.* № 8, 1914 г.):

«...Наш известный теоретик воздухоплавания, К. Э. Циолковский, указал новый принцип аппарата для межпланетных сообщений... Допустимо надеяться, что не за горами то время, когда люди победят безвоздушное межпланетное пространство, как победили воздух...»

Инженер В. В. Рюмин, в журнале «*Электричество и жизнь*» (1915 г., № 10) писал о Циолковском, рекомендуя книгу Я. И. Перельмана (*Межпланетные путешествия*): «...автор (Я. И. Перельман) доказывает полную возможность межпланетных сообщений по методу, предложенному нашим русским ученым, К. Э. Циолковским, полутно разбирая другие методы и доказывая их полную несостоятельность... Отраднo, что, вопреки тяжелым временам, не изсяк в России источник духовных ценностей... и находятся люди, проповедующие чисто научные мысли. Отраднo и сознание, что величайшая, быть может, из всех идей, приходивших в голову изобретателям, — идея о межпланетных сообщениях, — впервые поставлена на строго научную точку зрения. Верим, что пройдут года (а может быть и века), но идея Циолковского, так доступно популяризованная Перельманом, будет осуществлена. И если есть другие обитаемые планеты, кроме нашей Земли, то первым памятником жителю Земли на этих планетах будет памятник в честь Циолковского».

Инженер Григорьев, редактор журнала «*Вестник Воздухоплавания*» в этом журнале писал, помещая труд Циолковского (*Исследование миро-*

вых пространства реактивными приборами): мы приводим работу одного из крупных теоретиков воздухоплавания в России, К. Э. Циолковского, посвященную вопросу о реактивных приборах и о полете в безатмосферной среде. Автор ниже сам указывает на грандиозность развиваемой им идеи, не только далекой от осуществления, но и не воплотившейся еще в более или менее конкретные формы. Математические выкладки, на которых автор основывает свои дальнейшие выводы, дают ясную картину теоретической осуществимости идеи. Но трудности, которые неизбежны и огромны при той непривычной и неизбежной для нас обстановке, в которую стремится проникнуть автор в своем исследовании, позволяют нам лишь мысленно следовать за рассуждениями писателя. В сообщенном нам письме К. Э. Циолковского автор так смотрит на свою работу: «Я разработал некоторые стороны вопроса о поднятии в пространство с помощью реактивного прибора, подобного ракете. Математические выводы, основанные на научных данных и много раз проверенные, указывают на возможность с помощью таких приборов подниматься в небесное пространство и, может быть, основывать поселения за пределами земной атмосферы. Пройдут, вероятно, сотни лет, прежде чем высказанные мною взгляды найдут применение и люди воспользуются ими, чтобы разсеяться не только по лицу земли, но и по лицу всей вселенной» (однако применения к военному делу уже начались. См. «Вестн. Возд. № 2, стр. 25, 1911 г.). Почти вся энергия Солнца пропадает в настоящее время бесполезно для человечества (Земля получает в два миллиарда раз менее, чем испускает Солнце). Что странного в идее воспользоваться этой энергией? Что странного в мысли воспользоваться и окружающим земной шар, безпределным пространством! Во всяком случае, неужели грешно высказывать подобные идеи, раз они являются плодом серьезного труда?» Приводим еще слова инженера В. В. Рюмина вообще о трудах Циолковского (журнал «Электричество и Жизнь», 1914 г., № 6.—«Грядущая возможность»):

„Грядущая возможность“.

«Тяжело работать в одиночку, многие годы, при неблагоприятных условиях, и не видеть ни откуда ни про света, ни содействия»

Тяжело положение ученого, значительно опередившего своих современников, не понимаемого ими, считаемого «чужаком», «маньяком», но особенно тяжело оно в стране малокультурной, привыкшей плестись в хвосте цивилизованных наций, боящейся проявить инициативу научной мысли и ждущей, когда эта мысль придет «с запада».

В таком положении находится маститый автор строк, взятых эпиграфом этой заметки, первый изобретатель управляемого металлического аэронаута, К. Э. Циолковский. Строки эти заимствованы нами из новой

брошюры его: «Изследование мирового пространства реактивными приборами», в которой развиваются уже не раз высказанные Циолковским мысли о возможности свободного передвижения не только по волнам воздушного океана, но и в безвоздушном пространстве, разделяющем планеты солнечной системы.

Какая великолепная, какая гениально смелая мысль! Мысль, подкрепленная глубоким знанием, точными математическими выводами, мысль, заставляющая усиленно биться наше сердце, открывающая нам доступность мировых пространств.

Более 20 лет развивал К. Э. Циолковский идею управляемого аэронаута с сжимаемой оболочкой. Мы же ждали, пока в Германии Цепелин осуществил (правда, не в совершенной форме) идею нашего соотечественника, и ничем не поддержали его. Между тем проект Циолковского далеко не фантазия, правильность его расчета неоднократно была подтверждена целым рядом ученых инженеров, но по свойственной нам косности проект так и остался не осуществленным. Пройдут еще годы, аэронауты Циолковского, только под фирмой какого-нибудь немца, станут реять по воздуху, и мы с гордостью скажем: «а ведь это наша идея, мы только не успели ее осуществить». Ведь так было уже с паровой машиной, изобретенной ранее Уатта нашим соотечественником И. И. Подзуновом, так было с лучами Рентгена, открытыми Каменским, так будет и с воздушным кораблем Циолковского.

Боймся, что так же будет и с его идеей о завоевании человеком междупланетного пространства. О ней вспомнили и много говорили в конце прошлого года потому, что известный конструктор аэроплана Эсно Пельтри вскользь высказал нечто подобное.

И то хорошо! Получилось как бы освящение с запада, стало не страшно говорить о том, что замалчивали, словно боясь, чтобы кто-то знающий и умный не укорил нас в наивности и фантазерстве. Но теперь, когда идея пришла законной дорогой «с запада», уместно указать, что мысль, вчера родившаяся в уме западного изобретателя, уже десять лет внедрялась русскому обществу тем же К. Э. Циолковским»...

Известный Н. А. Морозов, председатель Петроградского Общества люб. Мирведения, автор и редактор многих ученых и оригинальных трудов, в одном своем письме пишет Циолковскому: «... Русское Общество люб. Мирведения... в Общем Собрании своем, избрало вас... Своим почетным членом в знак уважения к ученым заслугам вашим, выразившимся в ваших трудах по физико-математическим наукам в различных их отраслях и в частности в области теоретического и практического воздухоплавания... Вы развивали, между прочим, смелые и научно обоснованные идеи о межпланетных сообщениях и соответствующих приборах, построенных по принципу ракеты...»

Одна из специальностей Циолковского—опыты по сопротивлению воздуха. Еще в 90 году проф. Н. Е. Жуковский писал: «оригинальный метод исследования рассуждения и остроумные опыты автора характеризуют его, как талантливого экспериментатора... Вычисление его применительно к дета-

нию птиц и насекомых верны и вполне совпадают с современными воззрениями на этот предмет»...

В 1900 г. Академия наук сообщает в одном из своих изданий: «опыты Циолковского многочисленны, разнообразны, интересны и заслуживают внимания»...

Ученый преподаватель института Инженеров Путей Сообщения, А. Н. Рынин, заведующий аэродинамической лабораторией при институте, называет Циолковского отцом русской аэродинамики. Петроградский Преподаватель офиц. воздухоплавательной школы. Шабский, автор солидного труда (управляемые азростаты, 1909 г.) в своих обширных сочинениях опирается на опыты Циолковского и цитирует наравне с исследованиями Ньютона, Лангley, Дюшмена, Кальете, Лилиенталя, Соро, Пенара, Аванцини, Лессля, Финцы, Сольдаты, Канавети, Цама, Директор Московск. аэродинамического института, автор солидного труда по сопротивлению воздуха (на французском языке): Bulletin de L'Institut Aerodinamique. Д. П. Рябушинский, в своей книге (Аэродин. Институт в Кучине) пишет: «Начало рационального изучения законов сопротивления воздуха знаменуется блестящими работами Дюшмена, Менделеева, Лангley... Джевцакого, Циолковского, Финцы, Канавети, Цама и других ученых».

Нам кажется достаточно сказанного, чтобы отнестись внимательно к предлагаемой фантастической повести Циолковского, в которой, в сущности очень мало фантазии и все числа которой и пояснения основаны на строго научных данных и представляют часто плод очень строгих и трудных математических изысканий.

Представьте себе, что паровая машина еще не существует, но изобретатель уже мечтает о ней. Главные детали обдуманы; составлены проекты. Изобретатель обращается к соседям, к богатым и могущественным людям, к правительству—и везде получает отказы или уклончивые ответы. Ему делают множество «дельных» возражений. Техники указывают на несовершенство технологии, на неимение подходящих материалов, мастеровских и орудий; теоретики—на неясность, неполноту проекта; медики и гигиенисты—на вред изобретения для здоровья населения и пассажиров; экономисты и моралисты—на политические затруднения, на разорение рабочих и возчиков, ученые говорят о своей некомпетентности и отсылают к специалистам; говорят о пустых мечтаниях, фантазиях—иногда мягко, добродушно, вежливо, а иной раз и без церемоний... Разочаровался изобретатель, измучился, ослабел, состарился... Уединился, засел дома, но мысль не остановилась, а продолжает неволью работать. Он воображает свои машины действующими на заводах, на кораблях, на возах. Его мысль создает художественные картины будущего благосостояния человечества от введения в жизнь дешевых и сильных двигателей. Ему не терпится: он пишет рассказ, где людское существование хотя и усложняется, но и бесконечно облегчается его изобретением...

Фантазер-ли этот писатель? Пожалуй! но нет ничего выше и трогательнее подобной фантазии...

В таком положении находится изобретатель металлического дирижабля и реактивного прибора для межпланетных путешествий. Он немного утешается тем, что пишет предлагаемый тут рассказ.

Если бы люди так же усердно мыслили и любили, как усердно они трудятся для взаимного истребления, то мечты автора, были бы скоро осуществлены. Но пройдут сотни лет, прежде чем мы дождемся реальных плодов, прежде чем будут заселяться безграничные эфирные пустыни, полные теплоты, света и энергии!

Надо, все-таки, сознаться, что многое в данном вопросе еще не разрешено, не открыто, не подготовлено, не выяснено...

Автор просит, чтобы читающие эту повесть, сообщали ему замеченные ими ошибки и недостатки, для чего сообщаем его адрес: (Калуга, просп. Жорес, 3. К. Э. Циолковскому), а также всех интересующихся трудами К. Э. просим обращаться или по указанному адресу, или по адресу издателей—Калуга, пл. Свободы, д. № 7. О-ву изучения природы.

ВНЕ ЗЕМЛИ

Фантастическая повесть К. Э. ЦЮЛКОВСКОГО.

1. ЗАМОК В ГИМАЛАЯХ

Между величайшими отрогами Гималаев стоит красивый замок — жилище людей. Француз, англичанин, немец, американец, итальянец и русский недавно в нем поселились. Разочарование в людях и радостях жизни загнало их в это уединение. Единственной отрадою их была наука. Самые высшие, самые отвлеченные стремления составляли их жизнь и соединяли их в братскую отшельническую семью. Они были баснословно богаты и свободно удовлетворяли все свои научные прихоти. Дорогие опыты и сооружения посто-

янно истощали их карманы, однако не могли истощить. Связь с миром ограничивалась этими сооружениями, для которых, конечно, требовались люди и люди, но как только все было готово, они снова погружались в свои изыскания и в свое уединение; в замке, кроме них, находились только служащие и рабочие, прекрасные жилища которых ютились кругом.

2. ВОСТОРГ ОТКРЫТИЯ

На самой вершине дворца была обширная стеклянная зала, куда особенно охотно сходились наши анахореты.

Вечером, после заката солнца, через прозрачный купол залы сверкали планеты и бесчисленные звезды. Тогда мысль невольно тянулась к небу, и речь заходила о Луне, о планетах, о бесчисленных, но далеких солнцах.

Отчаянные мечтатели! Сколько раз создавали они безумно смелые проекты путешествий по небесным пространствам; но их же собственные, весьма обширные познания безжалостно разбивали эти фантазии.

В одну из погожих летних ночей трое наших приятелей мирно беседовали о разных веселых материях, как вдруг, словно буря, ворвался русский и стал кидаться всем на шею, — стискивал до того, что обнимаемые кряхтели и жалобно пищали.

— Скажи на милость, — произнес, наконец, освобожденный из крепких объятий француз Лаплас, — что это значит? И почему ты пропадал столько времени в своем кабинете? Мы даже думали, что с тобой случилось несчастье во время твоих опытов, и хотели вломиться к тебе силою.

— О, это ужас, ужас, что я придумал! Нет, это не ужас, — это радость, восторг...

— Да в чем же дело? Ты как сумасшедший, — сказал более всех пострадавший немец Гельмгольц.

Потное, красное лицо русского с всклокоченными волосами изображало какое-то неестественное воодушевление, глаза блестели и выражали блаженство и усталость.

— Через четыре дня мы на Луне... через несколько минут вне пределов атмосферы, через сто дней — в межпланетных пространствах! — выпалил неожиданно русский по фамилии Иванов.

— Ты бредишь, — сказал англичанин Ньютон, поглядевши внимательно на него.

— Во всяком случае, не чересчур ли скоро? — усомнился француз Лаплас.

— Господа, я увлекаюсь, это правда, однако прошу меня выслушать и послать для этого за остальными нашими товарищами.

Когда они пришли, все разместились вокруг большого круглого стола и, поглядывая на небо, с нетерпением дожидались сообщения русского.

3. ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА

— О друзья, — начал русский, — как незамысловато то, что я придумал!

— Судя по твоим намерениям, мы этого не полагали, — сказал итальянец Галилей, которому уже успели кратко сообщить о происшествии.

— Вам известна энергия горения, — начал русский. — Напомню числа. Тонна нефти, при сгорании, выделяет такое количество работы, которое в состоянии поднять такую же массу на высоту нескольких тысяч верст от поверхности Земли. $1\frac{1}{2}$ тонны нефти в состоянии сообщить одной тонне такую скорость, которая достаточна, чтобы удалиться навеки от Земли...

— Иными словами, — перебил итальянец, — масса горючего вещества, в $1\frac{1}{2}$ раза большая массы человека, в состоянии сообщить ему скорость, достаточную для удаления его от Земли и путешествия вокруг Солнца...

— Русский, вероятно, придумал гигантскую пушку, — перебил в свою очередь американец Франклин. — Но, во-первых, это совсем не ново, во-вторых, абсолютно невозможно...

— Ведь мы же это достаточно обсудили и давно отвергли, — добавил Ньютон...

— Дайте мне говорить!.. Вы не угадали, — произнес русский с досадою. Все замолкли, а он продолжал.

— Пожалуй, я и придумал пушку, но пушку летающую, с тонкими стенками и пускающую вместо ядер газы... Слышали вы про такую пушку?

— Ничего не понимаю, — сказал француз.

— А дело просто; я говорю про подобие ракеты.

— И только? — с разочарованием промолвил пылкий итальянец. Ракета — это что-то ничтожное; этим

ты нас не удивишь... Неужели ты хочешь отправиться в небесные пространства в большой ракете?

Общество улыбалось, но Ньютон задумался, а русский ответил:

— Да, в ракете, особенным образом устроенной. Это смешно и, по-видимому, невозможно, но строгие вычисления говорят иное. Ньютон слушал внимательно, прочие загляделись на звезды...

Когда снова все обратились к Иванову, он начал:

— Самые неопровержимые вычисления показывают, что взрывчатые вещества, вылетая из дула достаточно длинного орудия, могут приобретать скорость до 6 тысяч метров в секунду. Если положить, что масса пушки равна массе выброшенных газов, то дуло получит обратную скорость в 4000 метров. При массе взрывчатых веществ, в три раза большей, скорость дула будет 8000 метров. Наконец, при массе в семь раз большей дуло приобретает секундную скорость в 16 000 метров, которая больше, чем нужно для удаления от Земли и путешествия вокруг Солнца.

— Для этого нужно секундную скорость только в 11 700 метров, — заметил Ньютон. — Но, пожалуйста, опиши нам скорей свою ракету.

— Да, да! Мы слушаем, — закричали все и громче всех Галилей.

— Представьте себе яйцевидную камеру с расположенной внутри ее и выходящей наружу трубою. В камере помещаюсь я и запасы взрывчатых веществ, которые понемногу выпускаются через трубу вниз во время взрывания. Непрерывное взрывание веществ и выбрасывание со страшною скоростью продуктов горения вызовет обратное непрерывное стремление камеры двигаться вверх с возрастающею скоростью. Тут могут быть три случая: когда давление выбрасывае-

мых газов не одолевает тяжести снаряда; когда оно равно весу снаряда и когда больше его. Первый случай не интересен, потому что тогда снаряд не трогается с места и без поддержки падает. Его вес только уменьшается; во втором — он теряет всю свою тяжесть, т. е. не падает без опоры; в третьем случае, самом интересном, снаряд устремляется в высоту.

— На весу он может находиться при употреблении гремучего газа в течение 23 минут 20 секунд, когда вес взрывчатых веществ в семь раз превышает вес снаряда со всем содержимым, — заметил Лаплас.

— Совершенно верно! Но стояние на воздухе для нас было бы бесполезно, и потому мы не будем останавливаться на этом случае, замечу лишь, что тогда кажущаяся тяжесть внутри снаряда не изменяется, т. е. все предметы в нем остаются того же веса.

— Ты, без сомнения, предполагаешь, — прервал Ньютон, — что пушка установлена отвесно, отверстием книзу?

— Разумеется, хотя положение ее может быть и наклонным. Но перейдем к третьему случаю. Выгоднее всего, т. е. ракета приобретает наибольшую скорость, когда взрыв происходит как можно скорее.

— Но, во-первых, тогда быстро приобретенная скорость снова потеряется через сопротивление воздуха во время пересечения атмосферы, во-вторых, относительная тяжесть внутри снаряда настолько возрастет, что сейчас же раздавит все находящиеся в ней живые тела.

— Далее, — заметил Франклин, — и пушка должна быть чересчур крепка, отчего и вес ее будет чересчур велик, что нехорошо.

— Верно! Я полагаю, что достаточно будет на прибор давления, в 10 раз превышающего тяжесть снаряда

со всем содержимым. При этом человек будет чувствовать себя только в 10 раз тяжелее обыкновенного. Такую тяжесть с помощью придуманных мной средств он легко может вынести.

— Интересно узнать эти средства, — сказал Гельмгольц.

— Ты их узнаешь, но не теперь... Буду продолжать: снаряд будет двигаться с возрастающей скоростью. К концу первой же секунды его скорость будет равна 90 метрам и он подыметя на высоту 45 метров. По истечении двух секунд его скорость удвоится и пройденное пространство учетверится. Позвольте мне написать тут таблицу, означающую время, соответствующие скорости и расстояния, пройденные снарядом.

— Я это сделаю за тебя, — сказал Ньютон и крупно написал на большой черной доске три ряда чисел:

Секунды	1	2	10	30	100
Скорости	90	180	900	2700	9000
Пространства	45	360	4500	40500	450000

— Столь интенсивно убыстряющееся движение я не одобряю, — сказал Галилей, взглядываясь в таблицу. Затем продолжал:

— Правда, менее чем через минуту снаряд будет уже вне пределов атмосферы. Однако он много потеряет через ее сопротивление. Желательно, чтобы скорость начальная, скорость в воздухе, была как можно меньше. Поэтому позволяю себе предложить тут другую таблицу, основанием которой послужит утроенная сила тяжести.

И он, подошедши к доске, написал ряды чисел:

Секунды	1	2	10	50	100
Скорости	20	40	200	1000	2000
Пространства	10	40	1000	25000	100000

— Через 50 секунд, — сказал итальянец, кончив писать, — снаряд подымается на 25 километров, где сопротивление атмосферы крайне незначительно и скорость снаряда еще не очень велика. Выйдя за пределы атмосферы, можно увеличить давление взрывчатых веществ и величину ускорения; но в воздухе оно должно быть как можно меньше.

— Я просто в восторге! — воскликнул русский. — Ваши замечания не только доказывают ваше внимание, но и очень дельны. Разумеется, я принимаю их с благодарностью. Теперь представьте, — сказал русский, немного помолчав, — снаряд, устремляющийся к небу; сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, наконец он пропадает из виду, он отрешился от всего земного...

Иванов неожиданно затих, хотя все ждали продолжения. Огни в зале не зажигались, а только что взшедшая багровая Луна светила слабо. Русский был в обмороке. Увлечшись своею идеею, он несколько дней не спал и не ел и довел себя до крайнего истощения. Зажгли огни и всполошились. Иванова привели в чувство, но не позволили говорить, заставили выпить вина и немного поесть. Все были крайне возбуждены, но ради товарища не упоминали о том, что их наиболее волновало.

Решено было на следующий день продолжать обсуждение занимавшего теперь всех вопроса; русского же отдали под надзор Галилея, чтобы заставить его восстановить силы и хорошенько выспаться.

少年少女宇宙科学冒険全集 22

第二の地球

原作 K・ツィオルコフスキー 訳 秋田義夫

Обложка японского издания (1962 г.)

4. ЕЩЕ О ЗАМКЕ И ЕГО ОБИТАТЕЛЯХ

Пользуясь тем, что все разошлись спать, скажем еще несколько слов о нашем дворце и его обитателях.

В двух километрах от него находился водопад. Водопад приводил в действие турбины, которые в свою очередь заставляли вращаться динамо, дававшие в изобилии электрический ток. Ток проводился по проволоке на небольшой холм, где стоял дворец. Там электрический ток освещал все комнаты, производил химические и механические работы в мастерских, согревал, когда было холодно, вентилировал, доставлял воду и совершал многие другие работы, пере-

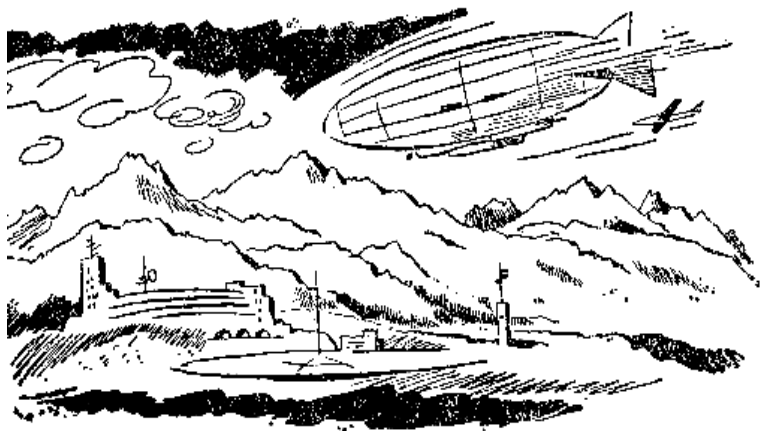

числять которые было бы скучно. Так, при помощи его, состряпали тот ужин, которым закончили день наши приятели.

Красив был ночью замок издалека, освещенный множеством электрических фонарей. Тогда горел он, как небесное созвездие.

Но днем он был еще прекраснее с его башнями, куполами и террасами. Среди гор, освещенных солнцем, он производил чарующее впечатление. Недурен он был и при закате солнца, когда весь он, казалось, пылал внутри пожаром.

Дикая природа, окружающая замок, как нельзя более гармонировала с настроением его обитателей. Все это были люди разочарованные, нравственно потрясенные. Кто потерял трагически жену, кто детей, кто претерпел неудачи в политике и был свидетелем вопиющей неправды и людской тупости. Близость городского шума и людей растравляла бы их раны. Величие же окружающей гористой местности, вечно блестящие белоснежные горные гиганты, идеально чистый и

прозрачный воздух, обилие солнца, — напротив, успокаивали их и укрепляли.

Глубокоученые, давно прославленные миром, они превратились в какие-то мыслящие машины и потому имели много между собою общего. Страдания и размышления ослабили их чувственность и возвысили ум. Одна и та же наука их сблизила.

Отличия их не были очень характерны: Ньютон был наиболее философ и глубокий мыслитель-флегматик, Франклин был с оттенком практичности и религиозности, Гельмгольц сделал множество открытий по физике, но был иногда до того рассеян, что забывал, где у него правая рука, и был скорее холерик, Галилей — восторженный астроном и страстный любитель искусств, хотя в душе и презирал почему-то эту свою страсть к изящному; Лаплас был по преимуществу математик, а Иванов был большой фантазер, хотя и с огромными познаниями; он больше всех был мыслителем и чаще других возбуждал те странные вопросы, один из которых уже обсуждался в истекший день нашим обществом.

Сношение с остальным миром совершалось с помощью огромных металлических дирижаблей, поднимающих сотни тонн груза идвигающихся со скоростью ста и более километров в час. При небольших грузах и немногих пассажирах употреблялись аэропланы.

5. ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСЕДЫ О РАКЕТЕ

В следующий вечер русский продолжал сообщение о сделанном открытии.

— Вы видели, что снаряд через несколько секунд достигает крайне разреженной атмосферы, еще через несколько секунд несется в безвоздушном пространстве. Принимая среднее давление газов, в 10 раз превышающее вес снаряда со всем содержимым, найдем, что через 160 секунд он растратит весь запас самых сильных взрывчатых веществ. При этом он поднимется на высоту 1152 километра и приобретет наибольшую скорость в 14 400 метров. Этой скорости ему вполне достаточно, чтобы вечно удаляться не только от Земли, но даже от Солнца. Тем более легко мы достигнем любой планеты нашей системы. Из всего изложенного, вы, без сомнения, видите и трудности подобного путешествия. Необходим воздух для дыхания, а его нет и неоткуда почерпнуть...

— Можно взять запас воздуха с собою, хотя, правда, он скоро истощится, заметил итальянец.

— Но солнечный свет при посредстве растений может очистить испорченный дыханием воздух, — возразил Гельмгольц.

— Все-таки, — сказал русский, — этот вопрос требует с нашей стороны глубокой и практической разработки. Далее, каким образом мы возвратимся на Землю или спустимся на другую планету? Без особого запаса взрывчатых веществ сделать это безопасно для нашей жизни нельзя.

— Я давно занимаюсь опытами над энергией взрывчатых веществ, — сказал Франклин, — и думаю, что мне удастся во много раз сократить их массу, заменив известные взрывчатые вещества новыми, мною открытыми.

— Желаю тебе успеха, — заметил русский. — Только общими усилиями мы можем добиться практического выполнения нашего плана.

— Во всяком случае, он чересчур рискован, — сказал осторожный Ньютон, — ты забыл еще питание. Без пищи и воды долго не пропутешествуешь.

— Для начала, — возразил Иванов, — я не предполагаю длинных путешествий. Например, для проезда на Луну и обратно довольно и недели. Так что вопрос о питании, на первое время, по крайней мере, не важен. Запас в несколько килограммов пищи и питья взять не затруднительно.

— Итак, господа, — резюмировал русский, — поработаем сообща над деталями проекта, а затем произведем опыты поднятия за пределы атмосферы на какие-нибудь 500–1000 километров.

— Потом мы расширим пределы опытов, — заметил Лаплас. — Я даже не прочь полететь первым, если

только все будет устроено в совершенстве и опыт в моих глазах не представит опасности.

— О, в таком случае никто не откажется! — улыбнулся Франклин.

— Мы все полетим с Лапласом, — слышались дружные голоса.

— А пока, — заметил русский, — перед путем-дорогою нам не мешает восстановить в ярких красках картину путешествия...

— Я так люблю небо, — прервал Ньютон, — что буду очень счастлив, если общество позволит мне по вечерам во время нашего отдыха и общей беседы прочесть ряд лекций, на которых могли бы присутствовать и все желающие в замке.

— Прекрасно! Поручаем это тебе. Ты будешь запрашителем наших астрономических бесед, — воскликнуло единодушно все общество.

— Но ты не должен забывать, что перед тобою не одни ученые: не забудь, что из замка многие пожелают слушать; некоторые из них не умеют отличить звезды от планеты.

— Да, да! Пусть твои лекции будут не только живы, но и общедоступны, сказал итальянец. — Может быть, и я тебе помогу...

— И я, и я! — воскликнули прочие.

— Благодарю вас, господа, — ответил Ньютон.

— Днем мы будем работать, — сказал Гельмгольц, — а вечером наслаждаться в предвкушении неслыханного и невиданного.

— Когда же мы придем к благоприятным результатам, то назначим особое заседание, — заметил Франклин.

6. ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ НЬЮТОНА

На следующий день, при закате солнца, все снова собрались в круглую залу. Кроме того, ее наполняли и другие лица, желающие слушать лекции.

Пятеро ученых уселись вокруг стола, прочие же на мягких диванах у стен. Ньютон начал:

— Планета, на которой живет человечество, имеет форму шара, окружность которого составляет 40 тысяч километров. Человек, проходящий ежедневно по 40 километров, употребит для обхода вокруг Земли тысячу дней, или около трех лет.

— Теперешняя быстрота движения на пароходах и железных дорогах, — заметил Франклин, — позволяет сократить время кругосветного путешествия в 24 раза. Действительно, теперь в среднем легко сделать не в день, а в час 40 километров. Тогда кругом земного шара мы объедем в 42 дня.

— Но на чем же этот гигантский шар держится? — воскликнул один из рабочих.

— Шар этот, — ответил Галилей, — ни на что не положен и, ничего не касаясь, мчится в эфирном пространстве подобно аэростату, увлекаемому ветрами.

Шар этот вдвойне магнит. Первый магнетизм направляет магнитную стрелку, а второй магнетизм мы зовем тяжестью; она-то держит все предметы, рассеянные по его поверхности: океаны, воздух и людей. Если бы не тяжесть, воздух, в силу своей способности расширяться, улетел бы давно от Земли. Также и человеку довольно было бы прыжка, чтобы навеки от нее удалиться и сделаться свободным сыном эфира...

— Какой это эфир? Неужели тот, который имеется у нас в аптеке? — спросил, улыбаясь, другой из рабочих.

— О нет! Это подобие воздуха, но только поразительно упругого и крайне разреженного, — заметил Гельмгольц. — Сущность эфира довольно загадочна¹⁾. Это та всенаполняющая среда, в которой распространяется свет. Благодаря ей, мы видим близкие и далекие предметы, достаточно освещенные и большие. Без нее мы не видели бы ни Солнца, ни звезд...

Если бы людей поместить рядом на расстоянии метра друг от друга, то они окружили бы шар Земли 200 раз²⁾.

— Только-то! Но ведь людей, кажется, 5 миллиардов — спросил кто-то.

— Совершенно верно, — сказал Ньютон, — и отсюда

1) Некоторые ученые даже отрицают его. См. также К. Э. Циолковский «Кинетическая теория света (Плотность эфира и его свойства)». Издание Калужского общества изучения природы и местного края, 1919.

2) Писано начало повести 20 лет тому назад. Потом я изменил ее план, отдал события на 100 лет, довел население до 5 миллиардов, получил несогласие, которое упустил исправить. — Примечание автора, 1927 г.

вы видите громадность Земли по отношению к человеку, который справедливо судит о величии природы по отношению к самому себе...

— Если бы человечество вы распределили равномерно по всей земной поверхности, в холодных и теплых странах, на морях и суше, то увидели бы, что субъект от субъекта находится на расстоянии более тысячи метров. На этом расстоянии едва ли бы они могли удобно разговаривать. Еще поразительнее количественное ничтожество человека: если вы вообразите, что вся его собирательная масса превращена в порошок и равномерно рассеяна по всему земному шару, то толщина этого порошка составит около $\frac{1}{23000}$ доли миллиметра, т. е. слой в тысячу раз более тонкий, чем папиросная бумага.

— Достаточно малейшего ветерка, чтобы сдуть его, — воскликнул один машинист.

— Прекрасна Земля — наследие человека, — вмешался Галилей, — но если бы кто сказал ему: возьми и осмотри свое владение... Как вы думаете, сколько бы ему потребовалось для этого времени?

— Не знаем, — слышались голоса.

— Если бы осматривать одну сушу, которая составляет около $\frac{1}{4}$ всей земной поверхности, и употребить на осмотр каждого гектара по 1 секунде, то и тогда понадобилось бы 400–500 лет!

— И я думал, что Землю во всю жизнь не осмолить, — сказал один мастер.

— Вы не ошиблись! Но как же громадна масса Земли или объем ее! Если бы кто раскатал земной шар на равной величины шарики и дал бы каждому человеку, не исключая, конечно, ни младенцев, ни женщин, по шарик, то, как вы думаете, какой бы величины был такой шарик? — спросил Ньютон.

— Шарик, без сомнения, изрядный, — ответил один из присутствующих.

— О, это была бы целая планета, — сказал Лаплас, — диаметром в $11\frac{2}{3}$ километров.

— Ее поверхность, — добавил Ньютон, — равна была бы 380 квадратным километрам...

— Да это целое немецкое княжество, — заметил русский, — и в нем было бы одному довольно просторно!

— Еще есть способ, — продолжал Ньютон, — представить мизерность человека по отношению его к планете: представьте себе, что она и все находящееся на ней уменьшено в одинаковое число раз, например в 10 000 раз; тогда на шаре, диаметром в 1260 метров, увидим пигмея ростом $\frac{1}{5}$ миллиметра. И это будет высочорослый обитатель Земли.

— Таким образом, — добавил Гельмгольц, — он потонул бы в море, глубиною в песчинку...

— Атмосфера имела бы высоту 20 метров, а высочайшие горы — только 85 сантиметров. Немного более была бы и глубина океанов.

— Однако это достаточно заметно, — сказал кто-то.

— Возьмите мельче масштаб, — и вы не заметите ни гор, ни океанов, возразил Галилей. — Изобразите Землю шариком толщиной в $12\frac{1}{2}$ сантиметров, и высочайшие горы, и глубочайшие моря представятся на нем уже неровностями в $\frac{1}{10}$ миллиметра, не более. Такая неровность равна толщине писчей бумаги.

— Так что наш земной шар недурно выглажен, — сострил токарь.

— Да! — ответил Ньютон. — Если только от Земли удалиться настолько, чтобы она представилась шариком в $12\frac{1}{2}$ сантиметров.

Было поздно, и потому положили разойтись до следующего вечера.

7. ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Когда население замка сошлось для своей вечерней беседы, небо было особенно ясно. Несмотря на то, что после солнечного заката не прошло и часу, небеса сияли звездами; Луны не было: она восходила поздно.

— Смотрите, какое множество звезд! — сказал русский, указывая на небо, отлично видимое через хорошо отшлифованные стекла свода.

В хорошую погоду часть потолка раскрывалась, что было и на этот раз, и волны чистого горного воздуха несли приятную прохладу после жаркого дня.

— Что такое, в сущности, эти звезды? — слышался голос человека, устремившего взоры кверху.

— Поговорим прежде о Солнце и Земле, — сказал Ньютон, — и тогда пойдем, что такое звезды. Из предыдущей лекции вы представили себе довольно рельефно громадность Земли. Теперь я постараюсь дать понятие и о размерах Солнца. Солнце есть огненный шар, из которого можно слепить 1 280 000 огненных шариков величиною с Землю.

— Хороши шарики! — заметил один из слушателей.

— Но почему же оно кажется так мало? — спросил другой.

— Потому, что оно страшно далеко от нас, — сказал Галилей. — Его расстояние от Земли составляет 150 миллионов километров.

— И на этом расстоянии оно может так жарить! удивился кто-то.

— Тут нет ничего удивительного, принимая во внимание его размеры, ответил Ньютон. — Его поперечник в 108 раз более поперечника Земли. Так что, если бы изобразили Землю в виде шарика толщиной в $12\frac{1}{2}$ сантиметров, то Солнце должны бы изобразить шаром с диаметром в 14 метров. Это целый пятиэтажный дом! Несмотря на разницу объемов, Земля и Солнце, в сущности, почти одно и то же...

— Ты, однако, уже слишком... — невольно прервал Галилей.

— Я знаю, — сказал Ньютон, — слушатели меня не совсем поняли.

— Это в самом деле не понятно, — подтвердил один из них. — Солнце есть невообразимо накаленная громадная пылающая масса, а Земля сравнительно крохотный темный и холодный шарик...

— Так-то так, да не совсем! — заметил Ньютон. — В том-то и дело, что этот маленький шарик до сих пор страшно горяч внутри. Было время, когда Земля сияла и горела, как маленькое солнце, и, может быть, наступит другое время, когда Солнце остынет и будет подобно Земле.

— Избави боже, — вздохнули слушатели.

— Земля есть маленькое остывшее солнце, а Солнце есть громадная еще не успевшая остыть благодаря своей громадности Земля.

— Неужели это возможно! — воскликнули слушатели.

— Не только возможно, но и совершенно очевидно, — заявил лектор. Во-первых, Земля и до сих пор не потеряла своей внутренней теплоты, во-вторых, — что такое почва, что такое граниты, на которых располагаются наносные земли? Ведь все это продукты горения металлов, газов и металлоидов. Земля покрыта пеплом и составлена из пепла. Пепел указывает на громадное пожарище, ареною которого была Земля... Горели газы, горели чистейшие металлы и металлоиды.

— И самая вода океанов, — вставил Галилей, — есть только продукт гигантского горения водорода в кислороде. Всюду пепел: камни — пепел, вода пепел, горы — пепел. Остатки не сгоревшего — ничтожны. Они, положим, есть, но скрыты в глубине Земли, недоступны нам; человек старается извлечь из наследованного им пепла сгоревшее наследство. Добывает золото, серебро, железо, алюминий и многое другое на свою потребу. Но как ничтожно то, что он извлекает!

— Что же касается Солнца, — продолжал Ньютон, — то оно прогорит еще очень долго, однако уже и теперь на нем появляются громадные окалины, величиною с земной шар, и многие ученые думают, что и Солнцу когда-нибудь наступит конец.

— Но это ужасно! Когда же это наступит?

Смерть Солнца придет не ранее как через несколько десятков миллионов лет...

— А! — успокоились в толпе, — значит, ни нам, ни нашим детям бояться не приходится...

Совсем стемнело, атмосфера была чиста, и бесчисленное множество звезд было рассыпано сверху.

— Эти звезды, которые вы видите, — сказал Ньютон, — суть солнца.

— Но солнца громадные, пылающие, ни в чем не уступающие тому светилу, от которого зависит вся органическая жизнь нашей Земли.

— А я-то думал, что Солнце только одно, — наивно сказал один слесарь.

— Если бы вы потрудились сосчитать звезды, то не насчитали бы более 5 тысяч солнц.

— Почему же, когда в темную ночь вглядываешься в небо, число звезд представляется бесконечным? — спросили слушатели.

— Какой-то инстинкт указывает человеку на бесчисленность звезд, который отчасти и оправдывается, — сказал русский.

— Действительно, — продолжал Ньютон, — чем лучше мы возьмем трубы для осмотра звезд, тем больше их насчитаем. В самые лучшие телескопы насчитывают до 200 миллионов звезд...

— 200 миллионов солнц! — повторили в толпе, — Такое множество!

— Чтобы составить себе ясное понятие об этом числе, вообразим, что вместо каждой звезды, которую мы видим невооруженными глазами, поставлено 40 000 солнц, т. е. в восемь раз больше, чем мы можем прямо насчитать на обеих половинах неба.

— На клочок небесного свода, занимаемый Луною, — сказал Лаплас, — придется тогда насадить 10 000 звезд, из которых каждая есть отдаленное солнце.

— Поглядите, — сказал один из машинистов, — какая яркая красная звезда, вот, должно быть, гигантское солнце!

— Да это Марс! — заметил Галилей. — Ничтожная планета, подобная Земле. Это одно из крохотных остывших солнц; их принято называть планетами. Она и светит не сама собою, как огонь, а только благодаря дню, который царит там и подарен ей нашим Солнцем. Ее свет кажется сильнее звездного, благодаря крайне близкому расстоянию ее от Земли: какие-нибудь 70 миллионов километров, отделяющих ее от нас, есть ничто в междузвездных пространствах.

— И много таких планет между настоящими солнцами? — спросил один из сидящих у стен.

— Простыми глазами их можно видеть на обеих половинах неба семь штук. В телескопы же более 600. Крупнейшие семь называются планетами, другие планетоидами.

— Неужели их так мало? — удивился кто-то. — При таком множестве солнц это немного странно.

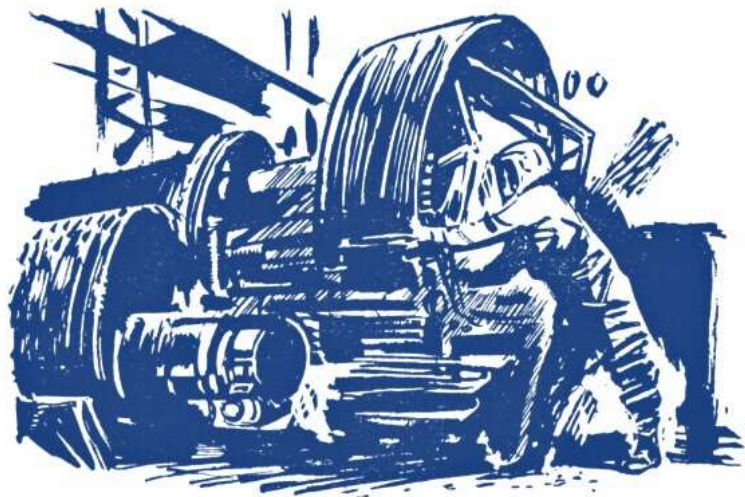
— Вы забыли их малую величину и темноту, — сказал Галилей — И вот причина, почему мы насчитываем их так мало. Видны только планеты ближайšie, принадлежащие к системе нашего Солнца и двигающиеся вокруг него вместе с Землей, которая составляет восьмую крупную планету Солнца. Если у нашего Солнца более 600 планет, то, без сомнения, и у других солнц должны быть также планеты; но как могут быть видны они, когда и самые эти солнца вследствие страшной своей удаленности представляются едва мерцающими звездочками! Огромное же большинство их совсем не видно.

— Так как, — сказал Галилей, — у каждого солнца в среднем не менее 600 планет, — потому что наше Солнце ничем не лучше других — то общее число всех планет составит не менее 80 миллиардов.

— Итак, — заметил Лаплас, — каждый человек мог бы получить в подарок 16 планет, между которыми некоторые больше Земли.

— Но кто поручится нам, что мы нашими слабыми глазами и нашими ничтожными приборами видим все звезды, действительно существующие? Если мы видим 200 миллионов солнц и догадываемся о существовании 80 миллиардов планет, то каково же число невидимых нами солнц и их планет?

Население замка употребляло для своих сношений французский язык. Сначала по поводу общего языка было немало недоразумений, но, наконец, решено было принять тот, который окажется кратчайшим и простейшим. Таким, по исследованию, оказался французский. Затем выкинуты были произносимые буквы и принят был фонетический способ письма, т. е. все писалось точно так, как произносилось.

8. ДВА ОПЫТА С РАКЕТОЙ В ПРЕДЕЛАХ АТМОСФЕРЫ

Лекции были на некоторое время прерваны, потому что наши ученые приятели слишком увлеклись проектом русского.

Франклин изобрел взрывчатый состав в сто раз более эффективный, чем существующие, и из его лаборатории постоянно слышались взрывы, какое-то пронзительное шипенье и дикий свист, пугавшие мирных обитателей замка. Ньютон и Лаплас непрерывно производили вычисления и, показывая друг другу обильные ряды чисел и формул, таинственно и торжественно перешептывались, а иногда и задорно кричали, как бы в ссоре. Гельмгольц решал вопросы об условиях существования в эфирном пространстве и выработывал систему дыхания и питания.

Русский, совещаясь то с тем, то с другим, чертил проекты снарядов и путешествий. Галилей восторгался

и вместе с Ивановым пытался уже строить модель небесной кареты, но не совсем удачно, и потому от моделей снова возвращались к планам и расчетам, от планов и расчетов к осуществлению. Так прошел месяц. В стеклянной зале сходились каждый день, но публика не допускалась.

Наконец, общество ученых пришло, по-видимому, к благоприятным результатам, потому что затевалось что-то необычное.

В мастерских кипела работа; строили что-то странное, очевидно, тот прибор, на котором наши приятели собирались посетить Луну. Решили произвести опыт сначала в высоком сарае. Движения снаряда были ограничены рамами. Взойдем вместе с нашими приятелями в светлый сарай и посмотрим на их прибор и опыт.

Прибор имел вид металлического, вертикально стоящего продолговатого рыбьего пузыря длиной в 20 метров. Поперечник его имел 2 метра. Внутри прибора было достаточно светло благодаря многим окнам небольшого размера. Там мы увидим три нетолстые трубы, идущие по его стенам и выходящие внизу наружу. Далее были какие-то механизмы, отчасти скрытые металлическими кожухами, и огромные отделения с какими-то подозрительными жидкостями. Через смешение их происходил непрерывный и равномерный взрыв, причем продукты со страшною силою должны вырываться через трубы наружу в нижней части снаряда. Ряд рукояток у замысловатых циферблатов предназначался для управления снарядом: для движения его в ту или другую сторону, с той или другою силою давления взрыва. Остальное опишем по мере надобности.

Франклин, русский и Галилей вошли в прибор, а Лаплас, Гельмгольц и Ньютон стояли в почтительном отдалении, смотря то на часы, то на прибор. Но вот раздался взрыв, потом равномерный оглушительный гул; прибор дрогнул и поднялся, насколько позволяли рамы и цепи. Зрители, бывшие снаружи, закричали с блиставшими глазами, но что именно, нельзя было расслышать за шумом. Через 10 минут сидевшие внутри через телефон поздравили своих товарищей с успехом, но продолжали опыты. Так снаряд простоял на весу еще 10 минут и тогда медленно опустился. Иванов и Франклин вылезли и молча бросились в объятия друзей. То же сделал замедливший итальянец, заявляя, что израсходовалась только $\frac{1}{100}$ часть всех взятых для опыта взрывчатых веществ.

Следующий эксперимент над управляемостью снаряда приходилось уже произвести публично, что неудобно было сделать в ограниченном пространстве ангара.

Порешили установить снаряд на дворе и наблюдать отсюда за его маневрированием. На этот раз в аппарат уселись англичанин, немец и француз. Народ стоял неподалеку, не заходя за низкую ограду, окружающую блестящий на солнце, как зеркало, снаряд. Многие не знали хорошенько, зачем он построен; думали, что только для метеорологических изысканий в высших слоях атмосферы.

Трое друзей сидели внутри ядра на креслах и напряженно ждали условного часа для полета. Гельмгольц слегка дрожал, все взволнованно молчали. Ньютон заведовал силою взрыва и давлением газов и держал соответствующую рукоятку; Лаплас наблюдал за направлением, а Гельмгольц наблюдал за всеми и готов был в случае надобности заменить того или другого.

Наступил вождеденный момент, и Ньютон опустил до известной цифры рукоятку. Лаплас давно установил свою, и снаряд крайне медленно начал свое восхождение.

— Господа, снаряд идет прекрасно, — сказал с радостным чувством Гельмгольц, стараясь овладеть собою. — Мы поднялись на 100 метров... Остановите теперь движение!

Ньютон снова передвинул рукоятку, и снаряд сделался почти неподвижным, но газы продолжали вырываться со страшною силою. Через несколько секунд Ньютон предложил ускорить движение вверх, причем кажущаяся тяжесть внутри прибора должна удвоиться, т. е. каждый должен был весить от 8 до 10 пудов.

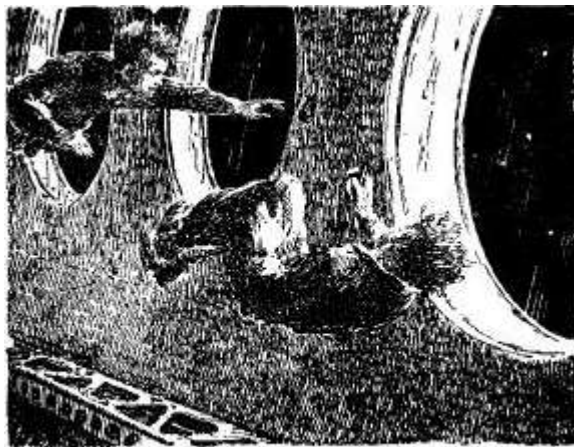
Предварительными изысканиями они убедились в безопасности такого опыта. Товарищи не противоречили, но крепче уселись в своих креслах. Ньютон тронул ручку. Все побледнели и чуть не проломили кресел.

— Господа, мне тяжело, — взмолился Лаплас через 20 секунд. — Довольно, пожалуйста, довольно! — молил он, смешно провалившись в мягкое кресло. Опыт прекратили, для чего Ньютон должен был двинуть ручку прибора отяжелевшей рукой. Почувствовав себя хорошо, все невольно поднялись на ноги и смотрели в окна.

— Однако мы черт знает куда залетели, — сказал Гельмгольц с досадою. Действительно, замок с его пристройками чуть виднелся.

— Не черт знает куда, а только на 2 километра, — заметил Лаплас, взглянув на барометр.

— Мы могли бы через 10 минут подняться на 1800 километров, — сказал Ньютон, — если бы приняли предосторожности относительно дыхания. А теперь должны немедленно подумать о возвращении, в про-

Тяжесть исчезла.

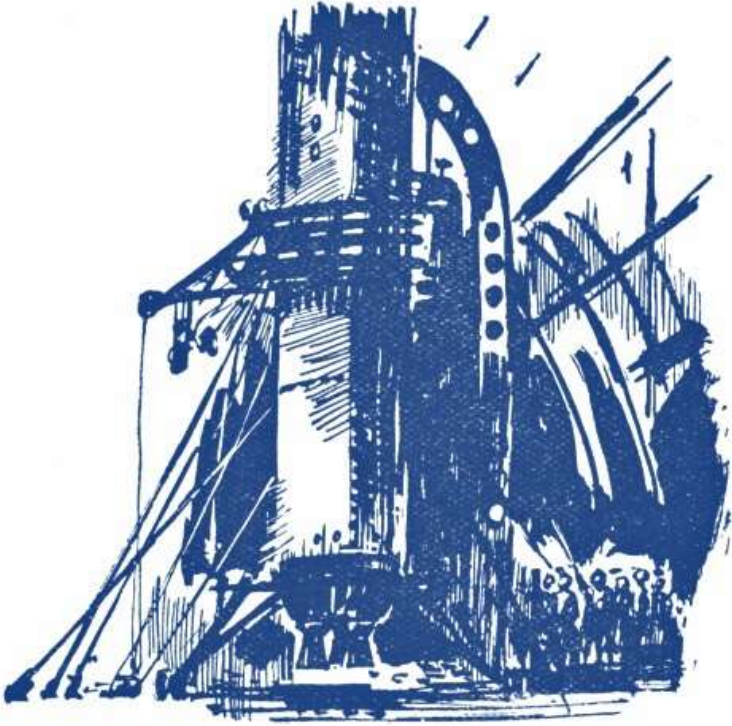

тивном случае через несколько секунд мы задохнемся в разреженной атмосфере, потому что снаряд теперь движется со скоростью 200 метров в секунду.

Пока Ньютон говорил, они поднялись еще на километр и стали, в самом деле, задыхать-

ся. Но Ньютон прекратил взрывание жидкостей. Все потеряли тяжесть.

Вес каждого обратился в нуль, каждый стал весить менее пылинки. Явление было очень любопытно, но так как они по инерции продолжали полет кверху и задыхались все более и более, то им было не до того, чтобы наблюдать. Поднялись еще на 2 километра, снаряд остановился в нерешительности и стал опускаться уже исключительно силою тяжести. Отсутствие веса продолжалось в ядре, но через 20 секунд замедлили его падение, и еще через несколько секунд при посредстве взрывания снаряд крайне медленно опустился на свою стойку во дворе замка. В эти 20 секунд усиленная тяжесть опять всех приковала к креслам.

9. С НОВА АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКЦИЯ

Торжество наших ученых было полное.

Теперь предстояло совершить полет за пределы атмосферы.

На радостях решено было собраться в круглой зале для прочтения третьей лекции и сообщения публике о новом снаряде для полета в эфирном пространстве.

Описав обществу кратко снаряд, Ньютон сказал:

— Теперь, когда мы имеем надежду на возможность путешествия в межпланетных пространствах, нам особенно должны быть интересны данные астрономии. В предыдущей лекции мы видели, что видимый мир

звезд или солнц вмещает в себе не менее 80 миллиардов планет. В одной нашей солнечной системе мы воочию насчитываем более 600 планет. Ввиду предстоящих путешествий необходимо обратить внимание на расстояние планет от Солнца и от Земли. Овладеем ли мы этими расстояниями? Даже хватит ли человеческой жизни, чтобы их одолеть!

— Самое близкое к нам небесное тело, — продолжал Ньютон, помолчав, — Луна.

— Луна — такое же дитя Земли, как Земля вместе с шестьюстами других планет — дитя Солнца... Земля и большие планеты также дочери Солнца.

— Выходит, что Луна приходится Солнцу внучкой, — произнес один из присутствующих.

— Именно, — подтвердил Галилей. — Но у Солнца имеется еще много и других внучек, это — луны планет. Так, Юпитер имеет восемь лун — восемь дочерей, и все они такие же внучки Солнца, как и наша Луна.

— Будем же говорить про Луну, — сказал Ньютон. — Ее расстояние до Земли 380 тысяч километров; пролетая в нашем небесном экипаже средним числом по 5 километров в секунду, мы достигнем Луны через 76 000 секунд, т. е. скорее, чем через сутки...

— Вон восходит Луна, — сказал один из слушателей. — Пожалуй, можно слетать на нее и с помощью аэростата или аэроплана...

— Да, — сказал русский, — если бы воздух доходил до Луны! Но и тогда потребовалось бы на это 1000 дней, т. е. около трех лет, потому что в воздухе нельзя двигаться так быстро, как в пустоте.

— Атмосфера же, — заметил Лаплас, — облегает Землю подобно апельсинной корке, т. е. на величину сравнительно незначительную. Это легкая воздушная одежда Земли.

— Атмосфера простирается, — продолжал пояснять Франклин, — на высоту 300 километров, но уже на высоте 10 километров она настолько редка, что человек ею дышать не может и неизбежно умирает.

— Наибольшая высота атмосферы составляет не более $\frac{1}{1000}$ доли пути от Земли до Луны и, конечно, дорогою до Луны для аэростата служить не может.

— Вот так! — произнес тот же слушатель. — А мне все казалось, что не только Луна, но и звезды парят в нашем воздухе...

— О, звезды от нас чересчур далеко! — воскликнул другой из слушателей.

— Да, — сказал Ньютон, — самая близкая к нам звезда-это наше Солнце, но и она отстоит от нас на 150 миллионов километров! Как же далеко должны отстоять другие солнца, если они представляются нам едва мерцающими звездочками, несмотря на свою световую силу, превышающую силу Солнца.

— Пролетая на нашем снаряде по 10 километров в одну секунду — сказал Франклин, — долетим до Солнца в 15 000 000 секунд, или менее, чем в $\frac{1}{2}$ года. До планет нашего Солнца путь также измеряется годами и на нашем снаряде кажется вполне возможным, если не принимать во внимание других трудностей, кроме времени.

— Но до планет других солнц, — произнес Гельмгольц, — нам не добраться живыми... для этого не хватит человеческой жизни.

— В самом деле, — сказал русский, — до второго ближайшего к нам солнца, находящегося в созвездии Центавра (альфа), насчитывают 38 миллиардов километров. Чтобы пройти такой путь, двигаясь даже со скоростью 100 километров в одну секунду, что возможно, надо 12 тысяч лет. Если бы отправилось боль-

шое общество, то лишь четырехсотое поколение прибыло бы к этому солнцу.

— Как жаль, — воскликнул Галилей, — что те 80 миллиардов планет, о которых говорил Ньютон, оказываются для нас навеки недоступными!

— Да, — сказал Иванов. — Но не забывай, что человечество бессмертно, и 12 тысяч лет для него пустяки. Так что, если те солнца и их планеты и не есть *наше* наследие, то оно может быть наследием людей вообще.

— Все-таки, — возразил Ньютон, — Солнце с его планетами и их спутниками для нас важнее, потому что мы можем посетить их, между тем как о других солнцах с их планетами мы можем только мечтать... Вот планетная система в уменьшенном виде. Масштаб одна биллионная ($\frac{1}{1\,000\,000\,000}$). Представим себе огненный шар с диаметром в 139 сантиметров, — это Солнце. Кругом него приблизительно в одной плоскости и в одном направлении ходят планеты с их лунами. Ходят они тем быстрее, чем ближе к Солнцу. Быстрее всех и ближе всех к Солнцу движется планета Меркурий. По нашему масштабу, это шарик с поперечником в 5 миллиметров (малая горошина), отстоящий от Солнца на 58 метров. Далее следует Венера в виде шарика с диаметром в 12 миллиметров (лесной орешек). Ее расстояние до Солнца, уменьшенное в биллион раз, составит 105 метров.

— Посмотрите на Венеру, — прервал Галилей, указывая на запад, где в лучах еще не совсем потухшей зари блистала яркая звезда.

— Ни одна звезда не блестит так сильно, как Венера, — заметил Лаплас.

— Раз я ее видел даже днем, при полном сиянии Солнца, — сказал Франклин. И Меркурий и Венера видны бывают или на западе или на востоке. Мерку-

рий видеть труднее, потому что он очень близок к Солнцу и заходит тотчас после солнечного заката.

— Будем продолжать, — сказал Ньютон. — За Венерой увидим Землю, отстоящую от центрального тела на 148 метров — орешек с поперечником в 13 миллиметров.

— Только-то! Вы почти сравнивали Землю с другими планетами, — заметил один из слушателей.

— Я не унижал Землю, — ответил Ньютон, — такую сделала ее природа. Так мы видели, что Земля все-таки больше других планет. Следующая планета — Марс — в виде горошины с диаметром в $6\frac{1}{2}$ миллиметров. Двигается она медленнее Земли, потому что отстоит дальше, именно на расстоянии 227 метров... Смотрите! Вон яркая красная звезда на востоке; она уже поднялась довольно высоко. Это и есть Марс. У него два спутника — совсем ничтожные пылинки, не изобразимые по нашему масштабу, которые кружатся вокруг него с ужасною скоростью и вместе с тем движутся кругом Солнца со своей планетой.

— Но ты забыл сказать про земную Луну, — заметил Лаплас. — Луна для нас наиболее доступна и потому наиболее интересна. С нее-то мы и начнем при путешествии реальный обзор небесных тел!

— Правда! правда! — согласился Ньютон. — Наша Луна — это просыное зернышко в $3\frac{1}{2}$ миллиметра, отстоящее от Земли на 38 сантиметров. Она вертится кругом Земли и движется вместе с нею кругом Солнца, как и другие планеты с их спутниками.

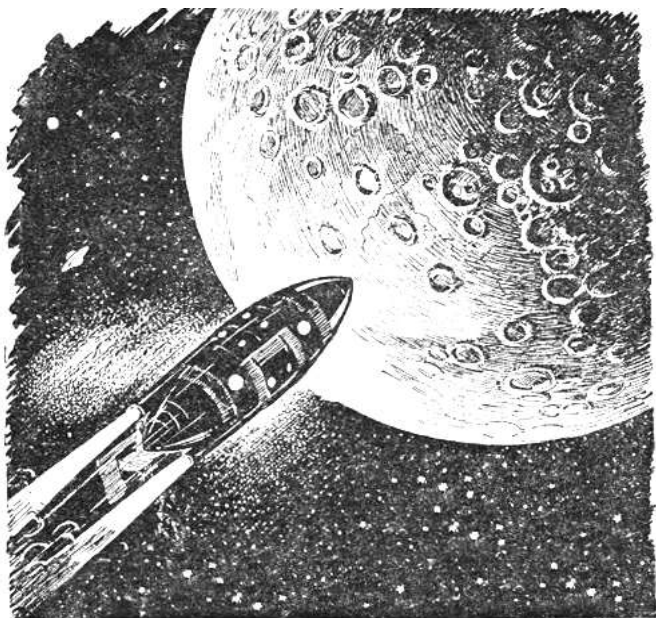
— За Марсом мы увидим, — сказал Ньютон, — еще более 600 планет в виде крохотных маковых зернышек и пылинок — всевозможных, но очень малых размеров; они размещены довольно тесно, что не мешает им в полном согласии, т. е. в одну сторону, совершать свой

путь вокруг Солнца. За этим планетным роем несется крупнейшая из планет — Юпитер в виде очень крупного яблока или даже арбузика с поперечником в 14 сантиметров. Вот тут Земле делается действительно как будто совестно, потому что из Юпитера можно скатать 1390 таких шариков, как Земля.

— Это наиболее солидная планета; по нашему масштабу, он будет отстоять от Солнца на 750 метров. Она имеет восемь спутников величиной с просыные и маковые зерна.

— Только ближайший, — заметил Лаплас, — сушая пылинка.

— На этой планете, — сказал, поклонившись аудитории, Ньютон, — позвольте мне закончить свое повествование. Лектора поблагодарили и разошлись с пожеланием друг другу приятных снов.

10. ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПОЛЕТУ КРУГОМ ЗЕМЛИ

Но лекциям не суждено было продолжиться: наши ученые так увлеклись своей небесной каретой, что совершенно потеряли охоту просвещать свою аудиторию в познании неба. Они решили как можно скорее совершить полет за пределы атмосферы. Снаряд был закрыт герметически и наполнен одним кислородом (без азота) плотности в $\frac{1}{10}$ по отношению к воздуху, т. е. вдвое реже, чем кислород атмосферный. При этих условиях прекрасно дышалось, но и не было возбуждения, подобного тому, которое бывает от вдыхания кислорода равной плотности с воздухом. Кроме того, благодаря малому внутреннему давлению газа стенки снаряда не надо было делать очень толстыми. Предполагалось взять большой запас веществ, от смешения которых получался кислород. Углекислота же и человеческие миазмы поглощались в снаряде щелочами и другими препаратами, которые таким образом постоянно очищали испорченную дыханием атмосферу камеры.

Для потребностей дыхания в течение суток на каждого человека приходилось около 10 килограммов этих веществ.

Так как при необыкновенных условиях полета легко было растеряться и не исполнить того, что требуется для управления снарядом, то положено было устроить автоматический управитель, который в свое время будет двигать теми или другими рукоятками и давать снаряду то или другое направление и скорость.

Приготовившись к путешествию, по общему согласию зарегистрировали на автоматическом управителе следующее. Снаряд летит параллельно плоскости экватора под углом в 25° к горизонту по направлению вра-

щения Земли; в течение первых 10 секунд его скорость возрастает быстро до 500 метров; затем, во все время пути через атмосферу, увеличивается гораздо медленнее, по мере ее разрежения; после прохождения воздушной оболочки Земли скорость опять быстро должна возрасти, а направление движения постепенно изменяться и на высоте в 1000 километров сделаться кругообразным, причем скорость должна быть настолько велика, чтобы снаряд двигался кругом земного шара по окружности, не приближаясь к нему. Понятно, все действия автоматического управителя можно останавливать или изменять.

11. ВЕЧНАЯ ВЕСНА. СЛОЖНАЯ РАКЕТА. СБОРЫ И ЗАПАСЫ

Прошло немало времени, было много работы, много опытов и еще больше неудач. Особенно много потратили времени на усовершенствование инжектора прибора, нагнетающего две жидкости, смешение которых давало взрыв. Температура была страшно высока, и надо было подыскать подходящие тугоплавкие и в то же время крепкие материалы. Простые насосы оказались негодными, так как требовали громадной работы для движения и потому — несуществующей мощности двигателя. Можно было остановиться только на подобию пароструйных насосов (инжекторов) Жиффара. Тут работа происходила непосредственно силою взрывающихся веществ. Нельзя было обойтись без инжектора, как в обыкновенных ракетах и применявшихся до сих пор их подобиях. В них давление взрывающихся газов передавалось на хранилища элементов взрыва. Это заставляло делать хранилища очень крепкими, с толстыми стенками, страшно тяжелыми. Когда запас взрывчатых веществ мал, то можно подниматься и летать даже при тяжелых сосудах; при громадных же запасах взрывающихся веществ надо было сосуды освободить от страшного давления, сделать их легкими, что возможно было только при употреблении насосов или инжекторов. При первых опытах обходились без них, но зато и полеты не были значительны. Также нужно было найти подходящие материалы для труб, оболочек ракеты и других ее частей. Была большая возня и с управляемостью, с регулированием температуры, среды для дыхания и т. д. Наконец, решили отправиться за атмосферу, кругом Земли. Роскошный климат тропических стран, весьма тягостный на боль-

шом континенте, в долинах, невысоко над уровнем моря, превращается в вечную весну с прохладой, солнцем и постоянством на высоте трех, четырех километров. Не заметно было тут ни лета, ни зимы. Такова была местность наших отшельников. При обилии света, множестве ясных дней, сухости воздуха, температура его не только была постоянна, но и на $10-15^{\circ}$ ниже, чем на уровне океана. Днем, в тени, было $10-20^{\circ}$, ночью же она значительно понижалась. Но ночью редко предавались работам на открытом воздухе. Работали тогда в закрытых помещениях, а там холодно не было. Благодаря этой несменяемой весне трудились в тени деревьев или в тени навесов круглый год. Но солнца нужно было очень оберегаться: оно было сильнее, чем в низких долинах, и чаще производило солнечные удары. От простой ракеты перешли к сложной, т. е. составленной из многих простых. В общем, это было длинное тело, формы наименьшего сопротивления, длиной в 100, шириною в 4 метра, что-то вроде гигантского веретена. Поперечными перегородками оно разделялось на 20 отделений, каждое из которых было реактивным прибором, т. е. в каждом отделении содержался запас взрывчатых веществ, была взрывная камера с самодействующим инжектором, взрывная труба и пр. Одно среднее отделение не имело реактивного прибора и служило кают-компанией; оно имело 20 метров длины и 4 метра в диаметре. Инжектор назначался для непрерывного и равномерного накачивания элементов взрыва в трубе взрывания. Его устройство было подобно устройству пароструйных инжекторов Жиффара. Сложностью реактивного снаряда достигался сравнительно незначительный его вес в соединении с громадной полезной подъемной силой. Взрывные трубы были завиты спиралью и постепенно

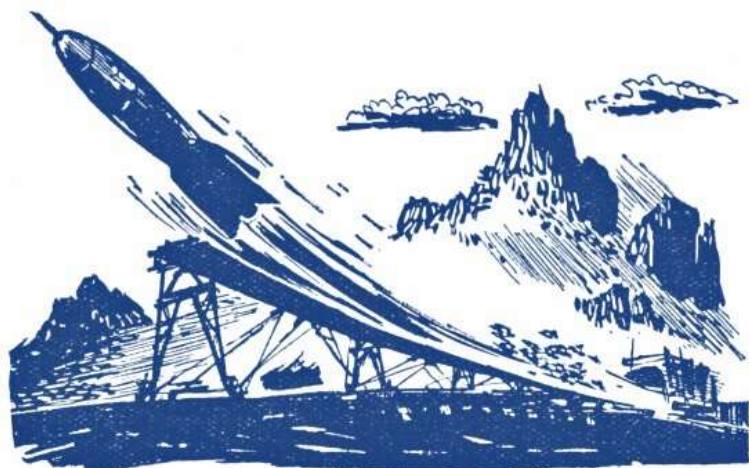
расширялись к выходному отверстию. Извивы одних были расположены поперек длины ракеты, других — вдоль. Газы, вращаясь во время взрыва в двух взаимно перпендикулярных плоскостях, придавали огромную устойчивость ракете. Она не вихляла, как дурно управляемая лодка, а летела стрелой. Но расширенные концы всех труб, выходя наружу сбоку ракеты, все имели почти одно направление и обращены в одну сторону. Ряд выходных отверстий составлял винтообразную линию кругом прибора.

Камеры взрывания и трубы, составляющие их продолжение, были сооружены из весьма тугоплавких и прочных веществ, вроде вольфрама, так же как и инжекторы. Весь взрывной механизм окружался камерой с испаряющейся жидкостью, температура которой была, поэтому, достаточно низкой. Эта жидкость была одним из элементов взрывания. Другая жидкость помещалась в других изолированных отделениях. Наружная оболочка ракеты состояла из трех слоев. Внутренний слой — прочный металлический с окнами из кварца, прикрытыми еще слоем обыкновенного стекла, с дверями, герметически закрывающимися. Второй — тугоплавкий, но почти не проводящий тепло. Третий — наружный, представлял очень тугоплавкую, но довольно тонкую металлическую оболочку. Во время стремительного движения ракеты в атмосфере наружная оболочка накалялась добела, но теплота эта излучалась в пространство, не проникая сильно через другие оболочки внутрь. Этому еще мешал холодный газ, непрерывно циркулирующий между двумя крайними оболочками, проникая рыхлую, мало теплопроводную среднюю прокладку. Сила взрывания могла регулироваться с помощью сложных инжекторов, также прекращаться и возобновляться. Этим, и другими

способами, можно было изменять направление оси снаряда и направление взрыва.

Температура внутри ракеты регулировалась по желанию с помощью кранов, пропускающих холодный газ через среднюю оболочку ракеты. Из особых резервуаров выделялся кислород, необходимый для дыхания. Другие снаряды были назначены для поглощения продуктов выделения кожи и легких человека. Все это также регулировалось по надобности. Были камеры с запасами пищи и воды. Были особые скафандры, которые надевались при выходе в пустое пространство и вхождении в чуждую нам атмосферу чуждой планеты. Было множество инструментов и приборов, имеющих известное или специальное назначение. Были камеры с жидкостями для погружения в них путешествующих во время усиленной относительной тяжести. Погруженные в них люди дышали через трубку, выходящую в воздушную атмосферу ракеты. Жидкость уничтожала их вес, как бы он ни был велик в краткое время взрыва. Люди совершенно свободно шевелили всеми своими членами, даже не чувствовали их веса, как он чувствуется на Земле: они были подобны купающимся или прованскому маслу в вине при опыте Плато. Эта легкость и свобода движений позволяла им превосходно управлять всеми регуляторами ракеты, следить за температурой, силою взрыва, направлением движения и т. д. Рукоятки, проведенные к ним в жидкость, давали им возможность все это делать. Кроме того, был особый автоматический управитель, на котором на несколько минут сосредоточилось все управление снарядом. На это время можно было не касаться ручек приборов; они сами собой делали все, что им заранее «приказано». Взяты были запасы семян разных плодов, овощей и хлебов для разведения их в особых

оранжереях, выпускаемых в пустоту. Также заготовлены и строительные элементы этих оранжерей. Объем ракеты составлял около 800 кубических метров. Она могла бы вместить 800 тонн воды. Менее третьей доли этого объема (240 тонн) было занято двумя постепенно взрывающимися жидкостями, открытыми нашим Франклином. Этой массы было довольно, чтобы 50 раз придать ракете скорость, достаточную для удаления снаряда навеки от солнечной системы и вновь 50 раз потерять ее. Такова была сила взрывания этих материалов. Вес оболочки, или самого корпуса ракеты со всеми принадлежностями, был равен 40 тоннам. Запасы, инструменты, оранжереи составляли 30 тонн. Люди и остальное — менее 10 тонн. Так что вес ракеты со всем содержимым был в три раза меньше веса взрывчатого материала. Объем для помещения людей, т. е. заполненного разреженным кислородом пространства, составлял около 400 кубических метров. Предполагалось отправить в путь 20 человек. На каждого доставалось помещение в 20 кубических метров, что при постоянно очищаемой атмосфере было в высшей степени комфортабельно. 21 отделение сообщались между собою небольшими проходами. Средний объем каждого отсека составлял около 32 кубических метров. Но половина этого объема была занята необходимыми вещами и взрывающейся массой. Оставалось на каждое отделение около 16 кубических метров. Средние отделения были больше, и каждое могло служить отличным помещением для одного человека. Одно отделение в наиболее толстой части ракеты имело в длину 20 метров и служило залом собраний. На боковых сторонах этих отделений были расположены окна с прозрачными стеклами, закрываемыми наружными и внутренними ставнями.

12. ОТНОШЕНИЕ ВНЕШНЕГО МИРА. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ РАКЕТЫ

Внешний мир не знал о намерении наших ученых; газеты молчали; молчали и сами ученые. Дело было в 2017 г. Но и тогда еще были укромные уголки, глушь, откуда мало проникало сведений в остальной мир. Сотрудники, мастера и друзья ученых составляли все население колонии, и они сору из избы не выносили.

Ракета находилась недалеко от поселка, на местности, наклонной к горизонту на $25-30^\circ$. Она была открыта для взоров дирижаблей и аэропланов, пролетающих часто близ этой местности с грузами и пассажирами. Случилось подобное опытам братьев Райт, бывшим 100 лет с лишком тому назад: Европа и весь мир уверовали в них только два года спустя, хотя люди видели с поездов летающих на аэроплане братьев, но и очевидцам мало верили.

13. ПРОВОДЫ. ЗАПЕРЛИСЬ В РАКЕТЕ. УМЧАЛИСЬ. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Решили отправиться в снаряде Ньютон, Лаплас, Франклин и Иванов. Взяли еще 16 человек мастеров самых важных для полета специальностей. Все жители поселка провожали путешественников. Толпа еще за много часов до полета окружала ракету. Погода была великолепная. Солнце светило вовсю. Но этому не удивлялись, так как такая погода в этой местности была обычной. Воздух сухой, бодрящий и холодный. Сухость местности заставляла жителей замка прибегать к искусственному орошению полей, садов и огородов. Было много водопадов и быстрых горных рек. Вода от них и направлялась к садам и культурным полям. Ракету окружали прекрасные фруктовые деревья, а немного дальше возвышались величественные севкойи.

После добрых пожеланий, объятий и восторженных криков толпы все двадцать человек заключились в ракету. Сами герметически заперлись, зажегши огонь электрических ламп. Двойные ставни были закрыты. Каждый погрузился в предназначенный ему футляр с жидкостью и дышал через трубку. Члены могли свободно двигаться и управлять снарядом с помощью погруженных в жидкость рукояток. Ньютон управлял силой взрывания в трубах, Лаплас направлением движения ракеты; он также уничтожал возникающее вращательное ее движение. Франклин заведовал температурой и чистотой воздуха. Иванов следил за другими мелочами и за всем. Он мог переговариваться со своими товарищами посредством слуховых трубок, так же как и другие между собою. Остальные шестнадцать могли передавать свои претензии только одному из

мастеров, который и доводил о том, если это было нужно, до сведения Иванова. Иванов был избран на этот раз распорядителем.

— Господа! сказал Иванов. — Не начать ли полет? Все ли готово? Уладились ли вы?

Оказалось, что все было в порядке и все уладились. Русский передвинул рукоятку. Не в первый раз он это делал. Раздались взрывы, которые сейчас же перешли в довольно однообразный, оглушительный вой. Но уши путешественников были закрыты трубками, пластинками и слоем воды. Если бы не это, их барабанные перепонки не могли бы выдержать. Свет электричества проникал через небольшие окна своеобразных гробов, где покоились в жидкости наши друзья. Но «покойники» выглядели довольно весело, преспокойно смотрели по сторонам, рассматривая знакомые стены ракеты и прикрепленные к ним шкафы и орудия, которые они же и устраивали.

— Господа! — сказал Иванов. — Относительная тяжесть в десять раз больше земной. Некоторые из вас весят теперь по 40–50 пудов. Чувствуете ли вы это? Не ломит ли кому-нибудь члены, не больно ли где?

— Все хорошо! — Приятное купанье! — Полный покой! — Легкость как и раньше! — Полная свобода движений! Одна прелесть!.. — слышались успокоительные и даже счастливые голоса.

Проходит несколько секунд.

— Жарко, воздух для дыхания горяч! — заявил один из довольно полных мастеров.

Иванов о претензии передал Франклину, и последний движением рычага ускорил циркуляцию холодного газа. Температура понизилась.

Проходит еще несколько секунд.

— Холодно! — пожаловался кто-то.

Устранено и это. Все претензии удовлетворялись: то было душно от накопления углекислоты, то вращалась ракета вдоль своей длинной оси и кружились головы слабых... Никто не жаловался, когда был излишек кислорода. Но он не допускался, хотя и оживлял всех, как не допускается опьянение.

Сила взрывания не была постоянной, потому что экономия взрывчатых материалов, или запасенной энергии, требовала строгой последовательности в давлении газов, заранее точно рассчитанной. Она и соблюдалась автоматически. Так что явление относительной тяжести по своей силе непрерывно менялось; но никто этого не замечал и не мог заметить благодаря окружающей их жидкости такой же плотности, как средняя плотность тела каждого из путешественников. Только несколько вещей, недостаточно укрепленных, сорвалось со стен и упало на перегородки; однако шума никто не слышал за общим воем и грохотом взрывания.

Старт межпланетной ракеты.

14. ОСТАВШИЕСЯ НА ЗЕМЛЕ. ЛЕКЦИЯ В ЗАМКЕ

Оставим наших приятелей лететь, а сами спустимся вниз к обитателям замка, которые толпой провожали путешественников. Они видели, как ракета сорвалась и устремилась в наклонном положении в пространство. Многие в испуге отшатнулись. Всех оглушил шум, но он быстро утихал по мере удаления ракеты.

Она быстро удалялась к востоку, по направлению движения Земли вокруг оси. В то же время она поднималась все выше и выше. Через 10 секунд она была от зрителей на расстоянии 5 километров и двигалась со скоростью 1000 метров в секунду. Она уже едва была видна в сильный бинокль и то потому, что от воздушного трения стала светиться. Можно сказать, что она исчезла почти моментально из глаз зрителей. Послышался как бы громовой рокот. Он сначала возростал, потом стал ослабевать. Громовые раскаты продолжались, хотя ракеты уже не было видно. Толпа смотрела по сторонам, но туч нигде не было: это ракета раздвигала воздух, который и дал громоподобную воздушную волну.

Гельмгольц и Галилей пригласили желающих в залу собраний, чтобы отдохнуть и побеседовать.

Публика разместилась как хотела: кто в креслах, кто на местах, расположенных амфитеатром. Освежались фруктами и легкими напитками. Стоял гул голов. Говорили много о ракете и ее пассажирах. Спорили воодушевленно. Противоречили.

Галилей предложил поговорить. Все уселись поудобнее и затихли.

— Господа! — сказал Галилей. — Я желал бы вам объяснить, что должны испытать путешественники в своей ракете. Я слышал ваши споры: не о всем вы рас-

суждали правильно. Допустим, что на ракету, — только на одну ракету, а не на тела, в ней заключенные, — действует постоянная сила в одном направлении, как, например, давление газов при взрыве. Силы тяготения Земли и других небесных тел пусть пока не будет. Ракета под влиянием этой силы приобретает равномерно-ускоренное движение, т. е. будет двигаться со скоростью, возрастающей пропорционально истекшему времени. Всякое тело, заключенное в ракете, но не касающееся ее, покажется падающим по направлению, обратному действующей на ракету внешней силе. Таким образом, все тела в ракете падают равномерно-ускоренно. Так покажется. Если же этому мешает пол ракеты, стол или другая подставка, то тело давит на нее. Это и есть кажущаяся тяжесть, которая по своим результатам ничем не отличается от тяжести, производимой планетами.

Величина этой кажущейся тяжести тем более, чем больше скорость, приобретаемая ракетой ежесекундно. Ускорение на Земле составляет около 10 метров. Если и ракета будет получать от внешней силы ежесекундно такую же скорость, то в ней образуется тяжесть такая же, как на поверхности Земли. Если это секундное ускорение будет в 10 раз больше, то кажущаяся тяжесть в ракете тоже будет в 10 раз больше земной. Направление этой искусственной тяжести будет, как я сказал уже, обратно направлению действующей на ракету силы.

— Ну, и какое же влияние должны оказывать Земля, и Солнце планеты на кажущуюся тяжесть в ракете? — слышались голоса.

— К этому я сейчас и перехожу, — сказал Галилей. — Рассмотрим, например, действие земного тяготения.

— Притяжение земного шара действует не на одну

ракету, но и на все тела, в ней заключенные. Если ракета будет куда-нибудь двигаться под влиянием этой всепроницающей силы, то и всякое другое тело в ракете или около нее будет двигаться совершенно так же под влиянием этой силы. Наблюдателю в ракете не будет видно разницы между движениями ракеты и окружающих ее тел.

Стало быть, влияние земного тяготения не может быть обнаружено по отношению к ракете. Вывод такой: не только Земля, но и никакие небесные тела не могут иметь влияния на кажущуюся тяжесть в ракете, т. е. они не могут ее ни увеличить, ни уменьшить. Разумеется, это относится к силам прямолинейным, равномерным и всепроницающим.

— Следовательно, — сказал Гельмгольц, — кажущаяся тяжесть в нашей ракете исключительно зависит от секундного ускорения, приобретаемого ею под давлением взрывающихся в ее трубах газов. Если эта получаемая ежесекундно прибавка скорости (или ускорение) составляет 100 метров, то все тела в ракете сделаются в 10 раз тяжелее, чем на Земле. Земля же, Солнце и планеты не имеют никакого влияния на кажущуюся тяжесть.

— Из этого еще видно, что, когда взрывание прекратится и ракета перестанет получать ускорение от давления газов, — заметил итальянец, — относительная тяжесть должна исчезнуть без следа, несмотря на какое угодно могущественное действие всепроницающих сил тяготения. Тогда путешественники повиснут, так сказать, в своей атмосфере: падать не будут, давить на пол и подставки также. Они будут подобны рыбам в воде, только не будут при своем движении испытывать громадного препятствия, т. е. сопротивления воды.

— Интересное, прекрасное состояние, — слыша-

лись голоса из аудитории.

— Вот вопрос, — сказал один из слушателей, — когда ракета пойдет за границы атмосферы, то наружное давление на нее прекратится... Не разорвет ли тогда ракету упругость внутренней ее атмосферы?

— Прочность стенок ракеты может выдержать давление в 100 раз большее. Притом ракета наполнена чистым кислородом, в 10 раз менее плотным, чем воздух. Упругость, значит, будет в 10 раз меньше упругости воздуха и в два раза меньше парциального давления кислорода в атмосфере Земли. Давление на стенки от этого также будет в 10 раз меньше атмосферного. Отчего же тогда разорвется ракета?

— Не будет ли редка такая атмосфера в ракете и не вызовет ли кровотечений? — сказал один мастер.

— Путешественники уже испытали благополучно эту атмосферу при опытах, сказал Гельмгольц. — Но если она окажется им не по силам, они могут уплотнить свою газовую среду прибавлением азота в какой желательной степени.

— А вот еще... Температура... — спросил очень молодой человек. — Ведь температура небесного пространства близка к абсолютному нулю, или к 273° холода по Цельсию. Как с этим быть? Выдержат ли эту температуру люди?

— Температура пространства определяется термометром, — сказал Гельмгольц. — Так что мы узнаем, собственно, температуру термометра. Если нет никаких лучеиспускающих небесных или земных тел, то, конечно, вследствие беспрепятственной потери теплоты путем лучеиспускания, термометр, как и всякое другое изолированное тело, должен потерять всю свою теплоту и, значит, охладиться до абсолютного нуля, или до 273° холода.

— Неизвестно даже, что бы тогда произошло с телом, — заметил Галилей, может быть, его свойства совершенно преобразились, сцепление бы безмерно увеличилось, может быть, оно бы сильно сжалось или даже исчезло...

— Да, — сказал, Гельмгольц, — трудно себе вообразить, что произойдет тогда с телом. Но пространство эфира переполнено вибрациями разного рода, бешеным движением электронов и еще множеством меньших частиц материи. То и другое испускают звезды, планеты, Земля и сам эфир. Так что на практике движение атомов термометра или другого тела не может прекратиться, не может исчезнуть вся энергия из тела. Лучеиспусканием удаленных солнц, или звезд, а также планет мы можем пренебречь: по отношению к Солнцу оно ничтожно. Наша же ракета при некотором удалении от Земли почти постоянно подвержена действию солнечных лучей. Спрашивается, какую же температуру они ей могут дать?

— Это зависит не только от расстояния тела до Солнца, но и от формы, цвета, движения и других свойств тела, — сказал Галилей.

— Совершенно верно! — подтвердил Гельмгольц. — Ученый Стефан нашел закон, по которому можно решить хотя бы приблизительно вопрос о температуре планет и других даже малых тел, при разных условиях и ограничениях. Основываясь на его исследованиях, можем сообщить следующее. Пластинка, перпендикулярная к лучам Солнца, на расстоянии Земли, покрытая с одной стороны (обращенной к лучам) сажей, а с другой — защищенная от потери теплоты, должна нагреться до 152° . Это наибольший предел температуры на Земле. На Луне такая температура должна встречаться. Если дан шарик, покрытый сажей и вра-

щающийся, то средняя его температура будет 27° . То же можно получить для ракеты при черной окраске; но понятно, если защитить одну из сторон ее (теньевую) от лучеиспускания и придать ей надлежащую форму, то температура может подняться и дойти до 152° . Если шарик не черен и заметную часть лучей рассеивает в пространство, то средняя температура будет ниже. Так, при условиях Земли, когда рассеивается 20 %, температура будет 13° . (Средняя температура земного шара, приведенная к уровню океана, равна $15 \frac{1}{2}^{\circ}$).

— Это так, — сказал один из мастеров, — но каково будет... ракете на расстоянии, например, Марса от Солнца? Не застынет ли там все?

— А вот мы ответим вам числами, — сказал Галилей. — Если даже ракета будет вдвое дальше от Солнца, чем Земля, то и тогда предельная высшая температура для черной пластинки составит 27° выше нуля. Защищая теньевую сторону ракеты от лучеиспускания разными способами и открывая доступ солнечным лучам с другой стороны, мы можем достигнуть если не 27° , то 20 или 15, чего достаточно. Можно употребить и отопление, но оно излишне при печном, хотя и слабом сиянии Солнца. В самом деле, мы можем повысить температуру ракеты как хотим отражением на нее солнечных лучей с помощью зеркал. Там, в эфире, металлические зеркала не тускнеют и не гнутся от тяжести, ибо ее нет кругом ракеты и внутри ее.

— Чудесно, отлично! Мы понимаем, что холод не грозит ракете, но я не понимаю, — сказал один молодой рабочий, — почему относительная тяжесть в ракете при начале взрывания не раздавит путешествующих. Вы говорили, что она должна увеличиться, хотя и не надолго, в 10 раз. Значит, если я вешу 5 пудов, то в ракете буду весить 50 пудов. Если моя голова весит 7

фунтов, то там будет весить 70 фунтов. Ведь это все равно, что на меня нагрузить 45 пудов! Я тогда не выдержу... Кровь окажется тяжела, почти как ртуть! Кровеносные сосуды должны прорваться, руки оторвутся от тяжести...

— А ведь это правда... — послышался гул голосов.

— Верно, — подтвердил и Галилей. — Но все-таки наши друзья останутся целы и невредимы, потому что помещены в лежачем положении в жидкость такой же плотности, как средняя плотность их тел. Вы поверите этому, когда я вам покажу вот этот опыт. Видите ли вы эту фигуру человека? Она очень нежно устроена, из очень хрупкого вещества. Я роняю ее и, вы видите, — она разламывается на несколько кусков. Но я беру другую такую же целую фигуру и заключаю ее в крепкий прозрачный шар, наполненный жидкостью такой же плотности, как фигурка. Вы видите, она не поднимается и не опускается, хотя я и двигаю всячески шар. Будем бросать шар и бить его молотком... видите: фигурка остается невредимой. Я помещаю этот шар на центробежной машине и вращением увеличиваю тяжесть фигурки, шара и жидкости в 100 раз... — Смотрите, — фигурка цела.

— Дело в том, — вмешался Гельмгольц, — что вес жидкости тут уравнивает вес фигурки, так что части ее не давят друг на друга и на стенки шара; он даже не касается их.

— Плотность частей человеческого тела неодинакова; кости, мускулы, жир не имеют одной плотности, — сказал Галилей, — поэтому остается некоторое напряжение между этими частями, которое достигает большой величины при очень огромной относительной тяжести. Но при удесятеренной ее величине разрыв тканей еще не произойдет. Действительно, мы тот же

опыт можем произвести с живыми существами: рыбой, лягушкой и т. д. Тяжесть можем увеличить в 100 раз... Видите, все остались живы.

— Господа! — воскликнул кто-то. — Животные живы, но живы ли теперь наши заатмосферные путешественники? Здоровы ли они и где находятся?

— Может быть, они сейчас летят мимо нашего замка. Все невольно обратили взоры к окнам и прозрачному потолку.

— Что это за звездочка ползет к востоку, не аэролит ли? — спросил совсем юный рабочий.

— Где? Где? — слышались голоса. — А вон она! Смотрите скорей на созвездие Кассиопеи.

— Господа, — сказал Галилей, — это не метеор. Он оставляет в атмосфере след и почти всегда быстро исчезает. Эта же звезда следа не оставляет; кроме того, она движется гораздо медленнее и, как видите, остается на небе.

— Прошло 10 часов со времени полета наших друзей. В это время они должны сделать шесть полных оборотов кругом Земли. Очевидно, мы видим ракету, освещенную ярким электрическим светом. Наши друзья дают нам сигнал о своем благополучии.

Едва Галилей сказал это, как звезда стала исчезать и появляться через равные промежутки времени.

— Нет более сомнений, — сказал Гельмгольц, — это наши. Вот они сигнализируют по азбуке Морзе... Они сообщают, что все обошлось счастливо, что они живы и счастливы...

Поднялся невообразимый шум, слышались радостные крики, торжествующие речи, споры, блестяли глаза, сильно вздымались груди... Так кончилось это собрание.

**15. В ЛЕТАЮЩЕЙ КРУГОМ ЗЕМЛИ РАКЕТЕ.
ВЗРЫВАНИЕ ПРЕКРАТИЛОСЬ.
ВЫЛЕЗЛИ ИЗ ВОДЫ. БЕСЕДУЮТ.**

Перенесемся опять в ракету и посмотрим, что делают наши друзья. Мы знаем, что в своих залитых жидкостью «гробах» они чувствовали себя как нельзя лучше: переговаривались и свободно двигали всеми членами. Нельзя было только ни один член вынуть из жидкости: он сейчас же тяжелел и падал, как свинцовый, обратно в жидкость. Лишь когда взрывание ослабевало, можно было это делать. Но не прошло и десяти минут, как противный вой ракеты прекратился, только в ушах звенело.

— Взрывание закончилось, — сообщил Иванов и стал вылезать из своей ванны... Все себя чувствовали, как путники, когда экипаж неожиданно остановится. Но он не остановился, а мчался с страшной быстротой; остановилась лишь химическая реакция соединяющихся жидкостей. Не хотелось вылезать из воды, как

не хочется утром вставать с мягкой постели. Соседи видели, как русский выкарабкался из своего ящика, как пролетел несколько раз взад и вперед в своем отделении и, наконец, за что-то уцепился; жидкость из ящика тоже повывлезла и летала правильными шарами в разных направлениях, пока не прилипла к стенкам ракеты и не расползлась там. Иванов хохотал и вытирался полотенцем.

— Господа, — сказал он, — теперь можно и вставать! Довольно, поспали...

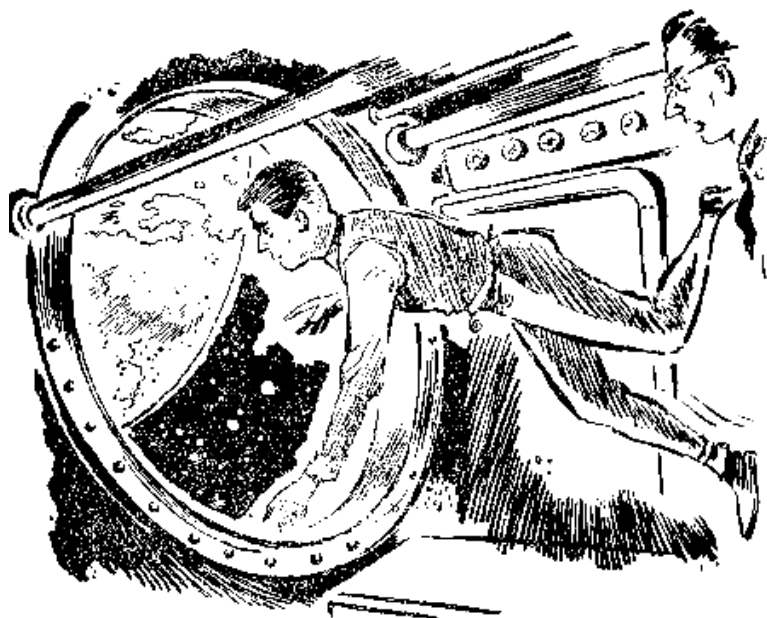
Наши приятели, движимые любопытством, быстро поднимались один за другим и проделывали то же, что Иванов. У них еще звенело в ушах, но смех, восклицания и разговоры заглушали этот нервный шум... Отирались и облекались в легкую одежду. Жидкость тщательно собрали и заключили туда же, где она была. Все привели в порядок. Оторвавшиеся вещи, вращаясь, бродили из угла в угол, от стены к стене, но все тише и тише. Их тоже укрепили прочно по своим местам.

Люди собрались в среднюю большую цилиндрическую каюту, имевшую, как и все другие, в диаметре около четырех метров, но в длину она была в пять раз больше других, т. е. 20 метров. Помещение было достаточное для 20 человек. Двери в соседние отделения были открыты. Один за другим влетали наши знакомцы в салон: кто боком, кто кверху ногами, хотя каждому казалось, что он расположен правильно, а другие нет, — что он неподвижен, а другие двигаются. Удержаться от движения было трудно; состояние было необычно и возбуждало бесконечные остроты, шутки и смех. Глаза тарачились то от испуга, то от изумления...

— Господа, успеем еще надивиться и насмеяться. Постараемся успокоиться и обсудить свое положение! — сказал Ньютон. — То есть не то, что вы сейчас чувствуете, а наше положение в мировом пространстве.

Собрание утихло, но его члены, сами не замечая, понемногу перемещались и толкались, как рыбы в воде; только направление тел было разнообразно. Слушали внимательно...

— Судя по времени, — сказал Лаплас, взглянув на свои часы, — мы залетели за пределы атмосферы. Ракета нам кажется совершенно неподвижной, но это иллюзия; по заранее рассчитанному плану, который и выполнен автоматически управителем, она должна теперь вращаться вечно вокруг Земли. Ее положение очень устойчиво; она находится на расстоянии тысяч километров от поверхности Земли и движется по окружности с неизменной скоростью, около $7\frac{1}{2}$ километров в секунду. Оборот вокруг Земли она должна совершать приблизительно в 1 час 40 минут. Теперь мы подобны Луне, потому что превратились в спутника Земли. Мы никогда не упадем на нее, как не может упасть на Землю Луна; ее центробежная сила уравновешивает притяжение Земли.

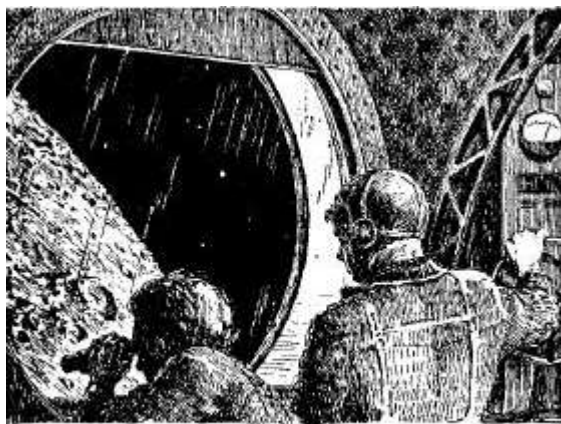
16. СУБЪЕКТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ

— Господа, мы просто неподвижны! — послышался отчаянный голос. — Абсолютно неподвижны и находимся в каком-то ярко освещенном дьявольском погребке. Я не могу понять, что со мной делается, и не верю я в свое движение, — ни во что...

— Мне кажется, я схожу с ума... — заявил еще кто-то. — Все кругом вертится, ничто не покоится, мы превратились не то в каких-то птиц, не то рыб; но те расположены по крайней мере горизонтально, мы же — как попало... пятки сходятся с пятками, затылки с затылками... то и дело приходится стукаться друг о друга, хотя тут довольно просторно... Знаю, что я потерял относительную тяжесть, но я никак не предполагал,

что я это буду ощущать так, как сейчас ощущаю... ведь это какая-то фантазмагория... вот то и дело замирает сердце, и кажется, что падаешь, как только заметишь, что под тобой нет опоры...

— Друзья, успокойтесь, — сказал русский, — мы к этому волшебству понемногу привыкнем и будем находить его вполне естественным. Что же касается до ваших сомнений, то они рассеются, как только мы отворим ставни и взглянем на божий мир. Но мне кажется, надо погодить это делать: и так наше состояние излишне возбужденное; что же будет, когда увидим небо и Землю, — преображенные, необычайные... Что может быть проще этого, но на практике опять получится волшебство... Не все безнаказанно выдержат это впечатление. Успокою вас тем, что Лаплас уже посматривал в небольшое окно и убедился, что ракета сделалась спутником Земли, что положение наше совершенно безопасно и что вышло так, как нужно и как заранее рассчитано.

В кабине межпланетного корабля.

17. ЗАНЯТИЯ, СОН, ЧТЕНИЕ, ЕДА

— Вместо того чтобы обременять чрезмерно душу, — сказал Франклин, — не лучше ли посидеть «дома» и заняться чем-нибудь поневиннее... Здесь светло, тепло, чисто, хороший воздух, нас 20 человек... Мы можем почитать, поспать, поесть, побеседовать, можем разойтись по своим каютам; их 20, помимо этой славной залы... Пусть только дежурный следит за температурой и нормальным состоянием воздуха...

— Правда! Правда! — слышались голоса со всех сторон. — Отдохнем, уединимся, поговорим интимно...

И обитатели ракеты разлетелись кто куда по каютам: по двое, по трое, поодиночке. Каюты были освещены и имели индивидуальные удобства. Чтобы двигаться, приходилось отталкиваться от стенок; движение было не совсем ровно; многие стукались о дверные рамы, но от рам же отталкивались и летели дальше; другие ловко пролетали через все двери, ни за одну не задев; лишь у своей каюты схватывались за перегородку и скрывались в своей комнате. Некоторые затушили электричество и заснули посреди отделения; их медленно, медленно носило из угла в угол, вследствие произвольных движений во сне. Даже кровообращение и дыхание имело влияние на их движение и положение. Постелей не было, но боков никто не отлежал; было тепло, так как каждый, думая вздремнуть, повышал температуру своей каюты на несколько градусов. Можно было спрятаться по шею в шерстяной мешок, — кто не любил тепла для головы... Другие раскрыли книги и читали... Легкая складная рамка, если хочешь, охватывала слегка тело и давала ему возможность оставаться неподвижным; так было удобнее читать у лампы, но спать было все равно как... Кто же

любил отдыхать в одном положении, мог привязать себя двумя цепочками к стенкам, или поместиться за сетчатую перегородку вроде рыбацкой сети. Книга легко держалась в руках, так как не имела веса; страницы топорщились, и их нужно было придерживать пружинкой или просто пальцами... Иные болтали для успокоения нервов о былых земных делах... вспоминали... и даже, увы, сожалели... Нашлись и желающие подкрепиться пищей. В ракете все было приспособлено для питья и еды. Обычный порядок этого дела здесь был невозможен: обеденный стол не устоит на месте, также и стулья; малейший толчок, — и все это завертится и задвигается из угла в угол; ловите, устанавливайте мебель: опять будет то же! Всю утварь, конечно, можно привинтить к стенкам. Но к чему нужен стол, когда посуда не падает никуда? К чему стулья и кресла, когда человек не нуждается в поддержке и не двигается, пока его не толкнут? К чему кровати, пружинные матрацы, тюфяки, перины и подушки, если везде мягко и без них?.. Разве для иллюзии земной жизни?! Но вы все равно не усидите в ваших креслах, не уляжете в ваших кроватях, если вас к ним не привязать! Привязывать приходится и тарелки, и графины, и даже самое кушанье. Вы положите вилку или ложку на стол, а они подскочат и полетят к соседу: хорошо если вилка не выколет глаз и острие ножа не ударит по носу! Все должно быть на привязи. Даже на привязи — кушанье. Оно будет качаться на ниточке или описывать дуги, пачкать стол и физиономию соседа. Рыхлое, рассыпчатое будет при резании разлетаться в разные стороны, попадая то в нос, то в рот, то в глаза и уши, то в волосы и карманы соседей. Соседи будут чихать, кашлять, протирать глаза, стирать с лица жир... Вы захотите налить стакан воды, — вода не польется; вы

откидываете голову назад, чтобы выпить рюмку вина, но оно по инерции вылетает из рюмки в виде нескольких шаров и несется, куда не нужно; смачивает бороду и платье обедающих, попадает в рот тому, кто не соби-рался пить...

Вместо кресел могут быть легкие держалки для желяющих оставаться на одном месте; вместо столов — такие же держалки для сосудов с кушаньем: вроде легкой этажерки со множеством мест, откуда легко из-влечь сосуд с едой или питьем и поставить его обратно — с закреплением. Так это и было устроено в ракете заранее, так как ученые все почти предвидели. Кушанья были закупорены. Полужидкими или жидкими веществами для питания пользовались так: прикрепленным к сосуду насосом накачивали в него немного воздуха. Последний производил давление на перегородку в сосуде в виде поршня, под которым находилась пища; от этого жидкость стремилась выйти из крана с мягкой трубкой. Трубку клали в рот и открывали на момент кран. Полужидкая пища попадала в рот и при помощи языка и глотательных движений шла в желудок. Твердая, а также и полутвердая еда, как кисель или фрукты, слегка придерживалась на тарелке пружинками и сеточками. От нее отрезали части, натывкали на вилку и отправляли в рот, который уже и справлялся с нею с помощью языка и зубов. Ножи, вилки и другие орудия должны быть привязаны короткими цепочками к прикрепленной тарелке или к ее подставке.

18. ФИЗИЧЕСКИЕ И ХИМИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ. КОНЦЕРТ

Ученые предложили после отдыха желающим собраться в залу, чтобы посмотреть физические и химические опыты при отсутствии тяжести.

— Звук, — начал Ньютон, — как видите из наших непрерывных разговоров, распространяется здесь совершенно так же, как и в земной атмосфере. Упругость заключенного в ракете газа сохранилась, а значит, и способность колебаться...

— Не спеть ли нам, для иллюстрации, что-нибудь хором? — заметил один из присутствующих.

— Отлично, — сказал Лаплас, — можно присоединить и музыку. Собрание изъявило согласие. Музыканты отцепились от своих станков, т. е. держалок, и полетели за скрипками, трубами, нотами. Сейчас же и вернулись. На этот раз большинство воспользовалось описанными станками, чтобы не вертеться и не бродить во все стороны. Картина собрания была очень приличная. Капельмейстер дал знак, и хор запел, ак-

компанируемый музыкальными инструментами. Кажется, что давно они не слушали музыки — так отрадно она лилась им в души. Многие позабыли, что они не на Земле и, вися в воздухе, бормотали иногда нечто совсем неподходящее к их месту жительства. Пропет заключительный аккорд. Кричали «бис» и отчаянно аплодировали. Повторили и провели еще несколько вещей с таким же успехом. Наконец, музыканты запросили пощады.

— Итак, вы видите, — сказал Ньютон, — что звуками мы здесь совершенно обеспечены. Все акустические опыты ничем не отличаются от земных...

— Здесь нет тяжести, — подумав, продолжал он, — этого земного мерилла массы, но она тут особенно хорошо чувствуется при сообщении движения телам. Чем больше мы испытываем со стороны их сопротивление при сталкивании их с места, тем масса их больше. Массу всякого тела отлично чувствует рука, ее толкающая.

— Но, конечно, ни на пружинах, ни на рычажных или обыкновенных весах здесь массу узнать нельзя. Вы видите, что эти приборы тут не действуют: пружина не растягивается, коромысло весов в равновесии при всех грузах и при всех наклонах. Массу здесь все-таки можно определить с полной точностью разными приборами, например, особенно приспособленной центробежной машиной. Масса сказывается еще при остановке ее рукою.

Чем труднее остановить движущиеся тела при одной и той же скорости их движения, тем масса их значительнее. Разделив массу на объем, узнаем плотность тела. Масса сказывается при ее ударах: она пропорциональна силе удара. Но надо обращать внимание на скорость массы. Малая масса может произвести силь-

ный удар при большой скорости и наоборот. Огнестрельные орудия здесь еще действительно, чем на Земле.

— Движение тут, — заметил Иванов, — прямолинейное, вечное, равномерное, если не считать сопротивления воздуха. Влияние Земли и других небесных тел также сказывается, но в ракете и на несколько десятков километров от нее оно не заметно.

— Вот ртутный барометр, — сказал Франклин, — ртуть поднялась и наполняет всю трубку. Как бы она ни была длинна, всю ее заполнит ртуть, потому что ртуть здесь не имеет веса. Но барометры и манометры Бурдона работают исправно, так как в них упругость газов действует на трубку или на коробку, упругость которой проявляется и без тяжести.

— Маятник обычный (с чечевицей) не качается, и часы не ходят. Толкнутый маятник (на нитке) только вращается вокруг точки привеса, пока его не остановит сопротивление воздуха. Зато карманные часы и вообще все машины и приборы, действие которых не основано на силе тяжести, работают исправно. Например, швейная машина...

— Нагретый воздух не поднимается кверху, потому что и самого верха нет. Зажженная свеча или керосиновая лампа тухнет, потому что нет тяги: пламя окружается продуктами горения, в которые проникает кислород лишь очень медленно, в силу диффузии. Сколько приборов на Земле основано на горении в кислороде воздуха! Все они тут быстро выйдут из строя, — например всякого рода печи — без искусственного дутья...

— Водород и другие легкие газы не поднимаются и не поднимают здесь аэростатов: некуда и подымать... Аэропланы тут не нужны, нужен только двигатель для

поступательного движения. Вот самое плотное тело расположено без опоры рядом с самым легким, — и никуда они не движутся, если их не толкнуть. Так же и в жидкостях: тела всякого веса, формы и объема остаются в равновесии. Закон Архимеда для плавающих кораблей и животных тут бесполезен, потому что он здесь не существует, будучи основан на весомости.

— Сифон не переливает жидкостей. Но воздушные и всасывающие водяные насосы работают, — конечно, при окружающей упругой среде, как, например, в ракете. Толкающие водяные насосы и центробежные действуют и в пустоте.

— Фонтаны, основанные на тяжести, здесь невозможны, но основанные на упругости воздуха чудно работают: струя получается прямая и гладкая, как стеклянная палочка. Только на некотором расстоянии она разрывается и образует ряд летящих водяных бомб.

— Жидкости, разумеется, из сосуда не текут, не ограничиваются горизонтальными плоскостями, не распределяются по порядку плотности.

— Частичные или молекулярные силы тел проявляются с особенною яркостью в жидкостях. Так, каждая масса жидкости, как бы она велика ни была, принимает форму шара. Вы можете разбить ее на несколько масс, и каждая образует шар. Вода сама собою входит в трубку всякой толщины и наполняет ее всю. Наоборот, жидкость молекулярными силами выталкивается из трубки, если не смачивает ее стенок, как ртуть в стеклянной трубке. Под влиянием твердых тел — сеток, каркасов и сосудов — жидкости принимают чрезвычайно интересные и бесконечно разнообразные формы. Так, можно получить из воды или масла формы двояковыпуклого и двояковогнутого стекла, которые могут заменить чечевицы оптических инструмен-

тов. Можно даже составить из проволочного каркаса и жидкостей сложные телескопы и микроскопы.

— Разные огневые двигатели будут работать при условии топок с дутьем. Только вода в котлах не будет отделяться от пара, что может вызвать большое расстройство в такого рода старых типах двигателей...

— Не довольно ли физики? — заявил скромно один пожилой мастер, после того как англичанин немного помолчал.

— Правда, — сказал Ньютон, — отложим до другого раза продолжение этой беседы и опытов.

— Господа, — возразил молодой мастер, — сделаем лучше перерыв: попьем чайку или кофе, отдохнем и будем слушать снова. Мне хочется еще уяснить себе действие взрывных труб в нашей ракете.

— Отлично, мы согласны, — слышались дружные голоса. Все устроились чинно в своих станках кругом большого сосуда, который был также в держалке, прикрепленной в ракете. Из него выходили двадцать трубок. Электрическим током сосуд с брошенным туда чаем и сахаром был нагрет в несколько минут. Потом жидкости дали немного остыть. Кто-то накачал в сосуд немного воздуха. Каждый взял в рот трубку, и все с удовольствием глотали прекрасный чай, открывая каждый, сколько желал, свой кран.

Силы поднялись; убрали чай и стали слушать.

— Вы заговорили о ракете, — сказал Ньютон, обратившись к молодому мастеру. — Хорошо! На эту тему я и сам хотел поговорить. Ни Сегнерово колесо, ни водяная мельница, ни водяные турбины здесь не могут работать, так как нет тяжести. Но можно показать другие реактивные приборы, работающие пружиной, паром, упругостью газов или другими силами, не зависимыми от тяжести.

— Вот из этого кораблика скрытая в нем пружина выбрасывает шарики. Смотрите, как славно двигается кораблик в противоположную сторону... Вот другой ящичек. Он выбрасывает упругостью сжатого в нем воздуха струю воды. Видите, как он быстро, с все возрастающей скоростью, бежит в пространстве нашей залы... Вот еще кораблик или дирижабль, назовите как хотите. Он чудесно движется, выбрасывая струю водяного пара на кормовом конце. Видите, как он крепко стукнулся о стенку залы...

— Пар может быть заменен взрывчатым веществом, как в игрушечной ракете, заметил Лаплас.

— Да, разумеется, — согласился Ньютон.

— Все так, — возразил молодой рабочий, — но все эти приборы так мило действуют здесь, т. е. в газовой среде. Выбрасываемые тела отталкиваются от нее, упираются в нее. Не будь этой атмосферы, движения бы не было.

— Движение нашей ракеты, в которой мы беседуем сейчас, противоречит вашему заключению, — сказал Ньютон. — Ведь наш снаряд с возрастающей скоростью прошел сотни верст в пустоте, толкаемый давлением упругих продуктов горения...

— Да вот мы сейчас эти уже показанные приборы заставим двигаться в пустоте, — заявил Иванов.

Очень маленький кораблик с сжатым воздухом пущен был опять перед зрителем. Он был привязан к столбику, воткнутому в отверстие тарелки воздушного насоса, и описывал крохотные круги, как лошадь на корде. Его накрыли большим колоколом пневматической машины и стали из него поспешно выкачивать воздух.

— Господа! Вы видите, что движение по мере разрежения атмосферы колокола не только не прекраща-

ется, но еще ускоряется. Под колоколом оставалась уже самая малость воздуха, но движение кораблика не остановилось, пока весь заряд сжатого воздуха из него не вышел. Дело стало очевидным с фактической стороны.

— Тут, друзья мои, — заметил Ньютон, — играет главную роль инерция, присущая газам в такой же степени, как и всякой материи.

— В чем же основной принцип реактивного прибора? — спросил один из присутствующих.

— А вот в чем, — сказал Ньютон. — Представьте себе в свободном от тяжести пространстве два шарика и между ними упирающуюся в них сжатую пружину. Если пружине дадим возможность расширяться, то одному шарикю она сообщит движение направо, другому — налево. То же будет, если два резиновых мячика будут прижаты друг к другу, а потом отпущены. Тут даже пружина излишня... Или вообразим трубку со сжатым газом. Если один конец ее будет открыт, то газ будет давить только на другой конец, и труба под влиянием этого давления, устремится, положим, направо. Тогда газ устремится налево. Этот прибор ближе всего к нашей ракете... То же будет здесь с ружьем и пушкой при выстреле.

— Очевидно, — заметил молодой машинист, — что во всех этих опытах окружающая приборы материальная среда, или атмосфера, играет роль второстепенную: даже, может быть, мешает проявлению реакции во всей чистоте и силе.

— Совершенно верно, — заметил Иванов, — но роль атмосферы еще не выяснена с точностью...

19. ОТКРЫЛИ СТАВНИ

После обеда и небольшого отдыха опять собрались в кают-компанию.

— Друзья, — сказал Ньютон, — сейчас мы откроем ставни и увидим чудное зрелище... Люди со слабыми нервами пусть пока не участвуют в этом торжестве...

— Велико торжество! — пробурчал кто-то из висящих в воздухе.

— Им потом более мужественные расскажут испытанное, и таким образом они подготовятся к необычным впечатлениям, — не обращая внимания на возражение, продолжал Ньютон. — Наши запасы света, энергии разного рода, пищи весьма невелики. И потому для начала ограничим хоть расход электрической силы, воспользовавшись дневным светом...

Открыли одну из двойных ставней и погасили лампы. В залу проник ослепительный сноп солнечных лучей. Открыли другие ставни. Более смелые подлетели к окнам.

Послышались восклицания:

— Небо-то совершенно черное!..

— Никогда и сажа не бывает такой черноты!..

— Звезд какое множество!

— Какие разноцветные!..

— Я вижу совершенно те же созвездия, но как много звезд!.. И почему они так мертвенны? В них нет жизни; они как бы не испускают лучей, не мигают; это просто точки... Как ясно они видны! Как кажутся они близки, и как мал небесный свод!

Больше всего общество было поражено чернотой небесного свода и его кажущейся малостью.

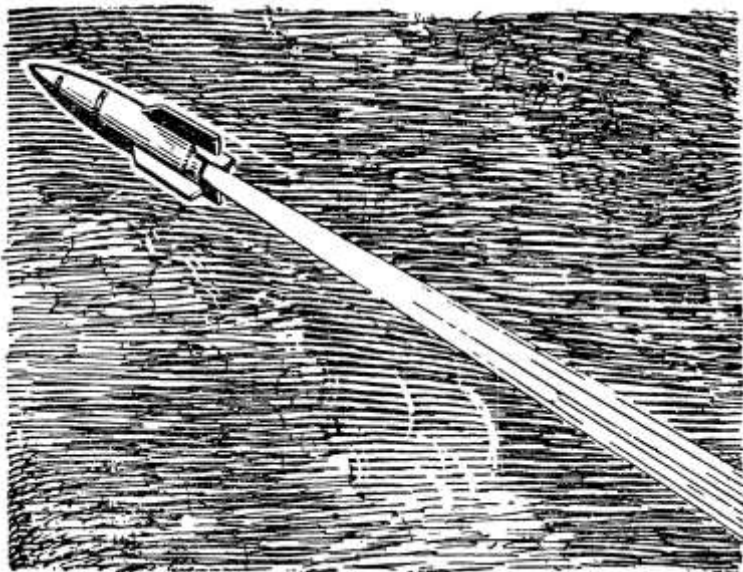
Стоявшие у других окон видели оставленную ими Землю на расстоянии тысячи километров. Сначала они даже не понимали, что такое видят. Но потом сообразили, что видят Землю. Это было очевидно по центральным частям, где между пятнами облаков вырисовывались известные всем очертания озер, островов и материков. Было что-то подобное гигантской искаженной карте полушария. В распространенных картах полушария края были виднее и масштаб их вдвое крупнее центрального. Тут наоборот: края были очень сокращены в радиальном направлении и очень неясны.

— Какая странная наша Земля! Она занимает почти половину неба (120°) и кажется не выпуклой, а вогнутой, как миска. Люди живут как будто внутри этой миски.

— Края Земли очень неровны и кое-где покрыты огромными зубцами выступающих горных вершин. Дальше от краев что-то туманное, еще дальше множество продолговатых серых пятен. Это облака, затемненные толстым слоем атмосферы. Пятна растянуты вдоль окружности Земли и по мере удаления от краев светлеют и становятся шире; к центру они округлой и всякой формы, но не растянуты.

— И Земля, и Солнце, и звезды кажутся очень близки; просто — рукой подать! Все они как будто расположены на внутренней поверхности очень малой сферы.

— Солнце кажется очень маленьким, близким и синеватым. Как оно мало тут и как жарко! Звезды тоже большею частью синеватые, но множество и цветных.

Некоторых зрелище ошеломило, утомило, оттолкнуло от окон. Иные даже не взглянули в них, уstraшенные восклицаниями. Многие улетели в свои каюты, закрыли ставни и зажгли слабый электрический свет. Другие, напротив, перелетали нетерпеливо от одного окна к другому и не переставали удивляться, любоваться и рассуждать. Ни дать, ни взять — дети, в первый раз попавшие в вагон или на пароход.

Больше всего привлекла их внимание Земля. Она имела сперва полную фазу, т. е. была в полноземлии.

Но ракета быстро мчалась к востоку, и фаза уменьшалась, Земля принимала понемногу вид огромной вогнутой Луны в ущербе. Темная ее часть была еще видна благодаря слабому освещению Луной. Граница темной и светлой части Земли была покрыта огромными зубцами: это были тени гор. Луна также была видна и составляла тоже часть небесной сферы, но только крохотную, — и она, как и Солнце, казалась близкой и очень малой, гораздо меньше, чем обыкновенно. На деле же угловые размеры Луны, Солнца и звезд насколько почти не изменились.

— Господа, — сказал Ньютон, — наша ракета делает полный оборот кругом Земли в 100 минут. Солнечный день продолжается 67 минут, а ночь 33 минуты. Через 40–50 минут мы вступим в тень Земли. Солнце почти моментально скроется. Мы едва-едва увидим слабо освещенную Луной Землю, но края последней будут ярко светиться цветами зари. Этот свет с успехом нам заменит лунное освещение.

— Заранее предупреждаю, чтобы с слабонервными чего-нибудь не случилось...

Между тем фаза Земли все уменьшалась, а граница тени и света давала все более и более громадные косые тени гор и возвышенностей. Казалось, звезды быстро движутся и падают на Землю, как будто ложатся на зубчатые освещенные края Земли, падают десятками, сотнями и тысячами: такую огромную часть неба занимает Земля и так их тут видно много в пустоте. С другой стороны Земли, где чуть виднеется темная ее часть с громадными зубцами теней от заходящего Солнца, звезды как будто рождаются неизвестно откуда: на самом деле они выступают из заслоняющей их темной части Земли и становятся видимыми. Это движение звезд составляет в минуту $3,6^\circ$. Значит,

диаметр Солнца или Луны ими проходится в 8–9 секунд. Таково, приблизительно, видимое движение всех небесных тел относительно Земли: т. е. Солнца, Луны, планет и звезд. Насколько велики видимые на ней моря и континенты, ясно из следующего. Стокилометровое расстояние, или один экваториальный градус, при самых благоприятных условиях виден с ракеты под углом в 6° , т. е. шире Луны в 12 раз. Вот как подробно было все видно на Земле, что лежало не очень далеко от центральной части, не очень скрытой воздухом и облаками. Зрелище поразительное. Были отлично видны города, большие села, реки шириною в 100 метров и более. Но иногда природа одевала все одним цветом, например снегом, и тогда трудно или совсем нельзя было все это заметить. Что было видно в телескоп — об этом молвить страшно... Тут, т. е. в ракете, атмосфера не портила изображений, не скрывала мелких звезд... Все было сплошь усеяно звездами... пустого места просто не было: все черное небо было усыпано серебряным песком, кроме так называемых угольных мешков. Они черны и пусты были по-старому и тут.

Всюду двойные, тройные, многократные, разноцветные звезды. Момент затемнения, или ночи, приближался.

— Господа, — крикнул кто-то, — край Солнца затемняется невидимым краем Земли...

Через четыре секунды уже стало видно только половину Солнца. Еще четыре секунды, и все погрузилось во мрак; только через несколько минут глаза привыкли и увидели яркую зарю кругом темной Земли. Заря особенно ярка была там, где исчезло Солнце. Эта великолепная заря, градусов в 10 вышиной, становилась все равномернее: через 16 минут после заката она сияла ровным, чудесным, багровым, громадным кольцом, занимающим немного менее половины неба (диаметр 125°). Все небо разделялось им почти пополам. Этого красного света было вполне достаточно для чтения, и не было надобности зажигать лампы. Для некоторых зрелище было невыносимым. Другие только охали и перелетали от окна к окну. Так как было сравнительно темно, то звезд было видно на противоположной половине неба гораздо больше. Они, как снег, продолжали сыпаться в этот океан зари; с противоположной стороны багрового кольца они вылетали бесчисленными искрами фейерверка. Но свет кольца с одной стороны слабел, а с другой разгорался, меняя

стенки. Не прошло и 17 минут, как выглянула полоска Солнца; все засверкало, заря потускнела, и через девять секунд во всем величии выглянуло полное Солнце. Все почти ослепли от света.

— Не велика же ночь, — заметил молодой мастер, — всего только в полчаса!

— Это затмение, а не ночь, — возразил его товарищ.

— И ночь, и затмение вместе, — сказал Иванов, — другой ночи не будет, а если и будет, то также короткая. После часового дня (67 минут) — получасовая (33 минуты) тьма. Покамест мы не изменим скорости нашего экипажа, мы осуждены на неизменное, хотя и краткое течение дня и ночи...

— Заметили ли вы ночной холод? — спросил Ньютон.

— Нет, мы что-то не зябли, — ответили голоса с разных сторон.

— Это потому, — сказал Ньютон, — что, во-первых, ракета наша защищена слоем, плохо выпускающим из нее теплоту, во-вторых, потому, что ночь очень коротка, наконец, потому, что огромная, хотя и темная поверхность Земли лучеиспускала на нашу ракету и давала ей тепло. Вообще же и в нашу короткую ночь температура должна понизиться на градус по Цельсию или даже меньше.

— Итак, короткий день и близость к Земле имеют свои выгоды, — заметил Франклин, — а именно: холодных ночей у нас не будет.

— Мы совершенно можем не обращать внимания на нашу ночь. Не спать же полчаса! У нас нет этой привычки. Я предлагаю 16 часов бодрствовать и 8 спать, конечно, приблизительно. Ночь же каждый может себе устроить, закрыв ставни, так же, как и восстановить день с помощью электричества. А впрочем, каждый

может спать и бодрствовать, когда ему угодно. Мы находимся вне всякой опасности, и нам нет надобности ставить часовых и устанавливать их смены...

Прошло много дней и ночей, а на самом деле всего только 10 часов. В одну из этих коротких ночей они летели над родными им долинами Гималайских гор. Виднелись знакомые шапки снеговых вершин. Замок они не могли разглядеть даже в телескоп. Лапласу пришла мысль телеграфировать светом (по азбуке Морзе) друзьям, оставшимся в замке. Дело было просто: надо было нажимать кнопку, дающую очень сильный ток для дуговой лампы в 100 тысяч свечей. Свет этой лампы был замечен и понят оставшимися в замке. Медленное нажатие давало более длительный свет и принималось на Земле за черту, а краткое — свет моментальный и принималось за точку.

Решили выспаться как следует, по-земному. Освеженные сном и некрепким кофе, наши друзья собрались в кают-компанию.

— Прошу вас, господа, внимательно меня выслушать, — обратился Ньютон к собранию.

Говор умолк.

— До сих пор, — продолжал Ньютон, — мы только наблюдали, любовались, дивились, изучали условия нашего нового быта... учились, вникали, — но не думали о хлебе насущном. Запасов, необходимых для жизни, у нас не очень много. Пока они еще не истощились, мы должны решить вопрос: остаться ли нам тут до их израсходования и затем возвратиться на Землю, — что при нашем огромном количестве взрывчатых материалов можно сделать 100 раз, — или попытаться до их истощения найти способ производить тут же жизненные припасы. Тогда наше пребывание в эфире может сделаться долгим.

— Поживем еще в ракете и попытаемся добыть хлеб. Если не удастся, возвратимся на Землю, — заметил один из присутствующих.

— Да, да! Почему не попытаться, — слышались возгласы.

— Только добудем ли мы кислород и пищу? — усомнился скептик.

— Не добудем, — уберемся восвояси, — сказал молодой механик.

— Ну что ж, ведь никто ничем не рискует...

— Ладно, поживем!..

20. ПРОТЕСТЫ. ТОСКА ПО РАБОТЕ. ИСКУССТВЕННАЯ ТЯЖЕСТЬ

Нашлись и протестующие.

— Не лучше ли возвратиться!..

— Чувствуется как-то неловко...

— Чего-то недостает, — говорили они.

— Зуд какой-то в мускулах, хочется работать, что ли!..

— Этому легко можно пособить, — заметил Иванов.

— У нас много разного рода ножных станков, — работайте!

— Легко сказать, — возразил один из рабочих, — стану я ногой на педаль — и в результате умчусь вверх: тяжести-то нет!

— Так, — сказал Лаплас, — но вы не заметили у станков некоторых приспособлений: для любой ноги есть на полу ремни, с помощью которых одну из ступней вы прицепляете к полу; укрепляется также слегка и талия, при значительной свободе движений.

Таким образом, работая на общую пользу, наши протестующие были вполне удовлетворены.

Но нашлись другого рода недовольные: они соскучились по тяжести.

— Мне хочется, — говорил один из них, — видеть, как льется вода, как падают камни, хочется посидеть и полежать по-настоящему.

— И для этого, — сказал Ньютон, — нет надобности возвращаться домой. Нет ничего легче, как устроить здесь тяжесть. Для этого стоит нашей ракете сообщить вращательное движение — лучше вокруг среднего поперечного диаметра. Тогда в каждой камере от центробежной силы образуется искусственная тяжесть; в крайних — наибольшая, в средней, т. е. в кают-компании, — наименьшая. Тела в них будут падать по продольной оси ракеты, вода литься; все будет, как на Земле: можно сидеть, лежать и ходить, уставать, носить тяжести и ведра, полные воды и т. п.

— Вот, например, — продолжал Лаплас, — если наша ракета, имеющая сто метров длины, будет проходить своим концом один метр в секунду, то произойдет тяжесть в 0,002 земной, т. е. как на планетке с диаметром в 24 километра.

Ракета при этом сделает полный оборот в 314 секунд (5 минут). При 10 метрах скорости в секунду тяжесть в 100 раз увеличится и составит уже $\frac{1}{5}$ тяжести Земли, т. е. будет немного более, — чем на Луне. Полный оборот ракеты будет совершаться тогда в полминуты. Такая скорость вращения не вызовет еще головокружения.

— Ракете, — сказал Ньютон — можно сообщить вращение разными способами. Стоит, например, только вращать вот это колесо или просто сообщить ему вращательный толчок (оно само будет продолжать вращение по инерции), и ракета также начнет вертеться. Но проще это сделать посредством двух взрывных труб, повернув их концы в противоположные стороны, перпендикулярно к длинной оси ракеты...

Все это было устроено, и недовольные успокоились. Поработав до пота и полюбовавшись на тяжесть, они пожелали опять покоя; тогда вращение ракеты было остановлено взрыванием по направлению, противоположному прежнему. На это было истрачено ничтожное количество могущественного взрывчатого материала, открытого Франклином.

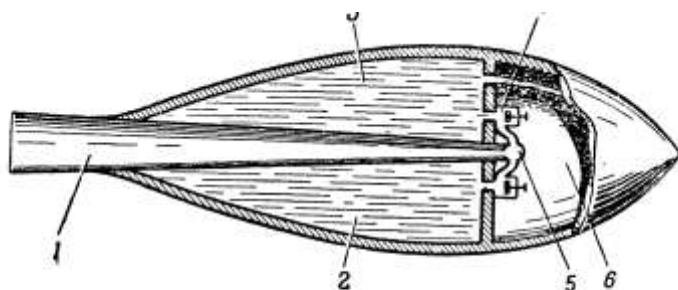

Схема ракеты К. Э. Циолковского:

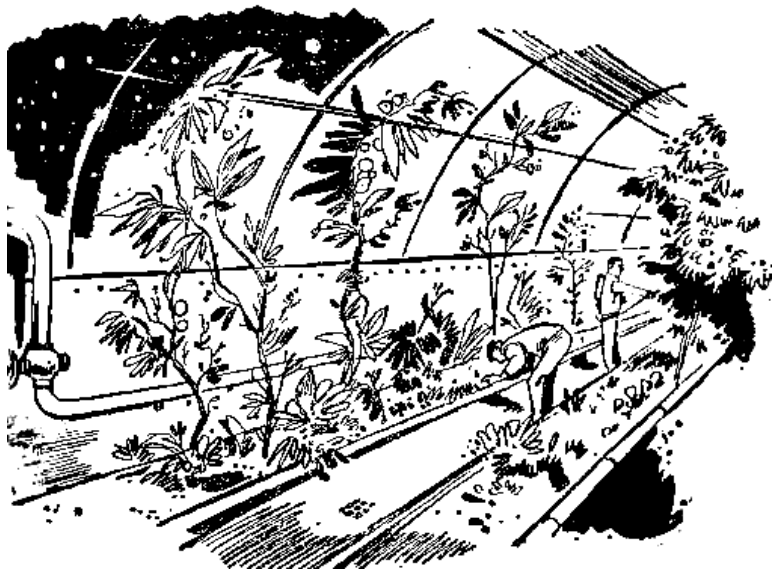
1 — сопло; 2 — жидкий углеводород; 3 — жидкий кислород, 4 — насосы для подачи жидкого топлива; 5 — камера сгорания; 6 — люди, аппараты для дыхания и др.

21. РАКЕТА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ЦВЕТУЩИЙ САД

— Ну, господа, довольно побаловались и покапризничали; приступим же к делу, пока запасы наши еще далеки от истощения, — предложил собранию Ньютон.

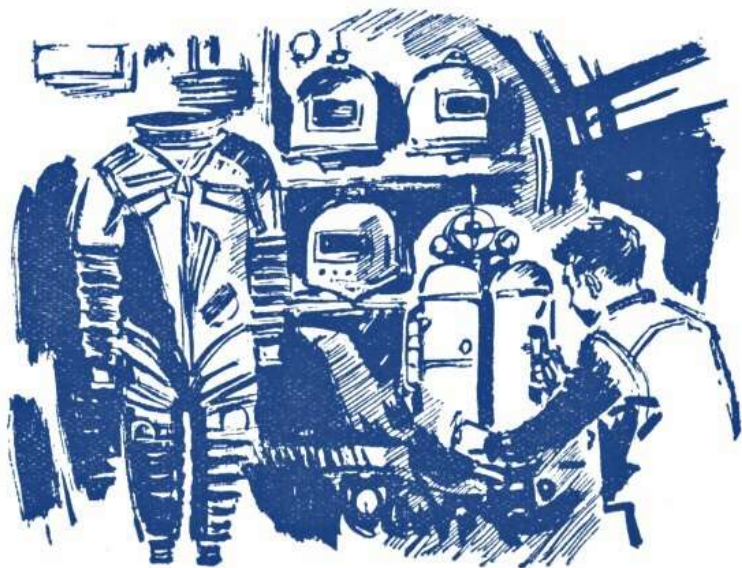
— Вы видите, — продолжал он, — на одной стороне ракеты, вдоль нее, множество окон. Если открыть все ставни, то получится площадь стекол, длиною в 80 метров и шириною в 4 метра (одна треть окружности ракеты). Нет надобности пока в таком обилии солнечных лучей. Оно оказалось бы и невыносимо: сделалось бы чересчур жарко и утомительно светло для глаз. Эта масса света, с площадью в 320 квадратных метров, что составит 16 квадратных метров на человека, может при помощи особых растений дать нам немало кислорода и продуктов питания в виде плодов, содержащих крахмал, сахар, масла, азотистые и ароматические вещества.

— Наш запас пищевых материалов, если и не останется целым, по крайней мере, будет расходоваться в несколько раз медленнее, — добавил Иванов...

Выделения легких, кожи, почек и т. д. поглощались особыми сосудами и составляли прекрасную пищу для растений. Семена их были посажены в ящики с почвой, удобренной этими выделениями. Когда семена пустили ростки, сосуды с ними были выставлены на свет, ставни же все более и более открывались. Необыкновенная сила солнечного света, не ослабленного толстым слоем земной атмосферы, непрерывное его действие, вертикальные лучи, отсутствие вредителей, наиболее благоприятные условия влажности и атмосферы сделали чудеса: не прошло и месяца, как маленькие растения были сплошь увешаны сочными, питательными и ароматическими плодами. Цветение

было роскошно, оплодотворение — искусственно. Тяжести не было, веточки свободно распространялись, и плоды их не отягчали и не гнули. Когда листва сделалась густа и почти заслонила окна, можно было оставить только слой кварца, стеклянные же пластинки с окон устранить. Тогда развитие растений под влиянием обилия ультрафиолетовых лучей пошло вдвое скорее. Но все же плодов не вполне хватало для питания, да и запасенный кислород понемногу приходилось расходовать для дыхания. Однако дела были так хороши, что решено было устроить со временем оранжерею вне ракеты, чтобы вполне удовлетвориться и совсем не нуждаться в запасах: стать, так сказать, на свои ноги.

22. НАДЕВАЮТ СКАФАНДРЫ

Пока семена пускали ростки, пока они росли, цвели, давали плоды, пока плоды зрели, — наши приятели не теряли времени. Они решили получше ознакомиться с окружающим пространством и вылететь из ракеты, из своего прелестного, цветущего, ароматического уголка: взглянуть на божий мир пошире, не через окна только.

Опишем, как это было. Наиболее смелый из путешественников однажды говорил, любуясь чудными цветами:

— Хорошо-то у нас хорошо, и воздух стал лучше и просторно: коридор длиною в 100 метров — летай взад и вперед, сколько хочешь!.. Одна зала в 20 метров длины и потолка 4-5 метров высотой — есть где раз-

вернуться, полетать и поиграть... Светло, радостно, сытно, тепло... Радужные надежды нас не оставляют... Если будет хуже, то можем возвратиться на нашу прекрасную Землю. Вон она, всего в тысяче километров от нас!

— Все отлично, — продолжал он. — Но неужели мы никогда не вылетим за пределы этих стенок, в это беспредельное, кажущееся таким ограниченным пространство, что виднеется отсюда через окна?!

— Отчего же! Это вполне возможно, — сказал Ньютон. — У нас даже для этой цели имеются приспособления, заготовленные еще на Земле: особые одежды вроде скафандр с приборами для дыхания и поглощения продуктов, выделяющихся из тела...

— Почему бы не раскрыть окно или дверь и не вылететь прямехонько наружу? — заметил кто-то наивно.

— Солнце так славно греет, кругом такие прелести, — как бы хорошо погулять на просторе!

— Во-первых, ни дверь, ни окно нельзя открыть, — ответил Лаплас, — воздух через них моментально улечится из ракеты, а мы мгновенно погибнем: на тело должно производиться давление атмосферы, и ему необходим кислород. Во-вторых, если бы этого и не случилось, непосредственные лучи Солнца убьют всякого смертного, который не защитится от них подходящими прозрачными или непрозрачными телами.

— А как же на Земле?.. Не убивало же нас солнце... — сказал кто-то.

— На Земле лучи Солнца вдвое ослабляются толстой атмосферой и, главное, ею же и обезвреживаются, хотя, надо заметить, не совсем: солнечные удары — вещь довольно обыкновенная, — сказал Франклин, — особенно в жарком климате и высоко в горах, где слой воздуха над головой тоньше и прозрачнее.

— Наконец, — сказал Ньютон, — если бы мы и вылетели из ракеты, не выпустив из нее газа, что вполне возможно, — то ведь за ее пределами минимум за 800 километров (далее начинается атмосфера Земли) нет ни одной газовой молекулы. Чем же мы будем дышать и как обойтись без привычного и необходимого давления на тело? Хотя я и задаю этот вопрос, но только для того, чтобы показать, что нельзя прямо выпорхнуть наружу через открытую дверь ракеты.

— Но как же быть? — воскликнул жаждущий простора.

— Все возбужденные мною вопросы уже решены нами еще на Земле, — сказал Ньютон. — Павлов, принесите облачения, необходимые для жизни в пустоте... Вы знаете, где они находятся?

— Как же, как же... Сейчас достану их и возвращусь! Через несколько минут он уже летел обратно с двумя скафандрами.

— Я объясню их устройство, — сказал Иванов, показывая спутникам одежды и снаряды, которые они с любопытством рассматривали, подлетевши поближе.

— Со временем, — сказал Иванов, — придется еще спускаться на планеты, в негодные для дыхания атмосферы, — негодные или вследствие особого состава их или вследствие чрезмерной их разреженности. Чтобы жить в пустоте, в разреженном или негодном газе, нужна одна и та же специальная одежда. Вы ее видите. Она облекает все тело с головой, непроницаема для газов и паров, гибка, не массивна, не затрудняет движений тела; она крепка настолько, чтобы выдержать внутреннее давление газов, окружающих тело, — и снабжена в головной части особыми плоскими, отчасти прозрачными для света пластинками, чтобы видеть. Она имеет проницаемую для газов и паров согре-

вающую толстую подкладку, содержит резервуары для сохранения мочи и пр. Она соединяется с особой коробкой, которая выделяет под одежду непрерывно кислород в достаточном количестве. Углекислый газ, пары воды и другие продукты выделения тела поглощаются в других коробках. Газы и пары непрерывно циркулируют под одеждой в проницаемой подкладке посредством особых самодействующих насосов. В день нужно не более килограмма кислорода на человека. Всех запасов хватает на восемь часов, и вместе с одеждой они имеют массу не больше 10 килограммов. Но, впрочем, тут ничто не имеет веса. Скафандра, как видите, даже не обезображивает человека.

— В будущих оранжереях, где очень разреженные газы, — заметил Франклин, нам эти одежды также пригодятся.

— Еще и при работах над сооружением оранжереи они необходимы, — прибавил Ньютон.

— Теперь, господа, — сказал Лаплас, — не пожелает ли кто из вас облечься в эту одежду и отправиться на простор?..

Все так и отлетели, как ошпаренные, однако двое остались. Это были очень юные мастера. Их и нарядили в скафандры. С забавными телодвижениями, шутя и кривляясь, они промчались несколько раз по зале, выказывая явное довольство. Их голос был отлично слышен и через одежду.

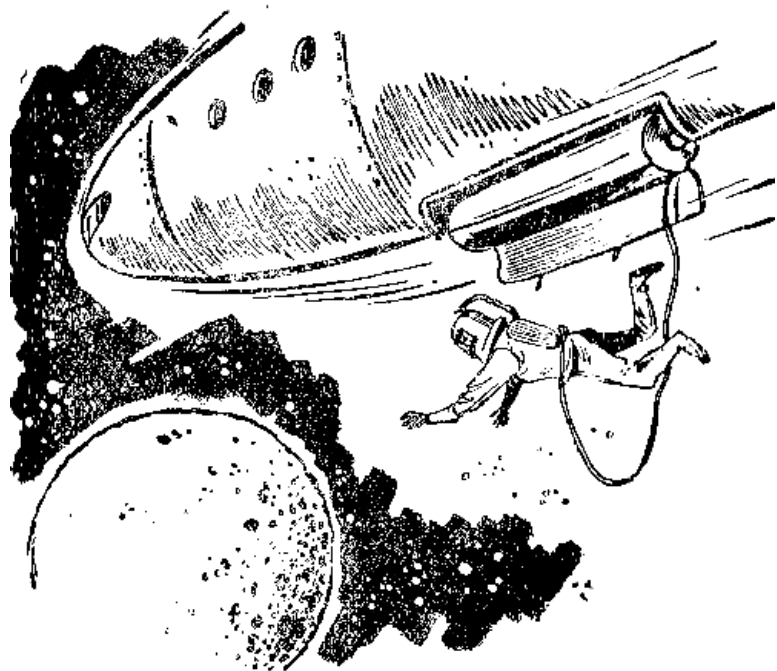
23. ВЫЛЕТАЮТ ИЗ РАКЕТЫ В ОКРУЖАЮЩЕЕ ЭФИРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

— Ну, господа, не пора ли в путь? — сказал Ньютон. — Только в таком виде вы запаритесь, — обратился он к «облаченным». — Принесите им еще легкие белые балахоны, — добавил он. — Вот так... Накиньте их и прицепите, чтобы они не могли соскочить... Если вам в них будет холодно, — обратился он к экскурсантам, — то вы раскрывайте их или скатывайте в сборки, пока не будет тепло по вкусу. Температуру вы тогда получите желаемую. При полном раскрывании балахона средняя температура черных скафандр может дойти до 27° .

— Но можно получить и более высокую температуру, — заметил Лаплас. — Для этого надо прикрыть от лучеиспускания белым балахоном часть тела, не освещенную Солнцем, и открыть освещенную.

— Да, но температура выше 20° уже тягостна, — возразил Ньютон.

— И ее скорее приходится понижать, чем повышать. А для этого надо белым плащом даже слегка прикрываться от солнечных лучей.

— Вы, конечно, знаете, — обратился русский к балахонщикам, — что, вылетев из ракеты, вы помчитесь в ту сторону, куда оттолкнетесь при вылете. Сами остановиться вы не будете в состоянии. Вы можете путешествовать несколько лет, прежде чем встретите опять ракету. А за это время и даже гораздо раньше вы умрете с голоду или даже еще гораздо раньше задохнетесь от недостатка кислорода.

— Как, — воскликнули балахонщики, — задохнемся

через восемь часов? Мы этого совсем не предполагали... Блуждать в пустыне, чтобы умереть?.. Напрасно вы нас не предупредили!

— Я не полечу! — отчаянно воскликнул один.

— Я тоже, — как эхо отозвался через скафандру другой.

— Скорей разденьте меня!

— И меня также...

— Ну, вот уже перетрусил, — сказал Ньютон. — Дослушайте меня! Вы в полной безопасности. Сначала мы вас пустим на привязи...

— Покорно благодарю... Как цепных собак!..

— Полетайте на привязи длиной в километр: полетите, куда хотите, и возвратитесь, когда пожелаете...

— А если привязь оборвется?.. — заметил горестно балахонщик постарше.

— Ничего не значит! Мы вам дадим по особому маленькому орудью, в котором вызывают взрыв по желанию, которое действует как ракета и выпускает газы в любом количестве. С помощью его вы можете лететь в любую сторону, значит и возвратиться когда угодно к вашему дому.

— Только не потеряйте нас из виду, — посоветовал Франклин. — А то будете блуждать, и нас не найдете. Поэтому на всякий случай возьмите каждый по зрительной трубе. Я прицеплю вам их к балахонам...

— Ну, а вдруг, — сказал один из отправляемых, — я растрачу весь взрывчатый материал... Как же я тогда вернусь к ракете, если буду даже за два шага от нее?

— Взрывчатого материала тут много, но и его надо расходовать бережливо. Не допускать до полной потери — счетчик показывает, сколько его осталось. Кроме того, если вы и заблудитесь, мы вас отыщем и возвратим к родным пенатам.

— А если не отыщете?

— И это возможно, — сказал Иванов.

— Тогда — пиши пропало! — сказал балахонщик и изобразил печальную задумчивость, которую трудно было, впрочем, видеть через стекла скафандры. Однако преодолело самолюбие. Стыдно было перед товарищами разоблачаться и терпеть шутки.

— Летим! Пустяки, — сказал один другому. Решимость подстрекнула еще нескольких охотников.

— Теперь и я не прочь полететь, — сказал один из зрителей летающих взад и вперед от нетерпения.

— И я!

— И я!

— Отлично, но это после... Пока отправим уже снаряженных, — сказал Лаплас.

Их снабдили всем необходимым и одного из них замкнули в очень тесную камеру вроде футляра. Для этого сначала отворили внутреннюю половину этого шкафа, потом герметически закрыли ее и быстро вытянули из футляра оставшееся ничтожное количество воздуха, — чтобы не пропадала его и капля. Балахонщик выражал недоумение и нетерпеливо ждал в темноте. Через минуту-две отворили наружную половину футляра, и балахонщик, оттолкнувшись, вылетел на свободу. Также выпустили и другого.

Глаза всех прилипли к окнам. Видно было, как балахонщики разлетелись в разные стороны и как разматывались привязи, как они возвратились, полетели опять, но в другую сторону, как распахивали свои балахоны, прикрывались ими, как двигались и вращались на манер детских волчков. Все эти движения, впрочем, уже хорошо были известны ракетчикам: они давно уже проделывали их в своем закрытом помещении... Вот один отцепился от привязи и полетел дале-

ко, так что едва был виден; но вот фигура его снова появилась, стала расти, приближаться к ракете, однако пролетела немного мимо. Виден маленький дымок. Это балахонщик, пустив в ход взрывную машинку, переменил свое направление и полетел к ракете. Вот хватается за скобы, смотрит в окна; через стекло видно смеющееся лицо. Знаками просится домой... Впускают так же, как и выпускают: газа не теряют. Явился и другой. Впустили и его. Поздравили с приездом. Засыпали вопросами; было шумно. Разоблачили, но возвратившиеся захотели отдохнуть, уединиться...

— Погодите! Переварю полученные впечатления, тогда все расскажу.

— Да, дайте отдохнуть, — заявил и другой возвратившийся.

24. РАССКАЗ БАЛАХОНЩИКОВ О СВОИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

Солнце закатилось, опять взошло, и тогда после двухчасового покоя явились наши путешественники в кают-компанию, чтобы передать о своих ощущениях во время пребывания их вне ракеты. Их окружили и нетерпеливо ждали повествования.

— Когда открыли наружную дверь, и я увидел себя у порога ракеты, я обмер и сделал судорожное движение, которое и вытолкнуло меня из ракеты. Уж, кажется, привык я висеть без опоры между стенами этой каюты, но когда я увидел, что подо мною бездна, что нигде кругом нет опоры, — со мною сделалось дурно, и я опомнился только тогда, когда вся цепочка уже размоталась и я находился в километре от ракеты; она виднелась по направлению цепочки в виде тонкой белой палочки. Я был закутан в блестящий балахон, который, отражая солнечные лучи почти целиком, не согревал меня. Мне сделалось холодно, и от прохлады я, вероятно, очнулся. Я скорей потянул за цепочку и

быстро полетел домой. Понемногу я успокоился, особенно, когда увидел себя вблизи ракеты, увидел прижатые к стеклам носы любопытствующих. Самолюбие мешало показать страх и скрыться поспешно в ракету. Попорхав некоторое время на цепочке между небом и землей, я отвязался и полетел свободно. Когда ракета едва виднелась, пустил в ход взрывную машину и полетел обратно. Все-таки было страшно... Вы видели, конечно, как я вертелся волчком. Но я совершенно не замечал этого вращения: мне казалось, что небесный свод со всеми своими украшениями и даже с ракетой поспешно вращается вокруг меня. Но я мог все-таки остановить это вращение благодаря двум рукояткам от механизмов, приделанных к скафандрам. Этими рукоятками можно придать очень быстрое вращение двум взаимно перпендикулярным немассивным дискам; благодаря им я не только мог остановить свое вращение и придать своему телу любое направление, но и получить новое вращение любой скорости вокруг желаемой оси. Мне же казалось, и никто бы не мог разубедить меня в этом, что я вращаю своими рукоятками всю небесную сферу с Солнцем и звездами. Как карусель: захочу, заверчу эту небесную сферу быстро, захочу медленно, захочу — остановлю. Ось вращения сферы также зависела от меня. Ракета мне казалась то справа, то слева. Только я как будто был неподвижен и вертел миром, как хотел... То я видел у себя под ногами Солнце, и мне казалось, что я вот-вот упаду в его раскаленную массу: сердце замирало, но я не падал. То под ногами была наша огромная, в полнеба, Земля; тогда мне казалось, что там низ. Опять замирало сердце, и думалось, что вот-вот помчишься к родной Земле, расшибешься где-нибудь в горах или утонешь в океане... Позу я принимал, — вы видели из окон, — такую

же, какую и вы здесь принимаете, т. е. она менялась по мере утомления ею или под влиянием условий. Если было холодно и я забывал раскрыть балахон для восприятия горячих солнечных лучей, то ежился, как в постели в предутреннем холодке. Если было жарко, члены тела инстинктивно раздвигались, чтобы увеличить лучеиспускающую и теряющую тепло поверхность. Если не было ни того, ни другого, то по мере утомления менялась поза: надоедало быть вытянутым, как при стоянии, я сжимался калачиком, принимал положение сидячего, плавающего, раздвигал и сдвигал ноги и руки, наклонял голову, поднимал ее, делал всевозможные движения членами, потому что однообразие утомляло... Когда я двигался поступательно, вы-то это ясно видели, я своего движения не замечал и ни за что не поверил бы тогда ему: мне все (при строго поступательном движении) представлялось неподвижным, только ракета при этом то приближаюсь ко мне, то удалялась.

— На самом деле ракета немного передвигалась, — заметил Ньютон, — но так как масса ее в 5000 раз больше массы человека, она и не перемещалась более, чем на 20 сантиметров.

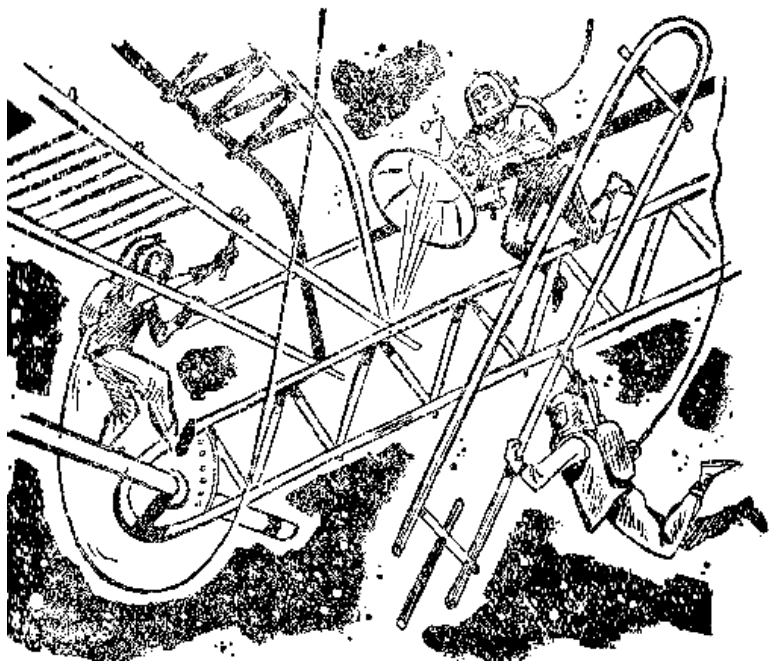
— Мне казалось, — продолжал рассказчик, — что я притягивал ракету за цепочку, и она покорно подчинялась... Только вращение мое производило иллюзию движения неба.

— Да, жаль, что в этом эфирном просторе, в этом дивном мире полном блеска и величавой красоты, не испытываешь удовольствия движения... Может быть, это субъективное ощущение пройдет и мы будем когда-нибудь ощущать свое движение...

— Мне почти нечего рассказывать, — заявил другой балахонщик, — я испытал точь-в-точь то же, что и мой

товарищ, только в обморок не впадал. Страх испытывал, но он почти моментально исчез... Да, нервы у меня покрепче!..

Вы, господа, конечно, знаете, — продолжал он, — как громадно и свободно пространство, окружающее Землю, — как оно полно светом и как пусто. Это жаль!.. Как мы теснимся на Земле и как дорожим каждым солнечным местечком, чтобы возделывать растения, строить жилища и жить в мире и тишине. Когда я блуждал в окружающей ракету пустоте, меня особенно поразила эта громада, эта свобода и легкость движений, эта масса бесплодно пропадающей солнечной энергии... Кто мешает людям настроить тут оранжевый, дворцов и жить себе припеваючи!..

25. РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕМПЕРАТУРЫ РАКЕТЫ

— Простите, я вас прерву, — извинился Ньютон. — Вы мне напомнили одну вещь, полезную для нас сейчас. Мы живо с этим покончим. В каком состоянии вы нашли поверхность ракеты, которая была ранее отполирована? — спросил он, обратившись к балахонщикам.

— Что-то белело; я как-то не обратил на это внимания, — ответил один.

— Она имела вид матового серебра и блестела как снег, — заявил другой.

— Понимаю, это влияние высокой температуры оболочки ракеты во время пролета ее через атмосферу, — заметил Иванов.

— Мы, — сказал Ньютон, — до сих пор немного подогревали ракету и тратили напрасно запасы энергии. Теперь это можно оставить. Поверхность ракеты оденем кое-где черной тогой. Таким образом, получим желаемую температуру. Ночью можно тогу скидывать, днем же, если будет жарко, — частью собирать в складки, как вы делали с вашими балахонами, — обратился он к рассказчикам. — Теперь мы всей компанией будем вылетать из ракеты и заниматься нашими делами не только внутри, но и вне ее.

— Можно и выкрасить части ракеты, — сказал Лаплас. — Не скорее ли это будет? Только регулировать температуру будет труднее.

— При первом же вылете мы это уладим, и не будем более расходовать запасенной энергии для поддержания достаточной температуры, — сказал Иванов.

После нового совещания решили для получения средней желаемой температуры употребить окраску, которая очень легко стиралась, если было нужно. Температуру же малых камер можно было каждому регулировать внутренними средствами, т. е. с помощью передвигаемых внутри кают или снаружи экранов.

26. БЕСЕДА О ЯВЛЕНИЯХ, ИСПЫТАННЫХ БАЛАХОНЩИКАМИ

Компания разлетелась для подкрепления и отдыха и собралась только через восемь часов. Счет времени вели по-земному, в чем не было затруднений в виду Земли, Солнца и Луны и полного понимания нашими учеными движения светил и ракеты. Обыкновенно служили простые карманные часы, которые только иногда проверялись астрономически.

— Вы, — обратился Ньютон к балахонщику, — на прошлой беседе возбудили вопрос о возможности жить в окружающем нас просторе, о выгоде этой жизни для людей сравнительно с жизнью на Земле. Вопрос очень интересный, мы поговорим на эту тему...

— Я многого еще не понимаю! — прервал один из слушателей. — Не будете ли вы любезны разрешить предварительно несколько моих вопросов относительно окружающего нас мира.

— Спрашивайте, не стесняйтесь...

— Почему, например, балахонщики, выскочив из ракеты, не упали на Землю под влиянием силы ее притяжения?

— Это очень просто! Выскочив из ракеты, вы имеете почти ту же скорость, как и она, т. е. вы пролетаете каждую секунду $7\frac{1}{2}$ километров; такая скорость в 10 раз больше скорости пушечного ядра, и ее достаточно, чтобы развить центробежную силу, равную притяжению Земли. Вы не можете на нее упасть по той же причине, по которой и Луна на нее не может упасть. Отнимите от Луны ее скорость, и она, как камень, через пять дней упадет на Землю, обратив ее частью в расплавленную, частью в парообразную массу. Своей скорости вы также потерять не можете, пока двигае-

тось в эфире, сопротивление которого если и есть то совершенно не замечено, или, по крайней мере, сомнительно. Вы мчитесь как болид, который, пока не встретит атмосферу или не упрется в Землю, будет по инерции мчаться вечно...

— Это все вполне понятно... но почему вот небо кажется черным? — спросил один из висящих в пространстве.

— Подымались ли вы на горы? — спросил Лаплас. — Замечали ли, как темнеет небо по мере поднятия? На высоте 10 километров аэронавт видит небо темным-претемным! Голубой или синий цвет принадлежит воздуху. Устраните его, и вся синева исчезнет. Здесь воздуха нет, откуда же явится синь?!

— А воздух в ракете... — заметил собеседник.

— Его слой так тонок, что не может быть причиной заметного окрашивания. Подобно этому тонкий слой воды или стекла прозрачен, а толстый окрашен.

— И это ясно!.. А отчего так много звезд, отчего они не мигают и так ярко и разнообразно окрашены?

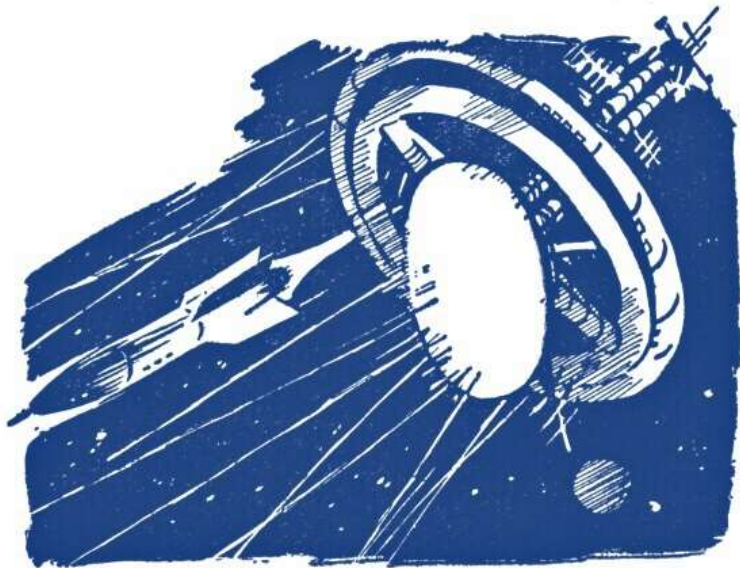
— И тут причина в отсутствии толстого слоя земной атмосферы. Лучи в ней идут крайне неправильно, благодаря ее неоднородности, постоянно притом меняющейся: то рассеиваются — и звезда слабеет и исчезает, то собираются — и дают яркое изображение в глазу, то уклоняются в сторону — и звезда кажется колеблющейся. Здесь это невозможно, и светило проектируется в глазу яркой точкой... Теперь далее: мощный слой земного воздуха поглощает и рассеивает более всего лучи высокой преломляемости — фиолетовые, синие, голубые, пропускает же более всего лучи красные, которые и попадают в преобладающем количестве в глаз земного наблюдателя (для зенитных звезд это менее заметно). И вот, звезды с Земли кажутся красноваты-

ми, хотя бы истинный преобладающий их свет в пустоте и был голубой, зеленый или еще какой-нибудь. Так, все облака через красное стекло кажутся красными. Здесь, в эфире, конечно, мы видим звезды с их естественной окраской, не искажаемой огромным, более чем двухсоткилометровым слоем воздуха. А так как они по природе разноцветны, то мы и видим их тут такими.

— Атмосфера, — сказал Иванов, — не только рассеивает свет звезд, поглощает его и совсем заглушает слабые звезды, но и мешает их видеть благодаря собственному ее свету. Днем свет атмосферы настолько силен, что скрывает от нас совсем звездное небо; ночью же этот рассеянный, заимствованный свет только ослабляет свет звезд, а малых — совсем скрывает... Вот почему мы видим здесь такое множество звезд!

— Почему человек не замечает своего движения в эфире? — послышался голос одного из мастеров.

— Потому, что в нем нет признаков движения или того, что сопровождает движение человека на Земле. Именно: не чувствуется сопротивления воздуха, нет тряски, толчков, колебаний, нет обратного течения полей, садов, домов и т. д. Маленькой же нашей ракете мы стали немного верить внутри нее, а вне — пока не верим; это может пройти, и тогда мы будем сознавать свое движение не только в ракете, но и в эфире. Сколько тысяч лет люди не чувствуют вращательного и поступательного движения Земли и солнечной системы. И сейчас — мы знаем про него, но не чувствуем, не смотря на все усилия воли.

27. РАЗГОВОРЫ О ЖИЗНИ В ЭФИРЕ

— Я не слышу больше вопросов, — сказал Ньютон. — Поговорим о преимуществах жизни в пустоте и без тяжести.

— По-моему, самое лучшее то, что не нужно никаких усилий и расходов для собственного движения и перемещения любых, хотя бы самых громадных масс; не надо напряжения мускулов людей и животных... — сказал один.

— Не надо поездов, пароходов, лошадей, дирижаблей, аэропланов, угля, дров и т. п., — сказал другой.

— Скорость движения может быть чрезвычайно велика; потребуется только одновременная ничтожная затрата, т. е. первый толчок. Движение не исчезает, потому что нет препятствий в виде трений, воздуха, воды, — заявил третий.

— Следовательно, сношение людей, перемещение масс на всякие расстояния и при всех скоростях ничего не стоят...

— Громадны выгоды построек и всяких сооружений, которые не будут разрушаться от силы тяжести. Стенки их могут быть очень тонки: сооружения неограниченно громадны; тяжесть их не разрушит.

— Как приятно чувствовать, что не можешь ты упасть, расшибиться, что не свалишься ты в пропасть, не упадет на тебя потолок, не задавит стена... не уронишь, не разобьешь посуду... Работать можно во всяком положении.

— Да, это недурно, но важнее — масса света, солнечной энергии, простора...

— Где тучи, грязь, сырость, туман, холод, жар, изнурительный труд?!.. — произнесли восторженные голоса.

— Где темнота и ночной холод, где ледяной ветер, снег и метель; где циклоны, кораблекрушения, непроходимые пустыни, недоступные горы?!

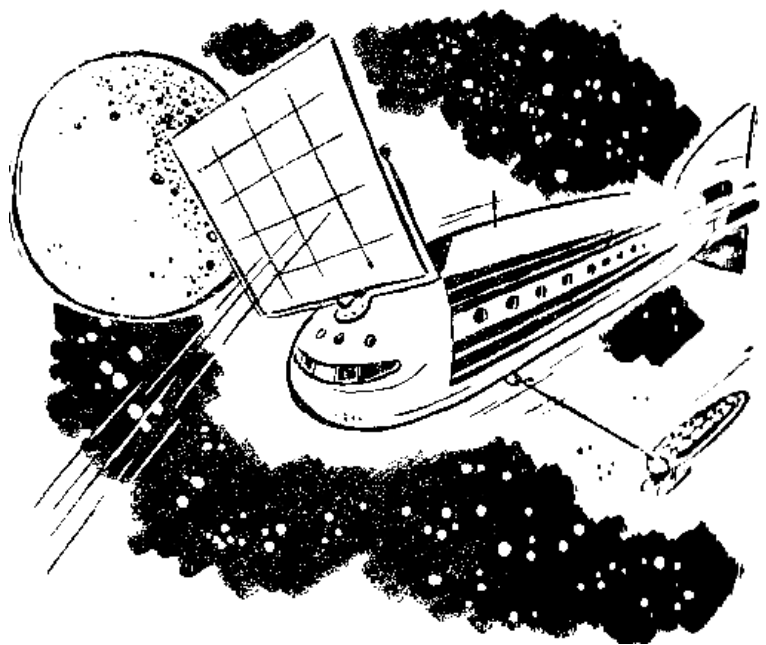
— Господа! Вы увлекаетесь! — сказал Ньютон. — Конечно, все это так, но и тут мы, как у розы, видим шипы; не надо про них забывать.

— Какие шипы?! — зашумели кругом.

— Стоит мне отворить окно или пробить эту стену, разбить даже нечаянно стекло, и все мы погибли, потому что окажемся без воздуха, который моментально выпорхнет из камеры в силу безграничной способности расширяться.

Многие с ужасом оглянулись.

— Стекла у нас двойные, толстые, крепкие, с вставленной внутрь сеткой, а все-таки разбить по неосторожности их можно. Стенки металлические, но и их можно сокрушить...

— Закроем пока глаза на эту темную сторону нашего нового бытия и обратимся к светлым его сторонам, — сказал Лаплас.

— Температура тут может колебаться от нуля до 100° Цельсия и более, сказал Иванов, — стоит увеличить площадь темной окраски ракеты. От этого температура повысится, насколько мы желаем, например до 25° . К чему тогда одежда!.. Одежда, правда, у нас почти неизносима; подошвы не трутся, однако движение, работы на машинах будут... не можем мы вообще не двигать членами... Все это, в конце концов, разрушает одежду.

Итак, собрание порешило в самое ближайшее время значительно облегчить свою одежду и одновременно довести температуру ракеты до 30° .

— Очень низкую температуру, — сказал Франклин, — здесь нельзя получить благодаря близости Земли, которая своей освещенной и не освещенной Солнцем поверхностью непрерывно лучеиспускает и нагревает ракету. Зато высокую степень тепла получить легко: до 150° — простой окраской и защитой от потерь теплоты; а выше — с помощью сферических, вернее — параболических и плоских зеркал.

— Это дает возможность приводить в действие разного рода солнечные двигатели, сваривать металлы и производить множество фабричных работ без топлива.

— Температура в фокусе подобных сферических зеркал, — сказал Ньютон, — при постоянном угле отверстия (мои вычисления основаны на работах Стефана) не зависит от величины зеркала. Величина его только пропорционально увеличивает очаг, т. е. поверхность нагрева. Эта температура при угле в 60° , или при дуге зеркала в шестую долю окружности, при черной поверхности нагрева и идеальном отражении света зеркалом — в пустоте должна достигать 4402° Цельсия. Она не зависит даже от близости зеркала к Солнцу, только диаметр очага растет пропорционально угловому диаметру Солнца, т. е. при приближении к Солнцу очаг увеличивается, при удалении — уменьшается. Зеркало с отверстием в 120° доводит температуру в фокусе до 5000 – 6000 градусов. На Земле половина лучей поглощается атмосферой, потом конический пучок лучей сильно охлаждается воздухом. Так что только под колоколом воздушного насоса при идеальной прозрачности стекла получилось бы не более 3000° . При обыкновенных условиях, конечно, этой температуры не получим. Однако даже платина плавится в фокусе зеркал. Следовательно, и на Земле температура в этом случае выше 2000° . Величина очага или диаметр фоку-

са, т. е. солнечного изображения, для зеркала с радиусом в 1 метр (при 60° отверстия это будет и диаметр зеркала) составляет 4 миллиметра. При диаметре зеркала в 10 метров и очаг будет в 10 раз больше, т. е. 4 сантиметра. В пустоте, здесь, мы, наверное, получим температуру до 5–6 тысяч градусов. Особыми способами можно еще ее возвысить, но нет в том надобности.

— Значит, — заметил Иванов, — тут можно роскошно производить всевозможные металлургические работы! — разумеется вне ракеты, в эфирной пустоте, надев скафандры. Это не то, что в воздухе: окислением металлов и орудий он портит всякие труды. Здесь же, например, сваривание легче легкого: наводят фокус на свариваемые части и сплавляют их палочкой того же металла: довольно даже соприкосновения накалившихся частей. Наводка фокуса точная, регулировка температуры еще точнее... Это чудо как хорошо!..

— Не надо забывать, — добавил Иванов, — что зеркала тут не гнутся от тяжести, перемещение и вращение их в легких станках не стоит никакого труда, поверхность их не окисляется и не тускнеет... Просто прелесть! Приготовление зеркал даже с поперечником в 1000 метров вполне возможно, а такое зеркало дает очаг с диаметром в 4 метра... Каково? Но и небольшое зеркало, с не большим очагом позволяет сваривать последовательно большие поверхности.

— Вот вы опять об отсутствии тяжести... Конечно, оно несомненно, раз я ее здесь не чувствую, но мне все кажется оно как-то непонятно: Земля так близка, ее тяготение почти не изменилось... Почему же мы его не чувствуем? — спросил пожилой мастер.

— Я уже это объяснял, — сказал Ньютон. — Но вот станем на другую точку зрения: чувствуют ли жители Земли притяжение Солнца и Луны? Оно есть, но, ко-

нечно, никто его не чувствует его не принимают в расчет даже ученые. Оно сказывается только в океанических приливах и отливах. Притяжение на каждой планете и их лунах зависит только от их собственных масс. Совсем не принимается во внимание, даже самыми привередливыми астрономами, влияние самых могущественных солнц. И у нас в ракете притяжение зависит только от массы ракеты, ее формы и т. д. А так как масса ее ничтожна в сравнении с массой любой планеты, то и притяжение ее также незаметно.

— А все-таки и отсутствие тяжести, — сказал другой пожилой мастер, — не совсем ладно, иногда это чистое горе. Например: летает в воздухе ракеты много разной мелочи, пыль не садится — как ее убрать?.. Вода расхлестывается и в открытых сосудах не сохраняется... неудобно делать ванну, умываться... вообще в уборной неловко...

28. БАНЯ

— Во-первых, вы не заметили, — сказал Лаплас, — что воздух в ракете постоянно процеживается через особые фильтры и очищается от всех примесей, разве карандаш какой-нибудь летает без призора, но это от нашей же небрежности; во-вторых, вы, должно быть, не имели еще случая или времени взять ванну в специальной для этого бане.

— Да, мне еще не случалось мыться, — сказал добродушно толстяк.

— Наша ванна, — заметил один из молодых рабочих, — состоит из цилиндрического бака диаметром в 3 метра. Он закрыт, за исключением одного отверстия, и может вращаться вокруг своей оси. В нем половину его объема занимает вода. Принимающие ванну придают баку легкое вращение, отчего вода собирается по цилиндрическим стенкам и ограничивается цилиндрической же поверхностью одной глубины. От центробежной силы все купающиеся располагаются по кривой поверхности и погружаются по грудь в воду. Головами они обращены друг к другу, как спицы колеса. Мытье прелестное... несколько окон... разные приспособления.

— Черт возьми! А я и не знал... мне хочется покупаться...

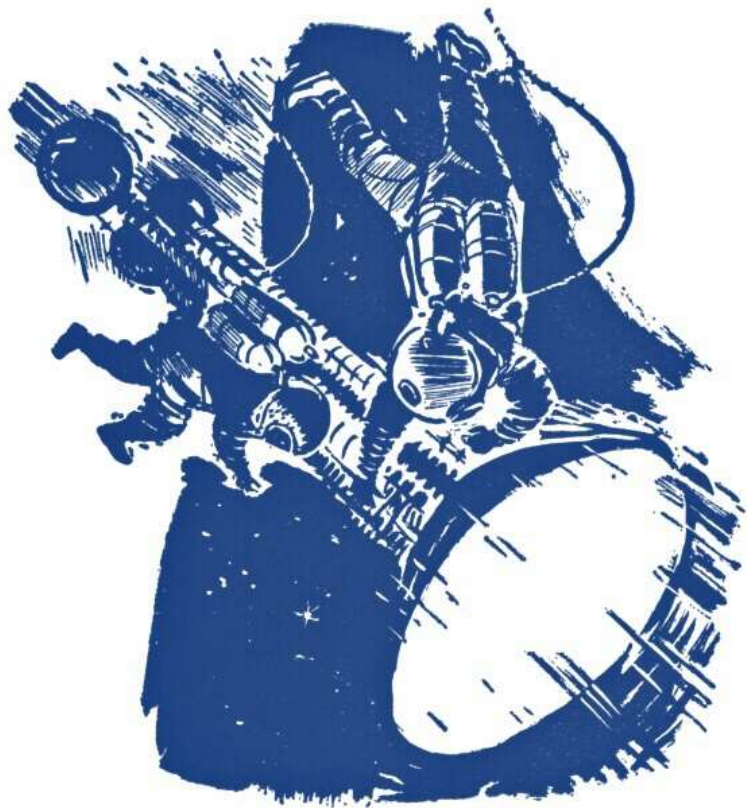
— Это всегда возможно, — заметил рассказчик.

— Потом, — продолжал Лаплас, — никто не мешает нам получить тяжесть во всей ракете ее вращением, что мы уже делали. Эта тяжесть сохраняется, пока мы этого хотим, и ничего почти не стоит. Она может быть получена и вне ракеты, во всяком сооружении. Легкое вращение сосуда с жидкостью или вращение ее лопатками заставляет жидкость собираться по экватору со-

суда и там оставаться. Повертите этот горшок, и вы увидите, что жидкость из него не выйдет. Проще — закрыть его плотно крышкой и вращать жидкость лопатками только тогда, когда нужно из сосуда получить жидкость. Потом открыть кран, и она польется фонтаном.

— Мы берем ванны очень часто, — сказал один молодой человек, — я так люблю купанье! — прибавил он. — Отчего это вода всегда чистая? Или ее часто меняют? Но у нас не могут же быть ее безграничные запасы?!

— Она очищается очень часто — посредством перегонки, фильтрования, химическими и разными физическими способами; также она и обезвреживается нагреванием и другими средствами, — заметил Иванов.

29. РЕЗЮМЕ О ЖИЗНИ В ЭФИРЕ

— Резюмируем нашу беседу, — сказал после некоторой паузы Ньютон. — Мы имеем тут благодаря Солнцу желаемую температуру и потому можем обходиться без одежды и обуви; отсутствие тяжести этому еще способствует; то же отсутствие тяжести дают нам нежнейшие пуховики, подушки, сиденья, кровати и т. д. Ему же мы обязаны бесплатным и быстрым перемещением на всевозможные расстояния; питанием и дыханием мы будем совершенно обеспечены, если со-

здадим несколько оранжерей. Даже в имеющейся поверхности ракеты было бы для нас достаточно, если бы производительность взятых растений была совершенна. Пространство, которое может быть нами занято кругом Земли, если считать только до половины лунного расстояния, получает в тысячу раз больше солнечной энергии, чем земной шар. Пространство это или кольцо, которое займут со временем наши последователи, я мысленно располагаю перпендикулярно к солнечным лучам. Оно и теперь уже наше, стоит только его заполнить жилищами, оранжереями и людьми. Благодаря параболическим зеркалам мы можем получать температуру до 5000° , отсутствие же тяжести дает возможность строить зеркала почти неограниченных размеров и, следовательно, получать очаги любой площади. Высокая температура и не ослабленная атмосферой химическая и тепловая энергия лучей Солнца позволяет тут производить всевозможные заводские работы, например сваривание металлов, выделение металлов из руд, ковку, литье, прокатку и т. д... Правда, тут нет земного разнообразия, поэзии гор, океанов, бурь, дождей, холодов; но, с одной стороны, мы не совсем ее лишены, — сказал Ньютон, указывая на видневшиеся очертания морей и материков Земли. — С другой, эта поэзия большинству смертных на нашей планете лишь доставляет излишние и даже часто непосильные и мучительные хлопоты... Земля все же остается нашей; не вытерпевшему с ней разлуки она всегда может открыть свои объятия. Короче, возвратиться туда всегда возможно. А здесь разве нет поэзии? Не остается разве при нас наука, вещество, миры, человечество, которое будет окружать нас, занимая это беспредельное пространство?! Не есть ли сам человек высочайшая поэзия!.. Разве отсюда не открыта для нас

Вселенная более, чем с Земли!?

— Ну хорошо, — прервал Иванов, — теперь позвольте мне перечислить невзгоды этого мира. Близость Земли не дает возможности легкими способами получать тут низкую температуру, а она очень нужна для лучшей работы солнечных моторов, для фабричных целей, например для сжижения, отвердевания и удобного хранения газов...

— Это горе легко устранить, — сказал Ньютон, — стоит только удалиться от Земли... Мы даже можем получить гораздо больше пространства и солнечного света, если образуем из своих новых жилищ кольцо вокруг Солнца, расположенное за орбитой Земли. Там мы получим в миллиарды раз больше энергии, чем получает сейчас Земля. Температуру там легко доводить почти до абсолютного нуля...

— Ваша правда, недостаток низкой температуры устранится, — согласился Иванов. — Но тогда я могу указать на другие темные стороны нашего здесь пребывания. Одежд, мебели действительно не нужно, но ведь мы заключены в темницу, хотя она светла и прекрасна!.. За ее пределы мы можем выйти только в скафандрах — приборах очень сложных, куда сложнее одежды...

— Скафандра, — заметил Франклин, — служит для одной и той же цели, преодолевать одни и те же препятствия. Она нужна здесь для каждого. Производство одной и той же вещи в миллиардах экземпляров достигнет совершенства и дешевизны, — и едва ли скафандра в этом отношении не сравняется с одеждой. Но жилища тут также заменяют одежду. Устройство же жилищ здесь поразительно просто и однообразно. Так что можно сказать: если есть жилища, то не нужны одежды...

— Это так, но мы в этих жилищах подвергаемся ежеминутно опасности потерять газ и погибнуть! — сказал русский.

— Жилища будут так же однообразны, как и одежда; строить их будут для миллиардов людей. Они тоже достигнут совершенства. Притом условия, их окружающие, крайне тут однообразны, почему и совершенства их также легко достигнуть, как совершенства скафандра. А разве каждый человек и сейчас не рискует ежеминутно жизнью: проткните сердце, повредите жизненный узел, пораньте сонную артерию, перережьте аорту, — и вы умрете. Притом окружающее население будет так многочисленно, так мудро и солидарно, будет иметь такие средства, такие орудия, что найдет всегда возможность устранить всякую опасность и несчастье... Не могу же я тут за тысячу лет начертать все возможности улучшений, предвидеть все вперед, — горячо добавил Ньютон.

— Может быть, даже человечество так преобразится, — заметил Франклин, что не будет в пустоте нуждаться ни в скафандрах, ни в жилищах.

— А может быть, еще ранее, — добавил русский, — создаст в эфире газовую незакрытую атмосферу, которой и будет пользоваться!

— Ах, всех мыслей и не передать! — сказал Лаплас.

30. КАРТИНА КУПАНЯ

— Господа, довольно!.. Освежимся купаньем, — воскликнул один из слушателей.

Предложение было многими одобрено, и они, оттолкнувшись, полетели в одно из отделений ракеты, где помещалась ванная. Они увидели большой барабан, который занимал почти все отделение ракеты, именно около 4 метров длины и 3 метров в поперечнике. Сначала его привели в легкое вращение. Тяжести нет, и барабан вращался по инерции: нужно чуть-чуть работы, чтобы поддерживать это вращение. Тогда открыли в центре, у оси, отверстие, в метр величиною. Снявши изящные пояски и цветочные опоясывания — наряд очень легкий, не обременяющий, — они влетели один за другим в ванную. По стенкам барабана стояла в виде цилиндра вода, вращающаяся с барабаном. Оттолкнувшись друг от друга, они полетели в воду, которая сообщила им движение и сделала весомыми. С каким удовольствием они погрузились в прохладную жидкость! Как легко было здесь купаться! Иванов видел над своей головой Ньютона, который купался и играл водой так же весело, как и он; рядом параллель-

но расположился Франклин; тела некоторых расположились друг к другу перпендикулярно. Чтобы видеть Ньютона, приходилось задирать голову, как при рассмотрении купола в церкви. Все были обращены друг к другу головами, ногами же врозь. В этом только и была особенность купальни, а в остальное она ничем не отличалась от земной. Погружались с головой, ныряли, хватали друг друга за ноги, брызгались, плавали вдоль и кругом, волновали воду, визжали, хохотали и, главное, прекрасно освежались. Тяжести тут не делали большой. Зачем она? Так что плавать было гораздо легче, чем на Земле... Здесь воскресли все погибшие было гидростатические и гидродинамические законы, основанные на силе тяжести, например, закон Архимеда. Наигравшись, навозившись, компания таким же способом выпорхнула из своей бани, как и влетела в нее. Не надо было и обтираться: лучи Солнца, всегда сверкающие сквозь густую зелень растений, быстро их обсушили. Надели набедренные повязки и отправились по личным делам. Воду фильтровали. Осадок в фильтрах пошел на удобрения.

31. ОРАНЖЕРЕЯ

Новое собрание открылось речью Ньютона о положении дел.

— Вот, господа, — начал он, — прошу внимания к нашим житейским делам... Запасов становится все меньше и меньше. Они обращаются в удобрение для растений, но фруктов и овощей произрастает недостаточно, чтобы использовать все удобрения. Размеры ракеты для этого маловаты. Надо пристроить к ней, к ракете, оранжерею. Тогда еще просторнее будет гулять, не надевая скафандр. Тогда не придется более расходовать запасов кислорода и пищи: избыток растений нам даст и то и другое. Все наши выделения и отбросы также целиком будут поглощаться. Мы будем брать от растений столько же, сколько и давать им. Запасы беречь тоже не будет надобности: мы с ними распостимся и будем довольствоваться углеродистыми и азотистыми веществами плодов. При нашей легкой жизни, отсутствии тяжелых трудов, тридцатиградусной температуре это даже будет полезно и необходимо.

— Не лучше ли эти оранжереи устраивать отдельно от ракеты? — заметил Даллас. — Растения не требуют такой массы газов, такого давления среды, как мы, люди. Атмосфера для растений также особая, специальная, с избытком углекислоты, влажности и т. д. Все это не соответствует людям. Размеры оранжерей могут ограничиться трубой с диаметром в два метра, лишь бы мог пролетать свободно садовод, чтобы собирать плоды и позаботиться о них. Это и малая плотность окружающей их газообразной среды даст возможность чрезвычайно сэкономить строительный материал, запасы которого у нас не безграничны.

— Конечно, так, — согласился Ньютон. — У нас, кажется, и части оранжереи почти готовы и приспособлены именно к такому взгляду на вещи. Простора же и в ракете вполне достаточно, а мало — никто не мешает нам гулять в скафандрах на сотни верст кругом. Да и сама ракета благодаря взрывным трубам и громадному запасу взрывчатых веществ может удаляться от Земли и путешествовать, куда захочется: на Луну — так на Луну, к астероидам — так к астероидам... И сейчас она гуляет и показывает нам картины Земли одну красивее другой... Так что и без того мы непрерывно путешествуем... Оранжерею мы соединим с нашей ракетой двумя тонкими трубками: одна будет удалять из ракеты в оранжерею накопившийся углекислый газ и другие человеческие выделения, а другая будет доставлять в ракету свежий кислород и озон, вырабатываемый растениями. Нельзя обойтись при этом без насосов; но у нас тут прекрасно работают солнечные двигатели, запасенные еще на Земле.

— Уход за растениями, — сказал Франклин, — тут изумительно легок. Почва прожжена и обезврежена от сорных трав, вредных бактерий и паразитов. Полезные же бактерии, например для стручковых, мы сами насаждаем. Значит, не приходится полоть или вырывать негодные травы. Но надо наблюдать за подходящим составом почвы, влаги и газообразной среды.

Состав жидкости или почвы для растений делается перед самой посадкой; почва увлажняется насосами автоматически. Они всасывают и посылают воду, которая собирается сама собою сжижением водяного пара в особых, наиболее холодных частях ракеты. Оплодотворение цветов совершается почти моментально воздушной струей. Атмосфера образуется дыханием людей. Наконец, плоды без всяких болячек свободно распро-

страняются во все стороны, не обременяя стеблей, так как тяжести нет.

— А не придется ли нам вылететь наружу для этих отдельных сооружений? спросил один из мастеров.

— Обязательно, — сказал Ньютон. — Разве вам это не нравится?

— Напротив, мне очень хочется погулять вне ракеты, — я еще там не был, возразил тот же голос.

— Мы там будем при работах, — сказал Иванов. — Придется также для собирания плодов и ухода за ними часто посещать новую оранжерею в скафандрах, так как давление газа в ней не будет достаточно и атмосфера не будет приспособлена для дыхания человека.

32. СООРУЖЕНИЕ ОРАНЖЕРЕИ. НЕИССЯКАЕМЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ ПРОДУКТЫ

Через несколько часов начали постройку оранжереи. Распаковали запасные части, состоящие главным образом из цилиндрических тонких плиток особого, крепкого и упругого стекла с вплавленной внутрь его квадратной проволочной сеткой. Были сферические части, были совсем готовые металлические приспособления и чисто металлические, очень тонкие листы. Все материалы понемногу проталкивались в особую камеру, из нее выкачивали воздух, затем отворяли люк наружу и выталкивали их в эфирное пространство. Крупные детали просто привязывались к ракете, более мелкие помещались в особой проволочной сферической клетке, которая выдвинута была заранее из ракеты. Там эти материалы сновали как звери из угла в угол и долго не могли успокоиться. Клетка, конечно,

была привязана к ракете и имела затворяющееся отверстие. Заранее нумерованные элементы в несколько часов были прилажены друг к другу десятю мастерами, вылезшими из ракеты, как было описано. Сначала они как бы оцепенели, делали неловкие движения, но скоро опомнились и принялись за дело, комично-опасливо посматривая по сторонам и под ноги, где зияла бездна. Работа была очень легкая: как бы ни была массивна часть, для передвижения ее не требовалось ни малейшего усилия; едва-едва соединенные детали не расходились, не падали, не уклонялись и не гнулись от тяжести, как бы громадны, тонки и слабы ни были. Распоряжался старшой. Натянутые между их скафандрами упругие нити позволяли им прекрасно говорить самым обыкновенным образом друг с другом — даже всем зараз, хотя из этого, как и всегда, получалась бесполокочина. Колебательное движение начиналось в глотке, передавалось воздухом шлема скафандре, потом нити и, наконец, через нить, несмотря на окружающую пустоту, другой скафандре.

Оболочка оранжереи, по-видимому, была готова, но части ее еще не были сварены и могли свободно в местах соединения пропускать газы.

Занялись сваркой, т. е. герметическим соединением прозрачных и непрозрачных листов. И это было крайне легко. Мастера без усилий окружали оранжерею со всех сторон, и все свои положения находили одинаково удобными: по отношению к своей постройке они были и параллельны, и перпендикулярны, и наклонны; они облепляли ее, как мухи. Но сваривание требовало определенного положения оранжереи относительно Солнца, так как сваривание производилось в фокусе параболических зеркал. Работа очень напоминала автогенную сварку на Земле, но шла она легко и

безукоризненно, так как не было кислорода, сгорания, неудобных, неестественных поз; температура была выше и постоянной. Словом, была забава, а не работа. Только частый заход Солнца, через 67 минут после его восхода, отрывал от дела. Но и после захода было совершенно светло и тепло: светила и согревала Земля, занимавшая треть неба (120°). Поэтому можно было продолжать и ночью работы, не требовавшие солнечного жара. Однако перемена труда была неприятна: не хотелось бросать так хорошо идущее дело. Но прошло полчаса (33 минуты), и Солнце опять во всем великолепии и почти внезапно выходило на помощь.

Скоро закончили сварку, испытали ее непроницаемость, заварили оказавшиеся щели и дыры, еще поработали и, в конце концов, убедились в полной непроницаемости оранжереи для паров и газов. Получилась цилиндрическая труба длиной в 500 метров, с поперечником в два метра. Во всю длину ее было огромное окно, занимавшее в поперечном направлении треть окружности трубы. Если ее вообразить горизонтальной, то ширина окна составляла бы 500 метров, а высота около двух. Несмотря на размеры, эта труба была не очень массивна, крепка, гибка и мало разрушаема. Если и можно было разбить стекло с большим трудом, то это еще не сопровождалось утечкой газа, так как вплавленная, прочная металлическая решетка не давала стеклу возможности распадаться на куски; едва же заметные трещины почти не могли выпускать газ. От ударов же стенка только подавалась и упруго колебалась. Близ готовой оболочки в своих скафандрах мастера суетились, шныряли взад и вперед, сталкивались, отчего иногда забавно вертелись, но солидно задерживали вращение и любовались своим произведением со всех сторон и на разных расстояниях.

Оставалось поместить в оранжерее сосуд с полужидкой почвой, впустить разреженные газы, насадить семена, приладить регуляторы температуры, влажности, удобрения и состава газообразной среды.

Во всю длину оранжереи поместили вдоль оси длинный, составной, непрозрачный металлический сосуд. Он был наполнен полужидкой почвой и имел множество дырочек, куда сажались семена или рассада. Внутри его стенки смачивались жидкостью, а снаружи нет, так как он был снаружи эмалирован особым составом. Вследствие этого жидкость не могла проникать наружу, но в силу известных законов смачивания оставалась внутри центральной трубы. Внутри главной трубы помещались, почти в ее центре, две тонкие трубки тоже с отверстиями во всю длину. Одна из них доставляла почве газы, другая — жидкое удобрение. Воздушные насосы, постоянно работая, давали смеси газов, проникающих всю почву. Другие насосы доставляли жидкость с удобряющими веществами, также проникающими почву...

Вы, может быть, изумились, что из ракеты могла вылезть такая огромная штука, как оранжерея, но, во-первых, объем ее почти такой же, как у ракеты, во-вторых, давление газов и паров в оранжерее так ничтожно, что стенки ее могли бы быть очень тонки, никак не толще обыкновенного дешевого стекла. От этого вся оболочка весила около 20 тонн, между тем как вес ракеты со всем содержимым составлял 400 тонн. Эта оранжерея давала еще 1000 квадратных метров поверхности, освещаемой в течение двух третей здешних суток нормальными солнечными лучами; на одного человека приходилось целых 50 квадратных метров!.. Не трудно представить, какое огромное количество самых питательных плодов могла дать эта поверхность

здесь, при чудесных условиях произрастания и освещения! Стекла были из чистого кварца и потому отлично пропускали химические лучи, что очень способствовало урожаю.

Наконец, все было устроено, засеяно, оранжерея функционировала правильно. Показались ростки. Одна часть оранжереи — прозрачная — всегда обращена перпендикулярно к солнечным лучам. Задняя поверхность была в два раза больше, но, прекрасно отражая рассеянный солнечный свет, освещала и затемненную часть центральной трубы с появившимися нежными листочками. Все-таки распределение света было неравномерно. Поэтому почвенную трубу поворачивали так, чтобы молодые растения получали солнечную энергию вполне равномерно. Поворачивание было автоматическое, но можно его было делать и вручную, не выходя из ракеты. Вообще регулировка удобрения, света и т. д. могла производиться из ракеты: не надевать же каждый раз скафандры! Нужно заметить, что как ракета, так и новая оранжерея всегда были расположены наиболее выгодным образом относительно солнечных лучей. Конечно, этого можно было достигнуть неусыпным наблюдением, здесь же дело было много проще. Известно, что лучи производят на тела небольшое, лучше сказать чрезвычайно малое давление. Действительно, оно составляет только полмиллиграмма на квадратный метр поверхности. Как оно ни мало, но оно-то и служило регулятором направления оранжереи. Сама по себе эта сила чересчур мала, чтобы поворачивать ракету, но она служила, как компас на корабле. Впрочем, были еще более простые способы достигать того же: какое-либо двояковыпуклое стекло в стенке оранжереи давало в своем фокусе светлое и горячее пятно на экране. Уклонение его от определенной

точки приводило разными способами в действие регуляторы направления оранжереи и придавала ей прежнее положение... Еще легче было достигнуть определенного положения ракеты и оранжереи легким вращением их вокруг какой-либо оси.

Клубника, земляника, разнообразные овощи и фрукты росли не по дням, а по часам. Множество плодов давало урожай через каждые десять, пятнадцать дней. Сажали карликовые яблони, груши и другие небольшие плодовые кусты и деревья. Эти без перерыва цвели и давали изумительно большие и вкусные плоды. Одни деревья зацветали, другие имели уже спелые ягоды. Особенно удавались арбузы, дыни, ананасы, вишни, сливы. Но приходилось постоянно подрезывать подрастающие кусты и деревца. Плоды всякого сорта собирались непрерывно во всякое время, так как время года не было: был один непрерывный, неизменный климат. Только искусственно можно было менять его — и даже в весьма широких пределах. Вот почему можно было разводить растения всех стран. Большие деревья сейчас были невозможны: и по малым размерам оранжереи, и по недостатку почвы и удобрения. Когда эти пустынные эфирные пространства заселят миллионы живых разумных существ, тогда пойдет уже дело не так...

Оранжерею часто посещали и ради сбора плодов и ради прогулки. Без скафандр это было делать невозможно, так как давление газов и водяных паров в оранжерее не превышало 20 миллиметров ртутного столба, т. е. оно было в 40 раз меньше давления атмосферы и было недостаточно для человека. Состав газов, превосходный для растений, был совсем неблагоприятен для людей. Водяные пары далеко не достигали степени насыщения, соответствующего температуре,

потому что испарения листьев и почвы прежде насыщения сгущались в особых придатках оранжереи, находящихся постоянно в тени и имеющих поэтому температуру близкую к нулю. Так что упругость паров была не более 4-10 миллиметров. Углекислый газ, кислород, азот и другие газы также были в очень разреженном состоянии. Но это, как известно, мало влияет на производительность растений.

Так, содержание главного для растений газа — углекислоты — не превышает на Земле одной тысячной, т. е. парциальное давление будет не более одного миллиметра.

Посещение оранжереи, особенно в первое время, доставляло огромное удовольствие. Растения такой массой заполняли все пространство, что едва было возможно летать среди этой чудной зелени и плодов. При движении тела располагались вдоль трубы, чтобы не задевать за плоды. Но задевать все-таки приходилось, и зрелые плоды отскакивали от черенков в огромном числе. Сами они не отпадали, как бы зрелы ни были: они не имели веса. Но и соскочившие со стеблей фрукты никуда не падали, а летали взад и вперед, вдоль и поперек, пока не застревали в густой листве. Летающие как птицы наши гуляки могли бы насыщаться, просто раскрывая рот, но, к сожалению, этому мешали скафандры. Плоды и ягоды только стучались о стекла шлемов и сейчас же отскакивали; их приходилось ловить сетками, как бабочек, и заключать в легкие полупрозрачные мешки.

Вход в оранжерею не был прост, несмотря на скафандры. Нужно было сначала из эфира влететь в особую камеру при оранжерее вроде прихожей, где не было газов, затем дверь наружу, в эфир, замыкалась, и воздух из оранжереи впускался в камеру через внут-

ренную открытую створку; через нее вылетал в теплицу и человек.

Когда соединили одной и той же проходной камерой оранжерею и ракету, то дело упростилось. Человек, облаченный в скафандру, сначала попадал в соединительную камеру с газом ракеты, потом газ этот перекачивался в жилую ее часть, отворялась следующая дверь, и человек попадал в оранжерею. Если он затем хотел из оранжереи уйти в эфирное пространство, то переходил в особую оранжерейную камеру с двумя дверями; из нее начисто удалялись в оранжерею газы и пары; наконец, отворялась дверь в эфирное пространство, и желающий вылетал на свободу.

33. БЕСПЕЧАЛЬНОЕ ЖИТЬЕ. ТЕЛЕГРАФИРОВАНИЕ СОЛНЕЧНЫМ СВЕТОМ

Теперь наши знакомцы устроились довольно солидно. Запасы были съедены, но в них и не нуждались: в оранжерее непрерывно произрастали нежные, ароматические, сахаристые, маслянистые чудесные фрукты и овощи. Чем больше люди их поедали, тем больше получалось удобрения и тем больше выросло питательных веществ, — разумеется, до предела, полагаемого энергией Солнца, падающей на определенной величины поверхность. Живые организмы так мало тут тратили энергии на передвижение, на борьбу с низкой температурой, что даже вегетарианское питание заставляло их полнеть. Вечно покоясь в «пуховиках» среды, свободной от тяжести, они были застрахованы и от всяких болезней. Откуда было прийти болезням и заразным началам? Если и заводились бактерии, то пронзительные лучи Солнца их уничтожали без пощады. Лишь не могли производить полной дезинфекции внутри человеческого тела!

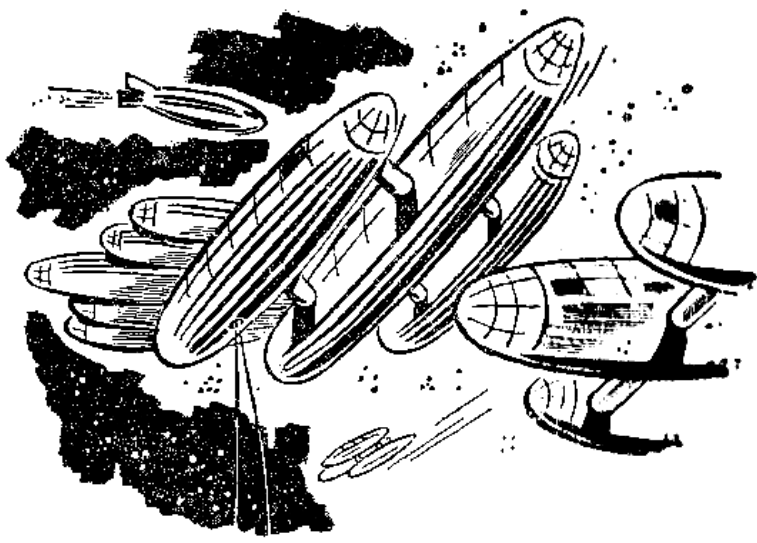
Совершенно теперь обеспеченные своим хозяйством, они могли продолжать свое блаженное состояние до самой смерти, если только смерть тут имеет власть...

Почти каждый день делались омовения или купания. Ванная легко превращалась в фонтанную. Тогда ее пронизывали во всех направлениях бесчисленные искусственные дожди, производимые центробежными насосами, приводимыми в движение солнечными моторами.

Настало успокоение, а вместе с ним и скука. Искали новой деятельности. Надо было дать подробное донесение Земле о своем состоянии, работах, успехах и сча-

стве. Главные электрические запасы были уже израсходованы, и телеграммы приходилось давать иным способом.

Вычисления русского участника экспедиции показали, что отраженный плоским зеркалом солнечный свет в 40 тысяч раз интенсивнее рассеянного матовой поверхностью при тех же условиях. Солнечного света здесь сколько угодно, зеркал — также. Такое зеркало в один квадратный метр отражало столько света, сколько матовая серебряная поверхность в виде квадрата со стороной в 200 метров; оно с Земли, на расстоянии тысячи километров, должно быть видимо, как блестящая планета с диаметром в 0,7 минуты. Ясно, что оно будет видимо простым глазом. Действительно, диаметр самой яркой планеты — Венеры — в период наилучшей яркости достигает только 0,6 минуты. Да и то не весь круг действует, а только узкий серп. Ясно, что и это зеркало будет видно несравненно лучше, чем Венера при самых благоприятных условиях. Значит, оно должно быть видно даже днем. Удобнее всего было отражать свет перед закатом и после восхода Солнца, а это можно было делать два раза в 100 минут: здесь сутки содержат 100 минут. Производили быстрое и медленное сверкание едва заметным колебанием зеркала. В ближайших местах Земли это сверкание видимой новой звезды должно быть легко понято и прочтено по азбуке Морзе.

34. СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В 2017 ГОДУ.

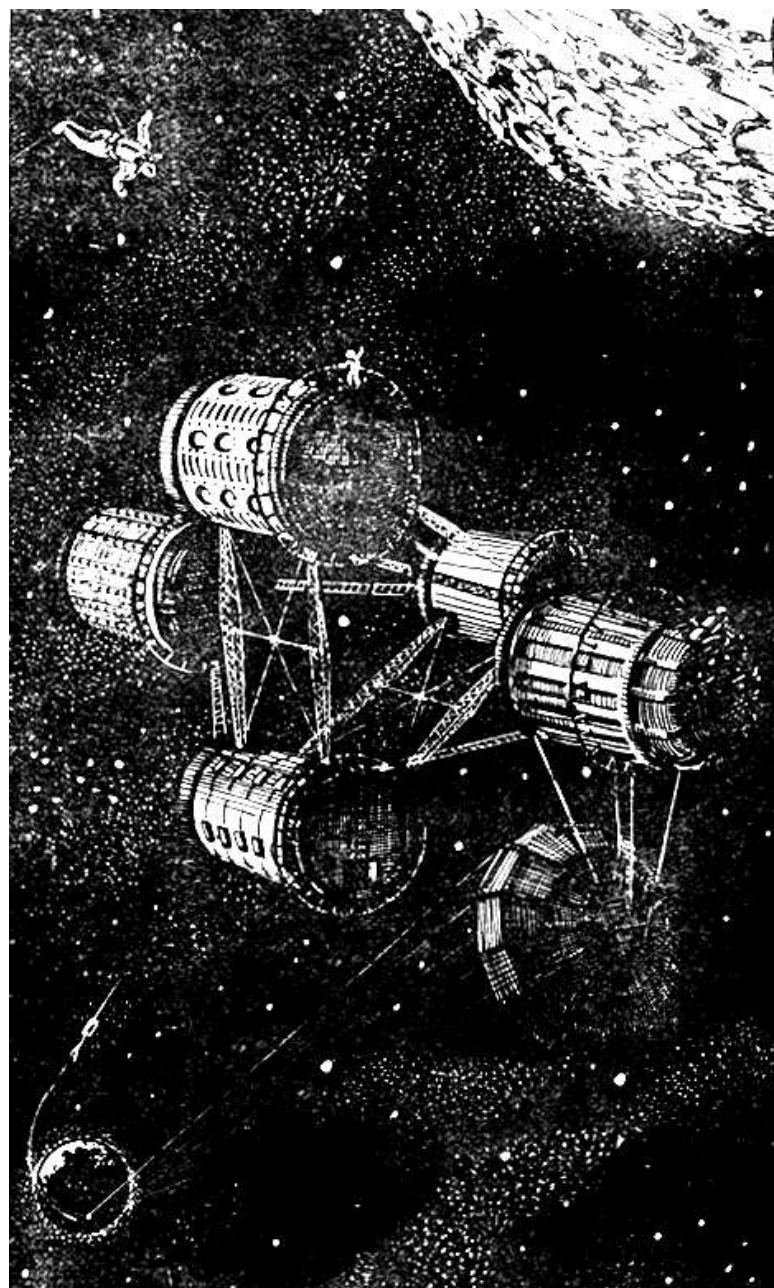
Что представляла из себя Земля в 2017 году, к которому относится наш рассказ?

На всей Земле было одно начало: конгресс, состоящий из выборных представителей от всех государств. Он существовал уже более 70 лет и решал все вопросы, касающиеся человечества. Войны были невозможны. Недоразумения между народами улаживались мирным путем. Армии были очень ограничены. Скорее это были армии труда. Население при довольно счастливых условиях в последние сто лет утроилось. Торговля, техника, искусство, земледелие достигли значительного успеха. Громадные металлические дирижабли, поднимающие тысячи тонн, сделали сообщение и транспорт товаров удобными и дешевыми.

В особенности были благодетельны самые громадные воздушные корабли, сплавлявшие по течению ветра почти даром недорогие грузы, как дерево, уголь, металлы и т. п. Аэропланы служили для особенно быстрых передвижений небольшого числа пассажиров или драгоценных грузов; употребительнее всего были аэропланы для одного или двух человек.

Мирно шествовало человечество по пути прогресса. Однако быстрый рост населения заставлял задумываться всех мыслящих людей и правителей.

Идеи о возможности технического завоевания и использования мировых пустынь носились давно, — еще более ста лет тому назад. В 1903 г. один русский мыслитель написал серьезный труд по этому поводу и доказал математически на основании тогдашних научных данных полную возможность заселения солнечной системы. Но эти идеи были почти забыты, и только наша компания ученых их воскресила и отчасти осуществила.

35. СТРАННАЯ ЗВЕЗДА. ЗЕМЛЯ УЗНАЕТ, ЧТО МИРОВЫЕ ПУСТЫНИ ОТКРЫТЫ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Множество народа стало видеть перед восходом или после захода Солнца необыкновенное явление: быстро движущуюся яркую звезду, которая чуть не каждую секунду пропадала и появлялась вновь. Сначала принимали ее за дирижабль, сигнализирующий электрическим светом. Но ее нельзя было принять за воздушный корабль, потому что всякий дирижабль должен был иметь ночью постоянный и очень сильный свет нескольких огней; кроме того, разобранные уже сигналы говорили о странных, совершенно невиданных вещах.

Ходили и ранее слухи об отлете с Земли небесного корабля, основанного на принципе ракеты, но они считались уткой, фантазией, каковых было немало. И вдруг прочтена телеграмма следующего содержания:

«10 апреля 2017 г. Первого же января этого года мы, нижеподписавшиеся, в числе 20 человек вылетели на реактивном приборе из местности, находящейся в долине Гималайских гор (там-то). Сейчас на своей ракете мы летаем вокруг Земли на расстоянии 1000 километров, делая полный оборот в 100 минут; устроили большую оранжерею, в которой насадили фрукты и овощи. Они нам давали уже несколько урожаев. Благодаря им мы хорошо питаемся, живы, здоровы и совершенно обеспечены на неопределенно долгое время. Кругом нас безграничное пространство, которое может прокормить бесчисленные миллиарды

живых существ. Переселяйтесь к нам, если тяготит избыток населения и если земная жизнь обременяет. Здесь буквально райское существование, в особенности для больных и слабых.

За подробностями обратитесь к месту нашего вылета, куда доставлены подробные сведения о наших успехах. Там вы можете найти все указания для постройки необходимых для полета реактивных приборов».

Следовали имена и фамилии известных людей.

Телеграммы эти улавливались простыми телеграфистами и печатались во всех газетах. Чудную мерцающую звезду также все видели. Занимались ею ученые, академии. Определили расстояние ее до Земли, время появления, элементы движения, скорость и т. д. Все как нельзя лучше подтверждало телеграмму. Не мог же мистифицирующий дирижабль залететь за 1000 километров от нашей планеты! Волнение среди людей было такое, как будто бы объявили о скором светопределении. Но возбуждение было радостное... Какие перспективы открывались человечеству!

Каждая национальность, кроме своего родного языка, свободно владела языком общечеловеческим. Был общий алфавит, некоторые общие законы, сближающие людей самых разнообразных свойств и характеров. Известия о мировых событиях беспрепятственно распространялись по всем самым захолустным уголкам Земли. Воздушные корабли разносили задешево, часто просто с попутным ветром, газеты, книги, проповедников и лекторов.

Все принимали горячее участие в жизни Земли. Открытие доступности мировых пустынь было особен-

но радостно. Кто только не мечтал переселиться на свободу! Больные надеялись вылечиться, старики и слабые — продолжить жизнь. Наши гималайские анахореты были центром интереса, источником радостных вестей и сведений, за которые азартно цеплялось все население земного шара.

Полетели бесчисленные комиссии ученых и практиков к нашим отшельникам для исследования на месте всех уже произведенных ими работ. Открывались бесчисленные школы для изучения неба и реактивных приборов. Окончившие курс выходили с дипломом реактивного инженера. Строились новые заводы специально для постройки космических снарядов. Подготавливались техники, мастера, рабочие... Заработали на славу, — и вот не прошло и года, как были готовы тысячи реактивных приборов для переселения.

**36. ОПЯТЬ ВНЕ ЗЕМЛИ.
СОВЕЩАНИЕ О НОВОМ СПИРАЛЬНОМ ПОЛЕТЕ
КРУГОМ ЗЕМЛИ. ТАИНСТВЕННЫЙ СТУК.
ЧАСОВОЙ В ЭФИРЕ**

Но что же делали в это время наши ракетчики? Несколько месяцев ушло на удовлетворение любознательности человечества. Им каждый день пришлось получать с Земли сотни вопросов и отвечать на них. Наконец, любопытство было удовлетворено. Была послана последняя фототелеграмма на Землю такого содержания: «Мы удаляемся от земного шара по спирали. Исследуем окружающее Землю пространство. Пока телеграфировать не будем».

Снова слетелись все в кают-компании. Начал говорить Ньютон.

— Мы сообщили Земле все, что с нами происходило, что мы чувствовали и что здесь нашли. Пускай жители Земли воспользуются этим простором, солнечным светом, теплотой, беспечальным сытым существованием и возможностью безгранично мыслить и работать са-

мостоятельно и беспрепятственно. Мы дали технические основания для осуществления переселения, для образования колоний кругом земного шара. Самим нам оставаться тут нет больше надобности. Но не мешает подготовить путь для последующих шагов человечества.

— Ура! Летим дальше! — слышались восторженные голоса.

— Ведь мы, собственно, не исследовали пространство кругом Земли, — хотя бы до лунной орбиты... Пространство это громадно и получает света в тысячи раз больше, чем вся Земля. Его мы предоставим людям. Ракета и оранжерея, с их непрерывно зреющими плодами, совершенно обеспечивают нас в материальном отношении, — продолжал Ньютон. — Мы не должны с нею расставаться; нам придется волочить ее с собою при нашем спиральном движении...

— Пустим в ход опять взрывчатый материал, — сказал Лаплас. — Ракета, как бы на буксире, потянет за собою громадную оранжерею.

— Сейчас нет ни малейшей надобности употреблять сильное взрывание, заметил Иванов. — Прежде мы получали ускорение до 100 метров в секунду, что рождало удесятенную тяжесть, сравнительно с земной. Это заставляло нас погружаться в жидкость и тем спасаться от гибели. Теперь необходимо и достаточно давление в десять тысяч раз меньшее; довольно секундного ускорения в один сантиметр...

— От этого, — сказал Франклин, — относительная тяжесть будет в тысячу раз меньше земной, т. е. она будет совершенно незаметна. Такая тяжесть не может ни малейшим образом повредить ни оранжерее, ни растениям в ней. О ракете же я не говорю: она приспособлена выносить высокую степень давления.

— Полет наш не произведет, в сущности, никаких изменений в нашей жизни, заметил Лаплас. — Мы будем падать в ракете и в оранжерее по направлению их длинных осей. В первую секунду падающее тело пройдет 5 миллиметров и только через 10 секунд опустится на 500 миллиметров или на полметра. В 100 секунд оно пройдет 50 метров, т. е. половину всей длины ракеты. Мы будем иметь удовольствие стоять и ходить, хотя все это довольно затруднительно. Достаточно чихнуть, кашлянуть, сделать малейшее движение рукой, ногой или другим членом, чтобы сорваться с этой стоянки и преблагополучно полететь. Человек в 100 кило весом будет здесь весить только 100 граммов. Понятно, что привязанные и слегка укрепленные предметы, растения и люди в ракете и оранжерее не сорвутся со своих мест. Мы будем по-прежнему летать, совершенно не замечая столь малую тяжесть.

— Цель этого малого ускорения, — сказал Ньютон, — очертить спираль кругом Земли и как можно лучше осмотреть пространство вокруг нее. Описывая спираль, мы все далее и далее будем отходить от нашей планеты, приближаясь к орбите Луны. Большое ускорение и сильное взрывание и нельзя употребить, так как оранжерея не приспособлена к нему и была бы поэтому разрушена образовавшеюся значительной тяжестью. Мы могли бы убрать оранжерею по частям в ракету, но очень это хлопотно, потеряем много времени, да и чем будем питаться? Запасов больше нет. А плодов, оборванных напоследок, перед ее разбором, не хватит и на две недели. Пожалуй, даже больше понадобится времени на слом, восстановление, посев и созревание плодов...

— Даже и этого ускорения (в 1 сантиметр) много, — продолжал Ньютон. — В самом деле, нужно 200 000

секунд, или около $1\frac{1}{2}$ суток, чтобы приобрести увеличение секундной скорости ракеты на 1 километр. При этом ракета сделает более десятка оборотов и удалится на весьма значительное расстояние от Земли. Вследствие этого удаления скорость ракеты в действительности будет уменьшаться. Близ орбиты Луны она уже будет составлять только 1 километр в секунду вместо теперешних $7\frac{1}{2}$. — Зато будет почти преодолено тяготение земной массы... Можем приостанавливать иногда взрывание, а иногда ускорять его, заключил Ньютон.

— А почему бы не лететь нам прямо от Земли кругом Солнца? — возразил один из присутствующих. — Что мы можем встретить особенного кругом Земли? Не интереснее ли пространство кругом Солнца и дальше — в орбите Марса и малых планет? Там, по крайней мере, простор в миллион раз более обширный, чем это захолустье между Землей и Луной!

— Хорошо сказано! — слышались со всех сторон смех и возгласы. — Ему уже кажется захолустьем площадь в тысячи раз больше земной поверхности!!!

— Самостоятельный полет кругом Солнца, без Земли, вполне возможен, сказал Франклин. — Но осторожность не мешает... не вредно еще поллучше обследовать пространство кругом Земли. Годно ли оно для жительства человека, не помешают ли его колониям какие-либо массы. То — еще успеем...

Интересна близость Луны... Может быть, и на ней побываем.

— Это любопытно!.. Дело, дело!.. — оживились кругом.

Вдруг, совершенно неожиданно, раздался довольно громкий стук. Все оглянулись.

— Господа, кто это стукнул?..

Но стук был странный, необычный, как будто кто стукнул снаружи. Многие побледнели, другие подлетели к люкам.

— Господа, — воскликнул один из смотревших в окна, — какой-то предмет удаляется от ракеты; не он ли стукнул и отскочил? Стали смотреть и другие.

— Да это аэролит! — сказал Иванов. — Вернее, небесный камень, маленькая планетка или частица кометы...

Камень удалялся медленно и становился все незаметнее.

— Покамест мы наденем скафандры и выпорхнем наружу, болид уйдет далеко и его, пожалуй, не найдешь, — сказал Ньютон.

— Мне кажется, — предложил Лаплас, — хорошо было бы, если бы один из нас в скафандре постоянно дежурил поблизости от ракеты. Эти небесные тела следует ловить. Материал нам может пригодиться. Железо, никель, углерод и окислы, словом, все вещества, из которых состоят эти бродяги, все пойдет в дело...

Предложение было принято, назначена очередь, и один из участников сейчас же отправился на дежурство.

— Я думаю, — сказал Ньютон, — что напугавший нас камень есть спутник Земли. Так как удар был очень слаб, очевидно, это одна из маленьких лун Земли, вращающаяся кругом нее со скоростью, сообразною расстоянию. Именно эта скорость должна быть близка к скорости ракеты. Значит, относительная скорость камня по отношению к ракете близка к нулю. Такие небесные тела для нас не опасны; их удары не сильны. Но вот кометные болиды могут разрушить вдребезги ракету и оранжерею... Случай этот, — т. е. столкнове-

ние, — изумительно редкий, маловероятный, как падение аэролита на крышу дома на Земле. Опасаться мы его можем столько же, сколько падения болида на голову человека, ходящего по земному шару. И часовых выставлять для этого нет надобности. Не опасается же на Земле никто аэролитов. Но, может быть, дежурному посчастливится с помощью хорошего телескопа увидеть хотя за сотни верст значительную массу. Ее тогда можно поймать и воспользоваться материалом...

— Если опасности нет, — сказал Иванов, — то нужен ли часовой? Довольно будет наблюдать из окон в разные стороны с помощью зрительных труб. На это найдутся любители. Мы и так очень охотно глазеем в окна. Кто заметит что-нибудь хорошенькое, — скажет, и охотник немедленно пустится в погоню за интересной рыбкой.

Часового вернули, от чего он не опечалился.

37. ПОЛЕТ ПО СПИРАЛИ. ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ. БОЛИДЫ ДОСТИГАЮТ ОРБИТЫ ЛУНЫ. РЕШАЮТ ПОЛЕТ НА ЛУНУ

Для взрывания употреблены были две симметрично расположенные трубы с самым незначительным расходом взрывчатого материала.

Взрывания было почти не слышно; к нему скоро привыкли, как к тиканью часов. С любопытством смотрели по сторонам. Видели все то же черное небо, гигантский серп Земли, блестящее синеватое Солнце, траурную сферу, покрытую серебряной сыпью мерцающих звезд. Сначала забавляло явление тяжести и падения, от которого отвыкли. Но сила падения была так ничтожна, что совершенно не влияла на обычные полеты и игры в ракете. Можно было видеть, как вялой струей льется вода, как она в сосудах принимает горизонтальную поверхность, как образуются громадные ленивые волны, как поразительно медленно качается маятник: часы стенные шли в 32 раза медленнее, чем на Земле.

Прежде, когда путешественники вылезали осторожно в скафандре из ракеты, не отталкиваясь от ее стенок, они от них не удалялись; при толчке же удалялись равномерно. Теперь они падали от ракеты с одного конца и давили на нее с другого. Получалось то же, что и внутри ракеты. В 100 секунд человек удалялся от нее, как и всякий предмет, на 50 метров, через 1000 секунд — на 5 километров. Скорость росла пропорционально времени, так что шутить этим было нельзя, а держаться лучше за привязи. Цепочка натягивалась, но, разумеется, едва заметно. Если двигались силою толчка вперед с передней части ракеты, то летели равномерно-замедленно и в тысячу раз слабее, чем от земной тяжести, и, в конце концов, падали назад, возвращались к ракете. Можно было усиливать взрывание; тогда все явления были заметнее. Но большой тяжести нельзя было получать, так как не выдержала бы не приспособленная к тому оранжевая.

— Мне кажется, — сказал один из искавших болиды, — что Земля и видимые на ней материки и моря как будто уменьшаются в размерах.

— Это есть естественное последствие нашего движения по спирали и удаления от родной планеты, — заметил Иванов.

Сутки становились длиннее, но ночь, абсолютно увеличиваясь (вследствие уменьшения скорости ракеты), становилась все короче сравнительно с днем. С каждым оборотом кругом Земли роскошная ночная заря, багровый круг, чуть не в целое небо, становился все меньше и слабее. Было совершенно светло, но уже не так, как прежде... Солнце палило без изменения.

Все двадцать человек неусыпно наблюдали в слабые и сильные подзорные трубы, сидя у хорошо отшлифованных окон своих кают. Стали попадаться не-

большие болиды в несколько сантиметров диаметром, но их не ловили, так как они пролетали чересчур далеко.

Но вот их стало все больше и больше; некоторые едва двигались. Это значит, что их движение было согласно с ракетой, т. е. почти по одному направлению и с одинаковой скоростью. Их не выпускали, ловили и причаливали к ракете. Но ни одного болида не попалось ближе нескольких километров. К ним направлялись в скафандре, с маленьким реактивным прибором, догоняли и хватали сеткой. Составилась порядочная коллекция. Анализ нашел в них следующие вещества: железо, никель, кремнезем, глинозем, окись кальция, полевой шпат, хромовое железо, железные окислы, графит и другие простые и сложные вещества.

Чаще всего видели железо и никель в чистом виде и кремень.

Показывая обществу коллекцию уранолитов и сообщая результаты химического анализа, Ньютон воскликнул:

— Вот прекрасный материал для построек, вот недостающий кислород и вот почва для растений! Кислород, правда, в соединении с другими веществами, но нет ничего легче, как выделить его в газообразном виде; ведь у нас такой могущественный источник энергии — Солнце! Температура же в фокусе зеркал может доходить до 5 тысяч градусов Цельсия...

— Мы очень мало потеряли

кислорода и паров воды, — заметил Лаплас.

— И вода может быть добыта из этих камней, — сказал Франклин. Действительно, тут некоторые полевые шпаты и кремни содержат конституционную воду.

— Замечательно, — заметил Иванов, — что все эти минералы и элементы хорошо известны земным минералогам, так как находятся в горных породах нашей планеты. Встречаются они, конечно, и в аэролитах, подобранных на Земле и хранящихся в тамошних музеях...

— Если так близок по составу этот мир к земному, — воскликнул Иванов, — то почему он не может служить жилищем человеку или ареной его деятельности?!..

Чем более уходили от Земли, тем более встречали камней. Размер болидов уже доходил до нескольких метров, но таких великанов оставляли в покое: они своей массой затруднили бы движение ракеты. Иногда что-то как тень проносилось вдали; это — мчавшиеся со страшной быстротой кометные камни. Более отдаленные и крупные проносились по черному небу как звезды, хотя были бесконечно ближе. Болиды, находившиеся между Землей и ракетой, обыкновенно двигались быстрее ракеты, а находящиеся дальше ее — медленнее. Иллюзия делала ракету неподвижной, а болиды, казалось, двигались в разных направлениях. Заметя это, один из молодых участников экспедиции предложил воспользоваться относительным движением болидов, чтобы ускорять или замедлять движение ракеты без расхода взрывчатого материала.

— Стоит только с ними сцепиться, — сказал он.

— Мысль прекрасна, — заметил Лаплас, — но, к сожалению, мы пока не можем ею воспользоваться за неимением подходящих приспособлений. Ракета, пожалуй, выдержала бы толчок, мы, погруженные в

жидкость, уцелели бы, но оранжерея неминуемо погибла бы...

Земля все уменьшалась, день увеличивался, ночь наступала как-то неожиданно благодаря длинному дню и была более, чем прежде, простым солнечным затмением, продолжавшимся, однако, несколько часов. Зато день содержал уже больше десяти земных суток. Луна то уменьшалась, то увеличивалась и порою становилась огромной, интересной. Наступил момент, когда ее максимальный размер сравнялся с размером Земли. Последний не колебался в своей величине в течение суток, т. е. времени обращения ракеты кругом Земли, но вообще сильно уменьшился благодаря удалению снаряда. Луна же страшно выросла в течение половины здешних суток, достигла максимума, затем так же быстро умялялась и казалась даже меньше, чем с Земли. Земля и Луна получили равные кажущиеся диаметры, когда ракета была между ними на расстоянии $\frac{4}{5}$ всего расстояния между Луной и Землей, что составляет около 48 радиусов Земли... Но и этот момент был пройден...

Растет безоблачный день; ликуют цветы и плоды, нежащиеся на солнце. В моменты противостояния Земли и Луны последняя уже становится больше Земли. Все значительнее становится влияние Луны на движение ракеты. Ее скорость то увеличивается, то настолько же уменьшается притяжением земного спутника. Орбита, или путь ракеты, искажается. Она может даже налететь на Луну. Но до этого еще не дошло.

Однако, в конце концов, ракета и Луна имеют одну орбиту движутся с одинаковой скоростью и, стремясь в одну сторону на противоположных частях одной окружности не могут встретиться.

Ночей уже нет, а есть только солнечные затмения — настолько же редкие, как и лунные затмения на Земле. Можно сказать, что наступил непрерывный день.

Взрывание прекращено, от Луны далеко, и она даже кажется вроде меньше, чем с Земли.

Время обращения ракеты вокруг Земли такое же, как Луны т. е. синодическое (относительно Солнца), составляет около 30 земных суток. Не сразу наступила относительная неподвижность Луны; по мере удаления от Земли, ракета все реже и реже нагоняла Луну, пока совершенно не сравнялась с нею в ходе.

Это случилось, когда она достигла такого же расстояния от Земли, как Луна.

Тогда расстояние между ракетой и Луной сделалось неизменным. А так как ракета казалась обитателям неподвижной, то такими же казались и Луна с Землей; однако обе чертили путь между звездами, но представлялось, что движется звездный свод.

38. СОМНЕНИЯ. ЛЕТЕТЬ ЛИ НА ЛУНУ?

Теперь пространство между Землей и Луной на 360 тысяч километров кругом Земли было достаточно обследовано, найдено совершенно безопасным и почти свободным от болидов. Люди могли начать свое переселение. Земле дали телеграмму соответствующего содержания. При этом плоское зеркало для телеграфирования пришлось употребить больших размеров: именно был пущен в ход зеркальный квадрат со стороною в 10 метров. Ответная телеграмма уведомила о получении Землей хороших вестей.

— Человечество теперь будет переселяться, — заявил Ньютон порхающему собранию. — Мы же должны обсудить вопрос о нашей дальнейшей деятельности. Сейчас мы можем быть почти спокойны: мы сделали задуманное; взрывание прекращено; мы находимся на расстоянии Луны; она для нас безопасна и не может заметно нарушить наше движение; жизненными продуктами мы обеспечены по-прежнему. Положение наше изменилось только по отношению к Луне и Земле, а к Солнцу и звездам оно осталось неизменным.

— Путем нового взрывания, — сказал Лаплас, — мы можем дальше пойти трояким путем. Можем спуститься на Луну и исследовать этот спутник Земли, определив его значение для Земли и вообще. Можем посредством взрывания приобрести скорость, которая навеки нас удалит от Земли и заставит двигаться по ее же орбите кругом Солнца. Таким образом мы можем обозреть пространство кругом нашего блестящего светила, которое в миллиарды раз обширнее поверхности Земли... Наконец, возможно приобрести отрицательную скорость, т. е. потерять ту, которую сейчас имеем относительно Земли; и тогда мы начнем падать к Земле под влиянием силы ее тяготения. Через пять дней ускоренного падения мы разобьемся вдребезги об ее поверхность.

— Ну, это менее всего желательно! — прозвучали возгласы.

— Путешествие кругом Солнца можно также отложить!

— Не попытаться ли попасть на Луну? — заявили с разных сторон.

— Это исполнимо, — сказал Ньютон. — Но оранжерею на Луну мы взять не можем: при замедленном движении у поверхности Луны в ракете и оранжерее разовьется относительная тяжесть, не меньшая тяжести Луны у ее поверхности, т. е. не меньшая одной шестой тяжести Земли на ее почве. Даже такую слабую тяжесть оранжерея не перенесет...

— Следовательно, — сказал Франклин, — оранжерею придется оставить здесь, лететь в ракете и питаться запасами плодов и кислорода. Таким образом, мы не можем долго пробыть на Луне, особенно, если полетим все. Оставить же хоть кого-нибудь в оранжерее опять невозможно, потому что быть в скафандрах нельзя

больше шести часов... Положим, этот срок можно удлинить неопределенно, но тягостно и перенести его, не снимая скафандр.

— А если оранжерею здесь собрать, укрыть в ракете и разобрать только на Луне. Там опять собрать, разобрать и лететь обратно, — возражали кругом.

— Этот вопрос уже обсуждали, — заметил Иванов, — и он при настоящих условиях оказался неосуществимым.

— Остается одно, — сказал Ньютон, — слетать всем на Луну без оранжереи на короткий срок. Плоды из оранжереи усиленно собирать и запасать, деятельность оранжереи как можно более сократить, оставить регуляторы, которые в течение нескольких десятков часов могут исправно действовать, доставляя растениям влагу, питание и все, что для них нужно.

Долго еще длилось обсуждение полета на Луну. Все же решили его положительно. Чтобы было легко найти оранжерею, предполагали к ней приладить большой, медленно вращающийся зеркальный многогранник; отражая своими гранями свет, он может быть замечен на расстоянии нескольких тысяч километров...

Но оставим пока нашу порхающую компанию и возвратимся к Земле.

39. СОБЫТИЯ НА РОДНОЙ ПЛАНЕТЕ

Пока на Земле строили реактивные приборы, части оранжерей, делали новые опыты, новые приборы, — население ее мечтало, спорило, читало все, что писалось по поводу новых заатмосферных колоний. Были и противники переселений, и равнодушные, и горячие сторонники их. Последних было больше всего. Уже появилось в свет множество книг, специально посвященных жизни вне Земли. С особенным удовольствием рассматривали забавные иллюстрации с изображением жизни будущих колоний. Прежде всего на эти картинки накидывались дети, потом юноши и, наконец, взрослые. Между стариками и женщинами больше было скептиков, но молодые девушки увлекались, хотя и не так горячо, как юноши.

Во всех концах Земли читали лекции, делали доклады в собраниях, ученых обществах и академиях.

С нетерпением дожидались первых полетов. Пришли в восторг, когда получили телеграмму от наших заатмосферных путешественников о полном их благополучии и законченном исследовании пространства от Земли до Луны.

Были споры о том, кого назначить для роли первых колонистов. Половина всего населения — два миллиарда человек — на словах изъявляли к тому готовность, но в душе многие думали: «Пускай сначала кто-нибудь другой, а потом уж я. Еще поспею».

Дети мечтали о том, как они будут там летать, кувыркаться, играть и носиться в воздухе и в безграничном эфире.

Все думали о том, как приятно избавиться от вечно пасмурного неба и пользоваться неизменным сиянием

Солнца. В особенности желали этого жители северных и пасмурных стран.

— Без ночи невозможно, — качали головами сомневающиеся.

— Но темноту так легко произвести, — отвечали оптимисты. Нетерпеливо жаждали Солнца слабые, больные и старые, хотя и не могли одобрить многие условия новой жизни. Они же страстно желали покоя, легкости передвижения, тропического жара, но сомневались даже в самом существовании среды без тяжести. Бедные были в восторге избавиться от всякой нужды и нечистоты, неизбежной спутницы недостатка.

— Голенькому-то среди голеньких не обидно, — говорили они. — Еще, пожалуй, кто из них и гордиться будет, у кого тело покрасивей, — кокетничать начнут без гроша-то в кармане!

— Сколько страшной борьбы нужно, чтобы одолеть врага в постелях, в домах, в одежде. Хорошо говорить богатым, но бедные и слабые в большинстве случаев невыносимо страдают от насекомых, в особенности в теплых и некультурных странах, не в силах и одержать над ними полной победы...

Всех восхищала возможность изменять температуру от нуля до 150° Цельсия.

— Значит, — говорили, — можно иметь всегда в жилищах 30-35° Цельсия? При покое тела и при такой температуре, немного не доходящей до теплоты человеческого тела, траты организма доходят до минимума, что позволяет человеку довольствоваться самым скудным питанием и, несмотря на это, увеличиваться в весе...

Вегетарианцы были довольны, что придется в питании ограничиться плодами, фруктами, овощами.

— Но никто не мешает там развести и животных, — возражали любители мясной пищи.

— Ну нет, уж этого-то вам не позволят, — спорили вегетарианцы...

Подняли об этом полемику в газетах. Было выяснено, что в заатмосферных колониях высших животных забивать не будут. Правда, на Земле мясо все более и более тогда выходило из употребления, потому что, с одной стороны, разнообразие растительных плодов и достоинства их достигли высокого совершенства; с другой, — вследствие развития мировой торговли эти чудесные фрукты были всем доступны. Нравственные течения, природное сострадание, органическое отвращение к крови — делали то, что только больные люди могли пользоваться мясом животных...

Недужные и старые жертвовали громадные суммы, чтобы ускорить начало переселения. Врачи уверяли их, что нет лучше условий для исцеления и продления жизни, как те, что имеются вне Земли: вечное солнце, постоянная и желаемая температура, полный покой для тела, отсутствие одеял, кроватей, одежды, давления и прикосновения к чему бы то ни было... Малейшей силы было довольно, чтобы поворачивать больно-го как угодно; все части его тела всегда открыты и доступны; не может образоваться пролежней от беспомощного лежания в сырости выделений... Наконец, полное отсутствие заразных начал...

— Безнравственно открывать тело, — говорили пессимисты.

— Никто вам не мешает носить одежду, если пожелаете — возражали защитники новой жизни. — Притом прикрытие некоторых частей тела будет обязательно.

— Мужчины и женщины почти голые!.. Это что-то невозможное! — ужасались моралисты.

— Привыкнут! — возражали сторонники. — Если же нет, то значит, эти люди недостаточно чисты душой и таких лучше оставлять на Земле. Не всех же отправлять! Необходимо кому-нибудь остаться и тут. Над Землей нужен надзор, как и прежде, даже еще более строгий, иначе она обратится в ад. На небеса сначала будут отправлять очень немногих и притом самых совершенных — в физическом и, главное, нравственном отношении... Затем будет отправляться только избыток населения, обременяющий Землю.

Все были довольны ненужностью путей сообщения, ненужностью борьбы с тяжестью, с трением, сопротивлением воды, воздуха, если не считать тот, который находится в ракетах, и поразительно разреженный газ в оранжереях. Путешествие можно совершать раздетому в ракете, а одетому — в скафандре, без ракеты; в обоих случаях мчаться в безвоздушном пространстве без остановки и без всякого сопротивления среды.

— Ракета — та же тюрьма, — ворчали сомневающиеся.

— Хоть не тюрьма, а просторный дом со всеми удобствами, недоступными теперь самым могущественным людям, — отвечали оппоненты.

— Да и выйти из нее всегда можно, стоит только надеть скафандр, а там уж безграничный простор и свобода движения во все шесть сторон.

— Скафандра обременительна, — продолжали ворчуны. — Глаза — за стеклами... Это та же одежда, только еще хуже, стеснительней...

— Зато там она не имеет веса, не отягчает плечи, и, во всяком случае, бесконечно удобнее одежды эскимоса или якута. Да она еще и не достигла идеального совершенства; когда же достигнет — вы ахнете!

— Посмотрим!.. В прогулке там красоты нет, черес-

чур однообразно, не нравится мне это черное небо и мертвые звезды. Здесь-то я вижу небесную лазурь, чудное море, очаровательные краски воздуха, гор, долин, лесов... Разнообразные звуки нежат слух, куда ни пойдешь: что может быть милее громового весеннего рокота, лепетания ручья, шума листьев в дубраве, говора морского прибоя...

— Все это так! — возражали сторонники. — Но многие ли всем этим имеют время и возможность наслаждаться? С другой стороны, в оранжереях бесконечное очарование цветов, запахов и форм. И там остаются у людей силы, чтобы все это воспринимать... утомленному, замученному — не до красот природы... Познание наук, близкое знакомство с бесконечным множеством людей не только вполне вознаградит, но и превысит недостаток земной поэзии.

Эту жажду можно частью удовлетворить чтением книг о земной жизни и картинами Земли. Живущие там даже могут иногда посещать Землю. Но, боже, как они будут разочарованы в ней, после небесной беспечальной жизни! Такой человек будет подобен старику, скучающему по родине. Как кажутся ему сладки воспоминания детства и юности, как отраден отцовский дом, как там все славно, величественно, как добры люди...

Но вот он отправляется на родину и видит... всякий знает, что он видит и как унывает...

Многие говорили: без тяжести хорошо — не будут валиться стены, обрушиваться потолки, не будут падать в пропасть люди, не будут оскальзываться и ломаться ноги, не тяжело будет стоять, не будут наливать кровью повисшие руки и ноги; движение всяких грузов ничего не будет стоить.

Все это известно, обо всем уже переговорили, — но

и необходима тяжесть во многих случаях, например при умывании и в уборной.

— Если бы вы и были правы, считая тяжесть необходимой, — возразил бывший тут учитель физики, — то ведь ничего нет легче, как ее произвести искусственно, вращением жилища. Там это вращение вечно, ничего не стоит, поэтому и тяжесть также вечна и ничего не стоит; кроме того, величина ее совершенно зависит от нас; она может быть и меньше земной и больше, пределы ее изменения безграничны... Вот в том-то и преимущество: на Земле тяжесть неизменная, а тут какой угодно силы, начиная с нуля. Кстати, о температуре: при очень близком расстоянии от Земли ее нельзя очень сильно понижать: мешает тепкое лучеиспускание планеты; но по мере удаления от нее это понижение может становиться все значительней и значительней. На расстоянии Луны, где находятся теперь наши мировые скитальцы, температуру можно понизить чуть не до абсолютного нуля, т. е. до 273° ниже точки замерзания воды. Это имеет огромное значение для индустрии, — продолжал учитель. — На Земле же понижение температуры чрезвычайно затруднительно и дорого. А там одновременно и в одном почти месте, т. е. рядом, можно получить и 150° тепла и 250° холода. Контраст в 400° ! А отсутствие газов при металлургических работах?.. Невозможно перечислить всех богатств и несравненных выгод!..

— Земле, — говорил физик, — на единицу площади — благодаря ее шаровой поверхности, смене дня и ночи, поглощению атмосферы — приходится в 8 раз меньше лучистой энергии, чем там. Облачность же и туманы еще во много раз повышают эту цифру. Потом отсутствие насекомых и других вредителей, благоприятные условия влажности и удобрения — делают уро-

жаи баснословными. Ничтожная по величине оранже-
рейка уже прокармливает своими плодами одного че-
ловека. И это при самых незначительных заботах и
труде. Сорных трав ведь нет. Они уничтожены заранее
повышением температуры до 100 градусов. И топлива
для этого не нужно. И вообще оно не нужно там...

— Вам бы в адвокатах быть, — иронически заметили
физику. — А если вы растеряете нечаянно весь газ из
оранжерей и жилищ, — как тогда? Все погибнет...

— Надо быть осторожным... Если проткнуть гол-
ландскую плотину, то и Голландию затопит!

— Но потери газов во всяком случае неизбежны; как
же вы их пополните?

— И вода через плотины просачивается, но это не
ведет к гибели!

— А болиды, астероиды! Они содержат и газы, и во-
ду (в твердом соединении), и строительный материал.
Какой-нибудь астероид с диаметром в километр
вполне может обеспечить огромное население на дли-
тельное время. Такой болид должен иметь массу в 5
миллиардов тонн. Подобных астероидов, не видимых в
самые лучшие телескопы при самых благоприятных
обстоятельствах, сколько угодно!

— Да ведь их еще даже не видели!.. — слышались
возражения.

— Зато видели сотни астероидов от 10 километров и
более. Наши путешественники уже телеграфировали,
что встречали много болидов и даже составили кол-
лекцию небольших небесных камней. Да и мы тут мо-
жем видеть сколько угодно аэролитов в наших музе-
умах. Чем меньше небесная масса, тем больше число
таких масс. Если десятиверстных планеток тысячи, то
меньших размеров — гораздо больше, но сила телеско-
пов пока не позволяет их видеть. Всего больше небес-

ной пыли. Она обнаруживается непосредственно падающими звездами... И покрывает, видимо, снег полярных стран.

Все такие споры, конечно, невозможно передать. Часто повторяли одно и то же, и мы передаем тут только наиболее характерное.

40. ОТ ЗЕМЛИ В ЭФИР И ОБРАТНО. УСТРОЙСТВО НОВЫХ КОЛОНИЙ

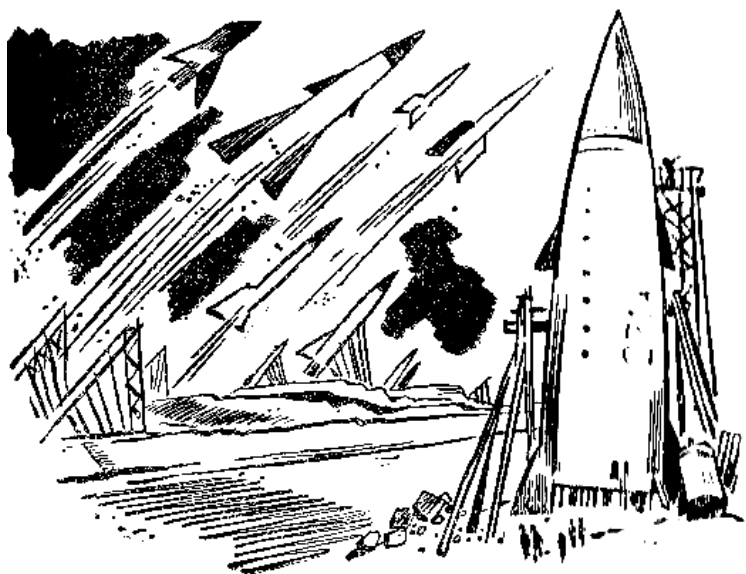
Ракеты были устроены и снаряжены по описанному уже образцу. Тысячи их летели с Земли одна за другой — с гулом, громом, выбрасывая снопы света и вызывая восторг толпы. Сначала были в них отправлены только ученые, техники, инженеры и мастера: народ отменно здоровый, молодой и энергичный, — все строители.

По совету ученых, рой этих ракет расположился на расстоянии $5\frac{1}{2}$ радиусов Земли от ее поверхности, или на расстоянии 33 тысяч километров. Время оборота их кругом планеты как раз сравнялось с земными сутками. День был почти вечный, сменяясь каждые 24 часа коротким солнечным затмением, никак не могущим сойти за ночь. Земля была видна под углом в 16° , т. е. имела вид огромной Луны, с диаметром в 32 раза больше, чем Луна. Последняя казалась то немного больше, то меньше обыкновенного. Остальное было, как описано, только в уменьшенном масштабе. Ско-

рость ракеты в отношении Земли составляла 3 километра в секунду.

Попавшие в этот новый мир сначала недоумевали, потом приходили в восторг, но скоро успокаивались, осваивались с положением и принимались за работу, уже описанную выше... Они извлекли запасные части и соорудили из них ряд оранжерей. Но решили их сделать в то же время и жилищем людей. Поэтому давление газов в них достигало одной пятой атмосферы. Главная составная часть ее состояла из кислорода, именно — 80 %; остальные 20 % приходились на углекислый газ, водяной пар и т. д. Абсолютное количество кислорода было только чуть меньше, чем на Земле на уровне моря. Действие же кислорода тут было несравненно живительнее, так как был он почти в чистом виде и не обременен, как на Земле, огромным, несуразным количеством азота. Давление было маловато, но полетевшие заранее были испытаны в способности довольствоваться малым давлением. Такой состав дыхательной среды был выгоден не только в отношении живительного действия кислорода, но и в отношении малой массивности и большой прочности оранжерей; оболочке их приходилось выносить только давление в одну пятую атмосферы. Оранжереи не были устроены совершенно тождественно с описанной. Они были приспособлены также и к жизни человека; были прочнее прежних, назначенных для растений, с очень разреженной газовой средой.

Тысячи ракет выгружали на небесах свой материал, спускались опять на Землю, нагружались там вновь и возвращались обратно. Часть их оставалась постоянно вне Земли, так как они служили жилищем для строителей, хотя и были всегда готовы для спуска на родную планету.

Спуск происходил по той же траектории, как и поднятие, и при совершенно тех же обстоятельствах, ощущениях и явлениях; только все скорости были обратны, так как взрывание во все время пути действовало в противоположном направлении, отчего скорость ракеты непрерывно падала, доходя у самой поверхности Земли до нуля. Нуля она достигала даже гораздо раньше соприкосновения — ради безопасности; затем ракета стояла неподвижно, и сейчас же приводилась в медленное равномерное движение, дававшее неопасный толчок при спуске. Теоретически это легко, а на практике трудно соединить полную остановку с первым прикосновением к почве, да еще в желаемой точке. Поэтому при спуске взрывчатого материала тратилось немного более, чем при поднятии, при той же массе ракеты. Обыкновенно спускались в

горное, довольно обширное озеро, лежащее поблизости мест подъема. Оттуда уже немудрено было причалить ракету к берегу и доставить на место.

Контингент рабочих оставался почти неизменным, так как начинались почти первые опыты устройства колоний, да и работа была очень легкая и чистая. Сплавление частей, или сваривание шло быстро, безопасно и аккуратно и производилось теплотой солнечных лучей, сосредоточенных в фокусе параболического зеркала.

Первая оранжерея была готова через 20 дней. Это была длинная труба по образцу описанной оранжереи. Длина ее достигала 1000 метров, а ширина имела 10 метров. Она предназначалась для жизни и питания ста человек. На каждого приходилось 100 квадратных метров продольного сечения цилиндра или 100 квадратных метров поверхности, непрерывно (не считая затмения) освещаемой нормальными солнечными лучами. Передняя часть, обращенная всегда к Солнцу, была прозрачна на треть окружности. Задняя, металлическая, непрозрачная, — с крохотными окошечками. Прозрачная часть благодаря вплавленной в нее необычайно крепкой и блестящей, как серебро, проволочной сетке могла выдерживать совершенно безопасно давление дыхательной газовой среды и очень сильные удары. Непрозрачная была еще прочнее. Температура в трубе регулировалась снаружи и внутри и изменялась по желанию от 200° холода до 100° тепла по Цельсию. Главное основание для этого: перемена в лучеиспускательной силе наружной оболочки цилиндра. Непрозрачная часть его была черной, но имела другую оболочку, створчатую, блестящую снаружи и внутри, т. е. с обеих сторон. Если она надвигалась на черную оболочку, то потеря теплоты лучеиспусканием двумя

третьими поверхности цилиндра почти прекращалась, между тем как поток солнечных лучей затоплял оранжерею и температура ее доходила до 100°. Обратное было, когда вторая серебряная оболочка скатывалась, собиралась, как штора; тогда снаружи оказывалась черная металлическая оболочка, которая обильно лучеиспускала в звездное пространство, и температура оранжереи понижалась. Она еще больше понижалась, когда блестящая металлическая оболочка захватывала снаружи стекла и прекращала доступ солнечной теплоты. Тогда уже температура понижалась до 200° ниже нуля. Она еще больше падала или повышалась, когда совместно работала третья внутренняя поверхность. Вспомните сосуды Дьюара, в которых хорошо сохраняется горячее и холодное, — вы найдете еще подтверждение сказанному. Центр цилиндра, собственно его ось, был занят трубой с почвой; в этой почве были заложены еще две трубы, которые доставляли непрерывно почве воздух, удобрение и влагу. В бесчисленные отверстия почвенной трубы были посажены семена и ростки плодовых фруктов и овощей. Цилиндр был разгорожен вдоль (по оси) на два полуцилиндрических отделения серебристой сеткой. Передняя, наиболее светлая половина была только отчасти затемнена вьющимся перед окнами виноградом и другими плодовыми растениями. Она служила для всех без различия пола и возраста. Другая половина была затенена толстым слоем богатой растительности. В ней были редкие окна, из которых можно было видеть только звездное небо, Луну и Землю, дававшую свет в 1000 раз сильнее лунного. К этим редким окнам, т. е. к чисто металлической части оранжереи, прилегал ряд номеров, или отдельных камер. Число их было 200. Сто камер полагалось для семейных. Далее 50 ка-

мер для холостых и вдовцов и, наконец, 50 камер для незамужних и вдов. Каждому семейству полагалось не менее двух камер рядом. В одной помещался муж, в другой, соседней — мать с детьми. Для одиноких полагалось по одной камере; но, так как число камер было в два раза больше, чем нужно, то камеры одиноких разделялись обыкновенно незанятыми, пустыми камерами. Далее был ряд помещений для семейных, потом ряд номеров для девушек и, наконец, — для юношей. Между этими номерами и огромной залой было еще шесть длинных зал. Против семейных было три залы: одна для собраний женатых, другая — для собраний и деятельности замужних женщин, а также детей, третья — для общих собраний жен и мужей. Также и против номеров одиночек были три длинные залы: две — для собраний по отдельности юношей и девушек, посредине же была зала для их совместных собраний.

Никогда не ржавеющие поперечные и продольные блестящие сетки были сплошь закрыты густой массой зелени, цветов и зреющих плодов. Аромат наполнял индивидуальные и общие камеры. Что может быть прекраснее этих комнат, стены которых состояли из зелени, украшенной цветами и плодами! Сквозь них едва пробивались тонкие стрелы золотых лучей Солнца...

Кроме детских, ни одна камера не была проходной: камера имела одну дверь, которая запиралась по желанию. Двери, например, из комнат девушек выходили в залу общего собрания для девушек, оттуда — в залу общего собрания девушек и юношей и оттуда, наконец, — в залу общего собрания всех обитателей оранжереи. Приспособления для работ помещались главным образом в общих собраниях, но иногда по желанию перемещались в камеры.

Картина залы общего собрания такая. Если стать на зеленой перегородке, считая ее полом, то Солнце кажется над головой, и нет тени. Его действие было бы невыносимым, если бы не слой растений, заслоняющий жгучесть его лучей. В этом положении мы видим грандиозную залу со сводчатым стеклянным потолком и плоским зеленым полом. Но мы не утопаем в нем, так как тяжести нет, но и проникнуть через него не можем; этому мешает крепкая серебристая сетка. Ширина залы 10 метров, высота 5, длина 1000 метров. Для сотни человек это целая пустыня, — роскошь, которую трудно себе вообразить. Если даже одновременно все сто обитателей появятся в зале, то и тогда на каждого придется около 400 кубических метров пространства! Правда, часть занята растениями, но небольшая. Окружность цилиндра около 30 метров. Свод, значит, занимает 15 метров. Прозрачная его часть — 10 метров; она не доходит до зеленого ковра на $2\frac{1}{2}$ метра. Число камер гораздо больше, чем нужно. Представим же одну из них. Она имеет $2\frac{1}{2}$ метра высоты, 9 метров длины и 5 метров ширины. Если стать в такой камере ногами к Солнцу, вдоль потока его лучей, то увидим над головой сводчатый непрозрачный потолок с маленькими оконцами, через которые большею частью косвенно струятся лучи Земли. Этот свет вполне достаточен для чтения... Шесть частных зал имеют одни размеры. Каждая в высоту $2\frac{1}{2}$ метра, в длину 167 метров и в ширину 10 метров. Можно, конечно, стать так, что высота окажется 167 метров. Эти представления о высоте, ширине и длине меняются в зависимости от положения наблюдателя. Придавая слабое вращение такой оранжерее вокруг поперечной оси, делали ее положение постоянным по отношению к Солнцу, так как плоскость вращения имеет способность сохраняться

неизменной по направлению. Полученная от вращения тяжесть почти не имела никакого влияния на свободу движений и даже не замечалась, но на концах оранжерей, где она имела наибольшую величину и где помещались уборные и ванны, она приносила некоторую пользу: распределяла воду в сосудах и помогала совершать отправления.

Надо еще упомянуть о весьма важном органе оранжереи: регуляторе сырости или влажности. Растения под влиянием жгучих лучей Солнца непрерывно испаряют массу воды и быстро иссушают почву. Так что, кажется, должна в оранжерее получиться страшная сырость. Но этого нет. Степень влажности зависит от желания людей. Снаружи, в тени, вдоль оранжереи идет особая черная металлическая труба — холодильник, в нее непрерывно нагнетается воздух, где он и выделяет из себя оживенные пары воды в зависимости от температуры трубы. Температуру же эту, как мы объясняли, можно изменять, по крайней мере, понижать, чуть не до 200° холода. Конечно, в такой низкой температуре нет никакой надобности; довольно очень незначительной степени холода. И то после нагревания в оранжерее получается очень сухой воздух. Полученная от сгущения пара вода струей воздуха или от вращения оранжереи скопляется на ее концах, в уборных и ваннах, где окончательно очищается и служит для омовений. Затем она поступает в почвенную трубу для удобрения и увлажнения почвы.

За неимением тяжести воздух в оранжерее не циркулирует, хотя температура неодинаково затененных частей оранжереи далеко не равномерна. Центробежная сила производит токи, но чересчур слабые по ее незначительной величине. Поэтому и ради очищения дыхательной среды от пыли, листьев, плодов и слу-

чайных предметов воздух особыми вентиляторами приводится в движение и превосходно очищается. Но можно ограничиться и токами, ведущими в холодильник.

Строители соединяли несколько оранжерей в виде звезды и других фигур, придавая им легкое вращение, чтобы прозрачная половина строений всегда была обращена к нормальным солнечным лучам.

Однако оставим наших зодчих созидать эти заатмосферные жилища и населять их людьми, а сами обратимся к исследователям небес, кружащим сейчас со скоростью одного километра в секунду по орбите Луны. Переселенцев же навестим, когда их наберется достаточно в настроенных для них домах.

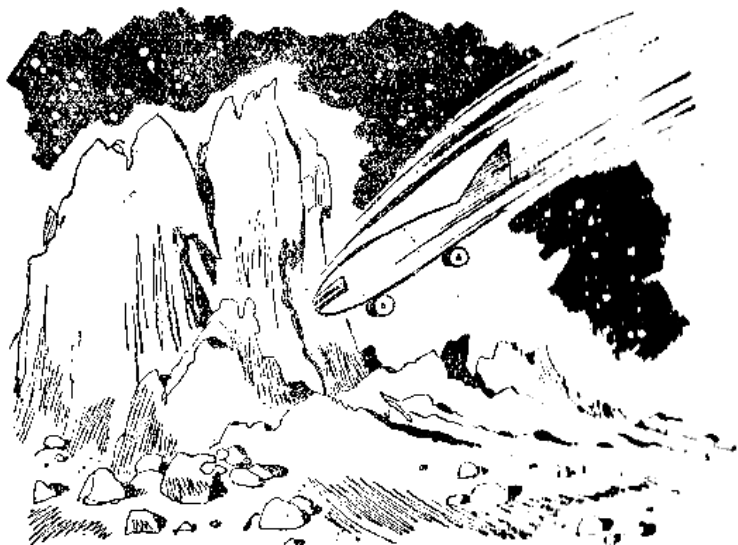
41. ПУТЕШЕСТВИЕ С ЛУННОЙ ОРБИТЫ К ЛУНЕ

Мы оставили наших ученых на орбите Луны, в расстоянии 360 тысяч километров от Земли. Вы помните, что они решили полет на Луну. Но на новом собрании план полета был радикально изменен. Чтобы сэкономить взрывчатое вещество и не подвергать риску оранжерею, которая была главным источником их питания, положили отправиться на Луну только вдвоем, в особой ракете, для того приспособленной. Зачем громадный объем, прочность и масса, если полетят только двое и если сила взрывания может быть в тысячи раз меньше? Потом, маленькая ракета должна быть приспособленной к движению на лунной почве и к полету через ущелья, горы, цирки и вулканы. Первое достигается прибавлением в ракете колес, вращающихся запасенной энергией, так как будучи на Луне на солнечную энергию нельзя вполне рассчитывать; второе — особым расположением придаточных взрывных труб, уничтожающих слабую на Луне тяжесть ракеты.

Крылья бы не помогли, так как газовая оболочка нашего спутника едва ли существует.

Покамест вдали от ученых устраивали колонии, они спроектировали и осуществили новый экипаж для Луны. Страстно пожелал лететь на Луну один инженер по имени Норденшельд. С ним хотел отправиться Иванов. На этом и порешило общество.

Было трогательное прощание и проводы. А главное — все запасы, машины и их действие были строго проверены. Целой толпой, в скафандрах, провожали малую ракету, пока ее скорость не стала взрыванием увеличиваться, тогда пришлось отстать; ракета скоро исчезла из виду, и коренные жители должны были вернуться домой.

Взрывание было направлено в сторону движения малой ракеты, так что вскоре скорость удвоилась и дошла до двух километров в секунду. Относительная тяжесть была очень незначительна, поэтому не было надобности погружаться в жидкость. Все-таки из экономии времени ее сделали под конец взрывания равной земной. Как приятно было невольное напряжение мускулов при стоянии, при поднятии рук! Лица бледнели с непривычки, руки и ноги наливались кровью. Оба до такой степени отвыкли от тяжести, до того избаловались, что перемена очень скоро стала вызывать гримасы недовольства и нетерпения. Когда через 100 секунд явление прекратилось, то они вздохнули с облегчением и не выразили желания снова возвратиться в среду тяжести. Напротив, они распластались в небольшом пространстве ракеты, как люди, погрузившиеся в пуховики после тяжких трудов... Видимый диаметр Луны заметно увеличивался. Относительная скорость была один километр, но она увеличивалась непрерывно действием Луны. Однако ее притяжение не могло дать прибавку скорости более двух километров в секунду. Первоначальное расстояние до Луны, считая по ее орбите, составляло около 1 200 000 километров. Через семь дней это расстояние уменьшилось почти наполовину. Если теперь не уменьшать скорость взрыванием, то ракета будет удаляться от Луны и совсем от нее уйдет. Поэтому скорость стали замедлять взрыванием в обратную сторону. Таким образом, путь ракеты понемногу исправлялся, и она снова приблизилась к лунной орбите. Тогда взрывание прекратили, и относительная тяжесть исчезла. Дней через пять Луна была уже на расстоянии 200 тысяч километров и казалась в два раза больше, чем с Земли. Но расстояние уменьшалось, а кажущийся диаметр Луны увели-

чивался, что подтверждало приближение. На Луну они уже ранее нагляделись и были к ней когда-то даже ближе, чем теперь; так что ее рост пока не особенно их занимал, но все же они с трепетом на нее посматривали, зная, что через несколько часов они будут на ее поверхности. Кто знает! Может быть, если не сумеют изловчиться при спуске, им придется расшибиться о ее поверхность.

— Не пора ли замедлять скорость? — спросил тревожно швед, не отрывая глаз от спутника Земли.

— Нет, — ответил Иванов, — подождем, пока относительная скорость ракеты под влиянием лунного притяжения не дойдет до двух километров в секунду.

Времени еще оставалось много. Они часто закусывали и наперерыв угощали друг друга, нервно посматривая по сторонам. Ослепляло по обыкновению Солнце, светила громадная Земля, показывая на себе хорошо приглядевшиеся узоры материков, морей, озер... Виднелось всюду черное небо с точкообразными, как бы мертвыми звездами и немногими планетами. Но все более и более приковывала взоры Луна. Ее кажущийся размер уже сравнился с размерами Земли... Затем он стал превосходить Землю, последняя стусевывалась...

Через сутки Луна как-то стала особенно расти, увеличиваясь не по часам даже, а по минутам...

— Страшно! — воскликнул невольно швед, с ужасом смотря на непомерно распухшую Луну. С поразительной отчетливостью стали вырисовываться ее моря, цирки, кратеры, ущелья, ослепительный блеск каких-то линий и точек. Карта Луны была перед ними в преобразенном, волшебном, живом виде... Показываются области, долины и горы, никогда не виданные с Земли ни в один телескоп... Путешественники смотрели на

Луну «сбоку» и потому открылась половина задней ее части.

— Не пора ли тормозить ракету взрыванием? — спросил опять, не сдерживая волнения, швед.

— Да, пожалуй что, начнем через несколько минут... Луна была на расстоянии двух тысяч километров и была видна под углом в 50° , т. е. занимала седьмую часть окружности неба и стала настоящим страшилищем уже для обоих. Ее диаметр был в 100 раз больше обыкновенного.

Начали замедляющее взрывание. Оба вновь почувствовали тяжесть, но гораздо меньшую земной. Сели на пол. Под ногами виднелась громадная Луна в виде опрокинутого узорного зонтика, составляющего часть небесной сферы...

— Через полчаса мы прибудем на Луну, — сказал Иванов. Светлый зонтик под ногами разрастался и занимал чуть не половину неба. Сердца обоих бились тревожно. Горы, долины, скалы, кратеры были видны так ясно и близко, как земной ландшафт... Казалось, несколько верст отделяют Луну от путешественников. Да оно так и было... контрвзрывание сильно возросло... ракета шла все тише...

— Ракета стоит, — сказал русский, рассматривая в угломерный прибор Луну.

Направление взрывания опять изменили; ракета двинулась вперед ускоренно; относительная тяжесть изменила свое направление, так что Луна моментально оказалась над головой... До простирившихся над ними долин и гор осталось всего два-три километра... Странно было явление относительной тяжести. Она была противоположна лунной. Так что Луна казалась где-то в высоте, как потолок.

Иллюзия была поразительна, и Норденшельд все бормотал:

— Как же по этому потолку мы будем ходить... За что там прицепимся?!

— Успокойтесь! все хорошо, — отвечал Иванов.

Ракета приобрела 100 метров скорости по направлению к Луне. Итак, оставалось всего около двух с половиной километров. Теперь давление газов сделали равным лунному притяжению. Ракета по инерции шла равномерно со скоростью около 100 метров в секунду. Относительная тяжесть опять исчезла, и Луна казалась то там, то сям, смотря по направлению тел путешественников. Через 20 секунд всего оставалось только 500 метров расстояния. Контрвзрывание опять пусти-ли в ход. Тяжесть опять изменила направление, и Луна уже оказалась внизу. По истечении еще 10 секунд наши герои с едва заметным толчком опустились на почву. Произошло это так. Ракета еле двигалась, вот они почти касаются почвы, которая довольно быстро ползет под ногами... Ракете придали горизонтальное положение: она повернулась и стала своими четырьмя колесами на Луну, как падающая кошка на лапы, прокатилась несколько десятков метров по долине и остановилась.

42. НА ГОРАХ И В ДОЛИНАХ ЛУНЫ

Ракета стояла. Путешественники как бы находились в оцепенении. Была мертвая тишина. Казалось, что они только пробудились от сна или очнулись от обморока. Наконец, русский встал, потянулся и сказал:

— Мы на Луне; тяжесть тут в шесть раз меньше, чем на Земле. Не правда ли, как это чувствуется, — продолжал русский, помахивая руками и двигая всеми членами.

Их не удивляла уже тяжесть, так как при взрывании они часто ее испытывали. Но была разница между истинной тяжестью, от тяготения масс, и тяжестью относительной. При ускоренном движении ракеты или равномерном его замедлении образовывалась относительная тяжесть всякой величины в зависимости от силы взрывания. Но так как последнее не могло быть вполне постоянно по силе и направлению, то эта относительная тяжесть сопровождалась некоторой тряской,

как при езде по очень хорошей дороге. Когда же относительная тяжесть получалась вращением, то не чувствовалось ни малейшей тряски и колебания. Тогда при обыкновенном сравнительно небыстром движении предметов и людей на вращающемся теле эта относительная тяжесть ничем не отличалась от тяготения, если не считать легкого головокружения, которому подвержены некоторые люди при качании или вращении; большинство же их ничего не испытывает, особенно при большом радиусе вращения. При быстром же самостоятельном движении людей искусственная тяжесть, полученная от центробежной силы, сказывается очень интересными явлениями, которые мы, если будет случай, потом опишем. Теперь же они испытывали в полной мере то, что привыкли испытывать на Земле. И это им было так отраднo, как если бы вдруг пронесся запах чего-то, напоминающего былые давние ощущения детства или юности...

— Что-то холодно, — сказал швед.

— Да, пробирает!

В окна глядела ночь. Почвы почти не было видно. Небесный свод простирался кругом. Свод — черный, с бесчисленным множеством немигающих звезд. Земли, т. е. месяца, не было видно. Чувствовалась беспомощность, грусть и даже страх. На горизонте неясно обрисовывались темные зубчатые массы. Выше их — неисчислимая серебряная россыпь звезд.

— А ведь мы находимся на неведомой людям половине Луны, где никогда не светил месяц, т. е. наша Земля, — пояснил Иванов.

— Да! — подтвердил швед. — Но здесь светит, конечно, Солнце, и мы его дождемся...

— Разумеется! И тогда увидим местность, никем еще не виденную с Земли.

— Но скоро ли восход? Мы замерзнем, если эта ночь продолжится несколько часов, — заметил швед.

— Солнце должно скоро появиться, — ответил русский. — Вон, видите, в той стороне что-то на горизонте как будто светлеет! Это утренняя заря...

— Как заря! — удивился швед. — На Луне нет атмосферы, значит не может быть и зари...

— Может быть, редкая атмосфера и есть, но не она производит этот свет на востоке. Горы, освещенные солнцем, отражают свой свет на не освещенные еще вершины. Эти — распределяют свет дальше и т. д. Так и получается особая лунная заря, очень слабая, не похожая на земную...

— Смотрите, как усилился свет зари, пока мы говорили, — заметил швед, невольно поглядев в окно... — А все-таки страшно холодно... не пустить ли в действие электрическую печь?

— Ну что же, поверните кнопку, — сказал русский.

— Это еще ничего! — продолжал он. — Холод проникает к нам очень медленно благодаря окружающей пустоте и блестящей двойной поверхности ракеты. Она великолепно отражает лучи тепла и не выпускает их из ракеты: ни в это звездное пространство, ни на лунную почву.

— Погодите! Что это там блестит на востоке? — воскликнул швед.

— Осветилась вершина горы непосредственным солнечным светом, — спокойно ответил русский.

— Значит, сейчас появится и Солнце...

— Ну нет! Вы забыли, что сутки на Луне в 30 раз дольше, чем на Земле. Во столько же раз медленнее и восход.

— Да, да! Я совершенно это упустил из виду: если мы на экваторе Луны, то восход будет продолжаться

ровно 60 минут.

— Совершенно верно, — подтвердил Иванов, — так как на земном экваторе восход продолжается две минуты...

Стало теплее от пущенной в ход печи; настроение стало благодуще... Вон засветилась другая вершина, вот две зараз... Можно было кругом уже кое-что различать... Огней при спуске на Луну не зажигали, хотя и пробовали зажечь... но окружающий мрак стал еще ужаснее, и их поэтому потушили: все-таки из темноты были видны родные узоры созвездий: та же Медведица, тот же Орион с своим ярким Сириусом, тот же Млечный Путь тянулся от одного края неба к другому. Это ободряло и давало возможность хоть что-нибудь видеть. К черному же своду они давно привыкли...

Час прошел незаметно в рассматривании восхода и наблюдении вспыхивающих вершин... Каких-нибудь два часа провели без Солнца, а как это было мучительно! Первые лучи его были встречены восторженно... Они были ослепительны... Все большая и большая часть солнечного круга выдвигалась... Но он не имел красного сконфуженного вида, не мог быть назван «красным Солнышком»... Нет!

Это было яркое синеватое Солнце, вдвое сильнее, чем земное экваториальное, стоящее над головой. Осветились все громады гор, долины, скалы, камни. Стало виднее. Ракета стояла боком к лучам Солнца, но нагревалась слабо благодаря своей блестящей поверхности.

— Сейчас будет тепло и без печи, — заметил русский. — Поверните, пожалуйста, вон ту рукоятку, чтобы часть ракеты, обращенная к Солнцу, закрылась черной поверхностью.

— Готово! — сказал швед.

Не прошло и нескольких минут, как стало невыносимо жарко.

— Однако, — сказал швед, — разве я не потушил электрическую печь? Нет, печь потушена...

— Я совершенно запарился, — сказал Иванов и повернул рукоять в обратную сторону, так что поверхность, обращенная к Солнцу, стала полосатой: одни полосы черные, как сажа, другие — светлые, как серебро. Стало холоднее. Рукоятку передвигали взад и вперед, пока не получилась желаемая температура, именно около 30° Цельсия.

— Теперь в самый раз, — с удовольствием произнес швед, — Но что же мы далее будем делать?..

— Мы можем выйти, — ответил Иванов, — расправить члены движением, которое тут необычно, осмотреть окрестности, а потом объехать Луну в ракете, которая может заменить экипаж, катясь на своих колесах. Через рвы, кратеры и горы можем перелетать, употребляя взрывание и уравнивая им ничтожную лунную тяжесть...

— Отлично, — согласился швед. — А как же воздух?.. Здесь как будто незаметно атмосферы... Затем холод... ведь перед этим была длинная ночь... Почва должна страшно остыть...

— Да, почва имеет теперь около 250° холода, так как Солнце еще не успело ее прогреть, — заметил русский. — Но все это ничего: было хуже, когда под ногами ничего не было и ничего не защищало от лучеиспускания... Почва, как она ни холодна, все-таки дает теплоты больше, чем открытое звездное пространство, которое эту теплоту страшно сосет из всякого тела...

— Как же касаться такой холодной почвы, т. е. ходить по ней?

— Наденем скафандры, запасемся кислородом, потом — особые калоши, подошвы которых почти не пропускают теплоты... Жаркое Солнце будет нас так же успешно согревать, как и ракету. Вот полосатая одежда, которая поглощает солнечной теплоты сколько нужно... даже немного более.

— А если подождать, пока лучи светила не прогреют почву... — возразил швед.

— Много упустим времени: чересчур холодна почва и не скоро согреется...

Решили вылезти из ракеты. Надели скафандры, подвязали сандалии. Сначала вышел в узкий футляр, или шкаф, швед, затворил за собой внутреннюю дверь, вышел в наружную и герметически ее захлопнул. То же сделал и русский. Оба оказались на почве Луны; возле них на своих колесах покоилась ракета. Так как она не предназначалась к рассечению воздуха, то имела вид эллипсоида, длина которого была только в три раза больше высоты. Она напоминала старомодную, очень оригинальную карету.

Все кругом блистало и сверкало под лучами Солнца. Вдали высились громады гор. Они стояли на довольно ровной и гладкой равнине, носящей у людей название «моря». Солнце их согревало; они не чувствовали холода почвы. В задумчивости стояли они несколько минут, оглядываясь по сторонам. Поворачиваться приходилось поневоле, так как в противном случае одному боку становилось жарко, а другому, затененному, — холодно.

Созерцание оригинальных невиданных красот, легкость тела, яркое, теплое Солнце привело их понемногу в восторженное со стояние. Русский потер руки, приложил их к груди и задрожал от радости. Швед подпрыгнул в восхищении и поднялся на высоту 4

метров. Летел он туда и обратно целых 3 секунды. Русский побежал, делая громадные прыжки — метра 3 в высоту и 12 метров длины. При разбеге длина шагов еще увеличилась, и он уже перепрыгивал трещины и рвы в 24 и более метров ширины. Оба подымали попадающиеся им на пути камни, и они им казались по тяжести деревянными или пустыми. Шестипудовый гранит весил тут только один пуд. Брошенные кверху камни подымались в шесть раз выше, чем на Земле, и прилетали обратно очень нескоро, так что скучно было ждать. Летели они в 6 раз дольше, чем на Земле. В горизонтальном направлении их путь тоже был сравнительно с земным в 6 раз больше и продолжительнее. Солнце поднималось все выше, но очень медленно. Тени были очень резки, но не вполне черны, так как освещались окружающими освещенными горами и холмами. В тени нельзя было побыть более нескольких минут, ибо стоящий в тени лишался солнечных лучей, т. е. притока тепла: он только терял его и потому быстро остывал и поспешно выскакивал с громадным удовольствием на солнце. Оба путешественника легко перескакивали друг через друга; также без усилия поднимали один другого. Прыгая кверху, они изловчились перевертываться несколько раз во время полета. Иногда при этом не становились на ноги и слегка ушибались о почву. Их увлекали гимнастика, беготня, акробатические шутки, как детей, и они недостаточно обращали внимания на другое. Но вот надоело резвиться и играть. Русский нагнулся и поскоблил ногою почву. Она была покрыта нетолстым налетом пыли; под ней же было что-то твердое, вроде гранита. В других местах слой пыли был толще; попадались наносы и значительной толщины; некоторые были мягки, другие слежались и были плотнее, а иные и совсем

тверды. Особый термометр из металлического стержня показал в глубине наноса около 250° холода. Сверху нанос уже чуть нагрелся от солнечных лучей. Места повыше были обнаженные гранитные массы. На каждом шагу попадались камни, казавшиеся очень легкими. Вдали были во множестве рассеяны крупные гранитные глыбы. Виднелось множество скал, а еще дальше — холмы и горы. Они казались очень близкими и малыми. Всюду попадались трещины, особенно на обнаженных гранитах: много узких, едва заметных; за узкими следовали широкие, доходившие до нескольких метров ширины. Попадались и ущелья. В наносах виднелось множество кругловатых дыр, больших и малых. Наши приятели бегали в разных направлениях, рассматривая то то, то другое, и прыгая без усилий через огромные камни и довольно широкие ущелья; они часто сходились, чтобы обменяться впечатлениями. Прямо разговаривать было нельзя вследствие крайнего разрежения атмосферы; приходилось или касаться шлемами или протягивать между ними стальную проволоку. Почва Луны их голоса не передавала, так как подошвы дурно пропускали звук...

— Меня всегда удивляло как здесь, так и в открытом небесном пространстве, — сказал швед, — что мы видим как бы «свод». Воздуха нет! — откуда же свод, хотя бы и черный? Фламарион отрицает свод на Луне...

— Нет! Мне понятна эта иллюзия, — возразил Иванов. — Глаз все громадные расстояния считает одинаковыми. Поэтому звезды, Солнце и Луна представляются нам на одном расстоянии, т. е. как бы прикрепленными к шаровой поверхности, центр которой составляем мы. Отсюда иллюзия полушарового свода. На Земле он кажется голубым и приплюснутым сверху,

потому что на горизонте более толстый слой атмосферы затемняет звезды и земные предметы. Мы же вообще привыкли предметы считать тем дальше, чем они темнее от затемнения их воздухом. Оттого-то свод на Земле и кажется приплюснутым, чего нет ни в эфире, ни здесь... Тут воздуха нет, нет и затемнения звезд и гор. Вот почему они еще кажутся близкими и игрушечно-малыми. Нечто подобное, хотя и в меньшей степени, наблюдается на очень высоких земных горах: там тоже все кажется ближе и меньше, чем внизу.

Когда путешественники смотрели в сторону Солнца, то звезд замечалось меньше вследствие сужения зрачка под влиянием косвенного солнечного света. Так же, когда перед ними сверкали освещенные склоны гор. Напротив, из низких мест, из которых было мало видно освещенных поверхностей, из теневых мест, в особенности из ям и ущелий, видно было так же много звезд, как ночью.

Солнце поднималось очень медленно, проходя каждый час только свой диаметр. Чтобы достигнуть зенита, оно должно употребить 180 часов. Тени были еще громадны. Отходить далеко от ракеты было небезопасно. В глубоких кратерах должна быть тень, и без лучей Солнца было бы очень холодно. Затрачивать же тепловую энергию нашим друзьям не хотелось.

Попробовали пока спуститься в одно из ущелий. Края были заметны, в глубине же виднелась бесконечная черная бездна. Нашли сбоку пологий ход. Начали спускаться. Когда же мрак стал поглощать их и над головой засветились бесчисленные точки звезд, зажгли яркую электрическую лампу. Рефлектор осветил стены. Они были кое-где испещрены какими-то иероглифами. Стены были теплы; термометр уже на глубине 5-10 метров показывал около 20° Цельсия. Рус-

ский пощупал гранитную породу и заметил, что камень похож на наш письменный, или еврейский, гранит, мало содержащий слюды. Спустились ниже, температура почти не изменялась и было совсем тепло. На глубине более ста метров стены стали еще глаже и блестели все более по мере спуска. Швед поскоблил особенно блестящую часть и воскликнул:

— А ведь это металл! Смотри, как блестит!

— Недостаток кислорода не мог окислить лунную кору на большую глубину, отозвался русский. — Она дала граниты с поверхности, внутренняя же масса Луны содержит легкие металлы или сплавы. Трещина эта, в которой мы сейчас находимся, очевидно, образовалась после исчезновения или, вернее, поглощения атмосферы лунной массой.

Откололи на разных глубинах образчики пород и металлов и поднялись на поверхность с глубины 1000 метров. Как спуск, так и восхождение не могли никого затруднить. Четырехпудовый швед чувствовал в себе только 27 фунтов, а русский, весящий меньше, — только 24 фунта. Также и пудовый их груз минералов и металлов составлял всего 6 фунтов. Не

было в ущелье ни сырости, ни влажности, да они бы их и не почувствовали, так как дышали искусственным составом, который хранился за их спиной.

Надо было отдохнуть, подкрепиться пищей, и наши друзья со своим драгоценным грузом заключились в ракету. Отдохнув, поев и еще отдохнув, облеклись в скафандры и прежним порядком вышли наружу.

Когда есть земная тяжесть, то движения хотя и утомительны, но более свободны, чем в эфирном неограниченном пространстве. Это движение можно каждую секунду изменять. Здесь же есть не только свобода, но и отсутствие утомления благодаря малой тяжести. Только скафандры стесняют немного. Зато какой новый мир! Сколько разнообразия и неожиданных открытий!.. Понятно, что наши путешественники не только чувствовали себя хорошо оттого, что погрузились в нечто родное, подобное Земле, но и оттого, что к этому примешивались удовлетворение первых исследователей Луны, любознательность ученых и простое любопытство.

Солнце поднялось еще выше — градусов на 20; тени стали короче, почва теплее. Склоны, перпендикулярные к лучам Солнца, совсем стали теплы. Побежали к ближайшему холму. Поднялись на вершину и должны были остановиться перед пропастью. Они были перед остывшим кратером. Там еще сгущался мрак, и дно трудно было разглядеть, но в центре темного круга блистала какая-то точка, должно быть вершина горы, освещенная солнцем. Спускаться в самый кратер не решились. Побежали кругом. Некоторые места спускались полого наружу или внутрь, другие — обрывисто. Тут были обвалы, и внизу виднелись нагромождения скал их обломков, камней, щебня. Вообще же крутизна

ко внутренности кратера преобладала. Красивые столбы базальта попадались довольно часто... Возвратились, собрав коллекцию порфиров, базальтов, трахитов, лав, сиенитов, роговых обманок, полевых шпатов.

— Что это, мне представляется, будто что-то мелькает у трещин и скрывается, — сказал русский.

— И я тоже заметил... — подтвердил швед.

Стали смотреть внимательнее на трещины и дыры. Все чаще и чаще появлялось это мелькание: вдали пробегали какие-то тени и поспешно прятались. Тот, то другой быстро бегал по направлению этих видений, но они бесследно исчезали при их приближении. Наконец, швед схватился за бинокль и приложил его к плоским стеклам шлема.

— Да это что-то живое! — воскликнул он. — Вон бежит по полю... вон спряталось в норку...

— Дайте-ка и я погляжу, — обратился к нему Иванов, выхватывая с нетерпением из его рук бинокль. — Смотрите, смотрите... Они зеленые... На спине какие-то веточки... Ну, право, похожи на движущиеся кустики... Надо словить эти существа...

Но пока им не удалось это сделать; проворные животные быстро скрывались при их приближении. По мере согревания почвы их становилось все больше и больше. Одни неподвижно грелись на солнце, другие перебегали площадки между норами. Они были разных форм и очень разных размеров и цветов; больше всего зеленых, затем — красных, желтых, оранжевых и черных. Были и разноцветные. Какие-то точки стекляннм блеском сверкали на поверхности их тел. Самые маленькие копались в пыли и как будто глотали ее; те, что побольше — гонялись за маленькими, возились с ними, утаскивали в свои норки и, может быть, пожирали...

— Температура на Луне, — сказал Иванов, — теоретически должна изменяться от 250° холода до 150° тепла. Понятно, что растения при таких кошмарных условиях не могут существовать на почве Луны. Я уже не говорю про отсутствие достаточной влаги и достаточно плотной атмосферы.

— Конечно, так, — согласился швед, — но вы подразумеваете обычные неподвижные растения, каковые на Земле. Если бы растения приобрели некоторый разум или хоть инстинкт и способность двигаться, то они могли бы жить и на Луне. Отрицать такую способность у растений мы не можем на основании всем известных фактов, например о насекомоядных растениях Земли. Когда очень холодно, никто не мешал бы им тогда прятаться в глубокие ущелья, где температура средняя, т. е. на экваторе около 22° тепла по Цельсию, а в высших широтах — меньше. Когда очень жарко, т. е. в конце длинного дня, опять спасителями их могли бы быть глубокие лунные трещины.

— Я ни разу не видел тут обычных растений — с корнями. Неподвижность, разумеется, убила бы их при страшном контрасте температур, — заметил Иванов. Если бы такие растения прятались в глубоких ущельях, то опять-таки погибли бы от недостатка солнечного света.

— Я тоже пока не заметил растений, подобных земным.

— Это же движущиеся растения, мне кажется, — сказал швед, — подобны морским существам с зеленою хлорофилла. Иные из них, самые малые и микроскопические, живут исключительно солнцем, как растения, другие покрупнее — и солнцем и поеданием более мелких созданий. Здесь совершается то же самое, что и

в земных океанах, лишь нет воды и растворенных в ней веществ....

— Но здесь есть пыль, содержащая кислород, углерод, водород и многие другие элементы, необходимые для живого мира, и поедаемая ими... Солнце превращает их в воду и разные сложные тела, из которых состоит живой мир.

— Мало же проникаемый для газов покров их тела предохраняет их от высушивания, — заметил русский. — Энергия дается им солнечными лучами или поглощением других животных, и чаще и тем и другим, благодаря ей они движутся и немного мыслят...

— Их хлорофилл действием солнечных лучей разлагает углекислые и другие несложные соединения на углерод, кислород и т. п., которые, соединяясь, дают все сложные ткани тела, — добавил швед. — Ткани же тела, разлагаясь при работе мускульной и умственной, дают простые соединения, подлежащие отбросу у наших животных; у этих же существ они не отбрасываются, а снова перерабатываются в земных придатках тела силою солнечных лучей в ткани и т. д. Выходит, что животное по сформировании может не питаться, т. е. не брать извне никаких веществ — ни органических, ни минеральных.

— Рассуждать на эту тему нет времени, делать опыты тем более. Надо ехать кругом Луны, подняться с нее и соединиться с нашими друзьями до истощения запасов. Там же оранжерея представляет неистощимый запас. Не есть же нам здешних существ; можно отравиться, да и ловить мы их не умеем...

— Я думаю, — сказал русский, — что надо ехать не внутри ракеты, а на ее верхней площадке, имеющей для этой цели перильца, сиденья и поднимающийся легкий навес.

— Ехать интереснее к востоку, навстречу Солнцу, по неведомой половине Луны: во-первых, будем встречать все более и более нагретую почву и, соответственно этому, более пробудившуюся жизнь; во-вторых, скорее пройдет долгий лунный день, наступит закат, когда можно наблюдать еще особые интересные явления.

Да, да! сказал русский. — Отдохнем, да и в путь-дорогу... Понаберем еще минералов: пополним коллекцию...

Через несколько часов они уже, преспокойно развалившись в креслах верхней площадки ракеты, мчались к восходу почти по экватору планеты со скоростью от 10 до 100 километров в час, в зависимости от состояния пути. Мчались, конечно, долинами, плоскогорьями, оставляя в стороне гигантские горы и объезжая даже небольшие кратеры и холмы. Приходилось описывать довольно сложную линию, и Солнце светило им то в один бок, то в другой и даже в спину. Но скафандры защищали их от убийственного действия солнечных лучей. Колеса быстро вертелись и направляли их путь то к северу, то к югу. Маленькие трещины переезжали без затруднения, большие перескакивали с разбегу, а величиною в несколько сотен метров (а иногда и в несколько километров) приходилось перелезть, причем оба крепко держались за перила, не забывая управлять механизмами. Еще издалека при виде пропасти пускали в ход взрывные трубы, которые уничтожали слабый вес их экипажа и мчали их с удесятеренною скоростью через рвы, ущелья, небольшие кратеры и горы. Но к этому прибегали редко, так как экономии взрывчатый материал.

От быстрого их движения к востоку Солнце как будто оживилось и быстро поднималось. При часовой

скорости в 15 километров движение Солнца по небосклону ускорялось вдвое, т. е. оно проходило в час не полградуса, а целый. При 105 километрах скорости Солнце проходило уже 4 градуса в час. Такая скорость давала возможность проехать половину экватора в течение 45 часов.

— Поглядите-ка, — заметил швед, — Солнце стало опускаться к востоку!

— Это потому, что мы сейчас повернули в обратную сторону и мчимся, ради обхода той горы, к западу.

— Значит, тут можно управлять движением Солнца; заставить его опускаться, подыматься, двигаться быстрее и медленнее, стоять на одном месте, всходить на западе и закатываться на востоке, — сказал швед, поглядывая на роскошные ландшафты.

— Совершенно правильно! — отвечал русский. — Причина простая: Луна мала, а скорость движения ее экваториальных точек еще меньше. Они проходят менее 4 метров в секунду или около 15 километров в час. Если двигаться с такою скоростью на экваторе Луны, но в обратную сторону, то вращение наше уничтожится, и Солнце будет стоять вечно (так нам покажется) на одном месте. Если нас тогда застанет ночь, то будет неизменный мрак, если день, то постоянный свет. При другой самостоятельной скорости, можно заставить Солнце двигаться быстрее или медленнее и восходить или заходить неестественно или необычно...

Каждые три, четыре часа приходилось останавливаться, чтобы поесть, отдохнуть и проверить скафандры. Для этого входили в ракету. Отдохнувши, весело выскакивали, бегали по окрестностям и собирали образцы горных пород. Драгоценных металлов пока не находили. Останавливались чаще ради чего-нибудь привлекавшего взоры. Иногда по краям громадной де-

сятикилометровой крутой горы позади себя видели нестерпимо блестящие и сверкавшие обвалы. Громадные камни, скалы и целые горы сваливались с многокилометровой высоты и, не встречая сопротивления воздуха, падали поэтому с ужасною скоростью и дробились на мелкие части. Если это грандиозное падение было недавно и гряда не успела засориться наносною пылью, то обвал был свеженький, точно вымытый, блистающий всеми цветами радуги. Лучи Солнца, преломляясь в прозрачных кристаллах, давали интересное зрелище.

Причина обвалов очень понятна, хотя и нет на Луне плотной атмосферы и обильных вод, которые своим движением и замерзанием немало способствуют разрушению горных пород на Земле. Здесь главная причина разрушений — огромная разность температуры дня и ночи, достигающая 400° Цельсия. Это и производит все более и более глубокие трещины в гладкой сначала горе. Тогда, при достаточной крутизне, происходит первый обвал; за ним по той же причине — другой и т. д.

Когда по краям гор образуются довольно толстые нагромождения, то они уже препятствуют дальнейшему растрескиванию каменной почвы, да и крутизна гор настолько уменьшается, что растрескивающиеся вершины остаются на месте. Многие горы на Луне уже достигли этого состояния и мало теперь разрушаются и понижаются; однако осталось еще множество цирков, на которых это разваливание продолжается. Наши приятели уже не раз чувствовали как бы землетрясение от грандиозных обвалов, а иногда и видели их; но звук глухо доходил до них и только через почву, так как он плохо распространялся в атмосфере ввиду ее малой плотности...

Блистало синеватое Солнце, скрытое от них ракетным навесом, но не мешало им видеть черный полусферический свод, усеянный знакомыми созвездиями. Только свет, отраженный от гор, уменьшал число видимых, не мигающих здесь звезд. Кругом была мертвая тишина, если не считать шума ракетных моторов, который передавался через стенки и сиденья их телам. Нигде не было видно ни облачка, ни деревца, ни травки; только кругом что-то зеленое быстро мелькало и скрывалось, пугаемое движением и шумом ракеты. Это были лунные животно-растения... Ужасно печалило взор отсутствие лесов, зеленых лугов, озер, рек, снегов и воздушной лазури.

— Смотрите-ка, — сказал русский, — что это нам навстречу движется? Как будто какая-то зеленая туча!.. Вон там, где виднеется самая высокая скала...

— Вижу, вижу! Это, вероятно, стадо здешних животных... Швед поднес к глазам бинокль и действительно увидел множество прыгающих и напоминающих кенгуру животных, быстро бегущих к западу... Поглядел в бинокль и Иванов, но животные, испугавшись ракеты, стремительно кинулись в сторону и исчезли за соседней горой... После наши путешественники много раз видели то же и решили, что не все лунные существа скрываются от холода в ущельях и трещинах, но многие, наиболее крупные и сильные, пользуются вечным днем и теплотой Солнца и почвы, гоняясь за дневным светилом и проводя всю жизнь в движении. По дороге они пожирают попадающихся им более слабых животных. Их движение к западу, чтобы никогда не упускать Солнце, должно быть близко к 14 километрам в час. При слабом лунном притяжении это непрерывное и умеренное движение вполне возможно и даже легко.

При остановках, шагая по обвалам у крутых и даже отвесных гранитных масс, они выбирали то, что более им нравилось: находили прозрачные кварцы в виде огромных кристаллов горного хрусталя; во множестве валялся красноватый ортоклаз и темная роговая обманка; изредка попадались цирконы, гранаты и турмалины. Кругом стояли столбами еще не разрушенные зеленые грюнштейны, красноватые порфиры и великолепные базальты разных цветов, у подножия их рылись наши приятели и то и дело приходили в восторг от красивых экземпляров камней. Они набивали корзины красными рубинами, оранжевыми прозрачными гиацинтами, темными меланитами, кроваво-красными пиронами, фиолетовыми альмандинами, сапфирами, изумрудами и аметистами. Попадались и алмазы разных цветов, довольно мелкие. Горный хрусталь был часто молочного, розового и других цветов. Много было и гидратов (водных соединений) кварца: халцедоны, полупрозрачные яшмы и опалы, но больше попадалось кремней. Из халцедонов блистали красотой: красный сердолик, зеленый, с красными пятнами, гелиотроп и агат.

Однажды увидели вдали белую, как снег, массу. Когда к ней приблизились, то между обломками гнейсов и слюдяных сланцев увидели целое поле алмазов, между которыми попадались величиною в кулак.

— Вот богатство, которого нет у всех людей вместе! — воскликнул русский, но друг его, конечно, этого не слышал, так как шлемами они не касались.

Жадно путешественники накинулись на это сокровище, причем пришлось выбросить из корзин много чудесных камней, чтобы дать место наиболее интересным экземплярам алмазов.

Страшно нагруженные, они весело добежали до ракеты и замкнулись в ней...

Много было алмазов; собрали даже немного золотого песка; но пищевых запасов уже оставалось мало. Приходилось улетать с Луны, не исследовав, как то хотелось, ее мир. Отдыхая, поедая бананы, орехи, ананасы, утоляя жажду арбузами и виноградным соком, они весело перебирали свои сокровища, пересыпали в руках аквамарины, изумруды, алмазы и поглядывали в окна.

— Все эти драгоценности, кроме разве золота, которого тут так мало, сказал русский, — теперь только минералогические коллекции. В самом деле, при доступности Луны и ее камней алмазы будут обесценены и на Земле...

— Смотрите-ка, вон налево сверкнул яркий огонь! — воскликнул швед.

Русский оглянулся и увидел сноп огня на одном из лунных холмов. Через несколько секунд послышался резкий грохот, дошедший, очевидно, через гранитную почву до ракеты и приведший в колебание стенки их экипажа и воздух внутри него.

— Да это болид, — заметил швед. — Он непосредственно, не теряя своей громадной скорости от сопротивления атмосферы, ударился о гранитную поверхность гор и оттого засветился, как маленькое солнце.

— Наверное, глыба железа, расплавившись, испарившись и разбившись на части, дала этот блестящий фейерверк, — сказал Иванов.

Когда они вышли из ракеты и отыскивали болид, то предположения их оправдались: они нашли на месте падения много накалившихся кусков железа, вплавленных в каменные массы. Маленькие осколки успели остыть, и путешественники подняли несколько кусочков на память. Куски эти ничем не отличались от известных земных аэролитов.

43. ПРОЩАЙ, ЛУНА! УДАЛЕНИЕ С ЛУНЫ

Температура все повышалась, и борьба с ней порядком докучала. Это тоже побуждало оставить Луну.

Выбрали ровное место, часть горы, поднимающейся под уклоном в 10–20 градусов. На ней поставили ракету, заперлись и ней и привели в действие взрывные аппараты.

— Прощай, Луна! — воскликнул швед, посматривая в окно. Сначала они катились по горе, потом оставили ее и помчались в эфирном пространстве кругом Луны. Они поднимались все выше и выше, приобретали скорость все больше и больше, пока не достигли секундной скорости в 1600 метров. Тогда взрывание было прекращено. Они мчались кругом Луны на расстоянии 250 километров от ее поверхности. Двигаясь с такой скоростью, они могли сделать полный оборот часа в два. Сначала перед ними мелькали неизвестные местности с неизвестными горами и цирками, потом уви-

дели хорошо им знакомую, как ученым, половину Луны. Они видели ее как бы в телескоп, приближающий в тысячу раз. Но, правда, картина изученной части Луны была видна несравненно яснее, чем в самый безукоризненный рефлектор: не мешала земная атмосфера и не искажали изображение телескопические стекла. Луна была громадна, занимала треть небесного круга (120°) и казалась вогнутой, как круглая чаша. Ракета как бы находилась в ее центре. Отчасти она напоминала Землю на расстоянии тысячи километров от ее поверхности. Была, однако, и разница. Луна казалась мертвее, однообразнее вследствие отсутствия атмосферы, воды, облаков, растительности и снегов. Вон Ясное море, гряды гор; вон цирки — Плиний, Посидоний; вон Болото Снов; ближе опять горные хребты: вон цирки — Бессель, Менелай, Манилий. Вот уже все это осталось позади... Опять виднеются бесчисленные цирки, кратеры, горные хребты. Вон Кавказ, а за ним цирк Колипп. Вот уже и эти скрылись... Под ними простирались бесчисленные плоскогорья и низменности, называемые морями, в которых воды было, конечно, меньше, чем в Сахаре. Края их покрыты цирками, хребтами, повсюду разбросаны скалы, каменные массы, кратеры всех размеров; ущелья и трещины расплзались во все стороны. Все это было прекрасно и поучительно, но терять время было невозможно по недостатку жизненных припасов. Кроме того, им предстоял еще длинный путь: надо попасть на орбиту Луны и соединиться со своими товарищами. Когда они летели над известной частью Луны, то в то же время видели и Землю. Она имела вид Луны, только с диаметром в 2 градуса, т. е. вчетверо больше, чем у Солнца. Вид Земли на близком расстоянии уже был описан; вдали было то же, только в уменьшенном масштабе.

Итак, покружившись несколько часов кругом Луны, снова возобновили взрывание, достигли скорости около $2\frac{1}{2}$ километров в час, прекратили взрывание и помчались от Луны на ее земную орбиту. Луна становилась все меньше: занимала 100 градусов, 40, 20, 10, 5 и даже сравнялась с Солнцем. Еще задолго до этого скорость ракеты была чересчур мала, а время дорого: поэтому ускорили движение взрыванием. По расчету должна показаться большая ракета с оранжереей. Оба путешественника с волнением искали ее в зрительные трубы и не находили... Даже пришли в отчаяние. Выручил зеркальный многогранник ракеты, отражающий солнечный свет на тысячи километров. Блеск его они и заметили с восторгом. Он сверкнул раз и исчез, потом опять появился и т. д. Более не было сомнений — в каких-нибудь двух тысячах километрах от них блаженствуют их приятели. Направили путь по направлению сверкающей и пропадающей звезды и через три часа увидели большую ракету и еще большую оранжерею.

44. ОПЯТЬ В БОЛЬШОЙ РАКЕТЕ. ТЕЛЕГРАММА ЗЕМЛЕ О ЛУНЕ

Свидание было радостное. Послышались перекрестные вопросы, но возвратившиеся путешественники заявили категорически, что нуждаются в отдыхе и подкреплении после всех пережитых волнений. Через несколько часов Иванов и Норденшельд давали подробный отчет о своих приключениях, причем показывали собранную коллекцию минералов и драгоценных камней; в особенный восторг пришли слушатели, когда увидели огромные алмазы чудной игры.

Для Земли составили телеграмму о приключениях на Луне следующего содержания:

«Мы вполне благополучны и счастливы. Находимся на лунной орбите в диаметрально противоположной точке по отношению к спутнику Земли. Двое из нас успели побывать на Луне, сделать круголунное путешествие и собрать образчики лунных горных пород. Вследствие нехватки жизненных припасов пришлось оставить Луну, не изучив, как то хотелось, этот интересный мир. Однако получились о нем такие сведения. Никогда не видимое с Земли полушарие Луны ничем существенно не отличается от видимого и изученного вашими астрономами. Следы атмосферы и воды там едва заметны. Свод полусферический, не приплюснутый, сверху черный, с бесчисленным множеством немигающих звезд. День и ночь в 30 раз длиннее, чем на Земле, отчего ночью холод доходит до 250°, а днем жара — до

100–150°. Обыкновенных растений — с корнями, неподвижных — не найдено. Но живой мир есть и довольно разнообразен. Он представляет соединение растительного царства с животным: можно принимать его или за движущиеся растения, или за животных с хлорофиллом в коже, способных питаться неорганической пищей, как большинство земных растений... Луна покрыта бесчисленными трещинами всяких размеров, до ширины ущелий. Температура в глубине их постоянная и в экваториальных областях достигает до +25° Цельсия. В них скрываются и спасаются лунные животно-растения от жара и холода. Все движения их быстры и ловки, так как они часто должны спастись от преследования и пожирания более крупными и сильными экземплярами. Эти последние не все живут в норах; некоторые бегут за Солнцем и, таким образом, пользуются постоянной, наиболее благоприятной для них температурой. Собрать образчики живого мира не удалось... Не встречали на пути сооружений разумных существ: зданий, машин, мостов, и потому думаем, что живых существ, стоящих на высоте человека, там нет. Солнце движется в 30 раз медленнее; бежать за ним очень легко, также можно заставить его двигаться в любую сторону, превращать день в ночь и обратно, восход в закат и т. п. Вообще все астрономические данные подтверждаются. Например, Земля видна только с видимого полушария Луны и имеет вид Луны же, но с диаметром в 4 раза больше лунного. Она всегда представляется неподвижной: вечно стоящей на горизонте, на некото-

рой высоте или в зените. Но она в то же время делает ежемесячно малозаметные колебания. Они заметнее близ горизонта. Земля приходит в непрерывное движение только при движении человека, хотя бы и очень малой скорости. Ее также можно этим заставить двигаться на все стороны и на все манеры... Скорость экипажа или человека для получения желаемых кажущихся движений Солнца колеблется около 4 метров в секунду, или 14 километров в час. Такая и гораздо большая скорость не только доступна для экипажа, но и для пешехода, так как тяжесть на Луне в шесть раз меньше, чем на Земле, а сопротивления воздуха нет. Нет и ветров, конечно. На неизвестной половине Луны Земля никогда не бывает видна; там чудные ночи благодаря бесчисленному — множеству видимых разноцветных звезд. Месячные же ночи на Луне так светлы, что без затруднения можно читать. Они тоже чудесны, но лишь несколько времени спустя после заката, когда температура подходящая для человека. Звезды видны и при Солнце и при Земле, но в разных количествах; из кратеров, углублений, ущелий их так же много видно, как ночью. Луна есть мир, совершенно неподходящий для жизни человека вследствие отсутствия воды, воздуха, а главное — вследствие громадной разности температур дня и ночи, достигающей до 400° С. Разведение растений уже по одному этому абсолютно невозможно. Мир неорганический богат минералами, драгоценными камнями, легкими неокисленными металлами и их сплавами, которые найдены в глубине уще-

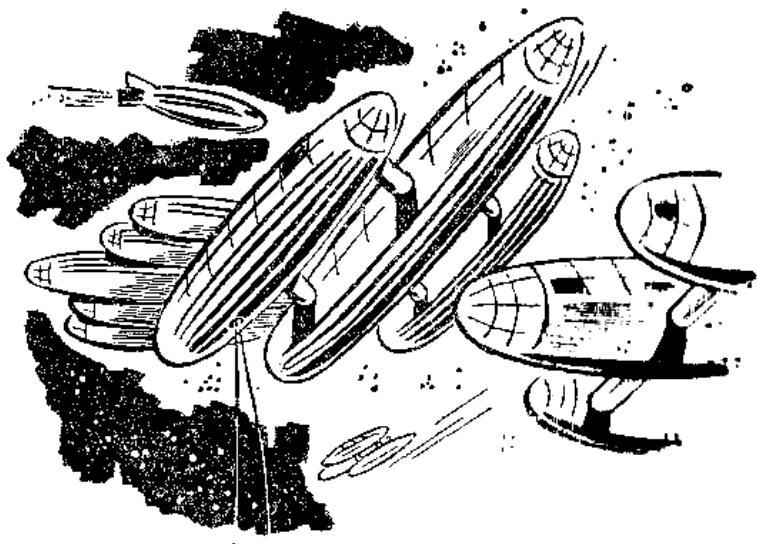
лий. Горы, возвышенности и низменности состоят из гранитов, сиенитов, базальтов, трахитов, вообще из пород вулканических, известных Земле. Кое-где видели нетолстые наносы, как будто образованные из слезавшейся пыли. Тяжелых и драгоценных металлов нашли немного; алмазных россыпей такое обилие, что Земля может опасаться падения цен на бриллианты. Зато красавицы могут надеяться украшать себя без стеснения драгоценными камнями, когда установится постоянное сообщение с Луной. Вулканической деятельности не замечено. Горные обвалы нередки. Болиды, ударяющиеся о поверхность Луны в высшей степени эффектны: масса ослепительного света и целый фейерверк искр. Контрасты температур громадны вследствие отсутствия уравнивающего действия воды и воздуха. Всегда затененные углубления и ямы страшно холодны. Еще холоднее должна быть температура подобных мест в северных и полярных областях. Возможно, что там накопились обширные слои отвердевшей воды и атмосферы. Но это фактически не подтверждено. Есть заря, зависящая от освещения местностей отраженным многократно светом горных вершин. Оттого же и тени не совсем темны, но и не так светлы, как на Земле. В иных местах, чаще низких, замечены довольно толстые наносы, образовавшиеся, вероятно, тогда, когда масса Луны еще не успела остыть, когда температура была однообразней, и когда вода и газы еще не были оживлены и поглощены почвой, а потому текли и разрушали граниты, как на Земле».

45. ЗЕМНЫЕ ДЕЛА

Телеграмма эта на Земле принята была восторженно; многие пожалели о том, что Луна не может быть обитаема людьми, да владельцы драгоценных камней приуныли и составили заговор против реактивных приборов. Небогатые красавицы лукаво поглядывали на богатых. В общем, у людей это первое посещение чужой планеты породило великое воодушевление, смелость и надежды. Все же Луна может быть полезна для человечества!..

Сообщение об алмазах и драгоценных камнях произвело сенсацию между щеголями всех стран. Цены на драгоценности заметно понизились. Множество богатых людей значительную часть своих капиталов направили на производство реактивных приборов, в надежде на торговлю алмазами и другими лунными товарами.

Между тем новые колонии, на расстоянии $5\frac{1}{2}$ радиусов Земли или 34 тысяч километров от ее поверхности, все росли и заселялись. Жилища-оранжереи описанного типа наполнялись счастливыми мужчинами, женщинами, детьми. Жили уже семейной жизнью, — по-настоящему и обстоятельно.

46. КАРТИНЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ЖИЗНИ В ЭФИРНЫХ КОЛОНИЯХ

Для заселения колоний выбирали лучших людей: уживчивых, кротких, находчивых, работающих, физически выносливых, не старых и, по возможности, не связанных еще браком. Но избранных оказывалось чересчур много, и потому по необходимости они собирались еще на Земле в общежития, жили вместе, изучали друг друга и делали из своей среды новый выбор. Но опять-таки получался избыток, которому пока еще не могли доставить место вне Земли. Пришлось выбирать в третий раз. Это были почти идеальные мужчины и женщины, ангелы в человеческом образе. Однако этих «ангелов» подвергали очень грубым испытаниям, прежде чем отправлять на небеса. Так, помещали их в среду с таким же количеством кислорода, как на Земле

на уровне океана; азот удаляли. Потом количество кислорода еще уменьшали вдвое, так что его было не более, чем на пятикилометровых земных горах. Кто при этом испытании впадал в обморок, чувствовал себя нехорошо, слабел, лишался аппетита, тот не попадал в колонии. Они должны были чувствовать себя вполне нормально при питании одними фруктами и овощами. Таким образом, уже при первых выборах много «ангелов» было забраковано. Были и несчастья. Однажды, по ошибке, выкачали почти весь воздух, но сейчас же, кажется через 5 минут, ошибку исправили. Все оказались без чувств. Часть пострадавших удалось оживить, другие погибли: всего умерло три человека. Оживших с великою радостью снарядили в путь. Если с ними и случится такое же несчастье в колониях при поломке оранжереи, то они все-таки могут быть спасены. Это было большое преимущество. Надеялись с течением времени выработать путем тренировки такие свойства у людей, чтобы они не погибали немедленно при отсутствии воздуха. Они были бы почти в полной безопасности в заатмосферных колониях.

Избранные и испытанные отправлялись в тесных ракетах, битком набитых людьми. Путешествие совершалось в течение 10–13 минут и потому не могло быть утомительным. Оно было так мимолетно, что и говорить о нем не стоит, тем более, что мы уже описали его ранее. Не успели оглянуться пассажиры, вникнуть в свое положение, как опытные проводящие уже вытаскивали их из воды и вводили с известными предосторожностями в оранжерею.

Сначала вся эта прибывшая компания оказывалась в общей зале в 1000 метров длиною, в 10 шириною и в 5 высотой. Их поражала громада помещения, масса зелени, света, проникающего через нее золотыми лу-

чами. Что-то было волшебное на первых порах в этом зрелище; зала казалась бесконечно длинной. Все прибывшие замечали только зелень, свет и сводчатый прозрачный потолок. Вновь прибывшие совершенно терялись, хотя проводник и ободрял их всячески. Приглядевшись, они стали замечать вдали какие-то пятна; не то мухи, не то бабочки подлетают все ближе и ближе, становятся все яснее и оказываются их же друзьями, ранее попавшими в оранжерею. Начинаются радостные восклицания и теплые объятия. Подлетевшие имели небольшие крылья с боков тела, вроде рыбьих плавников. Приводили их в движение ногами. Крылья двигались, как плавники, и давали поступательное движение в газовой среде. Они легко складывались и, как одежда, легко скидывались с тела.

Двигались подобно птицам или рыбам. Тяжести тут нет и можно обходиться без крыльев, отталкиваясь руками от воздуха или каких-нибудь предметов; но крылья удобнее и при малейшей работе уже давали значительную скорость и изящные движения...

— Мама, это ангелы или черты? — кричали дети. — Они нас не по-

тащат в ад?.. Знаешь, ведь я тебя тогда обманула... Это я съела пирожное... Ты не говори им...

Дети тарасили глазенки; некоторые плакали и пятались... если бы это тут было возможно: но они только болтали бессильно ножками, воображая, что бегут. Понемногу родители, сами взволнованные, успокоили детей, а «ангелочки» сейчас же добыли крылья и прицепили их новоприбывшим. Недолго их учили двигаться и направлять куда угодно. Этой наукой овладеть было совсем нетрудно. Только сначала слышались отчаянные или недовольные возгласы.

— Ай, мама, я совсем не туда лечу... и не могу вернуться! Но «ангелы» учили и возвращали заблудившегося.

— Однако, Маша, это не так легко — летать! Я совершенно запутался в этой зелени и не в силах выкарабкаться... Выручили и этого...

— Александр, что делать?.. Я не могу повернуть направо... Александр, уже научившийся и бойко летавший, помогал супруге.

— А я, мама, смотри как летаю! — визжала Олечка. — Вот, видишь, лечу к окнам, вот к стене, вот возвращаюсь...

Все были сыты, не успели проголодаться и потому были в прекрасном настроении, хотя немного и растерялись. Превращение так было внезапно, что большинство находилось как во сне.

— Как тепло! — кричали дети. — Раньше так тепло было очень редко... только в жаркое лето.

Все давно сняли дорожную одежду и прикрывались легкими поясками. Температура была близка к 30° Цельсия.

Так беседовала семья, гуляя в громадной зале. Навстречу им неслись другие семьи. Лучи Солнца,

пронизывающие растения, причудливыми узорами освещали эти красиво порхающие группы. Новоприбывших ничем не тревожили: давали им оглядеться, постепенно освоиться с окружающей жизнью и новыми обязанностями.

Что же, в сущности, делали колонисты? Неужели только гуляли, ели и спали? Правда, к тому была почти полная возможность. Однако этого не было.

Пока население оранжереи было небольшое: человек 400; но она могла дать приют и прокормить до тысячи человек. Жилище это для них было создано Землей и частью на Земле. Земные строители, специально прибывшие сюда, собрали оранжерею и устроили все необходимое внутри нее для произрастания растений. Так что поселенцы вполне воспользовались даром Земли, трудом своих братьев. Они как бы получили награду за свои добрые свойства, отмеченные благоприятным для них выбором на родной планете.

Могли ли колонисты сейчас построить подобную же оранжерею-жилище для других или для себя? Пока нет, потому что заселение мировых пространств только что началось. Жителей еще мало; поэтому не могли быть теперь же построены фабрики, заводы и мастерские для сложных производств. Кроме того, еще не найдены и строительные материалы. Доставлять же их с Земли не стоит. С Луны гораздо легче, но и то невыгодно. Ученые-исследователи, оставленные нами на орбите Луны, надеялись выручить в этом отношении колонистов и устроить их так, чтобы они всегда с избытком получали необходимое и разнообразное сырье тут же, на месте их обитания. Тогда настанет деятельность более разносторонняя и не будет уже нужды в немного обидной помощи Земли... И какая тут обида? Разве не пользуется дитя помощью родителей и разве

младенец не сосет тело матери, вытягивая из него жизненные соки? Кто же упрекает слабого!.. Придет и для них время более усиленного труда.

Но колонисты имеют полную возможность поддерживать порядок в своем обширном доме, учиться, учить других, производить научные исследования, расти умственно, физически и духовно. Невозможно при этом обойтись без организации общества; и у них есть выборное руководство. Каждая специальная зала дает своего представителя. Выбирают мальчики, девочки, холостые, семейные, старики и старухи. Требовались избрать 8 представителей. Но так как одному утомительно без отдыха распорядиться, то выбирают от каждой корпорации по 3-4 человека, которые и исполняют свои обязанности по очереди. Эти 20-30 человек избирают еще из своей среды также 3-4 человека для общего ими руководства; те тоже распорядятся по очереди. Выборы повторяются, когда угодно населению, чтобы сменить неудачно выбранных или длительно исполнявших эти обязанности. Выборным давались какие-либо значки, чтобы всякий знал своего представителя. Значок был в виде сухого плода, цветка, венка из иммортелей или чего-нибудь подобного. Вон несется, махая крыльями, как рой пчелок, группа юношей с своим предводителем, украшенным большим цветком... Вон прелестная стая детишек со своим старшим... Вон девушки во главе с избранной, отличной красивым венком... Там старики и старухи со своими представителями... Там семейные мужчины, а там их жены с маленькими...

Остальные выборные летают особой группой, как незанятые, пока их не призовет порядок к управлению или к другим обязанностям. Старики имеют старых предводителей, так как молодые не могут проникнуть

в их душевное состояние и понять хорошо их жизнь, поступки и нужды. Также женщины управляются женщинами, так как женский мир не в полной мере доступен душе мужчины. По той же причине дети имеют своего представителя; ведь взрослые так же часто забывают свои детские слабости и потребности, как старухи свое девичество и материнство.

Кружок выборных решает дела, касающиеся всего населения без различия пола и возраста, и, собственно, не он, а его очередной представитель, иногда мужчина, иногда женщина. Таким образом, не бывает промедления в делах. Если же в группе много недовольных распоряжениями выборного, то его, конечно, сменяют. Выборный выражает среднюю волю собрания, почему и избирается. Также и в каждой частной группе, например, в группе девушек, избранная выражает общую волю и потому повелевает и издает частные законы, пока пользуется доверием. Недовольные непременно найдутся, но единение каждой группы и всего населения требует такого порядка. В постоянном общении колонисты изучают друг друга, и это дело немаловажное. Благодаря тому совершаются удачные выборы, назначения на должности и работы. Брак и развод разрешает выборный от всего населения. Распри в каждой корпорации разрешаются представителями этой корпорации. Раздоры и споры между членами разных корпораций судятся общим представителем всей колонии. Правда, им нечего делить и не из-за чего спорить! Назначения на работы делаются также отдельными представителями, например, замужних женщин назначает на какой-либо пост их собственная избранница. Работы в колонии таковы: 1) следить за температурой в разных местах оранжереи. Судя по назначению места, теплота ее не одинакова; так, для

помещения новорожденных она близка к температуре человеческого тела; для старых она немного ниже, для юношей — еще ниже; 2) следить за достаточной степенью влажности или сухости; для этого существуют особые описанные нами приборы; 3) смотреть за исправным действием насосов, увлажняющих почву и доставляющих ей питательные жидкости и газы; 4) присмотр за уборными; 5) наблюдения за растениями; 6) наблюдение за составом атмосферы, за ее давлением; 7) присмотр за целостью и состоянием оболочки оранжереи и сохранностью заключенных в ней газов.

Температура всех частей оболочки оранжереи так постоянна, что нет никаких условий для образования трещин и утечки газов. Утекающий газ образует снаружи дымок, весьма заметный. Кроме того, он замыкает электрический ток, который указывает номер и положение поврежденного места. Дежурный легко его находит. Сначала он замазывает щель начерно, а потом заделывает ее основательно.

Назначают на работы по способностям, желанию, силам... Другая обязанность: смотреть за чистотой в оранжерее. От растений опадают листья, черенки, плоды; от почвы иногда отделяются частицы. Это носится в воздухе, но благодаря слабой центробежной силе скопляется в концах оранжереи, близко к уборным, куда и отправляется для превращения в удобрение. Все выделения людей и растений растворяются в большом количестве воды, которая направляется насосами в почвенные трубы. Там она всасывается почвой, корнями растений, выделяется в атмосферу их листьями и увлажняет, воздух. Последний же, проходя через наружные, холодильные трубы, выделяет из себя водяной пар, в виде росы, собирающейся в обильные по-

токи, текущие чистой, как дождь, водой в уборные, для ванн, питья и т. п.

Все желающие учатся чтению, письму, ремеслам, искусствам и наукам. Учит тот, кто находит учеников, имеет знание, охоту и способность учить. Таких освобождают от других занятий по назначению предводителя. Система занятий зависит от характера учителя и учащихся и от их желаний. Ремесла и искусства при малом числе колоний пока не имеют больших применений; поэтому преимущественно сейчас преподаются науки. Придерживаются больше такой программы: геометрические знания, механические, физические и химические; космические познания или описания Вселенной; далее — биологические сведения, прошедшее, настоящее и предполагаемое будущее живых существ, познания социологические. Потом занимаются философией и разбирают вопросы еще не решенные. Все науки, с начала до конца, обосновываются математическими сведениями.

47. СОЮЗ КОЛОНИЙ

К первой колонии скоро присоединилась другая, третья и т. д. Через несколько лет их стало очень много. Они сообщаются между собой свободными проходами, но с герметически закрывающимися люками, чтобы в случае порчи оболочки какой-либо оранжереи или ее разрушения болидом газ не ушел заразом из многих отделений. Соединение оранжерей уменьшает утечку газов, обогащает жизнь колоний и дает им больше радостей, так как жители одной могут посещать колонистов всех других оранжерей. При проходе соединительной камеры дверь сейчас же за входящими захлопывается герметически. Но проход совершенно свободный, как из одной комнаты в другую, без двойных дверей, выкачивания воздуха и т. д. Двери даже можно и не закрывать, захлопывают же их плотно ради предосторожности.

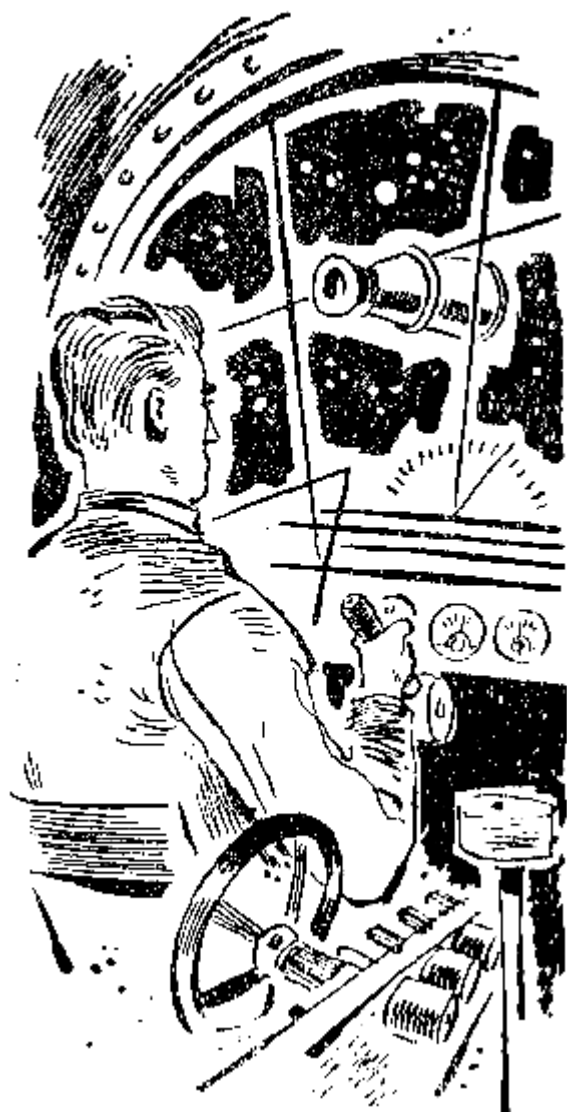
Несколько сотен колоний составляют новую высшую единицу. Каждая колония дает несколько лучших людей, управляющих по очереди своим населением. Часть избранных от каждой колонии отправляется для соединения с другими такими же. Они составляют население высшей оранжереи с управлением, подобным описанному... Но там все — совершеннее, выше, строже в нравственном отношении.

Эти избранные, побыв вместе, отправляются для управления в низшие колонии, а старые управлявшие переходят на их место. Так чередуются избранные, занимаясь то управлением, то взаимным изучением.

Мы не описали еще болезней и смертей в колониях, так как болезни там еще не успели появиться, и прошло так мало времени, что смерть не успела еще никого погубить своей косой. Был только случай легкого

помешательства. Один из переселенцев вообразил себя умершим и уже на «том» свете. Вразумить его никак не могли. Он все более и более путался в логике... Тогда предводитель, в надежде на исцеление, решил его отправить на Землю. Получены слухи об его излечении; но по собственному желанию он остался на Земле.

Оставим пока наши колонии размножаться, организовываться, благоденствовать, совершенствовать свою жизнь, состав и могущество, а сами вернемся к нашим ученым, оставленным на лунной орбите...

48. СРЕДИ УЧЕНЫХ НА ОРБИТЕ ЛУНЫ. ПЕРВОЕ СОВЕЩАНИЕ

Много уже раз облетели наши путешественники Землю, двигаясь наравне с Луной, прежде чем решили, что делать далее и что пред принимать.

— Открытое нами для поселений пространство между Землей и Луной, — начал в собрании Ньютон, — имеет один важный недостаток: отсутствие достаточного количества материалов для построек и других общественных нужд.

— Доставка материала с Земли, — подтвердил Лаплас, — обходится чересчур дорого.

— Можно бы доставлять материалы с Луны, — заметил Франклин. — Это обойдется в 22 раза дешевле... Но Луна неудобна для поселений и работ, как это выяснили побывавшие там Иванов и Норденшельд...

— Я вижу выход в том, чтобы перевести колонию в область малых планет, ютящихся между орбитами Марса и Юпитера, — сказал Ньютон. — Только одно возбуждает некоторые сомнения: температура в этой области низковата. Максимальная температура, т. е. при черной поверхности и при самых благоприятных условиях на расстоянии Марса составляет около 83° тепла. Марс в полтора раза дальше от Солнца, чем Земля. Это еще ничего. Даже на двойном расстоянии от Солнца температура 27° тепла. Но на удалении Юпитера — она составляет уже около 80° холода. На среднем расстоянии между Марсом и Юпитером она близка к 30° холода...

— Ее можно увеличить с помощью зеркал, — заметил Иванов.

— Это применимо к нам для наших путешествий, но не для колонистов, где должно искать простейших

решений. Мы-то, конечно, не будем терпеть холода благодаря нашим ухищрениям даже на расстоянии Сатурна...

— Для колонистов, таким образом, — подтвердил Франклин, — удобнее всего поселиться в поясе, близком Марсу. Там, за ним, на удвоенном расстоянии от Солнца, сравнительно с Землей, наибольшая температура 27° тепла...

— А не лучше ли им строить поселения между Землей и Марсом, или ближе к Солнцу — между орбитами Земли и Венеры? — спросил Лаплас.

— И то и другое возможно и хорошо, если бы только в этих областях мы нашли вещество в виде значительных болидов или астероидов в несколько сот метров диаметром, — сказал Ньютон.

— Один громадный астероид уже найден между Землей и Марсом, — заметил Иванов.

— Это Эрос, — сказал Ньютон. — Правда, вследствие эксцентricности своей орбиты, он иногда удаляется от Солнца далее Марса. Можно воспользоваться его массой. Но ведь это такая громадина!.. Вообще, планета меньше 10 километров в диаметре самыми лучшими телескопами и при самых благоприятных условиях с Земли не может быть замечена в поясе планетоидов. Следовательно, астероиды меньше 10 километров в диаметре, будь их хоть миллион, пока не могут быть открыты человеком.

— А они должны быть, — продолжал он. — В самом деле, выйдите в поле: каких камней вы более заметите — крупных или мелких? Конечно, мелких, и чем они мельче, тем больше их число. То же самое мы должны найти и в безграничных пространствах Вселенной. Действительно, крупных планет всего 8, если не считать спутников. Маленьких планеток, или астероидов,

около 700; болидов и аэролитов бесчисленное множество, судя по обилию падающих звезд. Значит, планеток меньше 10 километров в диаметре в нашей солнечной системе должно быть гораздо больше 700. Если мы их не видим, то это не значит, что их нет. Мы также не видели бы и болидов, если бы они не задевали нашу атмосферу. Не видели бы и больших астероидов, если бы не телескопы и чувствительность фотографической пластинки...

— Поэтому можно надеяться, — сказал Лаплас, — что мы встретим множество малых планет ближе или дальше орбиты Земли.

— Итак, господа, — сказал Ньютон, — мы, прежде всего, и направим туда наш небесный путь, т. е. к земной орбите... Собрание с этим вполне согласилось.

49. ВТОРОЕ СОВЕЩАНИЕ

Следующее совещание было также посвящено предполагаемому путешествию.

— Мы уже почти свободны от притяжения Земли, — сказал Ньютон, — так как тут сила ее тяготения в 3 600 раз меньше, чем у поверхности Земли. Сейчас мы проходим каждую секунду вокруг нее около одного километра. Если эта скорость дойдет до полутора километров, то мы удалимся навеки от земного шара...

— Но при этом у нас останется та скорость, которую имеет Земля, вращаясь вокруг Солнца, — заметил Лаплас. — Эту скорость мы приобрели от Земли, когда еще на ней находились, и не могли ее потерять. Благодаря ей мы не упадем на наше светило, а будем двигаться вокруг него, подобно Земле.

— Нужна, значит, прибавочная скорость для нашей ракеты и оранжереи, не превышающая полкилометра в секунду... Это такие пустяки! — добавил Иванов. — Расход взрывчатых веществ будет почти незаметный...

— Зятем, чтобы не встретиться с Землей, двигаясь по одной с ней орбите, мы возобновим взрывание и будем тогда, судя по его направлению, удаляться от Солнца по спирали или приближаться к нему по той или другой кривой, что зависит вполне от нас... — произнес Франклин.

— Расход взрывчатого материала опять будет очень незначительный, — заметил Ньютон. — Но как же быть? Еще не решен вопрос: приближаться к Солнцу или удаляться от него...

— Мне кажется, — сказал Иванов, — что лучше удаляться, так как температура и здесь чрезмерна, но мы ее можем довести без зеркал до 150° Цельсия, а, главное, мы более будем иметь шансов встретить на пути к

Эросу, Марсу и планетоидам значительные планетки, хотя бы и много менее 10 километров в диаметре.

Так и решили, послав на Землю фототелеграмму:

«Благополучны! Думаем направиться сначала по эклип-
тике, а потом несколько далее от Солнца, в надежде найти
массы, достаточные для постройки колоний между орбита-
ми Земли и Марса. Привет Галилею, Гельмгольцу и другим
нашим товарищам в Гималайском замке. Ньютон».

Получена была и ответная телеграмма с пожелани-
ем успеха.

50. КРУГОМ СОЛНЦА, ЗА ОРБИТУ ЗЕМЛИ

Взрывание употребили самое слабое. Притяжением Луны можно было совершенно пренебречь, тем более, что ее масса в 80 раз менее массы Земли. Относительная тяжесть появилась, но в таком малом напряжении, что почти не замечалась. Однако видимые размеры Земли и Луны заметно уменьшились. Суток через 10 угловой диаметр Земли уменьшился вдвое; также и Луны.

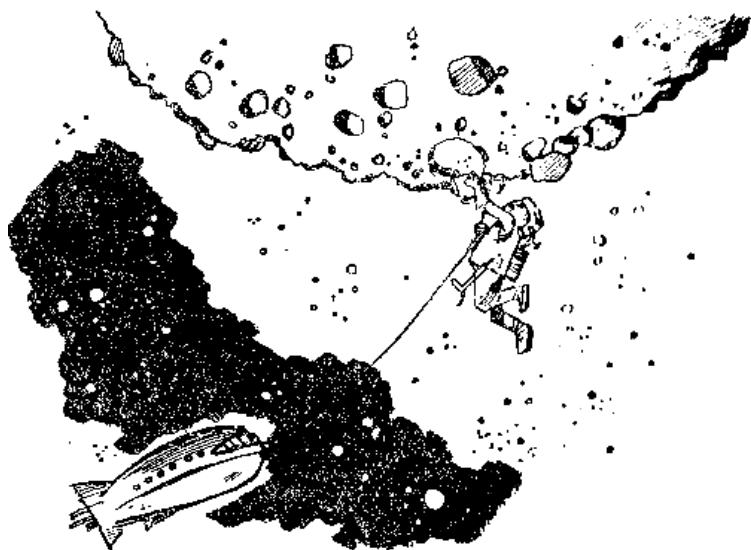
— Теперь мы имеем скорость, — сказал Иванов, — которая совершенно освобождает нас от притяжения Земли и ее спутника...

Земля все умалаялась и походила уже скорее на яркую звезду, чем на планету. Фазы Земли и Луны без телескопа становились незаметны. Они были одинаковы: если Земля была с четверть, то и Луна тоже. Взрывание не прекращалось и действовало по направлению их истинного движения вокруг Солнца. Понемногу они удалялись от эклиптики, или земного пути. Земля стала не ярче Венеры; поблизости ее видели очень слабую звездочку — Луну.

Положение наших путешественников несколько не изменилось, если не считать кажущегося и постепенного превращения двух больших лун, т. е. Земли и Луны, в звезды, да едва заметного уменьшения диаметра Солнца.

Температура от этого понижалась очень медленно и пока незначительно. Но, увеличив черную поверхность ракеты, обращенную к Солнцу, температуру ее сделали нарочно выше, чтобы у путешествующих не было ни малейших сомнений в возможности изменять ее в любую сторону в весьма широких пределах. Как нам известно, даже поблизости Марса ее можно дово-

дить до +83° Цельсия. Оранжерея покорно следовала за ними и доставляла им все необходимое. Благодушные их нисколько не нарушалось. Они так же безмятежно кушали, спали, работали, как и ранее, когда еще не расставались с Землей. Вылетали иногда из ракеты в эфирное пространство, надевая скафандры. Небо по-прежнему было черным, как чернила. С одной стороны блистало Солнце, с другой — множество мертвых, но разноцветных звезд. Узор созвездий нисколько не изменился. Млечный Путь по-старому разделял небесную сферу на две половины; звезд в нем было много и гораздо меньше тумана... По-прежнему были видны бродячие звезды, т. е. планеты. Крупные астероиды были видны без телескопа и выделялись своим движением среди «неподвижных» звезд. «Лунных» ночей, конечно, уже не было. Взрывающая сила толкала ракету по направлению ее движения и потому должна была бы его ускорять; но было наоборот: движение замедлялось, зато ракета удалялась от Солнца. Это было подобно движению санок, бегущих в гору; хотя лошадь и тянет их, а скорость все-таки уменьшается.

51. НА НЕВЕДОМОЙ ПЛАНЕТЕ

Искали болидов и астероидов. Зорко смотрели в телескопы и просто наблюдали из всех окон во все стороны. На десятый месяц пути, когда уже порядком соскучились и утомились, Франклин увидел огромную массу совсем близко от них и почти неподвижную. Ясно, что это был планетоид, идущий, согласно с ними, кругом Солнца.

Но так как ракета находилась еще под влиянием давления взрывающихся газов, то это согласие движений скоро нарушилось, и масса начала удаляться от ракеты. Прервали взрывание, снова возобновили, направив ракету к астероиду. Путешественники поместились у окон и не спускали глаз с громадины. Ее видимые размеры все увеличивались и заняли чуть не

полнеба. Но масса была очень неправильная: удлинённая и угловатая. Кое-где она ярко блистала, отражая лучи Солнца. Любопытство одолевало зрителей.

Наконец, употребили контрвзрывание, чтобы замедлить скорость и не стукнуться о планетоид. Вот совсем остановились. Пришлось опять употребить взрывные трубы и прекращать их действие снова. Были всего на расстоянии нескольких десятков метров и почти в относительном покое.

— Довольно! — сказал Ньютон. — Пусть кто-нибудь прицепит ракету к этой планете...

Иванов уже давно облекся в скафандру, надеясь вылететь первым. Он и отправился, увлекая за собой цепочку, которой был соединен с ракетой. Равномерно двигаясь к планете, он мягко стукнулся о ее каменную грудку. Прицепить цепь было не к чему: кругом гранитные и металлические твердыни. Иванову пришлось в голову употребить сильный магнит, когда он коснулся глыб железа. Но и то оказалось лишним: ракета в силу тяготения сама понемногу стала приближаться к планете. Чтобы избежать хотя и очень слабого удара, который мог бы повредить оранжерее, пришлось опять пустить в ход перед самым соприкосновением давление взрывающихся газов. После нескольких едва заметных прыжков ракета и оранжерей прилипли к планетке и уже не отделялись от нее. Вылетели из ракеты и все ее обитатели, разумеется в скафандрах, так как ни малейших следов атмосферы не замечалось.

На планетке можно было стоять, лежать, сидеть, как на Земле. Но тяжесть была так мала, что малейшее, хотя бы сонное движение уже уносило человека с ее поверхности на несколько десятков метров в высоту.

Лаплас взял с планетки камешек, привязал к нему нитку, другой конец держал в руке, как маятник. Ка-

мешек стал качаться, — но, боже, как медленно! Не хватало терпения считать его качания и наблюдать время... Все же вынесли этот искус... Маятник в один метр длины делал в 80 секунд одно колебание.

— Отсюда можно заключить, — сказал Франклин, — что сила притяжения этой планеты в той точке, где мы сейчас находимся, в 6000 раз слабее, чем на Земле. В первую секунду здесь тело проходит немного менее одного миллиметра. Я вешу здесь, как и вы, в 6000 раз меньше, чем на Земле, и во мне, стало быть, около 13 грамм весу!

Кругом наблюдали странные неправильности в очертаниях горизонта. Трудно видеть на Земле, хотя бы в самых фантастических горах, такую картину... Вся планета была каким-то прихотливым обломком... Под ногами были каменные массы с вкрапленными во множестве металлическими сплавами или чистыми металлами: то темноватыми, как старое железо, то блестящими, как серебро или никель, то желтыми, как латунь или кальций, то красноватыми, как медь и золото... Их тянуло и к тому, и к другому, и к третьему. Но ходить было можно только совсем медленно; а так как путешественников разбирало нетерпение, всякое энергичное движение вздымало их в пространство и уносило кверху на огромное расстояние от планеты. Прежде чем они возвращались на нее, они порядочно пугались, воображая, что теряют планету навеки. У кого были маленькие карманные взрывчатые снаряды, те пускали их без надобности в дело и поспешно возвращались на планетку; но не у всех они были. Такие летели кверху минут 10 и более и возвращались чуть не через полчаса. Каково это им было, когда они так жаждали исследовать планетоид!.. Удалялись они метров на 250 — тут потеряется всякий! Не приспособо-

бились, конечно, ни разу не бывши в таких условиях... Потом придумали двигаться очень просто и довольно быстро — до 4 километров в час. Для этого надо было отталкиваться (от камней и вертикальных выступов) в горизонтальном направлении. Но если оттолкнуться чересчур сильно, то можно совсем улететь с планеты и затеряться в бесконечном просторе солнечной системы; тогда заблудшего может спасти только карманный взрывчатый приборчик или те люди, которые его имеют и потому могут нагнать товарища и воротить обратно.

Так, простым способом наши странники облетели всю планету и нашли множество металлов и их сплавов в чистом виде. Сверкавшие еще издали части планетки оказались грудями золота, серебра и никеля. Здесь было драгоценных металлов в тысячу раз больше, чем имеется у всех жителей земного шара...

Тяжесть и ее направление в разных частях планетки были очень разнообразны, вследствие странной ее формы. При виде сокровищ каждый различно выражал свое изумление и восторг... Проявлялось это в позах, но лиц и их мимики не было хорошо видно; разговаривать можно было только сойдясь и коснувшись шлемами; а они, влекомые любознательностью, разлетелись кто куда. Сфотографировали, собрали коллекции минералов и металлов, подготовили материалы для определения размеров и массы астероида и возвратились, обогащенные, но не отягченные, в ракету. Да и трудно здесь быть отягченным! Обременение наступало только тогда, когда приходилось нести массу в 600 тонн!.. И та весила по-земному только 100 килограмм.

52. ОПЯТЬ В РАКЕТЕ. ЛЕТЯТ К МАРСУ

Снова пустили в ход взрывание и снова стали удаляться от Солнца, исследуя пространство от Земли к Марсу. Неведомая планета, которую они только что оставили, скоро исчезла из вида, как будто сама удаляясь от них. Но ученых она продолжала занимать не менее, чем когда они ее увидели: перебирали и изучали захваченные с нее камни, металлы и сплавы. Золото, серебро и платина были самые натуральные, с незначительным количеством посторонних металлов. Средний размер планеты вычислили метров в 900. Не мудрено поэтому, что земные астрономы ее не знают. На таком расстоянии и такую незначительную массу невозможно заметить. Ведь насилу заметили спутников Марса, с диаметром в 10 раз большим и с площадью в сто раз обширнее! Объем неведомой планеты был близок к 360 миллионам метров; масса не могла быть точно определена, но, судя по обилию тяжелых металлов даже на поверхности, масса была не менее 7 200 миллионов тонн, если принять среднюю плотность планеты за 10. Планета слабо вращалась.

— Вот материал, — сказал русский, — которого довольно, чтобы устроить комфортабельные оранжереи-жилища для всего человечества.

— Ведь это придется около тонны на человека! Довольно ли этого? — возразил Ньютон.

— Если и мало, — заметил Лаплас, — то можно и подбавить, отыскав еще подобные небесные тела. Пространство даже до Марса еще не пройдено. На пути до него мы можем встретить еще тысячи таких крохотных планеток...

— Очень вероятно, — сказал Ньютон.

И действительно, при своем спиральном удалении от Солнца они почти каждый месяц стали встречать астероиды: некоторые больше описанного, но чаще меньших размеров. Немногие были ими исследованы; но в исследованных редко не находили тяжелых и драгоценных металлов...

— Странно, — заметил Норденшельд. — На Земле так мало находят золота и платины, а здесь ими хоть улицу мости...

— Да, это удивительно, — подтвердил Ньютон. — Однако с точки зрения одной гипотезы легко объяснимо. Весьма возможно, — продолжал он, — что эти сравнительно небольшие массы — только части или осколки больших планет. Как осколки, некоторые из них могут содержать внутренние, а другие наружные элементы целой планеты. Но центральные части планеты должны состоять из наиболее плотных веществ, как, например, золота, платины, иридия и их сплавов. Это самое мы и находим в открытых нами планетках. На некоторых из них ведь мы совсем не находим тяжелых металлов: это значит, что такие планетки составляли наружную часть большой планеты...

— Такая гипотеза дана Ольберсом для объяснения образования множества астероидов между орбитами Марса и Юпитера, — заметил Лаплас. — Судя по нашим открытиям, она может быть применима и для образования небесных тел между Землей и Марсом.

— Мне непонятно, — спросил один из слушателей, — что может служить причиною разрыва большой планеты на многие малые?

— Да, это не ясно! — сказал Иванов. — Может быть, химические процессы внутри планеты образовали газы, расширение которых разорвало планету, как разрывает бомбу; может быть, столкновение планет это

сделало, а может быть, играла роль центробежная сила, непрерывно растущая по мере сжатия вращающейся планеты.

— Одна она могла бы только произвести отделение от массы спутников и колец, но не то, что мы видим, — заметил Ньютон.

— Да, пожалуй, я с вами согласен, — сказал русский. — Возможно, что действовала совокупность этих и других неизвестных причин, — добавил он, подумав.

— Но из ваших речей можно сделать интересные выводы, — заметил Франклин. Во-первых, нашу Землю также когда-нибудь может разорвать на части; во-вторых, — центральные области нашей планеты должны содержать в изобилии драгоценные металлы...

— Ни то, ни другое мы не можем теперь отрицать, — слышались в ответ многие голоса.

— А если это так, — сказал Иванов, — то хорошо, если человечество, не дожидаясь возможной катастрофы, переселится в иные миры — хотя бы в эти эфирные пустыни, которые содержат все материалы, необходимые для безопасного устройства тут человека.

53. ВСТРЕЧАЮТ НА ПУТИ ГАЗОВЫЕ КОЛЬЦА

Каждый оборот вокруг Солнца требовал более года и открывал им новые миры. Несколько раз попадали в газовые кольца, — очень прозрачные, разреженные, едва заметные, но толщиной в несколько километров. Они появлялись сначала в виде тонкой туманной полоски, заостренной на концах. Когда ракета влетала в нее, то слышался странный шум, и температура в ракете несколько повышалась. Скорость ее немного отличалась от скорости этих колец, но ракета, удаляясь от Солнца, пересекала их быстро и теряла из вида. Множество этих колец, как и планеток, разумеется, было пропущено незамеченными... Собрали газы одного из колец, сгустили насосами, произвели анализ и

нашли кислород, азот, соединения углерода, следы водорода и других газов.

— Вот это восхитительно, — сказал Иванов после первой находки. — В таком кольце очень недурно поселить колонии: во-первых, под боком будут газы, во-вторых, если и будут они утекать из ракеты, то не совсем, а останутся в окружающей атмосфере, из которой их легко извлечь обратно. Это открытие показывает, что расширяемость газов не беспредельна, как то выходит по закону Мариотта-Бойля, но что-то ее ограничивает.

— Вывод не новый, — заметил Лаплас, — в нашей родной атмосфере замечается то же.

— Там ограничивает беспредельное расширение газов притяжение Земли и молекулярная теория, — начал Франклин.

— И здесь то же, т. е. притяжение самого газового кольца, а может быть, что-нибудь и другое, — заметил Ньютон.

— Но что же, что же!?! — воскликнул с нетерпением Франклин. — Притяжение кольца недостаточно...

— Не знаю, — сказал Ньютон. — Впрочем, возможно, что газы распространены по всей планетной системе, хотя и в малом количестве. Так думал, например, Менделеев.

54. ПРИБЛИЖАЮТСЯ К МАРСУ

Год проходил за годом, до Марса уже было недалеко. Пространство между двумя соседними орбитами было настолько изучено, что можно было бы дать и телеграмму Земле о результатах исследования: но потребовалось бы плоское зеркало метров в 100 диаметром, а сооружение его сейчас было не совсем удобно. Проще было возвратиться на Землю или дать телеграмму с орбиты Луны или откуда-нибудь еще ближе.

Поблизости Марса оборот ракеты кругом Солнца немного не достигал двух лет. Скуки и тоски накопилось изрядно; всем хотелось на Землю. Возвратились бы на нее, конечно, не по спирали, а сокращенным путем. Им можно было достигнуть Земли в какие-нибудь четыре месяца. Марс был уже на расстоянии 10 миллионов километров и имел вид круглой луночки с диаметром в 4 минуты, т. е. казался в 7 раз меньше нашего месяца, каким он представляется с Земли. В телескоп были великолепно видны его «каналы» и «морья», неизвестно чем наполненные, также горы, долины, полярные «льды» и «снега», неизвестно из чего составленные.

— Ближе к Марсу не полетим, — заметил Ньютон. — Спуск на планету крайне рискованный; мы все утомлены и, главное, должны как можно скорее известить Землю о наших важных открытиях...

Некоторые протестовали, а другие даже были рады скорее увидеть родину.

— Марс от нас не уйдет... Во второй экспедиции доберемся и до него, заметил Иванов.

55. ВОЗМОЖНО ЛИ ПОСЕЩЕНИЕ ПЛАНЕТ?

Времени свободного было очень много. Ученые немало беседовали о планах путешествий, но больше о Земле, ее обитателях, делах, которые им представлялись теперь в розовом свете.

Нам интереснее знать суждения ученых о планах дальнейших путешествий и условиях жизни в иных мирах. Вот их разговоры на эту тему.

— Спускались же совершенно благополучно на Луну, живем же преотлично тут, почти на таком же расстоянии от Солнца, как Марс! И что же? Тепло по-прежнему, фрукты зреют медленнее, но дают вполне достаточно для пропитания; а если мало, то разве нельзя построить еще две, три оранжереи? — так протестовал и кипятился очень юный и рьяный член экспедиции.

— Есть затруднения, — начал Ньютон, обращаясь ко всему собранию. — И чтобы одолеть их, нужно немало поработать на Земле, — как мозгом, так и руками. Выясним же препятствия, которые мешают нам теперь же спуститься на планеты, помимо нашего переутомления и общего желания пожить и отдохнуть на родной планете...

Затихло общество, приготавливаясь внимательно слушать.

— Начнем с температур, — продолжал Ньютон. — Представим себе вычерненную сажей плоскость, перпендикулярную к солнечным лучам. Она поглощает почти все падающие на нее лучи. Другая, обратная ее сторона не должна терять теплоты. Если, например, она будет покрыта полированным серебром, то это почти осуществится. Такая пластинка в эфирном пространстве теряет теплоту пропорционально четвертой

степени ее абсолютной температуры. Это и есть закон Стефана и Вина, на который мы будем опираться при дальнейших выводах. Насколько он правдоподобен, видно из вытекающих следствий. Постоянные этого закона, определяемые путем опыта, дают возможность решить множество интересных для нас задач. Вот мои личные вычисления. Температура поверхностных частей Солнца составит около $6\frac{1}{2}$ тысяч градусов Цельсия. Даю обыкновенную температуру; абсолютная начинается ниже нуля Цельсия на 273° . Абсолютный нуль, по известной гипотезе, начинается с действительного отсутствия теплоты в теле. Температура указанной черной пластинки, на расстоянии Земли, может достигать 152° тепла. Это есть предельная высшая температура, которая может быть получена на Земле, Луне и телах, расположенных в эфирном пространстве на таком же расстоянии от Солнца, как и наша планета. Это также максимальная температура оранжерей и ракет наших новых колоний поблизости Земли. Ее достаточно, чтобы жарить мясо. Но я не буду говорить про другие способы, — например, с помощью зеркал, увеличивать эту температуру. Даем тут опять максимальную температуру по Цельсию, но на разных расстояниях от Солнца, приняв расстояние до Земли за единицу.

Расст. от Солнца.	1	2	3	4	5	6	16	25	36
Темпер. по Цельсию.	+152	+27	-27	-61	-83	-131	-167	-188	-202
Расст. от Солнца.	Беско- нечно	1,2	1,3	1,4	1,5	1,16	1,25	1,36	0
Темпер. по Цельсию.	-273	+322	+150	+377	+1002	+1427	+1852	+2277	+6427

— Из этой таблицы уже видно, что крайний верхний предел наших путешествий в ракете — удвоенное расстояние от Солнца, т. е. около 150 миллионов километров от орбиты Земли или 175 миллионов от орбиты Марса к Юпитеру.

— Но позвольте, — возразил Лаплас, — разве мы не можем употребить для повышения температуры в ракете и оранжерее зеркала: плоские, цилиндрические и сферические?

— Можем, — ответил Ньютон. — В особенности здесь, где нет относительной тяжести и где зеркала легко сделать очень тонкими. На планетах мы уже встретили бы затруднения.

— Но есть и еще средства увеличить температуру оранжерей, именно: если их стекла будут свободно пропускать свет и вообще лучи высокой преломляемости и не выпускать лучи темные, тепловые низкой преломляемости...

— Совершенно верно, дорогой Франклин, — ответил Ньютон. — Тогда лучи Солнца будут входить в оранжерею, превращаться там в темные и оставаться в оранжерее, отчего температура и повысится значительно наших расчетов. Но точных данных о степени повышения температуры таким способом у меня пока нет. Опять-таки для исследований и справок придется обратиться к Земле, а теперь этот вопрос приличнее отложить...

— Так или иначе, — сделал заключение Иванов, — с помощью ли зеркал или другими способами, но путешествие за Марс, может быть, со временем продолжится до Юпитера и даже дальше...

— Ничего не имею возразить против этого, — ответил Ньютон. — Но вот позвольте предложить вам таблицу наибольших температур для разных планет:

П Л А Н Е Т Ы	Расст. от Солнца.	Темпер. по Цельсию.
Меркурий.....	0,39	+407
Венера.....	0,72	+227
Земля.....	1,00	+153
Марс.....	1,53	+ 83
Юпитер.....	5,20	— 83
Сатурн.....	9,54	—134
Уран.....	19,18	—176
Нептун.....	30,05	—195

— Отсюда видно, что максимальная температура внутренних планет («нижних») чрезмерно велика, но для путешествующей ракеты выгодна в техническом отношении, — сказал Ньютон.

— В техническом?! — заметил один из слушателей. — Но не будет ли слишком высока температура?

— Не забывайте, — возразил Ньютон, — что в таблице дана высшая идеальная, едва осуществимая на практике степень тепла, — как для Земли +153°. Вообразите ту же пластинку, нормальную к лучам и также полированную с задней стороны, но покрытую с передней части уже не сажей, а поверхностью более способной отражать и рассеивать падающие на нее лучи света. Тогда температура будет ниже. Она будет ниже нуля, даже может дойти до 273° холода, или до абсолютного нуля, если все лучи Солнца, падающие на нее, будут отражаться, тогда как другая сторона, будучи покрыта сажей, будет все лучи рассеивать в эфирное пространство. Этот вывод справедлив для каждой такой пластинки. Без сомнения, это осуществимо только отчасти, но все же указывает на возможность достижения ближайших планет — Меркурия и Венеры — и

даже еще большего сближения ракеты с Солнцем. Если бы мы не устали, то мы и сейчас бы могли туда отправиться в полной безопасности. Чтобы не сгореть, нам тогда только бы пришлось открывать черную часть задней поверхности ракеты и закрывать переднюю, прозрачную, высеребрёнными ставнями. Мы могли бы даже, если бы только захотели, замерзнуть в нашей ракете у самого Солнца или, по крайней мере, очень близко от него.

— Удивительно! — восхищались слушатели.

— Итак, — заключил Иванов, — путешествия в ракете ближе к Солнцу и дальше от него совершенно обеспечены в теоретическом отношении...

— Да! — сказал Ньютон. — Но этот вывод сейчас же теряет свою силу при спуске на планеты. Опять будем говорить прежде всего о температуре. Вообразим изолированный черный шарик в эфирном пространстве, т. е. некоторое подобие планеты. Он теряет в 4 раза больше тепла, сравнительно с нашим двухсторонним диском; поэтому средняя его температура будет ниже в 1,4 раза (корень четвертой степени из четырех). Таким образом, найдем для разных планет следующую среднюю температуру по Цельсию: Меркурий $+200^{\circ}$, Венера $+90^{\circ}$, Земля $+27^{\circ}$, Марс -23° , Юпитер -138° , Сатурн -174° , Уран -204° , Нептун -218° . На самом деле, средняя температура Земли не $+27^{\circ}$, а только около 14° или 15° . Чем же это объяснить? Дело в том, что не все лучи Солнца поглощаются планетой, часть их рассеивается облаками, водой, снегами, песками, горами, — вообще почвой того или иного свойства. На основании указанного несогласия температур можно вычислить, что Земля воспринимает около 80 % лучей Солнца, остальные же 20 % рассеивает и отражает в небесное пространство; если бы и другие планеты, как Земля,

отбрасывали пятую часть лучей, то температура планет получилась бы такая: Меркурий $+176^{\circ}$, Венера $+72^{\circ}$, Земля $+14^{\circ}$, Марс -35° , Юпитер -145° , Сатурн -179° , Уран -207° , Нептун -221° . Средняя температура астероидов заключается между -35° и -145° . Трудно поэтому предположить, чтобы Марс при средней температуре 35° холода содержал в своих каналах и морях жидкую воду. Ведь температура его ниже средней температуры Земли на целых 49° . И на Земле немалая доля ее поверхности вечно покрыта льдом, снегом с промерзшею землей. Конечно, условия почвы и атмосферы у Марса другие. Если бы допустить одинаковые, то на экваторе Марса нашли бы среднюю температуру на 49° ниже, чем на земном экваторе, т. е. не менее 25° холода. Какая же там может быть вода?

— Ну, а зеркала! Разве не могли бы они нас спасти от этого ледящего холода? — возразил уныло молодой слушатель.

— Могли бы, разумеется, — заметил Ньютон. — В особенности, если бы там не было атмосферы. Ее движение при низкой ее температуре производит такое охлаждение, с которым трудно бороться. Я, однако, не отрицаю возможности успешной борьбы при особых, не имеющих у нас сейчас приспособлениях. Даже на Юпитере, где температура достигает 145° холода, — и там еще успешная борьба с холодом допустима. Но как бороться с жаром атмосферы Венеры и Меркурия, где он доходит до 72° и 176° теплоты? На полюсах он, конечно, ниже, но туда убийственный жар заносят жидкие и газовые течения, т. е. тамошние океаны и атмосферы. Да и какие газы окружают нас при спуске на чужую планету?! Скафандры и обильный запас кислорода спасли бы нас от ядовитых газов атмосферы, но никто не может поручиться, что самая скафандра, а затем

и наши тела не загорятся бенгальским огнем... Я ничего не отрицаю. Все возможно, — бодро сказал Ньютон, — но требует подготовки, трудной и долгой работы, если вы хотите торжествовать над враждебной природой... Иначе она вас раздавит и даже не заметит того...

56. ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ЗЕМЛЕ — КОРОТКИМ ПУТЕМ

Единогласно решено направиться к родной планете. Марс своим притяжением все более и более портил правильную кривую движения ракеты. Так как предстояло около четырех месяцев путешествия, то оранжею собрать было нельзя: не хватило бы запаса плодов на такое продолжительное время. Имея ее на буксире, нельзя было сильно тормозить взрыванием движение ракеты, не повредив живой источник питания. Все же торможение было в десятки раз сильнее, чем при медленном спиральном удалении от Солнца. Вследствие этого наши ученые очень круто спускались к Солнцу, спираль была укороченная. Теперь оранжея была не позади ракеты, а впереди. В начале торможения они были от орбиты Земли на расстоянии 65 миллионов километров и двигались со скоростью около 25 километров в секунду. Скорость была только на 5 километров меньше земной. Вследствие торможения она должна бы умяляться; но падение ракеты, приближение к Солнцу, спуск ее — напротив — эту скорость увеличивали. При вступлении на орбиту Земли она должна составить около 30 километров, т. е. сравняться со скоростью Земли; тогда, при приближении к ней, все более и более будет сказываться притяжение планеты. Увеличивающуюся скорость опять придется тормозить взрыванием. Мысли путешественников были полны Землей, а потому — нам не интересны, как и разговоры, которые их занимали при возвращении. Пожилые успели поседеть, юные — окрепнуть. Наблюдения делали только самые необходимые. Овладела апатия. Следили за оранжеей, за исправным дей-

ствием ее и ракеты. Шли таким коротким путем, что едва заметили 3 или 4 новых астероида. Разность скоростей их и ракеты была громадна, и соединиться с ними для их исследования было затруднительно. Частые взоры устремлялись на красивую звезду вроде Венеры. Это была Земля. Они думали о ней. Она по мере приближения становилась все ярче и прекраснее. Вот уже она превратилась в красивую крохотную луночку. Серп ее увеличивается, делается больше Солнца, еще больше... Пересекают орбиту Луны. Земля громадна: в четыре раза больше ее спутника, в 16 раз светлее. Растет родная планета; она имеет хорошо знакомый им вид. Вот уже Земля занимает 3, 4, 5 градусов на небе; до нее осталось несколько дней пути. Сердца бьются тревожно. В особенности у молодых. Что-то встретит каждый на Земле?

Решено дать фототелеграмму небольшим зеркалом. Иванов телеграфировал следующее:

«Мы, исследователи мировых пространств, находимся недалеко от Земли. Посетили и насколько возможно изучили пространство между орбитами Земли и Марса. В нем нашли более сотни крохотных планет с диаметром от 5000 метров и менее. Но это только малая часть того, что мы предполагаем... Эроса не встретили. Замеченные астероиды представляют богатый и неистощимый материал для устройства колоний за орбитой Земли. Многие из планеток содержат тяжелые металлы в рудах и в чистом виде. Некоторые на 10 % состоят из золота и платины. Мы убедились, судя по составу этих небесных тел, что они составляют осколки одной или нескольких больших планет. Простран-

ство, открытое нами, получает в два с половиной миллиарда раз более лучистой энергии, чем Земля. Простор его в триллионы раз больше земного... Кое-где встретили газовые кольца. Везем образчики пород, металлов и газов. Никто не пострадал, недостатков не терпели. Жизнь в указанном безграничном просторе прекрасна: вечный день, вечное тепло, чудные, разнообразные плоды и прекрасные условия для самой разносторонней технической и научной деятельности. Мы должны спуститься в Индийском океане, недалеко от берегов Ост-Индии. Предупреждаем пароходы...

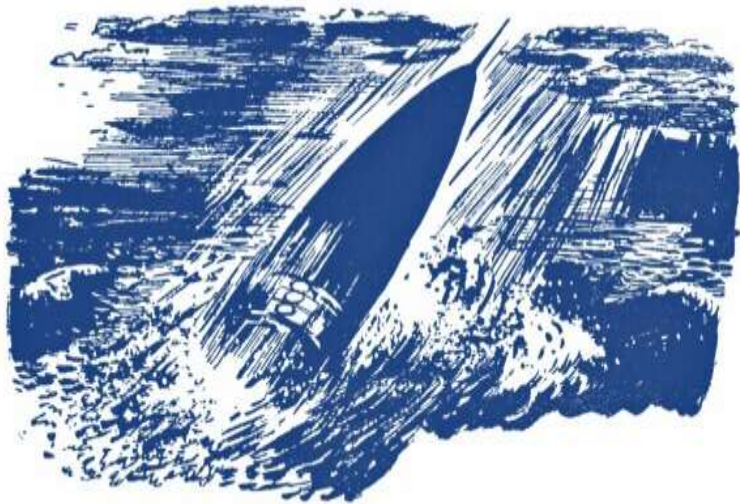
Пощадите нашу скромность. Никаких встреч и торжеств! Бог нам дал талант, который мы поделили с людьми, и только... Мы ни в чем не нуждаемся. Всего имели вдоволь, даже и почета. Лучше поддержите среди вас гениев, которых вы едва знаете, но которых больше, чем вы думаете. Старайтесь их открыть. У них связаны руки вследствие их тяжелых материальных условий. Иванов».

Оранжею надо было или собрать или оставить кружиться по эллиптической орбите кругом Земли. Времени было мало, и поэтому решили ею пожертвовать. Убрали и растения в ракете и разные нежные для них приспособления; их обрекли той же участи. Значительное количество взрывчатого вещества было израсходовано, и потому ракета облегчилась.

Торможение все усиливалось. Земля казалась громадной и занимала четвертую долю неба. Колонии давно миновали. Выдвинули резервуары с водой, и ученые один за другим поместились в них, чтобы не

пострадать от усиленной относительной тяжести. Короче — сделали все то, что приходилось делать ранее при отправлении с Земли. Ракета и ее части функционировали так же точно, как заведенный граммофон, играющий ту, а не другую пьесу. Ее действие все-таки регулировалось рукоятками приборов, также помещенных в жидкость...

Ракета вступает в атмосферу; накаливается тонкая предохранительная оболочка, но скорость ракеты уже не так велика и еще умягается по мере приближения к поверхности океана.

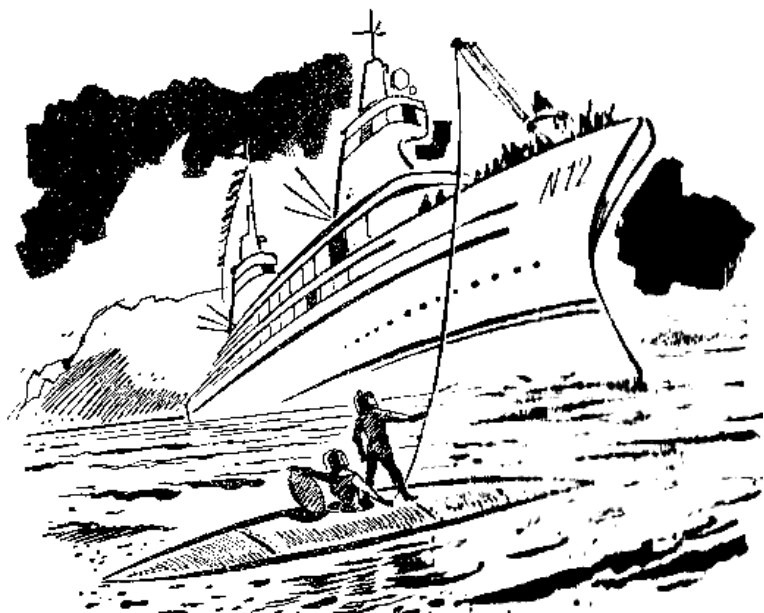

57. НА ЗЕМЛЕ

Еще энергичное торможение, и ракета почти остановилась... Легкий шлепок в воду, и снаряд плавает на манер миноносца.

Отворяются ставни, окна; воздух родной планеты врывается со свистом в ракету. Путешественники как во сне. Долго не могут прийти в себя. Они давно уже выкарабкались из ящиков с предохранительной жидкостью, оделись. Но Земля как будто другая. Она производит на них ошеломляющее впечатление: не то очарование, не то ужас. Прежде всего кажется, что холодновато и сыро; потом ноги, руки и все тело точно налиты свинцом... Долго не могли встать с пола, кружилась голова, валялись как пьяные, особенно пожилые. Воздух, обремененный азотом, как будто душил их, но звуки голоса, от сравнительно плотной атмосферы, казались оглушительными. Подплыл моторный

катер и взял их на буксир до парохода... Путешественники немного оправились. Ветер освежил их.

О скромности ученых были предупреждены, и потому никто не беспокоил их расспросами. Сами же себя они чувствовали не совсем хорошо. Началось с чихания... На другой день у многих обнаружился насморк. Некоторые заболели инфлюэнцей. Настроение больных было неважное; радость свидания с Землей была омрачена. Солнце как будто не грело, вяло светило. Небо казалось чересчур туманным, звезды ночью представлялись далекими, немногочисленными и слабыми, в особенности ближе к горизонту, свод — приплюснутым сверху... Везде неприятно пахло. Кушанья казались невкусными, люди неуклюжи в своих одеждах, мебель отвратительна, тяжесть несносна, тюфяки и подушки жестки. Новоприбывшие падали и спотыка-

лись. Забывшись, отталкивались, думая лететь, но только позорно и смешно шлепались, их проклятия смешили окружающих. Большинство не понимало, в чем дело, и смотрело с удивлением на странных туристов. Их доставили благополучно в Бомбей, а оттуда по железной дороге дальше и, наконец, на воздушном корабле — в их Гималайский замок.

Население его, конечно, было осведомлено о похождениях своих друзей не менее других. Их встретили с распростертыми объятиями, но очень удивились их синякам и пластырям на лице. Когда же дело было разъяснено, они не могли удержаться от гомерического хохота, несмотря на все усилия.

На горах, хоть и было для вновь прибывших непривычно холодно, но Солнце палило жарче. Понемногу они оставили шубы, поправились, нашлепки соскочили с носов и лбов, привыкли к земной жизни и даже вошли во вкус ее. Гельмгольц и Галилей не оставляли их.

58. СОБРАНИЕ В ЗАМКЕ. ПЛАНЫ НОВЫХ НЕБЕСНЫХ ЭКСКУРСИЙ

Весь мир ждал реферата ученых об их необыкновенном и плодотворном путешествии. Ньютон назначил день, когда он со своими друзьями может прочесть в замке доклад.

В этот день ученые делегаты от всех стран прибыли в замок.

Ньютон, прерываемый часто своими не менее учеными спутниками и слушателями, подробно описал свои приключения в небесах. Потом он перешел к практическим выводам и к плану будущих путешествий и исследований.

— Пространство в 34 тысячах километров от земной поверхности, — сказал он, — где устраиваются сейчас колонии, — неудобно, так как там не имеется достаточного количества материала для работ. Поэтому я предлагаю новые поселения понемногу переводить в

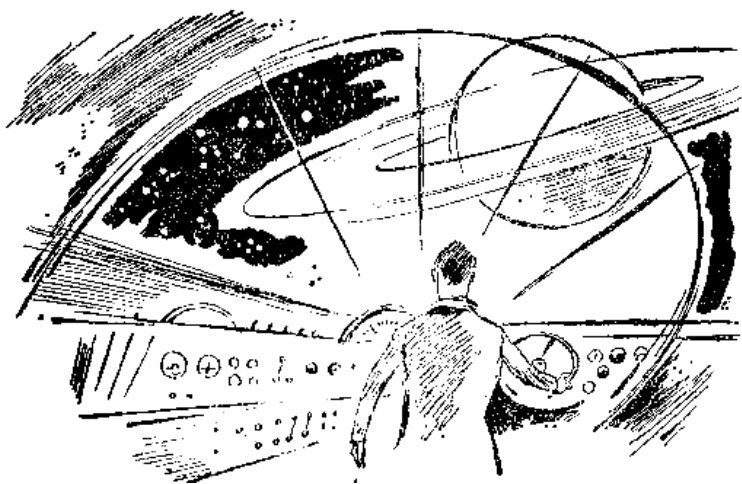
пространство между орбитами Земли и Марса. Оно переполнено богатейшим строительным материалом... Говорю про очень малые планеты, невидимые с Земли... Когда число колоний достаточно умножится, то они развернут там свою промышленность; станут сами строить свои жилища и не будут уже нуждаться в поддержке Земли. Материал есть в виде незначительных болидов также и между Землей и Луной, где помещены сейчас колонии, но его так мало, что не стоит говорить. Только взрывчатые вещества и ракеты, как средство отправления людей, некоторое время еще будет изготавливать Земля. Но ракеты, исполнив свое назначение, могут возвращаться, начиненные взрывчатыми веществами, уже приготовленными «там». Зато многие наши потомки найдут в небесном пространстве приют, счастье и полное нравственное удовлетворение! Предскажет ли нам человеческий гений, что будет с этими поселениями за орбитой Земли через тысячу, через миллион лет? Поведает ли нам кто-нибудь наперед, как будут устраиваться колонисты материально и социально по мере увеличения числа новоселов? Можем ли предвидеть, каких успехов они достигнут, как будет развиваться их индустрия и наука, как преобразится там самое человечество?.. Как через десятки миллионов лет ослабнет сияние Солнца? Узнаем ли мы, что сделают тогда обитатели неба? Найдут ли выход? Не отправятся ли они к другим, еще не погасшим солнцам? Каково будет путешествие? Какие встретят планеты и что на них найдут?.. Ведь планет, годных для жизни, подобных Земле, бесконечное множество...

— Но это так далеко-далеко, так гадательно, — заметил один из ученых слушателей. — Сообщите лучше

о том, что можно еще предпринять в течение ближайшего времени?

— Вот отдохнем, оправимся от сильных впечатлений, наберемся энергии, отвечал Лаплас, — и снарядим новую экспедицию.

— Тогда, — сказал Ньютон, — отправимся в область известных астероидов между орбитами Марса и Юпитера. Там мы должны найти много интересного. Попутно сделаем несколько оборотов кругом Марса, а может быть и посетим его. Легко побывать на его малых спутниках, — так же легко, как и овладеть почвой астероидов благодаря малой тяжести на их поверхности.

— Если не переутомимся, — сказал Иванов, — то, может быть, достигнем Юпитера и Сатурна. Едва ли удастся спуститься на эти планеты, так как смельчаков ожидает почти верная гибель. Но можно покружиться около них на близком расстоянии, посетить их малые спутники и залететь на кольца Сатурна...

— Возможно, что раньше предпримем путешествие по направлению нижних планет: Венеры и Меркурия, — заметил Ньютон. — Трудно предвидеть заранее, сколько можно сделать и в какой степени удачно.

На другой день съезд закончился, и собрание разъехалось, а замок зажил снова своею мирною и разумною деятельностью.

Издается в Ленинграде.

Цена 10 коп.

Вокруг Света

А. СМЕРНОВ

НЕОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

Фантастический очерк

Журнал «Вокруг света», № 15, 1929 год.

НЕОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

Высочайшие горные вершины достигнуты человеком. Открыты полюсы — и Северный, и Южный. Земля исследована и известна.

И взор человечества устремляется на луну и далекие планеты.

Иметь крылья и лететь ввысь, в глубину синего эфира до далеких звезд, до самого солнца!

Это — мечта человека от самых древних времен. Вспомним миф об Икаре, вспомним ковры-самолеты.

Частью осуществил свои мечты человек. В небе реют стальные птицы. Огромные воздушные корабли несутся через горы и океаны.

Но все это в пределах земной атмосферы, а человек стремится дальше — на луну, на далекие планеты.

До луны, по-видимому, и не так уж далеко. Всего 300.000 километров, которые свет проходит в одну секунду. Для нас потребуется времени несколько больше. Аэроплан достигает скорости 300 км. в час. Значит, весь полет займет 1.000 часов, т. е. 41 сутки и 16 часов. Назад — гораздо быстрее — 30 суток. Всего выходит 71—72 суток, $2\frac{1}{2}$ месяца. К досаде нашей, на аэроплане или дирижабле лететь нельзя. На высоте 11 км. атмосфера настолько разрежена, что мы в ней дышать не можем; не выдержим мы и холода; а еще выше разреженная атмосфера будет препятствовать полету аэроплана, не даст возможности держаться в воздухе.

Для межпланетного полета нужны иные приспособления, иные способы.

Сам летчик должен быть помещен в непроницаемую для воздуха кабину, снабжен кислородом для дыхания и продовольствием, по крайней мере, на полгода. Кабина должна помещаться в особом снаряде. Этот

снаряд должен быть выпущен с земли с таким расчетом, чтобы он пролетел через земную атмосферу и попал бы в сферу притяжения луны, а затем мог бы обратно перелететь в сферу притяжения земли и упасть на нее.

Задача кажется фантастической, и первый совершенно фантастически разрешил ее Жюль Верн, 60 лет тому назад, в своем романе «Путешествие на Луну».

Его герои соорудили пушку и зарядили ее ядром, в котором поместились сами. Был произведен выстрел, и они полетели...

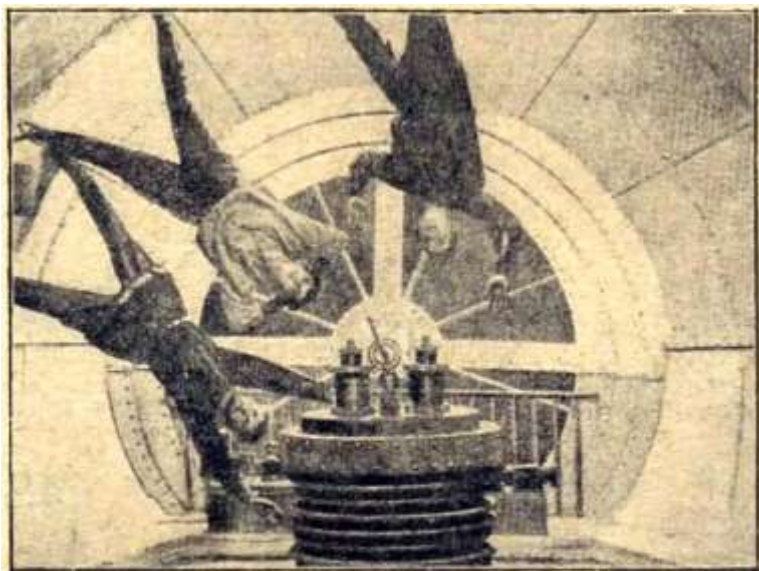
Если ядро вылетит с начальной скоростью 20 км. в секунду, то оно будет в состоянии пролететь 270.000 километров до границы, после которой на ядро будет действовать притяжение луны.

Яркая фантазия, но мечта несбыточная.

Во-первых, сооружение такой колоссальной пушки, заряджение ее и выстрел потребовали бы невероятных расходов, а во-вторых, — и это главное, — никакое живое существо не выдержит внутри ядра первого толчка от выстрела, так как внезапное ускорение создаст сильнейшее давление, которое превратит пассажиров в лепешки.

Со времени Жюля Верна многие ученые и техники стали работать над разрешением этой задачи — соорудить снаряд для полета на луну.

В 1924 году Ямато предложил идею и дал конструкцию радио-корабля. Его корабль должен получать силу для полета (с земли) в виде лучей космической энергии (лучи Милликена). Проект Ямато требует, прежде всего, передачи энергии без проводов, но эта проблема еще далека от разрешения.

Межпланетная ракета за пределами действия законов тяготения. Команда воздушного корабля имеет возможность стоять ногами вверх.

Гораздо ближе к осуществлению проекты снарядов, основанных на принципе реактивного действия, т. е. обратного движения, по типу ракеты.

Фейерверочная или сигнальная ракета представляет собой патрон из картона, крепко привязанный к концу палки.

Две трети патрона наполнены пороховой мякотью, а верхняя часть бенгальским огнем или римскими свечами. Если с помощью фитиля поджечь пороховую мякоть, то она станет выбрасывать выделяющиеся от сгорания газы вниз, и весь патрон с палкой устремится вверх.

Явление это будет вполне понятно на следующем примере. Возьмите крепко запаянный со всех сторон сосуд со сжатым газом. По физическим законам газ,

расширяясь, будет давить на все точки стенок сосуда с одинаковой силой. Если сделать в нижней или боковой стенке отверстие, то газ с силой устремится через него. В этом месте давление будет уничтожено, но оно останется в противоположных точках и сосуд устремится вверх (как ракета), если отверстие внизу, или в сторону, если отверстие в боковой стенке.

На этом принципе устроена ракета, этим объясняется отдача ружья, откат орудия после выстрела, полет осколков разорвавшегося парового котла. Наконец, построенный недавно в Германии реактивный автомобиль представляет собой ту же ракету, приспособленную для движения в горизонтальной плоскости.

Одним из первых изобретателей межпланетных снарядов типа ракеты был народоволец Кибальчич, казненный в 1881 году по делу 1-го марта, он был опытным химиком и техником.

Когда Кибальчич узнал приговор суда, он сказал:

— Последние годы своей жизни я посвятил разработке проблемы прибора для полета в воздухе. Я прошу все написанное мною, все чертежи и вычисления передать после моей смерти сведущим людям.

Кибальчич передал свои рукописи прокурору, прокурор переслал их в департамент полиции, там рукописи засунули в конверт и положили в архив.

Только после Октябрьской революции был найден и вскрыт пакет с рукописями Кибальчича.

В 1881 году Кибальчич уже разработал проект летательной машины, для полета которой был применён принцип р е а к т и в н о с т и. Таким образом, за ним следует установить первенство в этой области.

В 1917 году его проект оказался уже ненужным. Совершенно самостоятельной разработкой принципа ракеты в применении к межпланетным снарядам занял-

ся русский техник Константин Эдуардович Циолковский.

Трудно указать, с какого времени он посвятил себя этим работам, но уже в 1903 году он предложил первый тип воздушного корабля с прямой дюзой (дюзой называется труба, через которую вырывается струя горящего газа).

После этого Циолковский друг за другом выработал второй тип 1914 года, с кривой дюзой, третий тип 1915 года — усовершенствованный первый, 4-й тип — «опытную ракету 2017 года», 5-й — «пассажирскую ракету 2017 года», 6-ой — портативную ракету, 7-ой — лунную и 8-ой — усовершенствованный 3-ий тип.

В межпланетном корабле Циолковского последнего типа расположение частей такое. Слева направо: руль, дюза, по бокам которой находятся в жидком состоянии водород и кислород. В начале дюзы — запал, и позади его — инжекторы. Далее, в середине — рулевой массив, с одной стороны — пироскоп для управления им, с другой — аккумуляторы. Затем резервуар с водой, каюта пилота, в которой имеются электрический руль, кровать, помещение для инструментов и продуктов и другой пироскоп для наблюдения за полетом.

Смешение водорода и кислорода дает вспышку. Образующийся гремучий газ с силой вырывается из дюзы и толкает весь корабль вверх.

Одновременно с Циолковским многие ученые и техники разрабатывали свои проекты межпланетных кораблей, кладя в основу тот же принцип полета ракеты.

Свои проекты уже опубликовали Эсно-Пельтри, Годдар Оберт и Вальер, Гомонн, Циндер и мн. др.

У Годдара снаряд составной, и по мере взлета составные части его отпадают, облегчая этим полет. У

Гомонна часть объема ракеты занята горючим, которое по мере сгорания уменьшает вес снаряда. В проекте Циндера к снаряду приделаны рули, шасси и крылья.

Наиболее интересной является ракета Оберта.

Известный германский физик и техник, Оберт, много лет посвятил разработке конструкции своего аппарата и, наконец, вместе с инженером Вальером выработал окончательный проект.

Аппарат его состоит из двух соединенных между собой частей: ракеты со спиртом и ракеты с водородом. Длина снаряда — 5 м. толщина — 55,6 см., вес — 544 кг., из которых на водородную ракету приходится только 6,9 кг. Строительным материалом служит алюминиевый сплав.

Если бы при достаточном количестве кислорода сгорал чистый водород, то получилось бы очень сильное нагревание при относительно небольшом пламени. Возможно, что жар этого пламени был бы настолько силен, что даже начался бы процесс разложения на составные части только что полученных продуктов горения — водяных паров и углерода.

Такое пламя никоим образом не может служить двигателем ракеты, так как большая часть его теплоты непроизводительно будет уходить в межпланетное пространство. Поэтому Оберт устраивает взаимодействие спиртно-кислородного пламени с водой в довольно значительном количестве. От действия теплоты вода будет моментально превращаться в пар, и хотя это вызовет охлаждение, однако, объем пламени и сила его выбрасывания из камеры горения сильно увеличатся.

Это как раз и нужно. Все действие ракеты основано на том, что каждую секунду из камеры горения выле-

Свои проекты уже одобрили Эно-Пальте, Годар Оберт и Вальер, Говина, Циндр и др.

У Годара своя составная, и по мере влета составные части его отпадают, облетая этим полет. У Говина часть объема ракеты занята горючим, которое по мере старения уменьшается вес спарда. В проекте Циндера в сторону придала рули, виски и крылья.

Наиболее интересной является ракета Оберта.

Известный германский физик и техник, Оберт много лет

использовал солнечный свет. Но такой сигнал возможен, конечно, только в том случае, если ракета достигнет своей цели во время новолуния и упадет на несходящую поверхность луны, так как в противном случае солнечный свет затмит всякий искусственный световой сигнал.

Допустим, что все эти условия соблюдены. Тогда астрономы должны к известному времени направить свои телескопы на поверхность луны, в определенной точке и ждать момента падения ракеты. Всякая другая точка должна настолько осветить окружающее пространство, чтобы с земли можно было различить и зафиксировать на фотографической пластинке несходящую поверхность. В смысле изучения луны этот опыт не даст ничего, но этим путем будет доказано, что ракета действительно достигла своего назначения и что путь и продолжительность полета приблизительно соответствуют результатам вычислений.

Как известно, луна в 81 раз меньше земли. Однако, несмотря на это, сила ее притяжения только в 6 раз меньше силы притяжения земли. Это объясняется тем, что предмет, находящийся на поверхности луны, находится ближе к центру притяжения, чем предмет, находящийся на поверхности земли, благодаря разному радиусу луны и земли. Границу притяжения между этими планетами, где силы притяжения обоих тел уравновешиваются. Нейтральный пункт их находится на расстоянии в 270.600 км. от земли и только на 30.000 км. от луны.

Таим образом ракета, пушенная с луны на землю, должна преодолеть в 6 раз меньшую силу тяжести и в девять раз более короткий путь. Следовательно, работа обратной ракеты будет в 54 раза меньше работы первой ракеты. Отсюда можно ясно заметить дальнейшие этапы. Нужно пустить с земли тройную ракету, две части которой — спиртова и водородная ракеты — допустят третью (обратную) ракету до луны. Как только весь снаряд отделится от луны, эта третья неиспользованная часть отделяется от нее и отправляется в обратный путь на землю.

Если бы эта ракета была предоставлена самой себе, она с быстрой падающей звездой прелетела бы в земную атмосферу и вследствие образовавшегося трения о воздух могла бы воспламениться, а может быть и совсем сгореть, как это бывает с падающими звездами. Но, использовав известные приспособления, можно было бы настолько уменьшить скорость падения ракеты еще при полете ее в межпланетном пространстве, что после достижении атмосферы дальнейший спуск происходил бы с помощью механически открывающегося парашюта и она совершенно плавно опустилась бы на землю.

Весьма возможно, что, прежде чем этот опыт вполне удастся, его придется повторить несколько раз. Так, например, может случиться, что обратная ракета, отделенная от луны и направленной в таком образом или снова упадет на луно, или же соприкоснется на землю в каком-нибудь пустынном месте, где она может быть не замечена. Но в конце концов с помощью

волнообразного руля и других приспособлений можно будет преодолеть все эти трудности, и аэроплан в очень недалеком будущем сможет послать ракеты на луно, и не чем их зеркала часть будет беспрепятственно возвращаться на землю. Путь таких ракет будет настолько хорошо изучен, что зад это дождь, возвращаясь на землю можно будет наблюдать их в телескоп и заранее установить место их падения.

Однако, интерес такого рода опыта будет в еще более истинно научном. Таким путем можно будет полу-

посветить разработку конструкции своего аппарата и, наконец, вместе с инженером Вальером разработать окончательный проект.

Аппарат его состоит из двух соединенных между собой частей: ракеты со спиртом и ракеты с водородом. Длина снаряда — 5 м., толщина — 55,6 см., вес — 544 кг., из которых на водородную ракету приходится только 6,9 кг. Строительным материалом служат алюминий и сталь.

Если бы при достаточно количестве кислорода стала частью водород, то получился бы очень сильный нагретый по отношению к небольшим пламени. Возможно, что жар этого пламени был бы настолько силен, что даже начался бы процесс разложения на составные части только что полученных продуктов горения — водных паров и углерода.

Такое пламя нином образом не может служить двигателем ракеты, так как большая часть его теплоты испроизводителю будет уходить в бесполезное пространство. Поэтому Оберт устраивает взамен водородно-кислородного пламени с водой и довольно значительное количество. От действия теплоты вода будет моментально превращаться в пар, и хотя это вызовет охлаждение, однако, объем пламени и сила его выбрасывания из камеры горения сильно увеличатся.

Это как-раз и нужно. Все действие ракеты основано на том, что каждую секунду из камеры горения вылетает с максимальной скоростью известное весовое количество газа, образуемого пламя-двигателем. Поэтому Оберт для первой ракеты берет 45 в. кг. спирта и 351,5 кг. воды, которые при пламени 96,8 кг. жидкого кислорода образуют ракетное топливо. Горючее газы будут вылетать из камеры с быстрой 1800 м. в секунду, развивая необходимую для полета силу.

Подобным же образом устроена и вторая водородная ракета. В ней для образования пламени соединены водород и кислород, летящие вместе в воздухе пары. Здесь также необходимо добавление воды. Газы будут вылетать из камеры горения с быстрой 3400 м. в секунду.

В предпоследней Обертон конструкции водородная ракета помещается внутри кислородной. После сгорания последней находится на ее конце клапаны автоматическим открываются и водородная ракета силой реактивного действия автоматически выталкивается из кислородной ракеты.

Насколько целесообразна постройка ре-е-ты Оберта, что она может дать из науки в области изучения луны, на которую она будет направлена, чем может помочь при изучении высших слоев атмосферы и межпланетного пространства? По этому вопросу существует ряд предположений.

В начале полета с помощью сильных телескопов можно будет следить за ракетой, но затем она, вследствие малого размера, исчезнет из вида. Поэтому, чтобы иметь сведения о том, достигла ли ракета своей цели, нужно снабдить ее каким-нибудь сигнализационным аппаратом. Для этого можно в головной части ракеты поместить большое количество ватки, который в момент достижения ракеты луны испарится и в течение нескольких секунд будет гореть ярким, освоб-

тает с максимальной скоростью известное весовое количество газа, образующего пламя-двигатель. Поэтому Оберт для первой ракеты берет 45,8 кг. спирта и 351,5 кг. воды, которые при потреблении 98,8 кг. жидкого кислорода образуют ракетное пламя. Горящие газы будут вылетать из камеры с быстротой 1800 м. в секунду, развивая необходимую для полета силу.

Подобным же образом устроена и вторая водородная ракета. В ней для образования пламени соединяются водород и кислород, переходящие затем в водяные пары. Здесь также необходимо добавление воды. Газы будут вырываться из камеры горения с быстротой 3400 м. в секунду.

В предложенной Обертом конструкции водородная ракета помещается внутри кислородной. После сгорания последней находящиеся на ее конце клапаны автоматически открываются, и водородная ракета силой реактивного действия автоматически выталкивается из кислородной ракеты.

Насколько целесообразна постройка ракеты Оберта, что она может дать для науки в области изучения луны, на которую она будет пущена, чем может помочь при изучении высших слоев атмосферы и междупланетного пространства? По этому вопросу существует ряд предположений.

В начале полета с помощью сильных телескопов можно будет следить за ракетой, но затем она, вследствие малого размера, исчезнет из вида. Поэтому, чтобы иметь сведения о том, достигла ли ракета своей цели, нужно снабдить ее каким-нибудь сигнализационным аппаратом. Для этого можно в головной части ракеты поместить большое количество магнезия, который в момент достижения ракетой луны вспыхнет, и в течение нескольких секунд будет гореть ярким, ослепи-

тельным светом. Но такой сигнал возможен, конечно, только в том случае, если ракета достигнет своей цели во время новолуния и упадет на неосвещенную поверхность луны, так как в противном случае солнечный свет затмит всякий искусственный световой сигнал.

Допустим, что все эти условия соблюдены. Тогда астрономы должны к известному времени направить свои телескопы на поверхность луны в определенную точку, и ждать момента падения ракеты. Вспыхнувший магний должен настолько осветить окружающее пространство, чтобы с земли можно было различить и запечатлеть на фотографической пластинке освещенные поверхности. В смысле изучения луны этот опыт не даст ничего, но этим путем будет доказано, что ракета действительно достигла своего назначения, и что путь и продолжительность полета приблизительно соответствуют результатам вычислений.

Как известно, луна в 81 раз меньше земли. Однако, несмотря на это, сила ее притяжения только в 6 раз меньше силы притяжения земли. Это объясняется тем, что предмет, находящийся на поверхности луны, находится ближе к центру притяжения, чем предмет, находящийся на поверхности земли, благодаря различию радиусов луны и земли. Границу притяжения земли и луны определяет тот нейтральный пункт между этими планетами, где силы притяжения обоих тел уравниваются. Нейтральный пункт их находится на расстоянии 270.000 км. от земли и только на 30.000 км. от луны.

Таким образом, ракета, пущенная с луны на землю, должна преодолеть в 6 раз меньшую силу тяжести и в девять раз более короткий путь. Следовательно, работа обратной ракеты будет в 54 раза меньше работы пер-

вой ракеты. Отсюда можно ясно наметить дальнейшие этапы. Нужно пустить с земли тройную ракету, две части которой — спиртовая и водородная ракеты — донесут третью (обратную) ракету до луны. Как только весь снаряд опустится на луну, эта третья, неиспользованная часть отделится от нее и отправится в обратный путь на землю.

Если бы эта ракета была предоставлена самой себе, она с быстротой падающей звезды врезалась бы в земную атмосферу, и вследствие образовавшегося трения о воздух могла бы воспламениться, а может быть, и совсем сгореть, как это бывает с падающими звездами. Но, используя известные приспособления, можно было бы настолько уменьшить скорость падения ракеты еще при полете ее в межпланетном пространстве, что после достижения атмосферы дальнейший спуск происходил бы с помощью механически открывшегося парашюта, и она совершенно плавно опустилась бы на землю.

Весьма возможно, что, прежде чем этот опыт вполне удастся, его придется повторить несколько раз. Так, например, может случиться, что обратная ракета отделится от луны в нежелательном направлении, и таким образом или снова упадет на луну, или же спустится на землю в каком-нибудь пустынном месте, где она может быть не замечена. Но, в конце концов, с помощью волчкообразного руля и других приспособлений можно будет преодолеть все эти трудности, и вероятно, в очень недалеком будущем можно будет посылать ракеты на луну, причем их верхняя часть будет беспрепятственно возвращаться на землю. Путь таких ракет будет настолько хорошо изучен, что задолго до их возвращения на землю можно будет наблюдать их в телескоп и заранее установить место их падения.

На луне человек испытывает своеобразное чувство легкости, — при небольшом разбеге он делает прыжок в 30 метров.

Однако, интерес такого рода опытов будет все еще лишь чисто научным. Таким путем можно будет получать образцы каменистой почвы луны, смазав клейким веществом нижнюю часть снаряда, и с помощью всякого рода прикрепленных к ракете регистрационных аппаратов получить точное представление о физических свойствах межпланетного пространства и поверхности луны. Само собою разумеется, что этим приемом следует воспользоваться и для подробного изучения состава земной атмосферы до самых ее границ.

Но все это, в конце концов, является лишь приготовлением к окончательному выполнению плана — посылки на луну ракеты с людьми. Точно так же 150 лет тому назад обстояло дело с отправкой воздушных шаров. Сперва их посылали без пассажиров, потом в них стали сажать для опыта собаку, курицу, овцу, а затем было решено отправить на воздушном шаре обреченного на смерть преступника. Но Пилатр-де-Розье, не желая предоставить преступнику лавры первого воздухоплователя, сам полетел на шаре. Так же, по всей вероятности, будет обстоять дело и с отправкой ракеты.

Технические приготовления к межпланетному полету можно уже теперь себе представить довольно ясно. Само собою разумеется, что ракета должна быть достаточно больших размеров. В ней должно быть место для путешественников, а также для провианта и питьевой воды, запас которых должен быть рассчитан на срок, во много раз превосходящий предполагаемую продолжительность путешествия.

Но вот, наконец, первые люди достигли поверхности луны. Предположим, что точка прибытия, согласно намеченному плану, находится на освещенной стороне и на более высоких широтах, от 60° до 70° . Тогда путе-

шественники будут иметь в своем распоряжении 14 дней земного исчисления, продолжительность которых равна одному лунному дню. Солнечный жар в продолжение длинного дня не будет особенно мучителен, так как на больших широтах солнечные лучи падают наклонно.

Ракета спокойно лежит на поверхности луны, и ее пассажиры могут с помощью подзорных труб во всех подробностях осмотреть лунный пейзаж. Но они хорошо знают, — да и находящийся в соприкосновении с внешним пространством барометр убеждает их в том, — что, кроме ракеты, здесь нигде нет атмосферы и, следовательно, нет абсолютно никакого воздушного давления. Если они откроют дверь или окно своей каюты, находящийся в ней воздух моментально вырвется наружу. Воздушное давление внутри ракеты также моментально прекратится, и еще продолжающийся внутри их тела избыток давления разорвет их в клочья, как это бывает с глубоководными рыбами, когда их слишком быстро поднимают на поверхность моря.

Значит, так поступать нельзя. Но есть другой путь. Внутри ракеты имеется обыкновенный воздушный шлюз. У стены находится небольшая камера, напоминающая телефонную будку, которая с помощью двух дверей может открываться и внутрь ракеты, и наружу. Путешественники запасаются водолазными костюмами из толстой резины и с полотняной прослойкой, которые легко могут выдержать избыток внутреннего атмосферного давления. На голову привинчиваются медные шлемы с наблюдательными стеклами. На спине находится ранец с кислородом. Когда один из пассажиров входит в шлюзную камеру, дверь за ним плотно закрывается. Насос приходит в действие и выкачивает воздух из камеры во внутреннюю часть раке-

ты. Барометр отмечает давление. Вот он остановился почти на нуле. Тогда открываются створки наружной двери, и первый человек ступает на поверхность небесного спутника земли.

Человек испытывает своеобразное чувство легкости. На земле он весил 75 кг., здесь он весит только $\frac{1}{6}$, часть этой тяжести — $12\frac{1}{2}$ кг. Легкий прыжок, который на земле поднял бы его едва на $\frac{1}{2}$ м., здесь подбрасывает его вверх почти на 5 м. Он с небольшого разбега делает прыжок в 30 м.

Солнечный свет настолько силен, что человек вынужден наполовину закрыть глаза. И небо совершенно черно. Обращаясь спиной к солнцу, он видит на фоне черного неба сверкающие звезды. На луне — резкая смена света и глубочайшей тьмы. Вот невдалеке небольшая конусообразная скала отбрасывает длинную тень. Человек вступает в тень, и почти мгновенно вокруг него наступает ночь, становится темно и холодно. До этого момента солнечные лучи со всей силой падали на его резиновую одежду и нагревали ее. Здесь же, в тени, он чувствует холод межпланетного пространства, и снова спешит к свету и теплу.

Теперь он видит и своих товарищей, которые также вышли из ракеты. Он видит, как они идут к нему, и смеется, глядя на их комические прыжки и жесты. Он что-то кричит им. Его ошеломляет собственный голос, отбрасываемый медными стенками шлема на его барабанную перепонку. Но другие не слышат его крика. Они тоже как будто что-то кричат. Он заключает это по движению их губ, но их голос не доходит до его слуха — находящееся между ними пустое пространство заглушает всякий звук.

Один из товарищей подходит к нему совсем близко, так что их медные шлемы соприкасаются. И только

теперь, когда звук передается от одного шлема к другому, он слышит, как тот говорит ему о своих первых впечатлениях на луне. Это — единственный способ переговариваться. Или же они должны были бы вооружиться радио-передатчиками и радио-приемниками, так как эфирные волны проникают и через абсолютно пустое пространство.

Путешественники обследуют ближайшие окрестности. Они собирают пробы камней и определенно устанавливают, что состав лунной поверхности совершенно тождествен составу земных первородных гор. Это — все без исключения плутонические каменные породы — гранит, порфир, базальт. Можно с полной уверенностью сказать, что все они произошли от затвердения огненных потоков и никогда не подвергались действию воды.

Была ли вообще когда-нибудь вода на луне? И если была, куда же она делась? Может быть, вся она без остатка впиталась в глубину лунной планеты. В форме газа, т.-е. водяного пара, она могла преодолеть ничтожное, по сравнению с земным, притяжение луны, и безвозвратно рассеялась в межпланетном пространстве.

Возникает много вопросов, не находящихся ответа. Если принять пользующуюся почти общим признанием Кант-Лапласовскую теорию возникновения мира, согласно которой все планеты и спутники нашей солнечной системы образовались из одного первородного тумана, — тогда можно ожидать приблизительно одинакового химического состава у всех этих звезд и, следовательно, предположить, что, по крайней мере, прежде на луне была вода, которая с течением времени каким-то образом исчезла.

Но ведь мы не знаем, действительно ли луна была

образована из того же первородного тумана, что и земля. Во всяком случае, вполне возможно, что она, как какой-нибудь бродяга в пространстве вселенной, проникла в нашу систему из бесконечных далей, но при этом слишком близко подошла к земле и была задержана и поймана земным притяжением. Из кометы, движущейся по параболе, она превратилась в спутника земли и была обречена на протяжении бесконечных веков обходить вокруг нее. Если это действительно так, то весьма вероятно, что на луне вообще никогда не было воды.

Все эти вопросы и предположения занимают наших путешественников во время их изысканий. Круг их исследований все расширяется. Они обнаруживают, что и здесь магнитная стрелка указывает на лунный полюс, соответствующий нашему Северному полюсу, и приходят к выводу, что лунный магнетизм, подобно земному, по всей вероятности, обязан своим происхождением солнечным лучам.

Проходят дни. Пора собираться в обратный путь. Когда люди, стоя в полуоборот к солнцу, смотрят на темное небо, они замечают узкий серп, приблизительно в четыре раза больше лунного серпа, каким мы его видим с земли. Края этого серпа освещены красным светом. Все богатство красных лучей, которым мы любуемся на земле во время восхода и заката, сияет в межпланетном пространстве, и земной серп мерцает розовым и пурпуровым светом.

Снаряжается обратная ракета. Затворяется воздушный шлюз за последним пассажиром. Поворот газовых кранов, нажим на кнопку, подводющую к дюзам зажигающую искру. Под полом ракеты уже начинается шипенье и шум. Путешественники торопятся лечь на свои койки, чтобы легче было противостоять толчку, кото-

рый должно произвести на них ускорение приблизительно в 40 м. в секунду. Они видят, как удаляется от них поверхность луны.

Проходит полчаса. Давление ослабевает, и с постоянной скоростью в 15 км. в секунду ракета летит к земле. Едва прошло 40 минут, и они уже достигли нейтрального пункта; притяжение земли пересиливает притяжение луны, и ракета с невероятной быстротой устремляется к земной поверхности. Теперь еще гораздо важнее, чем в первом случае, использовать боковые ракеты, которые должны тормозить и замедлять падение, чтобы предупредить чрезмерную скорость.

Вот земля уже покрывает половину неба. Поднявшийся свист и шум указывают, что ракета вступила в земную атмосферу. Еще раз с помощью остатков горючего материала они изо всей силы тормозят ракету обратным толчком. Пламя потухает; один момент ракета стоит почти неподвижно на расстоянии 10 км. от земли. В этот момент от ракеты отделяются длинные металлические пружинные стержни, которые развертывают над ней громадный парашют.

Ракета снова начинает падать. Она следует земному притяжению и непрерывно опускается. С каждой секундой воздух сгущается, и все сильнее надувает парашют, препятствуя силе падения; наконец, с легким толчком ракета опускается на землю...

150 лет прошло от времени первого полета человека на воздушном шаре и 30 лет со времени первого полета на аэроплане. Робкие попытки, первые шаги далеко позади. Современная жизнь немислима без авиации.

Прошло 25 лет со времени изысканий и работы Циолковского, и вот уже мы имеем летательные снаряды его самого и Оберта, которые, видимо, могут осуществить полет на луну.

Что полет снаряда без пассажиров возможен, вполне доказывается результатами вычислений ряда ученых. Вопрос в весе снаряда.

По расчету Гомонна, для подъема с земли, полета вокруг луны и возвращения на землю планирующим спуском, без реакции газов потребуется вес горючего в 933 раза больший, чем полезный вес ракеты. Это при скорости извержения пламени 2.000 метров в секунду и при ускорении в три раза большем, чем ускорение силы тяжести.

По расчету Оберта, если, довести скорость извержения до 3.000 метров в секунду и ускорение в 4 раза больше, вес горючего будет уже в 2.000 раз больше полезного веса.

И, наконец, по Циолковскому, при скорости извержения 5.700 метров в сек. и ускорении в 10 раз большем земного, вес горючего будет только в 9 раз больше полезного груза.

А это все достижимо...

В настоящее время можно считать доказанным, что задача межпланетных сообщений в принципе разрешена. Теперь требуется только практическое подтверждение научных изысканий, опытные и пробные полеты.

Если они будут удачны, со следующим же снарядом полетит и человек.

Смелая мечта обратится в действительность.

МИХАИЛ ПРУССАК

ГОСТИ ЗЕМЛИ

Фантастический роман

Михаил Пруссак

ГОСТИ ЗЕМЛИ

Москва-Ленинград: Государственное издательство,
1927 г.

Серия: Библиотека молодежи

Обложка издания 1927 г. (худ. И. Француз).

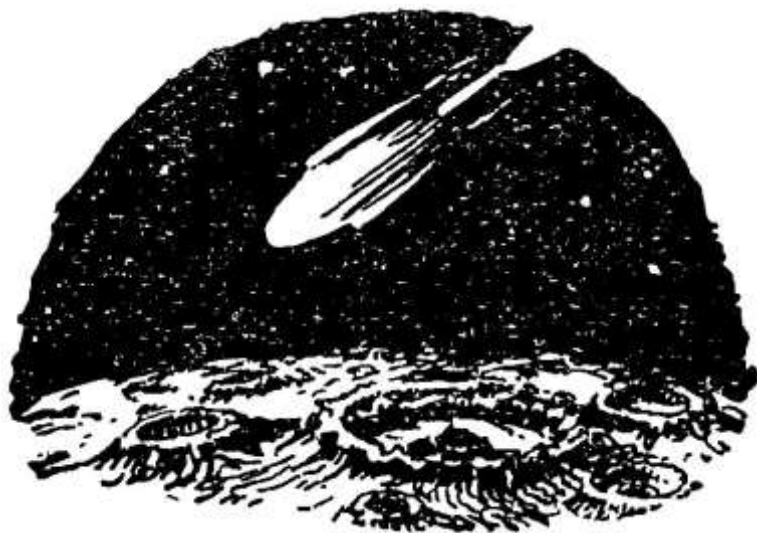
ГОСТИ ЗЕМЛИ

М. ПРУССЯК

Библио-
тека
моло-
дежи

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1977

I

В день кратчайшего противостояния Марса от Земли, 11 августа 1924 года, земными астрономами и физиками была совершена настойчивая, но, как известно, оставшаяся безрезультатной попытка войти в сношение с предполагаемыми культурными обитателями Марса.

На отброшенные в мировое пространство по направлению к Марсу световые лучи, предложенные американским физиком Гернбеком, не последовало никакого ответа. Напрасно на величайших астрономических обсерваториях Земли ждали световых ответных знаков на поверхности Марса, чтобы убедиться в получении марсианами земной депеши: Марс остался безответным.

Среди астрономического мира снова начало преобладать мнение, что Марс по своим климатическим и

метеорологическим условиям неподходящая для высокоразвитой жизни планета.

Незначительное количество получаемой Марсом солнечной теплоты недостаточно для проявления жизни, какую мы знаем у себя на Земле.

Гипотеза о проведении каналов на Марсе разумными существами и в частности работы Меланковича, старавшегося доказать существование на Марсе высоко развитых существ, является плодом досужих вымыслов. Каналы на Марсе — результат природных процессов. Снежные области у полюсов Марса, нужно предполагать, представляют собою не обычные снег и лед земной воды, а замерзшую в страшном холоде полюсов разреженную атмосферу Марса.

Выяснилось окончательно, что средняя температура Марса на много градусов ниже нуля. Этим самым отпадает первое и необходимое условие для проявления жизни.

Конечно, может быть, что для проявления жизни и необязательно наличие протоплазмы, но мы с трудом можем представить себе такой случай. Тогда вообще нужно до бесконечности расширить понятие жизни! Все так или иначе организованное — одновременно и живое.

Одним словом, победило мнение, что на вопросе о населенности Марса высоко развитыми организмами нужно поставить крест. Если и ожидать, что на соседних с Землей планетах существует органическая жизнь, то скорее всего на Венере с ее избытком тепла и туманов, скрывающих поверхность этой планеты, и атмосферой, какая когда-то была на Земле, в пору зарождения жизни. На Марсе если жизнь когда и была — она уже отцвела многие миллионы лет назад.

И вдруг сногшибательное, невероятное сообщение из Лос-Анжелоса, центра американской кинематографии, прославленного курорта Америки: в штате Калифорния, в окрестностях Лос-Анжелоса ранним утром в апельсиновую плантацию — сад фермера Лемана, — когда на ферме все еще спали, примчался и глубоко врезался в землю громадный снаряд. Жители фермы, высыпав в ночных костюмах на двор, в ужасе и смятении ждали взрыва снаряда.

Но прошло несколько минут спокойствия и к ним вернулось самообладание и вполне законное любопытство. Они бросились в сад и осторожно подошли к выдававшейся из земли поверхности странного металлического предмета. Цвет его был стальной, он был отполирован, как зеркало. Земля кругом дымила, из чего можно было предположить, что снаряд очень горяч.

О падении странного снаряда тотчас было сообщено по телефону в метеорологический участок и ближайший полицейский. Новость моментально разнеслась по всей окрестности и достигла Лос-Анжелоса. С соседних ферм стали стекаться любопытные, через полчаса на мотоциклетах прибыли полисмены и стали ожидать прибытия городской комиссии, снаряженной Физическим институтом. Снаряд оставался как был, безжизненным, принимая только все более блестящий зеркальный оттенок.

В толпе делались самые разнообразные предположения. Наиболее трезвые указывали, что это просто громадный артиллерийский снаряд с вновь установленных громадных морских орудий на фортах Сан-Барбары.

— Помяните мое слово — это начало войны Америки с Японией. Снаряд не с форта, что очень неправдо-

подобно, а с японского дредноута, обстреливающего калифорнийское побережье.

— Чепуха! История с Порт-Артуром не может повториться. Снаряд похож скорее на потерпевший катастрофу воздушный корабль.

— Но он вовсе не похож на аэроплан!

— Почему он обязательно должен походить на аэроплан, а не на дирижабль новой, державшейся в секрете конструкции?

К восьми часам утра из города прибыли члены комиссии, представители власти и печати и многочисленная публика. Ознакомившись на месте с подробностями падения снаряда, комиссия принялась за осмотр.

Первым подошел к таинственному снаряду профессор физики, мистер Фримен. Он осторожно дотронулся до еще теплого снаряда рукой, потер его, постучал геологическим молотком, прислушался к хрустальному звону снаряда и недоумевающе развел руками.

— Металл мне неизвестен, и трудно предположить, что он такое. Возможно, какой-нибудь новый сплав.

Настроение присутствующих было приподнятым. С первого же взгляда было ясно, что здесь не обычный артиллерийский снаряд. Скорее всего какой-то летательный аппарат.

— Возможно, что перед нами, — задумчиво потирая переносицу, сказал профессор Фримен, — ракета, которую обещали построить наш соотечественник Годар, немецкий инженер Обер и русский — Ционглинский. Странно только, почему они не предупредили ученый мир о постройке ракеты в начале производства своих опытов. Этого можно ожидать только от русских.

Ракету решили доставить в Лос-Анжелос, оповестив об этом Годара.

Спешно были доставлены трактор и подъемные краны; все в нетерпении вооружились лопатами и приступили к работе. Не приходится упоминать, что ни один момент этой работы не был упущен кинематографическими операторами, которые со всех сторон окружили снаряд.

При ходе раскопки все больше выяснялось, что снаряд действительно представляет собою громадную ракету, близкую к той конструкции, которая в свое время обошла все журналы, представляя фантастический рисунок снаряда, мчавшегося в межпланетном пространстве от Земли к Марсу.

— Странно, очень странно, — бормотал профессор Фримен, принимая деятельное участие личным трудом в откалывании снаряда.

Но самая большая странность была для профессора Фримена впереди. Когда под снаряд подвели цепи подъемного крана, чтобы вытащить его на поверхность, то оказалось, что сила, затраченная подъемным краном, не соответствовала необходимой. Снаряд оказался настолько легким, что его мог увести трехтонный грузовик.

Возбужденный, с трясущимися от волнения руками, профессор Фримен на все вопросы, обращенные к нему представителями печати, только мог ответить:

— Я ничего не знаю... Предполагаю... боюсь высказать догадку... Это слишком невероятно... Не спешите, мы это выясним...

II

Вслед за первым известием о находке удивительной ракеты из неизвестного легкого металла последовали еще более потрясающие сообщения, привлечшие внимание всего цивилизованного мира.

Были забыты политика, межсоюзные долги, спорт, Лига наций. Взоры всех были обращены к Лос-Анжелосу, где в здании института стоял таинственный снаряд, над которым шла непрерывная работа комиссии экспертов.

Снаряд рассматривали в лупы, обстукивали со всех сторон, пытались осторожно расплавить металл, найти какие-нибудь следы, указывающие, что он имеет составные части, а не представляет собою монолитное целое. Одно было установлено с несомненностью: снаряд должен быть внутри полый. Но все попытки вскрыть снаряд, как уже упомянуто, оказались тщетными.

Кончилось тем, что профессор Фримен предложил отказаться на время от попыток проникнуть в снаряд и выждать. Вилли Уайту, своему ассистенту, он так объяснил свои предположения:

— Если внутри снаряда что-нибудь или кто-нибудь имеется, то оно так упаковано, что не рассчитывает на постороннее вмешательство для своего освобождения.

— Вы полагаете, — спросил Уайт, — что там внутри могут находиться живые существа? Значит, вы думаете...

— Я ничего не хочу думать, ничего предполагать. Я могу только фантазировать, но и то про себя. Скажите пожалуйста, сколько времени понадобится, чтобы снаряд, отправленный с Марса и мчащийся со скоростью,

скажем, четырех тысяч километров в час, достиг Земли? Кажется...

— Но это невозможно! — воскликнул Уайт и... остался, как был, с открытым ртом.

Изнутри ракеты донесся высокий, напоминающий комариное жужжанье звук. Все присутствующие замерли. Звук продолжался, то усиливаясь, то ослабевая. Все ждали, что будет дальше. Фримен бросил Уайту многозначительный взгляд.

Около двенадцати часов ночи все посторонние удалились. Остались только дежурные члены комиссии, сторож помещения и спящая в одном из углов помещения собака Фримена. Звуки в снаряде, настойчивые, жужжащие, не прекращались. Вдруг раздался тонкий свист, как если бы из снаряда или в снаряд с силой стал врываться воздух.

Присутствовавшие переглянулись.

Верхушка ракеты начала вращаясь приподыматься, образуя щель. Щель медленно увеличивалась на дюйм, два, три, показывая, что внутри находится еще одна стенка.

Собака Фримена неожиданно вскочила, оцетинилась, глухо завывала. Присутствующих пронизала дрожь, словно из снаряда повеяло резкой холодной струей воздуха. Это ощущение холода было настолько реально, что все отошли от снаряда на несколько шагов назад.

Была торжественная и жуткая минута — при ослепительном электрическом свете, освещавшем громадное пустое помещение с стоящим посреди него неведомым снарядом. В щели мелькнули какие-то странные рычаги, болты, ящики. Собака одним прыжком бросилась к снаряду, присела, взмылась в воздухе и, завизжав, как от боли, поползла обратно.

Один за другим, неуверенной походкой, шатаясь как пьяные, вышли четыре... Чего? Вышли на коротких металлических ножках четыре металлических ящика с металлическими и как у скелетов конечностями, заканчивающимися клешнями. Над каждым ящиком находился еще небольшой шар, как у водолазов.

Четыре ящика — иначе их нельзя было назвать — остановились у снаряда. Их можно было принять за неведомые машины, и только видимые внутри шара два громадных, фасетчатых, как у насекомых, глаза на фоне меловой белизны чудовищных масок заставляли догадываться, что эти движущиеся металлические ящики — только оболочка, своеобразный водолазный костюм неведомых существ, рискнувших проникнуть в земную атмосферу, жить в которой они совершенно не приспособлены.

Группа людей и неведомых существ долго и молча стояли друг против друга, внимательные, наблюдающие.

Первым пришел в себя от волнения профессор Фримен. Он сделал несколько шагов вперед, протянул руку и произнес:

— Добро пожаловать, дорогие гости Земли!

Ответа не было. Неведомые существа не двигались, их глаза ничего не выражали. Это становилось наконец невыносимым и должно было чем-нибудь разрядиться. Профессор Фримен быстро подошел к большой черной доске, висевшей на стене, и быстро начал чертить мелом схему солнечной системы: в центре — Солнце, потом по порядку планеты — Меркурий, Венера, Земля, Марс и т. д. Сделав подробный чертеж, Фримен перечеркнул кружок, означавший: Землю, и, показывая на кружок Марса, вопросительно посмотрел на стоящие четыре металлические фигуры.

Одна из них медленно покачнулась, почти потеряла равновесие, но потом выпрямилась и медленно подошла к доске. Захватив своей клешней мел, она перечеркнула кружок, обозначавший Марс.

Неведомые пришельцы были марсиане.

III

— Странно, вы не чувствуете, господа, — заметил один из присутствующих, — что ваша воля как бы скована?

— Определенно чувствуется, — ответили остальные.

Действительно, все попытки обратиться к марсианам с жестами и словами оставались безуспешными, но зато каждый отчетливо чувствовал, что со стороны марсиан его внимательно наблюдают словно через увеличительное стекло и, что удивительней, как бы гипнотизируют. Например никто, несмотря на попытки, не мог приблизиться к марсианам дальше известного предела в несколько шагов.

— Господа, — обратился к своим коллегам профессор Фримен, — я думаю, пока бесполезно пытаться представиться друг другу и интервьюировать наших гостей. Достаточно того, что есть. Если здесь нет какого-нибудь чудовищного обмана и злой мистификации, то мы стоим перед величайшим событием всей мировой истории, перед исключительным моментом первого межпланетного общения с ближайшей к нам планетой. Предположение, что на Марсе живут высококультурные существа, блестяще оправдалось. Войти с ними в общение было нашей самой смелой, горделивой мечтой. По некоторым обстоятельствам решение этой задачи с нашей стороны оказалось не по силам. Но мы должны быть счастливы, что наша мечта была угадана марсианами, и они первые поспешили явиться к нам. Остается только приветствовать их появление от имени нашего человечества и выразить удовлетворение, что их спуск совершился в Америке, передовой стране земного шара, а не в пустынях Сахары или джунглях Сибири и Восточной Европы. С своей стороны мы прило-

жим все усилия, чтобы добиться живого общения с нашими гостями и возможно полнее информировать друг друга.

Безмолвно стоящие марсиане, казалось, поняли смысл речи Фримена. Не было уже ощущения холода, исходящего от марсиан в буквальном смысле этого слова, и чувства психического давления. Даже забившаяся в угол собака Фримена встала и начала тереться у ног профессора, все же порою оглядываясь на марсиан и как бы спрашивая людей: «Что это такое?»

Снаружи здания, во дворе института между тем стояла, несмотря на позднюю ночь, многотысячная толпа, ждавшая с нетерпением известий о таинственном снаряде. Ее гул и крики доносились внутрь помещения.

Ничто не говорило, что марсиане что-нибудь слышали и хотя бы жестами общались друг с другом. И все же неожиданно они все вчетвером медленно, волочащей походкой, к изумлению присутствующих, пошли к выходным дверям помещения, напоминавшего собою громадный крытый балкон. Профессор Фримен и остальные члены комиссии последовали за ними.

Все вместе они появились на террасе здания, встреченные ураганом приветствий и криков:

— Марсиане, марсиане! Да здравствуют марсиане! Какими-то неведомыми путями события последних часов в здании института стали известны толпе, молва которой, оказалось, опередила даже предположения профессора Фримена. Еще ничего точно не было известно, а радио, телефон, телеграф уже успели оповестить весь мир о прибытии марсиан.

Марсиане остановились на террасе перед беснующейся от восторга толпой и застыли. Их странные уродливые головы-шары запрокинулись, чтобы бро-

сильный взгляд на глубокое звездное небо, поскольку последнее можно видеть в не имеющем горизонта большом городе. Среди многотысячной толпы мгновенно наступила тишина.

Четыре уродца подняли к небу свои скелетообразные металлические руки.

— Они возносят хвалу богу! — раздался чей-то иступленный женский крик.

Толпа хранила молчание.

Марсиане опустили руки и медленной, тяжелой походкой вернулись на прежнее место. Они приблизились к снаряду и снова повернулись к сопровождавшей их группе людей, долго смотрели на них и наконец один за другим вошли внутрь снаряда. Верхушка снаряда быстро завинтилась, снова раздался свист воздуха, поскребывание, тонкий комариный звук.

Комиссия постановила нести у снаряда круглые сутки попеременное дежурство двух членов комиссии, чтобы иметь постоянное наблюдение за снарядом и его обитателями.

IV

Утром в кабинете директора состоялось срочное совещание комиссии с представителями других научных организаций города, общественными деятелями и выдающимися горожанами.

На повестке совещания первым стоял информационный доклад профессора Фримена, потом доклад филолога Андрию о методах общения с марсианами и наконец доклад общественного деятеля и сенатора Волслея о всех вопросах, возникающих перед обществом в связи с прилетом марсиан.

Предварительно был зачитан ряд полученных со всех сторон старого света и Америки поздравительных телеграмм.

Президент Северо-американских соединенных штатов просил высокоуважаемых членов института передать от имени американского правительства высокочтимым гражданам Марса поздравления и восторг перед их героическим путешествием, а через них правительству Марса выражение дружеских чувств американской демократии: «Америка гордится, что на ее долю выпало счастье оказать гостеприимство первым путешественникам с Марса».

Сенат телеграфировал о восторге, с которым американская демократия приняла представителей цивилизации Марса. В них сенат надеется видеть первый залог дружбы Америки с народами Маркса.

Совещание после прочтения многочисленных приветственных телеграмм открылось речью директора института.

— Я не буду вдаваться в оценку значения прилета марсиан. За меня это сделают другие. Перед нами сто-

ит практическая и высоконаучная задача — наладить обмен мыслями между нами и марсианами. Наша обязанность — во что бы то ни стало разрешить эту задачу. Может быть, придется привлечь для этого выдающиеся силы всего ученого мира Земли. Дело в том, что истекшие двое суток ни на шаг не подвинули нас в ознакомлении с марсианами. Я не буду передавать об остроумнейших попытках обмена мыслями, примененных почтенным профессором Фрименом. Он, может быть, и на верном пути, но его метод потребует, на мой взгляд, чрезвычайно много времени. Но я зато уверен, что, несмотря ни на какие препятствия, эта задача будет всеми решена и в частности американской наукой и нашим институтом. Более подробно обо всем этом вам доложит профессор Фримен. Слово за ним.

— Я не вижу причины для скепсиса, — начал обидчивым тоном профессор Фримен, — господина директора. Я считаю, что общение с марсианами уже налажено. Как бы далеко ни отстояли друг от друга два разумных существа, если они познают законы природы, изучают их, у них всегда найдутся общие точки взаимного понимания. Так обстоит дело и с марсианами. Мы начали с астрономических истин и благодаря им установили, что имеем дело с жителями Марса. Кажется, они поняли чертеж теоремы Пифагора. Это дает надежду на то, что в дальнейшем мы можем перейти к истинам математическим, физическим, географическим и таким образом накопить некоторый запас общих понятий и создать опорные пункты.

Профессор Андрию пожал плечами.

— Господин директор прав, — заявил он. — Нам интересно установить у марсиан не только знание высшей математики, в чем мы и не сомневаемся, — мы хотим знать их идеи, убеждения, строй их жизни, их

культуру. Дело намного сложнее, чем представляет себе профессор Фримен. Словесное общение с марсианами, по-видимому, исключено. Остается язык жестов и графики. Но и он возможен только в том случае, если мы имеем в марсианах существа одинаковой, сказал бы я, с нами логики, одинакового строения мысли.

Вспомните, как люди разобщены психически с остальным животным миром. Мы очень многое можем подметить у муравьев и пчел, говорить о их удивительных инстинктах, о наличии у них хозяйства и все же не иметь ни одной опорной точки для общения с ними. Боюсь, что нечто подобное мы будем иметь и с марсианами, которые, судя по докладу того же профессора Фримена, по их маске лица и фасетчатым глазам принадлежат к насекомым — высокоразвитым, строящим, делающим предметы, но все же насекомым.

— Вы полагаете? — раздались со всех сторон восклицания.

— Да, полагаю. У них лицевая маска напоминает собою во много раз увеличенную маску осы.

— Так что же вы предлагаете?

— Я не предлагаю, я предполагаю, что всякого рода жесты, зрительные символы приведут лишь к тому, что мы убедимся в интеллигентности марсиан, в знании ими наших математических и астрономических истин. Но математикой не расскажешь особенностей чужого быта, нравов, общественного строя, истории. У нас будет ознакомление друг с другом, но не общение.

— А какую разницу находите вы между ознакомлением и общением? — ехидно спросил Фримен.

— А ту, — быстро возразил Андрию, — что мы будем психически разобщены, и никакая математика не скажет нам, не даст ключа... Мы мыслим не математикой!

Между учеными началась перебранка, которая гро-

зила затянута до бесконечности, когда профессором химии Хьюком был неожиданно задан простой вопрос:

— А скажите, как общаются марсиане между собою? Ничего не было здесь подмечено?

— В том вся и суть, — живо ответил профессор Фримен, — что у них нет никаких внешних средств общения, они безмолвны и безгласны, как рыбы.

— Но они все же понимают друг друга? — спросил еще раз Хьюк.

— По-видимому — да. И я припоминаю, что у меня самого все время было странное ощущение, будто они понимают и меня, читают, так сказать, мои мысли.

— Гм, это очень важно!

— Я полагаю, — вмешался молчавший до сих пор Волслей, — что марсиане заинтересованы не меньше, чем мы, в том, чтобы войти с нами в общение. Они явились немного неожиданно на Землю, свалились с неба нам на голову, так пусть и подумают, как беседовать с нами. Не мы явились к ним, а они к нам.

Его устами гласили американский здравый смысл, англосаксонская уверенность, что если кто желает иметь с ним дело, пусть сам идет навстречу.

Ученое собрание в кабинете директора постановило: оставить марсиан в стенах института, внимательно следить за ними и ждать, чем они проявят себя в дальнейшем. Фримену было поручено продолжать свои опыты, Андрию — обучать, если у него имеется к этому возможность, марсиан английскому языку.

Все газеты, собрания, разговоры в кулуарах парламентов, в клубах, за домашним столом только и были посвящены что марсианам. Лос-Анжелос начал напоминать собою город, в котором происходила по меньшей мере всемирная выставка. Места в гостиницах брались с бою, всюду происходили летучие митинги, страстные споры, перед зданием института <не> расходились тысячные толпы. Газеты выходили с аршинными заголовками, державшими читателей в курсе событий каждой минуты.

ПОРАЖЕНИЕ НАСМЕРТЬ НЕВЕРУЮЩИХ! МАРСИАНЕ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ О БЫТИИ БОГА. БЛАГОДАРСТВЕННАЯ МОЛИТВА МАРСИАН В ДЕНЬ ПРИБЫТИЯ ИХ НА ЗЕМЛЮ.

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА МАРСИАН ПО ЗДАНИЯМ ИНСТИТУТА. МАРСИАНЕ ИНТЕРЕСУЮТСЯ КАРТОЙ ЗЕМЛИ. ПРОФЕССОР АНДРЬЮ ОБУЧАЕТ МАРСИАН АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ.

Все статьи и заметки сопровождались, конечно, фотографическими снимками и зарисовками вида марсиан, карикатурами, предположениями, фантастическими якобы беседами представителей печати о культуре и общественном строе Марса. Во всех кинотеатрах Америки только и шли полными аншлагами киноленты о марсианах.

Но не только это. Вокруг марсиан начали разгораться и страсти.

Местный рабочий листок «Призыв» высказал робкое предположение, что высокая культура на Марсе неизбежно предполагает и коммунистический строй.

Это предположение было встречено остальной печатью общим негодованием и градом насмешек. Самый сильный, несокрушимый аргумент против заявления «Призыва» был высказан «Воскресным Таймсом» в статье знаменитого проповедника и доктора трех университетов, фундаменталиста, громившего преподавание в американских школах развращающей теории Дарвина, — доктора Маквея.

Какие-то там пропахшие большевизмом неучи из рабочего листка высосали из пальца предположение, что на Марсе осуществлены их дикие разрушительные идеи, отрицающие семью и общество, что там нет религии и собственности. Но будем доказывать, почему коммунизм несовместим с благоустроенным обществом, обратимся к фактам. Это самая упрямая вещь. Мы собственными глазами видели, что марсиане первым долгом перед лицом всего народа вознесли хвалу всемогущему за благополучное окончание путешествия. Пусть писаки из рабочего листка хоть раз в жизни искренне ответят: может ли быть верующий человек большевиком? Никогда! Это дико, бессмысленно — и вот почему. Он признает в мире наличие существа, стоящего над миром, его отца и творца. Как же после этого он может признавать, что в части мира, в его лучшем воплощении, в человеческом обществе можно обойтись без стоящих над ним отцов и творцов? Наши братья по вере, марсиане, признавая бога, тем самым свидетельствуют, что у них имеется и культурное общество, а не какой-то там коммунистический строй.

На это последовал ответ, что о вере марсиан мы ничего не знаем и что легенду о религиозности марси-

ан выдумали попы, чтобы использовать пребывание марсиан на Земле для своих слишком земных целей: отвлечь внимание рабочих от их непосредственных задач борьбы.

Следующей сенсацией было посещение марсианами химической лаборатории института. Отчет об этом посещении заимствуем из самой бойкой газеты «Пикчерал»:

**МАРСИАНЕ В ЛАБОРАТОРИИ!
МАРСИАНЕ ПИТАЮТСЯ ИСКУССТВЕННЫМ БЕЛКОМ!
ЗАГАДКА ЖИЗНИ ДРУГИХ ПЛАНЕТ.**

Во время обхода зданий и лабораторий института марсиане между прочим посетили и лабораторию профессора Хьюка. Они моментально ориентировались, где находятся, и с присущей им бесцеремонностью, оттолкнув Хьюка и его помощника, набросились на лабораторный материал и начали его перебирать, просматривать, исследовать. Перерыв всю лабораторию, они остановились на некоторых веществах и отобрали их в свое распоряжение. При глубочайшем негодовании профессора, сменившемся изумлением, марсиане уверенно начали вести какую-то сложную химическую реакцию, проследить за которой во всех ее подробностях в состоянии был только уважаемый профессор, все время издававший восклицания: «Удивительно! Странно, как это не приходило мне в голову!»

Присутствие многочисленных посторонних лиц, очевидно, стесняло марсиан, и они удалили их самым невежливым и курьезным образом. Как манекены, люди, под влиянием непреодолимой посторонней силы, резко поворачивались лицом к выходу и с удивленным видом, точно подталкиваемые невидимыми руками, вылетали из лаборатории. Остались только Хьюк, его ассистент, Фримен и корреспондент газеты «Пикчерал»

— Не понимаю, каким образом это могло произойти, — передавал свое впечатление сотрудник «Пикчеллы», Джек Гриффин, — но марсиане заставили нас всех помогать им в опытах. Первым сорвался, как посылный мальчишка, мистер Хьюк, проворно начав разыскивать и подавать марсианам нужные им банки, склянки и приборы. Его помощник буквально вылетел в соседнее помещение, чтобы дать ток. Профессор Фримен и я в свою очередь начали носиться по всей лаборатории и подавать марсианам предметы, о которых мы сами не имели ни малейшего представления. Это было сплошным наваждением. Когда в дверях лаборатории появился в сопровождении одного из самых уважаемых лиц в городе директор института, он буквально остолбенел. Хьюк энергично замахал на него руками. Директор не успел занести ногу через порог лаборатории, как проделал на другой ноге полный поворот направо и оказался за дверью. Та же участь постигла и уважаемое лицо.

— Послушайте, да это же чертовщина! Я верчусь, вовсе этого не желая, как волчок! — воскликнул помощник Хьюка.

— Вот вам и полное общение! — воскликнул Фримен. — Пока мы их разгадываем, они полностью распоряжаются нами по своему усмотрению!

— Интересно, чрезвычайно интересно! — бормотал в свою очередь Хьюк, помогая марсианам и напряженно следя за их молчаливой и углубленной работой.

Они получали быстро и точно какие-то соединения.

— Я так и знал, что здесь нужен какой-то катализатор. Но, бог мой, кто мог подумать, что это так просто! Из моей лаборатории выйдет синтетический белок!

Здесь Хьюк начал смеяться, танцевать, нелепо размахивать руками.

Я не слишком понимал, чем, собственно, так возбужден профессор. Я только чувствовал глупость своего положения — быть на побегушках у марсиан. Я хотел было подойти к ближайшему телефону, чтобы позвонить в редакцию, но не тут-то было. Моего желания оказалось мало. Ноги не хотели повиноваться.

Хьюк окончательно сошел с ума, завизжал и, подпрыгивая на одной ноге, бросился обнимать металлические ящики с Марса.

— Нет больше голода! — воскликнул он, оставив без объяснения, что он хотел сказать этими словами.

Ящики-марсиане не обратили внимания на восторг профессора — они ни на что не обращали внимание — и продолжали лихорадочно работать.

Хьюк немного остыл от своего восторга и, глядя на нас через поблескивавшие стекла своих больших круглых очков, удостоил нас целой лекцией.

— Им нужна энергия для поддержания жизни, и они эту энергию в виде пищи добывают непосредственно в лабораториях. Они не нуждаются в том, чтобы их пища созревала на полях. Вот объяснение, почему они могут жить при недостаточной солнечной энергии на Марсе, при низкой температуре Марса. В чем отказала природа, им дает лаборатория.

Марсиане тем временем спешно сделали таблетки из полученного ими вещества и тщательно собрали их, намереваясь унести с собой. Напрасно Хьюк умоляюще сложил руки. Они его не поняли и вихрем вылетели из лаборатории, предоставив нам изумляться их необычной подвижности.

Профессор Фримен в отчаянье всплеснул руками: — И нет никакой возможности сговориться с ними!

VI

Сообщения, что делали каждый день марсиане, начинали уже надоедать обществу своим однообразием. Оно хотело, чтобы марсиане обучались английскому языку. Марсиане ознакомились с атласом Земли, поняли как будто графические обозначения имен числительных — цифры, начали догадываться, что люди общаются друг с другом жестами, звуками и зрительными изображениями. Все это дало возможность постепенно расширить круг символов общения. Но самым большим триумфом для профессора Фримена было, когда марсиане показали, что они понимают и знакомы с графическим изображением световых, тепловых и электрических волн. В общем можно было установить чрезвычайно много интересного в организации этих пришельцев. Световые волны они воспринимали много шире, чем мы. Они воспринимали в качестве света не только нашу световую скалу, но и ультрафиолетовые лучи, которые мы знаем по фотографической пластинке. Это лишний раз подчеркивало их принадлежность к царству насекомых. Имеются все основания полагать, что земные насекомые также воспринимают ультрафиолетовые лучи.

Оказались для марсиан светом и инфракрасные лучи, воспринимаемые нами только в качестве тепловых лучей. Там, где для нас существовала лучистая тепловая энергия, их глаза видели свет и еще какие-то цвета.

Но звуковые волны для марсиан совершенно отсутствовали. Они не слышали, как мы не видим ультрафиолетовых и тепловых лучей. Атмосфера Марса была слишком разрежена и напоминала земную атмосферу на больших высотах.

Но взамен недостающего у марсиан чувства слуха у них по всем данным было чувство, совершенно отсутствующее у человека. Для наших внешних чувств совершенно не существуют электрические волны, радиолучи. У марсиан оказалось радиочувство.

Этот вывод, к которому пришел профессор Фримен, был самым интересным и но поддающимся нашему пониманию. Радиочувство существовало у марсиан. Оно могло объяснить отсутствие всяких внешних проявлений общения марсиан между собою, странности при взаимоотношениях людей с марсианами вроде истории в лаборатории профессора Хьюка, но было совершенно непредставимо для людей. Оно действительно создавало пропасть между людьми и марсианами, целиком «психически» — по выражению Андрию — изолировало людей от марсиан. Марсиане не только видели, они непосредственно общались друг с другом, их нервные системы представляли отправную и приемную радиостанции. Но как проникнуть людям в идеи марсиан? Дверь казалась запертой. Все как будто зависело от доброй воли самих марсиан и их умения разрешить задачу полного общения с людьми.

И они поняли это желание людей и пошли навстречу. Они заинтересовались телефоном, разобрали радиоустановку, стоящую в стенах института. Первые дни в присутствии этих приборов они вели себя очень странно. Обходили их, останавливались на приличном расстоянии, потом медленно подходили и отходили, словно не рискуя ближе ознакомиться с этими простыми приборами. Наконец они буквально вцепились в них, передавая аппарат из рук в руки.

Профессор Фримен описывает в своих воспоминаниях всю эту историю следующим образом:

«Это поведение марсиан заинтересовало и меня. Я начал искать, нет ли здесь какого-нибудь связующего звена между нами и ими. Восстанавливаю сокращенно ход своих догадок: марсиане чувствуют присутствие телефона, на расстоянии. Не видя телефона, они обходили или прямо отыскивали его. Последнее время они исключительно занялись им. Но что такое приемник телефона? Трансформатор, преобразователь электрических волн, которых мы не воспринимаем, в звук. Электрическая энергия обратима в другие виды энергии, хорошо знакомые нам. Предположим, что марсиане непосредственно воспринимают электрические волны. Но тогда через эти волны мы можем ознакомить их с нашими звуковыми волнами, а через них и с нашими мыслями. И обратно — через радиоволны они смогут в телефоне, радиоприемнике передать нам свои мысли. Как поставить здесь опыты? Из их осторожного обращения с источниками электричества можно заключить, что они чрезвычайно восприимчивы к волнам и разрядам электричества. Как обратить внимание марсиан, заставить их выделить из всей бури радиоволн, которые пронизывают наш воздух, и от которых они так или иначе должны отстраиваться, те волны, которые непосредственно направлены к ним? Мы присутствия этих волн в океане эфира не замечаем, пока не наденем на уши трубки радиоприемника. Для марсиан же они — вроде нашего света и бесчисленных земных звуков.

Я решил сделать попытку, предоставив потом поле деятельности своему уважаемому коллеге Андрию с его страстным стремлением обучить марсиан английскому языку. Я начал сопровождать зрительные образы словами, но передавая их марсианам по радио.

Я указывал им на карте солнечной системы Марс и произносил в громкоговоритель слово Марс. То же и с Землей. Результатов первые дни я не видел никаких, но каково же было мое удивление, лишившее меня в первые мгновенья языка, когда спустя ровно полторы недели после пребывания марсиан на Земле, а их летательного снаряда — в здании института, вечером, в час их обычного появления из снаряда (они избегали дневного света, как ночные насекомые) один из металлических ящичков ясно и раздельно, как из трубки громкоговорителя, произнес, обращаясь ко мне: — Добрый вечер, мистер Фримен!»

Газеты за эти числа были полны заметок об успехах марсиан в изучении английского языка. Они знакомились с названиями предметов и явлений, запоминая их с первого раза. «Что это такое? Как называется?» — вот слова, которые только в эти дни и слышали от них. Труднее понимались глаголы. Совершенно не понимались многие имена прилагательные, обозначающие качества и оценку предметов, и отвлеченные имена. Одновременно с этим марсиане высказывали жадное любопытство к разнообразным материалам, сосредоточенным в институте. Многие они бесцеремонно брали и уносили к себе в снаряда, впрочем, с тем, чтобы через некоторое время вернуть, но иногда в истерзанном, неузнаваемом виде.

Внутренность снаряда по-прежнему оставалась загадкой, которую марсиане ревниво оберегали. Предполагалось только, что, сохранив у себя в снаряде природные условия своей планеты, они сбрасывают с себя металлические водолазные костюмы и остаются в своем естественном виде.

Пытливо относясь к тому, что связано с Землею, они были в то же время чрезвычайно неразговорчивы, когда им задавались вопросы о Марсе. Они их или не понимали или не могли еще достаточно богато выражать свои мысли на земном языке.

VII

Тем временем в области мировой политики надвинулось довольно значительное, с точки зрения газетчиков, событие: собиралась в который раз говорить о всеобщем разоружении Лига наций. Не один редактор мечтал о том, что хорошо бы было узнать мнение па этот счет марсиан.

— К черту! Они там возятся с марсианами, как с дрессированными обезьянами, — ворчал главный редактор «Пикчерала». — Обучают их азбуке и ничего толком не умеют вырвать у них. Эх, этих бы марсиан да нам в руки! Послушайте, Джек, вы парень ловкий, расшевелите-ка этих ученых гиппопотамов, намекните им, что нужно, постарайтесь потереться сами около этих марсиан, выудите у них интервью.

— Но эти марсиане молчаливы, как дубовые доски! — возразил Гриффин.

— Вот новость! Да если бы они были болтливыми, мы послали бы к ним любого мальчишку! Публика интересуется общественными вопросами, а не тем, знают ли марсиане высшую математику. Узнайте их мнение об американской демократии, о запрещении спиртных напитков, о понижении ставок подоходного налога. Вот это было бы сенсацией! Шевелите, парень, мозгами!

Но и не высказывающиеся по общественным вопросам марсиане выполняли свою «общественную» роль не хуже, чем если бы они говорили. Ведь можно писать не только о том, что думают марсиане, но и о том, что думают о них и какая будущность ждет Америку — первую из земных стран, с которой марсиане вступили в сношения. Нужно подумать о том, как закрепить этот первый прилет марсиан на Землю, как его использо-

вать, и, если возможно, первым установить дружеские отношения с Марсом.

И республиканская и демократическая партии решили не жалеть средств для осуществления этой задачи, выпавшей на долю американской нации.

VIII

Была глубокая ночь.

Помещение, в котором находились марсиане, тонуло в полумраке. По заведенному порядку у снаряда дежурили два члена института. Они сидели в глубоких креслах и вполголоса беседовали между собой. С ними сидел и Джек Гриффин.

Дежурившие были еще молодыми людьми, которые интересовались и последней партией в гольф, и городскими новостями, и политикой, и сплетнями. Гриффин рассказал им несколько свежих анекдотов и историй, ходивших насчет марсиан в городе.

Достопочтенный пастор Маквей серьезно уверял, что марсиане — пресвитерианцы или во всяком случае станут ими, как только ознакомятся с истинами пресвитерианской церкви. Затруднителен был для него вопрос, имел ли в виду отец, пославший на землю для спасения рода человеческого своего сына, и марсиан или они не нуждались в этом спасении. Выяснить этот вопрос он обещал при первой возможности, когда марсиане достаточно изучат английский язык и прочтут Библию.

Организуется трест — «Компания межпланетных сообщений». Предположено для создания основного капитала, несомненно — очень крупного, привлечь на равных началах правительство и капиталистов Марса. Подписка на акции уже открыта и идет блестяще.

В Лос-Анжелос прибывает представитель Лиги наций, чтобы приветствовать марсиан от имени всего человечества.

Волслею поручено прочесть марсианам краткий курс социологии и истории, из которых они должны будут убедиться, что на Земле все обстоит благополуч-

но, цивилизация шествует вперед, прогресс человечества обеспечен. Конечно, он позаботится доказать марсианам, что американская демократия, шествуя во главе человечества, одна представляет достаточные гарантии мира всего мира и не позволит нарушить его всеми средствами своего военного и морского могущества.

— Вы шутите, Гриффин, очень серьезными вещами. Мы начинаем впутывать марсиан в наши земные дела, и это мне не совсем нравится, — перебил Гриффина один из молодых людей, ассистент профессора Фримена, Вилли Уайт. — Мы совершенно не имеем представления, что это за существа — марсиане, кроме одного, что они дьявольски умные насекомые. Мы не знаем, что у них там на Марсе и их мнение на наш счет. Эти насекомые и машины одновременно кажутся мне порою высшими существами, бесстрастно изучающими нас, как мы изучаем в зверинцах обезьян. Мне становится не по себе. Жутко. Хорошо, что они нас еще недостаточно изучили, что их сознательно, — да, сознательно... не делайте таких больших глаз, Гриффин, — держат взаперти в стенах института. Представитель Лиги наций, Волслей с курсом социологии и истории, Маквей с своим богословием и фундаментализмом! Но хватает еще, чтобы с марсианами захотел встретиться мистер Инкин, ну, этот рабочий вожак, красный... Глупо, ужасно глупо! Я держал бы этих марсиан за версту от наших политиков, историков, вожаков и социологов. К добру это не поведет. Достаточно им встреч с представителями чистой науки.

— Я знаю, — ответил ему со смехом Гриффин, — этот Инкин уже говорит, что мы прибрали к рукам этих марсиан, чтобы они не узнали о Земле правды, какая она есть.

— Вот этого я и боюсь.

— У этих красных идея, что на Марсе жизнь должна идти по их программе. Я читал на эту тему романы русских большевиков, — сказал Джорджи, второй молодой человек, дежуривший у снаряда.

— Все это порою мне кажется дурным сном или, вернее, кинематографическим сценарием, в котором я играю глупую роль статиста, — задумчиво продолжал Вилли Уайт. — Что им нужно, чего они хотят? Я мало задумывался до сих пор, что же представляет собою человечество, даже современное, и скажу откровенно, оно самому мне начинает казаться изумительно недалеко ушедшим от своих предков ледникового периода.

— Услышь пастор Маквей, что вы говорите, он отнес бы вас к самым зловредным атеистам.

— Подите вы к дьяволу с вашим Маквеем! Очень мне важно знать мнение этого идиота. Я гораздо больше считаюсь с мнением Инкина.

— Но к чему же сводятся ваши опасения? — спросил Гриффин.

— Во-первых, мне становится неловко за человечество, за господство у него еще детских мировоззрений и порядков. Во-вторых, я склонен больше думать о марсианах не по русским большевикам-романистам, а по Уэльсу, который очень подозрительно отнесся к возможности прилета марсиан на Землю. Он тогда с ними легко разделался. Они у него, натворив разных дел и погубив пол-Англии, перемерли от земных микробов.

Не похоже на то, что эти марсиане, — здесь Вилли Уайт кивнул, не поворачивая головы, в сторону снаряда, — погибли от такой штуки. Не погибли и, не сейчас, так в следующий раз, постараются поставить человечество на его место, чтобы стать самим, как мы

это говорим, царями природы на Земле и ее хозяевами.

— То, что вы говорите, в высшей степени интересно, джентльмены, — раздался позади них глухой скрипучий голос.

Все вздрогнули от неожиданности и привскочили. Позади них в полумраке стояла металлическая фигура марсианина с направленными на них фосфорическими глазами.

Джек Гриффин, несмотря на неожиданность, и здесь остался верен своей природе американского репортера. Он быстро вооружился записной книжкой и вечным пером.

— Я вас, кажется, немного испугал? — продолжал марсианин, и в голосе его зазвучало что-то похожее на любезность.

— Да, знаете, ваше появление, всегда неожиданное... — проворчал Уайт.

— Нервирует, как вы говорите, — закончил за него марсианин. — Но судя по вашей беседе, я понял, что у вас существуют на наш счет какие-то опасения. Кстати, передайте профессорам Фримену и Андрию наши искренние поздравления...

— Простите, — сгорая от нетерпения, сказал Гриффин с пером наготове, — я, простите, не знаю, с кем имею честь... не знаю вашего имени, — поправился он, — но я хотел бы задать вам несколько вопросов, если вы, конечно...

— Как меня зовут? Ах да, это ваш земной обычай. Право, я затруднюсь передать вам в звуках, как меня зовут. В звуках — никак. Вы меня поняли?

— Пожалуйста, присядьте, — предложил, не зная что сказать, Джордж.

— Для меня это немного затруднительно, но вы пожалуйста садитесь.

— Я продолжаю. Как вам понравилась Земля, ваши первые впечатления и встреча с людьми? Как вы себя чувствуете? — засыпал вопросами Гриффин.

— Боже, — застонал Уайт, — как вы плоски!

— Мистеру марсианину не могут показаться эти вопросы плоскими. Не каждый день жителям Марса приходится приезжать на Землю, — огрызнулся репортер.

— Не стесняйтесь, — ответил марсианин. — Вы, кажется, называете свою страну Америкой? Прекрасная страна! И Земля прекрасна, и вы прекрасны. В том, что вы стали разумными существами, мы убедились, когда получили на Марсе ваши сигналы. Мы давно уже анализировали вам, несколько тысячелетий назад, но тогда это оказалось бесплодным — и мы бросили эти попытки. Нас чрезвычайно обрадовал ваш первый сигнал, и мы решили навестить вас. Нас очень интересует Америка и другие страны Земли, ваша цивилизация, и нам хочется ближе познакомиться с вами. Почему же здесь высказано было нежелание, чтобы мы ознакомились ближе с людьми и Землей?

— Это я называю — поставить вопрос ребром! — воскликнул Гриффин. — Вы же, мистер марсианин без имени, можете рассчитывать на мое полное содействие.

— Джек, — раздался предостерегающий голос Уайта, — вы оказываетесь плохим репортером... Простите, мистер марсианин, вы немного не так поняли нашу дружескую беседу. Нас просто интересовал вполне естественный вопрос — что вас заставило прилететь на Землю?

— А что заставило вас сигнализировать к нам, на Марс?

— Хорошо, пусть так. Второй вопрос: что вы думали найти у нас и что нашли?

— Мы так мало знаем Землю и хотели бы ознакомиться возможно подробнее с нею. И вне стен института.

— Вы умеете избегать прямых ответов. Не будем настаивать на них. Ваше желание будет передано. А теперь разрешите поставить вам вопрос. Вы действительно верите в существование верховного существа над миром, то есть бога?

— Ого! — свистнул Гриффин.

— Что это такое? — обратился марсианин к Гриффину.

Тот ответил насмешливой скороговоркой:

— Верить в бога — значит неоспоримо чувствовать и знать, что мир создан и опекается неким существом, которое оказало однажды любезность нашей маленькой планете и послало на нее своего сына Христа, родившегося от девы, чтобы спасти его от греха.

— Это странно, очень странно, — задумчиво произнес марсианин, — но вы мне даете ключ к самому непонятному для нас и в вашем языке и в ваших мыслях. Их так трудно расшифровывать и применяться к ним. Простите, это я должен сообщить моим друзьям.

С этими словами марсианин отступил к снаряду и скрылся в нем.

— Что вы наделали, несчастный! — завопил, теребя волосы, Гриффин. — Вы своими неуместными вопросами поставили себя в смешное положение и испортили мне единственную в мире беседу, которая дала бы миллионный тираж газете. Идиот вы, Уайт, безмозглая пресвитерианская башка! Упустить такую беседу!

— Гриффин, вы сами дурак! Неужели вы думаете, что мне, как пастору, нужна их вера, чтобы околпачи-

вать прихожан? Я поставил самый коренной вопрос, который отвечает на все. Вы этого не поймете. Я теперь знаю, что такое марсиане! Но подите, попробуйте назавтра всюду растрезвонить, что надежды пастора Маквея на пресвитерианство марсиан лопнули, как мыльный пузырь, что спириты — круглые болваны, что марсиане считают нас за непроходимых дикарей. Я не уверен, что вы тогда поместите в своей газете еще хоть одну строчку, оплаченную гонораром. Разве только отчет в листке Инкина. Джордж, позвоните и спешно разбудите Фримена.

Гриффин не стал дольше задерживаться в институте и поспешил в типографию, чтобы поспеть сдать к утреннему выпуску свою статью под заголовками:

Марсиане говорят на приличном английском языке и признательны за то Фримену и Андрью. Они интересуются Америкой и передают привет американской нации от имени марсианской демократии.

О богословской беседе в статье не было упомянуто ни слова.

IX

Профессор Фримен не успевал принимать поздравлений по телефону и письменно с успешно закончившимся обучением марсиан английскому языку. Секретарь Фримена, принимавший эти поздравления, только успевал отвечать:

— Беседа марсиан с Гриффином верна. Вопрос о приеме марсианами депутатий еще не решен, но, конечно, депутатии, с известными ограничениями, будут допущены...

По поводу ночной беседы в квартире Фримена было устроено совещание комиссии. Передав ночную сцену, докладчик Уайт поставил вопрос, как в дальнейшем вести себя с марсианами ввиду высказанного ими желания выйти за стены института и ближе ознакомиться с земной природой и людским обществом.

— Я полагаю, — высказал скромно, но энергично свое мнение Уайт, — что здесь нужен твердо выработанный план. Марсиане хотят не только принимать депутатии и встречаться с представителями чистой науки, но и посещать человеческое общество, его учреждения, предприятия, города, фермы, заводы. Они — наблюдательные существа и, не сомневаюсь, сумеют дать себе точную картину состояния человеческого общества. Готовы ли мы к этому?

— Я отвечу, — живо возразил Фримен, — что да, готовы, хотя и понимаю, чего опасается Уайт. Для чего же тогда мы старались установить с ними взаимное понимание, как не для того, чтобы расспросить их и познакомиться в свою очередь марсиан с нашей умственной жизнью, с нашими учреждениями и нравами? И, смею думать, мы представим им лучшее, что имеется в человечестве: наш самый совершенный гос-

ударственный строй, нашу общественную организацию, основанную на свободе и демократии, нашу самую крупную в мире промышленность, наши школы и университеты. Возможно, конечно, что они подметят и недостатки, которые у них уже изжиты. У нас недостаточна еще солидарность народов, не окончательно примирены классы. Но это будет означать, что мы сумеем кое-чему поучиться у них. Имеется одна опасность, что, может быть, у них существуют завоевательные планы, что они — представители межпланетного империализма. Но эта опасность так незначительна, что о ней даже нельзя говорить всерьез. Короче, я предлагаю предоставить марсианам полную возможность широкого ознакомления с Америкой, что может повести только к прочному и длительному союзу двух соседних планет.

— К сожалению, — деликатно возразил Фримену Волслей, — слово ученых — не последнее слово. Некоторые соображения государственного порядка заставляют ограничить вполне приемлемый план профессора Фримена. Эти условия: пребывание марсиан и в дальнейшем в здании института и неослабный контроль членов комиссии, в частности мистера Уайта, при ознакомлении марсиан с общественным строем Америки. Это руководство должно привести марсиан к убеждению в превосходстве американской науки, религии и демократии над всеми остальными странами и народами.

План был принят. Поток deputаций и отдельных посетителей со всех концов мира все увеличивался. Приезжали ученые, политики, представители всевозможных умственных и религиозных течений, чудаки, знатные иностранцы, дельцы, авантюристы.

Марсиане были неутомимы в приеме всех этих посетителей, в объезде всевозможных учреждений и обществ. И если газеты не всегда охотно помещали отчеты об этих приемах и посещениях, то на это были свои основания. Например, достопочтенный пастор Маквей, несмотря на страстные ожидания паствы услышать о принадлежности марсиан к пресвитерианской церкви, оказался очень несловоохотлив и ни единым словом больше не обмолвился о религиозных убеждениях марсиан. Разочарованы были и многочисленные спириты, теософы, мистики.

Марсиане ни одним словом не обмолвились также и о достоинствах американской избирательной системы, конгресса, сената, республики. Возможно, что они мало еще разбирались в политике; это были в лучшем случае талантливые инженеры, люди науки, далекие от общественности. Убийственно непонятливы оказались они и в области экономических и социальных наук. Их вопросы, задаваемые Волслею и представителям общества, свидетельствовали о их полной неспособности понять самые простые явления.

Оправдывалось пророчество Андрию, что в этой области между марсианами и людьми обнаружится полное взаимное непонимание, коренная разница в самом интеллекте и его происхождении. Марсиане, например, не могли согласиться с Волслеем, что последняя мировая война велась во имя цивилизации и спасения культуры от варварской Германии, что она была для того, чтобы больше не было войн. Не понимали они и того, каким образом дальнейшее существование армий и флотов, в частности у Америки, способствует миру. Раздробленность человечества, многочисленные, враждующие друг с другом государства, отсутствие объединенного планового мирового хозяйства они не-

вежливо называли варварской ступенью человечества. Их поражало несоответствие между научными открытиями и завоеваниями человечества с языком, каким они излагаются, и вообще с обычной речью и строем человеческих языков.

Особенно их поражало, как мы описываем, излагаем словесно любой факт, любое явление. Это их даже смешило.

«Трамвай налетел на автомобиль и разбил его». Кажется, самая простая прозаическая фраза, не вызывающая никаких недоумений. Но марсиане спрашивали, как трамвай может «налететь» на автомобиль и «разбить» его. Разве он живое существо, а не простой механизм, который находится под управлением человека? Что, собственно, произошло — они поняли только тогда, когда Фримен выписал для них сложную физико-математическую формулу столкновения двух твердых тел. И так было во всем остальном: — пока Фримен не выражал события и явления строго математически, научно, марсиане становились в тупик. Только впоследствии они применились к своеобразию выражения человеком своих мыслей, формулировав это следующим образом:

«Если судить по языку, то у людей чрезвычайно странное мировоззрение. Все у них или рождается или делается. Причина явления — его отец или творец. И если бы не их наука, не их математика, где причинность понимается просто как функциональная зависимость явлений друг от друга, мы должны были бы сказать себе, что люди придерживаются невозможных взглядов на свою среду — взглядов, при которых они не в состоянии были бы строить свои машины, заставить двигаться свои механизмы. Лишь теперь мы по-

нимаем, почему у них существует такое странное понятие, как бог. Они не могут себе представить, исходя из наивного понимания причинности, что за миром не стоит его отец или творец».

Вообще все отзывы марсиан звучали так наивно или так парадоксально, что были на руку только красным, этим динамитчикам и нарушителям общественного строя и его мировоззрения. В конце концов они и перекочевали в рабочие красные листки и в первую голову в местный лосанжелосский листок «Призыв». Номера этой газеты приобрели сплошь скандальный характер, стали образцом самой гнусной демагогической и безбожной пропаганды, прикрывающейся авторитетом марсиан.

Молодые люди из американского легиона дважды громили помещение редакции этой газеты, но листок продолжал выходить, становясь все более дерзким. Благонамеренной печатью, конечно, не было допущено в отношении марсиан ни одного резкого выражения, но она уже начала бить тревогу. Нельзя допускать, чтобы какие-то политиканы использовали некоторые неудачные выражения марсиан для своих целей. Недоставало еще, чтобы эти нарушители общественного строя проникли к марсианам и установили с ними связь. Это могло дать самое неверное представление о всей сущности современного человеческого строя в его самой прогрессивной американской форме.

Х

В кабинете Фримена происходило обычное собеседование с марсианами.

Окна и двери на балкон были открыты, и из них открывался изумительный вид на город с красивыми зданиями, многочисленными парками и бульварами. Недаром город служил местом заслуженного отдыха американской буржуазии, городом наслаждения жизнью и красотами пышной южной природы. Солнце уже зашло и заливало красным пламенем коротких сумерек отдаленный холмистый горизонт. В кабинет проникали смягченные звуки замирающей городской жизни и вечерняя прохлада.

Редко удавалось слышать более блестящий и глубокомысленный обзор Америки, чем тот, который сделал Волслей.

Конечно, у американской нации, как и всюду на земле, имеются элементы здоровые и нездоровые. Сейчас эта борьба здоровых элементов с нездоровыми немного обострена. Гниет Европа, пребывает в варварстве Восток, берут кое-где верх анархические элементы, разлагающие общество. Но незыблемой скалой порядка, свободы и демократии стоит Америка. Она — образец здорового человечества, знающего, куда оно идет. Правда, и здесь есть люди, готовые во имя своих идей посягнуть на общество и ниспровергнуть его. Происходят промышленные конфликты и волнения. Труден путь здорового прогресса, и всегда найдутся люди, которым он нежелателен. Но эта группа людей, пытающихся во имя своих идей использовать временные затруднения общества, не должна интересовать марсиан. Она ничего не может сказать им. Марсианам предстоит другая достойная их задача. Например,

профессор Хьюк в отчаянии, что без некоторой помощи марсиан он не в состоянии повторить их опыта.

На губах Уайта все время играла нетерпеливая улыбка.

— Боюсь, — заявил он, — что простое осведомление о существовании у нас рабочего вопроса — будем называть вещи своими именами — не удовлетворит наших гостей. Мы бы ничего против этого не имели, если бы не слишком, я сказал бы, острое внимание уважаемых гостей к нашим вооружениям, к составу общества, к политическому строю и так далее. Мне это кажется сторонним для них делом, отвлекающим от обмена между Марсом и Землей чисто научными знаниями. Мы знаем, какие уже слухи ходят в народе о марсианах, какие ожидания связывают с ними нездоровые элементы. Мы должны прямо и откровенно предостеречь наших друзей марсиан не давать пищи этим элементам. Иначе это будет связано для уважаемых друзей с некоторыми неудобствами их пребывания па Земле — в Америке.

Наступило неловкое и длительное молчание. Профессор Фримен то краснел, то бледнел, пытаясь остановить Уайта.

Слово взял один из марсиан.

— Мы рисковали жизнью, когда вызвались совершить перелет на Землю. Ждали всего. Поэтому можно представить, что мы не из пугливых. Это все, что можно возразить по существу на речь мистера Уайта. Да, мы принесем па Марс, если только там будем снова, известие, что мы нашли прекрасную планету, по сравнению с которой Марс — мертвое кладбище. Мы нашли, как и предполагали, разумных существ. Что же странного в том, что мы стараемся уяснить себе, что такое представляют собою эти разумные существа и

степень их цивилизации. Не скроем, мы нашли их на намечающемся уже переходе от одной умственной ступени к другой, к которой принадлежим уже давно мы, марсиане. Доказательством этому еще на Марсе были ваши световые сигналы. Но мы не предполагали, что вы еще так глубоко сидите в старом, а новое у вас только намечается. Вы еще разъединены на народы и стараетесь сохранить это разъединение. Вы ведете войны, отнимаете друг у друга то, что должно принадлежать всем. У вас есть вещи, которые вы всячески защищаете, называя их собственностью. Это значит, что у вас, несмотря на богатства Земли и ваш ум, этих богатств или не хватает или вы отнимаете их у кого-то другого. Вы боитесь нас, потому что кого-то боитесь у себя на Земле. Иначе ваша боязнь непонятна. Вы — поработители чего-то и кого-то и поэтому подозреваете и нас, что мы можем стать вашими поработителями. Одно время мы думали, что вы порабощаете живые существа не одного с вами происхождения и рода. Но потом мы убедились, что вы порабощаете такие же существа, как и вы. Кто они — мы еще не знаем, но они такие же разумные существа, и мы хотим встретиться с ними. Они — угроза вашему обществу, и мы хотим узнать, чем они угрожают вам. И лишь тогда, когда мы узнаем, кто они, и убедимся, что они действительно ваши враги на тяжелом пути прогресса к высшей ступени развития, мы будем готовы помочь изысканиям мистера Хьюка и передать секрет сплава нашего металла, объяснить нашу передачу энергии на расстоянии и облегчить вам путь к расширению вашей власти над природой. Мы чувствуем, что вы осторожны. Больше — подозрительны. Разрешите и нам отвечать тем же: мы осторожны. У нас есть задача, и пока мы ее не выполним, мы будем осторожны и впредь. Угрозы на нас не

подействуют, мы достаточно чутки к границам ваших угроз и соответствующим образом вооружены. Вот и все.

XI

Карты были раскрыты. Напрасно Фримен перебежал от марсиан к членам комиссии и обратно. Глаза Волслея не предвещали ничего доброго. Уайт пробормотал сквозь зубы:

— Все это проклятые социалисты!

— Благодарю вас, — быстро ответил марсианин, — мы теперь знаем, как вы называете этих людей.

— Но позвольте! — воскликнул Фримен. — Если пошло на то, я тоже имею право в некотором смысле называть себя социалистом. Здесь произошло печальное недоразумение, совершенно нежелательное. Позвольте мне разъяснить. Не смотрите на меня так дико, Уайт. Я конечно, не большевик, это слишком, но всегда признавал за рабочими право на самоорганизацию и отстаивание своих прав вплоть до политической и экономической борьбы и создания своей партии. В Англии, например, мы уже имели рабочее правительство. По нашим демократическим законам, ничто не препятствует быть президентом далее рабочему, если такова будет воля всенародного голосования. В Германии случилось, что рабочий, по профессии седельник, действительно стал президентом республики.

— И что же? — с интересом спросили марсиане.

— В том-то и суть, что ничего! — победоносно ответил Фримен. — Остался прежний порядок вещей.

— Тогда мы ничего не понимаем!

— Мой бог, что же здесь понимать! — снисходительно ответил Фримен. — Рабочие на собственном опыте поняли необходимость классовой солидарности, поняли, что выше их классовых, рабочих интересов имеются национальные, государственные интересы. Наконец у вас неверное представление о рабочих. Это

люди вовсе не порабощенные, не рабы. У них все права, что и у господствующих классов, та же свобода. Они живут на плоды своего труда — и это вполне естественно.

— А есть, которые живут на плоды не своего труда?

— Таких людей в американской демократии нет. Мы исключительно трудящийся народ. Все трудятся, только есть же разница и в самом труде...

— Мы это знаем, — перебил его марсианин. — Одних вы называете просто рабочими, других почему-то — отцами, хозяевами, организаторами труда. На вашем курьезном языке вы полагаете, что трудятся и создают только вторые. У вас не рабочие построили пирамиды, здания и дворцы, а Хеопс, мистер Джонсон, инженер Робинсон, битву при Маренго выиграл Наполеон и даже мир создало одно какое-то существо, да еще самым удивительным образом только словом. Нет спора, здесь звучит у вас чрезвычайно высокая оценка значения слова, разума, организации, но тогда нам непонятно, почему работа словом и разумом совместима с тем, что вот этот громадный дом, как мы узнали, принадлежит одному человеку.

Здесь марсианин сделал жест и указал на небо-скреб, высившийся вдали.

— Вот видите, — пожал плечами Уайт, — рассуждают, как форменные социалисты.

— Капиталисты дают возможность рабочим приложить свой труд к созданию этого дома, — поучительно ответил Фримен. — Этого не понимают некоторые элементы и стараются возбудить недовольство. Но вы сами только что слышали, что эти недовольство и недо-разумения — причем право иногда бывает и на стороне рабочих — имеются только до того момента, когда обществу начинает грозить опасность. Тогда нет рабочих

и хозяев — имеется народ, который может поручить управление собою даже рабочему.

Волслей и Уайт одобрительно посмотрели на Фримена.

— И как в обществе мы стремимся поддержать справедливый порядок между рабочими и хозяевами, так точно стремимся поддержать мир и среди всего человечества. Американцы — исключительно миролюбивая нация. В этом смысле нужно понимать слова Волслея и Уайта о противообщественных элементах, которые стараются внести раздор в среду человечества. С ними мы боролись и будем бороться...

Последние слова Фримена были покрыты рукоплесканиями всех членов комиссии. Марсиане ничего не возразили, только пробормотали:

— Странное общество, очень странное...

В газетах отчет об этом собеседовании носил, конечно, совершенно другой оттенок, заставивший «Призыв» на время прикусить свой ядовитый язык. Из отчета явствовало, что марсиане — открытые соглашатели, сторонники классовой солидарности и привилегий отцов, хозяев, капиталистов и... как там их называют...

На это «Призыв» ответил лишь: «Долой соглашателей, долой марсиан!»

Зато другие органы печати ликовали. Поток ответственных телеграмм снова увеличился. Были они получены от Американской федерации труда, английского Генсовета, немецкого АДГБ, Вандервельде, берлинского «Форвертса» и даже русского «Социалистического вестника». «Форвертс» зачислил марсиан в число своих почетных сотрудников, итальянские фашисты прислали членский билет с адресом, в котором говорилось, что марсиане поняли идеал человеческого

общества — необходимость благожелательных, патерналистических (отцовских) отношений между классами. Отозвался даже римский папа, приславший марсианам свое папское благословение, с указанием, что они оказались подлинными христианами, познавшими, что все мы братья и сыны перед лицом бога.

Но самый большой восторг вызвали телеграммы пяти лордов и десяти графов о решении, под влиянием марсиан, войти в «Лейбор парти». В самой Америке один из финансовых королей заявил, что в социализме есть что-то приемлемое и для деловых людей. Они первые готовы строить социализм, если последний будет настоящим делом и окажется пригодным в земных условиях. Стальной король, который на основании евангельских изречений доказывал, еще до прибытия марсиан, что восьмичасовой рабочий день покушается на его законную прибыль и развращает рабочих, которые не знают, что делать со своим свободным временем, теперь на основании текстов того же евангелия стал доказывать, что восемь часов работы необходимы, так как при них рабочие остаются порядочными рабочими и не слушают красных.

XII

В маленькой квартире мистера Инкина собралось несколько человек.

Это были крепкие, грубые люди, не успевшие скинуть с себя своих обычных рабочих костюмов.

Самого мистера Инкина на квартире еще не было. Он заканчивал редактирование очередного номера газеты. В соседней комнате лежала больная жена Инкина.

Присутствующие разговаривали вполголоса.

— Что вы мне говорите о едином союзе, Билль? — горячился один из присутствующих. — Я знаю, по крайней мере, — если меня наняли на фабрику помимо профсоюза, так если я сорвусь, то по своей вине, а не по предательству этих союзных молодчиков. Мы начали стачку, доводим ее почти до победы, как дураки, гурьбой идем в союз, чтобы он помог нам и в дальнейшем защищал наши права — и на тебе! По договору союза с предпринимателем мы должны стать на работу, потому что у союза имеется уже соглашение, и он не хочет ломать его из-за нас. Мало этого, он превращается в настоящий «компанейский» союз, через который предприниматель диктует свои деловые работы на фабрике. И выходит: профсоюз — первый штрейкбрехер и приказчик капиталиста. Не пойду я в такой союз и останусь в своем, хоть небольшом, но революционном.

— Товарищ, вы рассуждаете слепо. Виноват не профсоюз, а люди, сидящие в нем. В профсоюзе должны быть свои люди.

— Попробуйте провести их! В первую очередь вы ознакомьтесь с бесплатной квартирой со столом.

— Я пытался провести в соседнем городе одну из резолюций «Профсоюзной образовательной лиги». Не прошло суток, как меня, с железнодорожным билетом за счет города, вышвырнули за пределы округа, пригрозив, что, если я явлюсь еще раз, мне пересчитают все ребра. А ребята там славные и не раз просили прислать к ним нашего организатора. Но их сбили с толку этими марсианами, будь они неладны! Скажите, ребята, а не новая ли это штука буржуазии и нет ли тут простой кинематографической съемки? Больно подозрительно, что марсианам непонятны насилия и классовая борьба! Как будто законы буржуазии — не сплошное насилие, как будто у них нет таких невинных вещей, как тюрьмы, резиновые палки, черные списки, как будто мы, а не они ведут войны! Черт возьми, неужели марсиане, если они таковы вправду, такие же дураки, как и наши соглашатели, которых водят за нос разные Фримены и Волслеи? Обидно!

— Да как до них доберешься, если их держат за семью печатями и только их и видишь, что на разных банкетах. А любопытно все-таки, как живут на Марсе, и узнать, неужели и там облапошивают нашего брата?

В эту минуту в комнату вошел мистер Инкин.

— А мы здесь снова говорили о марсианах, — сказал ему тот, кого называли Биллем, — и подумали, что недурно было бы добраться до них. Как вы на этот счет, товарищ Инкин?

Последний устало махнул рукой.

— Что толку? Даже если они окажутся понимающими наше дело, то они беспомощны. Да и что им сказать? Что в человечестве кипит борьба? Они это видят, должны знать, но какое им до всего этого дело?

— А я все-таки попытаюсь, — сказал третий рабочий, которого постигла неудача с пропагандой «Проф-

союзной образовательной лиги», Джим Гей. — Если они расскажут нам об общественном строе на Марсе — это будет иметь громадное агитационное значение.

ХІІІ

Марсиане постепенно расширяли круг своих посещений и часто уже покидали здание института. Порою на улицах прохожие видели наглухо закрытые мчавшиеся автомобили и шепотом передавали, что это проехали марсиане. Но простому смертному они были недоступны. Марсиане вращались лишь в «высших сферах».

Джим Гей неотступно изо дня в день следил за выездами марсиан и вошел в переговоры со сторожами института. Те сообщили ему, что марсиане иногда прогуливаются по парку, прилегающему к институту. Но встретиться с ними очень трудно, так как на это время всех из парка удаляют и с марсианами остаются только господа члены института. Гуляют марсиане главным образом в вечернюю пору, когда спадает дневной свет, к которому марсиане питают отвращение.

Для Джима Гея оставался только один путь — проникнуть незаметно в парк и подстеречь марсиан там.

Несколько вечеров подряд марсиане в парке не появлялись, но наконец Джиму Гею повезло.

Свернув в одну из самых отдаленных аллей парка, он увидел марсиан, которые шли своей странной походкой, медленной и неуклюжей. Очевидно, им все еще приходилось применяться к условиям земного притяжения и соразмерять с ним свои двигательные усилия. Телохранители марсиан держались в отдалении.

Неожиданно марсиане остановились и застыли на месте. Навстречу им из-за громадного бука вынырнула темная фигура и остановила их.

— Товарищи, я хотел бы поговорить о вами, — сказала она. — Это очень важно. Но если меня заметят

ваши телохранители, они вышвырнут меня за ворота. Пройдите за мной...

С этими словами темная фигура снова нырнула в темноту деревьев.

Марсиане оставались неподвижно на месте, но зато в парке произошло нечто другое. Телохранители круто свернули в другую аллею, а темная фигура внезапно почувствовала повелительный призыв снова выйти из-за деревьев.

— Кто вы? — спросили марсиане.

— Рабочий, Джим Гей.

— Почему вы раньше не хотели встретиться с нами?

Они окружили Джима Гея, уставившись на него своими светящимися в темноте глазами.

— У меня нет времени, и потому я буду краток. Знаете ли вы, — страстно начал рабочий, — что вы находитесь в стане буржуазии, в стане наших классовых врагов, что вы солидаризировались с ними, что они, пользуясь вами, стараются затемнить нас, ослабить нашу борьбу, убедить всех, что вы — противники нашего пути? Знаете ли вы, что демократия, порядок, религия, даже наука служат им, чтобы оправдать эксплуатацию миллионов человеческих существ? Мы боимся, что вы можете оказать им громадные услуги, снабдив их новыми орудиями порабощения, что вы только обострите наши земные конфликты. А это возможно при нынешних правителях Земли. Может, было бы лучше, если бы вы поспешили вернуться к себе на Марс, дав горестный отчет о нашей Земле и на некоторое время забыв о ней. Позднее, когда мы снова позовем вас, вы встретите уже освобожденное человечество, которое примет вас с невиданным еще восторгом. Но вы должны сказать нам, чего вы не сказали своим тюремщикам: кто вы, как вы живете на Марсе, что вы

представляете собою? Неужели и на других планетах высокоразвитые существа живут так же, как и на Земле, где незначительная часть человечества поработочает всех остальных?

Марсиане слушали эту страстную и сбивчивую речь, как безмолвные и неподвижные машины. Невозможно было проникнуть в их мысли, в их чувства, как они формулировали для себя положение земных дел.

— Вы говорите, что мы в стане ваших врагов? — медленно ответил один из марсиан. — Но как же мы могли бы быть среди вас? Разве вы могли бы предоставить нам то, что предоставляют они: возможность ознакомиться со всеми достижениями земной культуры и наиболее полно ориентироваться в ней?

— Да, пожалуй, вы с своей точки зрения правы, — грустно ответил Джим Гей. — У них все, у нас ничего. И та страна, где мы одержали уже победу, еще не может похвастать теми достижениями техники, культуры, которые вы можете видеть здесь в Америке.

— А разве такая страна есть? — живо спросили марсиане.

— Как, разве вы о ней ничего не слышали? Вам ничего не говорил о ней в своих лекциях ученый, политик и социолог — Волслей? — спросил удивленно Джим Гей. — Ну, конечно, он умолчал, — с насмешкой продолжал он. — Сказать, что есть такая страна, где рабочие свергли их, управляют сами и хотя с невероятным трудом, но строят новый строй, строй нового человечества, — они не посмели сказать об этом.

— Это та страна, которая представляет угрозу всему остальному человечеству, страна варварская, нищая, где господствует тирания большевиков? — последовал вопрос марсиан. — Значит мы все-таки слышали о ней!

— Да, это и есть та страна, — сказал Джим Гей. — Но я вижу огни и слышу беготню. Это ищут вас, а найдут и меня. Я не боюсь, но я должен быть у товарищей, чтобы передать им нашу встречу...

— Идите к себе, идите, все время напрягая мысль: «Я здесь», чтобы мы не затеряли вашего мозгоизлучения. Когда придете к себе, поставьте радиоприемник на самую короткую волну и ждите нашего голоса.

И было пора.

Едва Джим Гей успел скрыться, перепрыгнув через высокую стену, как к марсианам подбежало несколько человек, среди которых находился взволнованный Волслей.

— С кем вы разговаривали? — грубо спросил он марсиан.

Ответа не последовало. Марсиане медленно повернули и пошли к зданию.

XIV

Джим Гей, выполняя приказание марсиан, старался пробраться на квартиру Инкина возможно прямым путем, все время напряженно, порою вслух, повторяя: «Я здесь».

Голова у него горела, ноги не чувствовали под собою почвы.

Прохожие удивленно оглядывались на него, отпуская шутливые замечания:

— Верно, парень, ты еще здесь и не потерял себя. Гей ворвался в комнату Инкина и крикнул:

— Доставайте приличный радиоприемник, ставьте его! Я здесь... Иначе вы рискуете, что я не сдвинусь с места круглые сутки.

— В чем дело, Джим? На что вам понадобилось радио и именно у меня?

— Так просили марсиане... Я здесь... и я хотел бы созвать наших парней... Я здесь...

— Это было бы проще в редакции.

— Нет, я никуда не уйду отсюда... Я здесь, я здесь...

— Вы, Джим, окончательно рехнулись со своим «здесь».

— Я здесь... Глупости, Инкин... Я здесь... Когда еще революционер терял голову? Я здесь... Ух, больше не могу!

И Джим бросился на сиденье стула. Часа через два в комнате Инкина на столе стоял радиоприемник с рамкой и перед трубой громкоговорителя сидело несколько рабочих вместе с Джимом, бесконечно повторявшим свое «я здесь».

— Хорошо, товарищ, — раздался голос из трубы, — мы вас слышим.

— Добрый вечер, товарищи, — ответил Джим.

Между снарядами марсиан и лосанжелосским комитетом компартии Америки установилась правильная и постоянная радиосвязь.

С этого дня события начали разворачиваться быстро.

Если можно было не обратить внимания на ядовитую статью в «Призыве» о попытках буржуазии представить марсиан в виде соглашателей, то статья Волслея, напечатанная в один и тот же день в тысяча четыреста семидесяти распространенных американских периодических изданиях, была прочитана с глубоким вниманием всей Америкой. В статье Волслея впервые прозвучали пессимистические нотки относительно дорогих гостей с Марса.

«Никто не будет настолько туп, чтобы преуменьшать значение прилета марсиан на Землю. Для науки

это подлинная революция. Марсианами практически решена задача регулярных сношений между планетами нашей солнечной системы. Этим самым и история человечества вступила в новую эпоху, которую необходимо назвать планетарной.

Но все-таки необходимо признать, что ожидания, которые были связаны с благородными мечтами межпланетной дружбы двух высокоразвитых обществ, земного и марсианского, немного преувеличены и страдают излишним оптимизмом. Нужно трезво смотреть на вещи. В конце концов все, что могут сообщить марсиане для ускорения нашего научного прогресса, успешно достигается и нами и только опередило ход вещей и было бы глубоко противно естественному прогрессу земного общества. С другой стороны, как выяснилось, условия жизни разных планет настолько своеобразны и различны между собою, что во многих отношениях опыт марсиан совершенно неприменим к земным условиям, как и обратно.

Мы воистину существа разных миров, и история нашего развития абсолютно отличается от такой же истории марсиан. Мы пошли по пути индивидуализма и создания творческой человеческой личности, марсиане же — по пути стадности. Не забудем, что они по своему органическому строению напоминают насекомых и развили свойственные им формы жизни, как у нас на земле пчелы, муравьи и т. д. Иные эти формы жизни называют социализмом, коммунизмом. Пусть называют, но для человечества с его развитием в сторону индивидуализма и выделения наиболее приспособленных к борьбе за жизнь в качестве руководителей человеческого общества — это неприемлемо. Что годится для пчел и марсиан, не годится для людей. Мы не можем стать коммунистами».

XV

На глубокие размышления навела и статья в «Воскресном Таймсе» известного биолога Иемфри — «Борьба за существование как планетарный закон».

Охарактеризовав закон борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных как закон, которому подчинены и громадные звездные системы и строение мельчайших атомов, Иемфри установил, что этот закон захватывает постепенно в круг своего действия, как казалось ранее, независимые системы. На Земле действие закона борьбы за существование ограничивалось Землей, на Марсе — Марсом. Но сейчас наступает глубоко трагический момент, когда борьба за существование начинается между отдельными планетами. Некоторые планеты только начинают жить, другие живут полной жизнью, третьим грозит гибель. Высокоразвитые существа стареющих планет не находят у себя достаточно средств для продолжения существования и начинают обращать внимание на другие планеты: они будут пытаться захватить их — и горе тем, кто недостаточно силен и не вырос до отпора этим империалистическим притязаниям. Земле необходимо это иметь в виду и соответственным образом подготовиться. Еще недавно возможность, что Земля окажется предметом империалистических воцелений соседних планет, казалась отдаленной, теперь она становится фактом, с которым необходимо считаться...

Недоверие к марсианам было посеяно. Оно увеличилось, когда появилась статья Уайта —

«КТО ОНИ?»

«Нам неизвестно, — писал Уайт, — с какою целью явились марсиане на Землю под маской друзей. Сами

они чрезвычайно скупо говорят об этом, ссылаясь на научные интересы. Но мы сами знаем, что порою скрывается под этими научными экспедициями, посылками миссионеров в неизвестные и «дикие» страны. Кроме красивых заверений со стороны марсиан о дружбе, мы еще, к сожалению, ничего не слышали. Мы вправе отнестись к ним, как «дикари», с подозрением и сказать себе: межпланетное сообщение с Марсом имеет не только великие положительные стороны, но и отрицательные. Не мы будем пока посещать марсиан, а они нас, не мы имеем какие-то виды и интересы на их планету, а они на нашу Землю. Эти опасения тем более реальны, что строй земных существ им так же чужд и непонятен, как, скажем, нам непонятна демократия советов. Не заключается ли в их пристальном изучении наших государств, народов, различных общественных течений, в их жгучем интересе к нашей организации хозяйства с его институтом частной собственности и семьи, к столкновению человеческих интересов — наличие известного и нежелательного нам интереса? Мы вполне вправе спросить марсиан: «Зачем им это нужно, далеким путешественникам на неведомой для них планете?»

Но все стало ясным, когда появились разоблачения Гриффина о связи марсиан с большевиками.

Доказывалось это рядом выдержек из статей «Призыва», из которых было видно, что красные сумели каким-то образом заручиться доверием марсиан и ложно информировать их о положении человечества.

Вся деловая Америка вскипела негодованием против происков чудовищной московской организации, протянувшей свои щупальца по всему миру, всюду имеющей своих сторонников, подчиняющихся прика-

зам из Москвы. Все это было невыносимо само по себе, но в связи с марсианами это переходило всякие границы.

Некоторые предлагали послать по этому поводу категорический ультиматум советскому правительству, имеющему возможность влиять на внутренние дела других стран. В американский сенат посыпались петиции, требования, запросы. Ответ правительства внес успокоение только в небольшой степени. Оно обещало произвести строжайшее расследование, не нарушая долга гостеприимства к таким исключительным гостям американской нации, как марсиане, и только в случае подтверждения документами их связи с московскими большевиками применить к ним закон о нежелательных иностранцах.

Это расследование повело лишь к тому, что был арестован Инкин, но общественное мнение не имело уже двух взглядов. Марсиане, эти соглядатаи для порабощения человечества, и для проведения своего адского империалистического замысла, нашли подходящее оружие для выполнения своих грядущих замыслов. Это орудие — коммунисты.

Выразителем этого мнения оказался сенатор Вилькинс:

«Американская демократия, — писал он, — не может допустить, чтобы за ее спиной, нарушая все правила джентльменства и международных обычаев, очевидно, незнакомых пришельцам с Марса, которых, кстати, никто не просил являться на Землю, устраивались заговоры на ее безопасность и безопасность всего человечества, за которое отвечают Соединенные Штаты. Самым лучшим было бы отправить пришельцев туда, откуда они явились. Если же они и не добе-

рутся до своей планеты, то это не наша вина. Тем более, что они и не могли дать гарантии своим согражданам, что обязательно вернуться на Марс».

XVI

Угроза сенатора Вилькинса была слишком прозрачной, чтобы ее не понять.

Но до чего дошла наглость красных!

Инкин заявил при допросе, что, если в нем видят делегата Коминтерна, они правы, поскольку каждый сознательный борец за рабочее дело считает себя этим самым и представителем Интернационала. Но только все же напрасно приписывают ему высокую честь быть официальным представителем этой международной революционной организации рабочих.

О своих сношениях с марсианами мистер Инкин категорически отказался отвечать, указав только, что в интересах самой буржуазии отвечать за целостность и безопасность марсиан, которые не одиноки.

На вопрос, что это может значить, Инкин отвечать отказался.

Это заявление вызвало новый взрыв негодования. Газеты в один голос начали указывать, что пребывание марсиан в стенах института представляется небезопасным. Нация обязана позаботиться об них, уберечь от угроз и подыскать более подходящее место для их пребывания, какую-нибудь отдаленную обсерваторию, где марсиане могут оказать неоценимые услуги астрономии.

К этому времени относятся и знаменитое извещение «Форвертса» об отказе марсианам в звании почетных сотрудников и выходе лордов из рядов «Лейбор партии», вступление в которую они объяснили недоразумением, и многие другие свидетельства переменившегося отношения человечества к марсианам.

За отбытием мистера Инкина на «казенную квартиру» редактирование «Призыва» перешло в руки редакционной коллегии во главе с Джимом Геом.

Он поставил пролетариату штата Калифорнии вопрос: допустит ли он, чтобы буржуазия применила к марсианам репрессии? Тысячами митингов последний ответил: «Не допустит и в случае нужды готов ответить всеобщей забастовкой!»

В кабинете Инкина, но без него, в один из вечеров состоялось обычное собрание. В стороне стоял громкоговоритель, свидетельствовавший, что присутствующими на собрании являются и марсиане.

Джим Гей информировал марсиан о состоявшихся в городе митингах протеста. Теперь рабочим интересно знать, как ко всему этому относятся сами марсиане.

Из трубы громкоговорителя полились ясные, отчетливые звуки:

— Наше положение таково: мы заперты в стенах института. Всякие делегации и встречи с нами прекращены. Мы прочли в мыслях членов комиссии план увезти нас вместе со снарядами в глухое место: форт номер пять, Тихоокеанской береговой обороны. Этот план без нашего добровольного согласия, мы заявляем заранее, неосуществимым, но мы не знаем, что он представляет собою, что скрывается за ним. Просим пояснить нам.

— Это значит только одно — что вы окончательно становитесь их пленниками. Они желают вас обезвредить, изолировать от людей и, возможно, воспрепятствовать вашему обратному возвращению на Марс. Словом, вас хотят лишить свободы.

— Мы поняли. Отправиться на Марс мы сейчас не считаем возможным. Для полетов в земной атмосфере

наш снаряд тоже не приспособлен. Могли бы вы помочь нам переправить нас и снаряд в какое-нибудь безопасное место?

Среди присутствующих воцарилось молчание. Его прервал Джим Гей.

— Единственное место, где вы, товарищи, могли бы чувствовать себя свободными — СССР. Но эта страна очень далека, и путь туда труден. Мы не представляем себе, как мы можем доставить вас туда и как высвободить из стен института.

— Этого и не требуется. Мы готовы к тому, чтобы выбраться из института, и сделали все приготовления. Мы в состоянии перебраться с нашим снарядом в не слишком отдаленное от города место, в выбранном вами направлении, если вы, конечно, в состоянии найти нас там и переправить дальше.

— О, это мы можем устроить в самый короткий срок.

— Например, завтра?

— Хорошо, мы будем готовы на завтра.

— На каком расстоянии быть нам от города и в каком направлении?

— Удобное место милях в тридцати от города, по западной дороге к морю, направление северо-запад, в каменоломнях, где мы предупредим наших товарищей-рабочих.

— Поздно! — раздался вдруг отчаянный крик из трубы.

Все замерли.

— Действуйте, действуйте, не медля ни минуты! — вырывались из громкоговорителя торопливые звуки. — Мы в осаде. Ближе к нам они еще не могут подойти, но они бросают на нас невыносимые электрические разряды, от которых мы не в состоянии отстраниться,

которые могут нас испепелить. Скорее, скорее, мы отступаем, мы в снар...

Голос в громкоговорителе осекся на полуслове и замер.

Находящиеся в квартире Инкина рабочие неподвижными глазами уставились в отверстие рупора, которое только что рассказало о совершающемся в стенах института преступлении. Несколько мгновений никто не мог прийти в себя. Первым опомнился Джим Гей.

— Медлить, товарищи, нечего! Что еще можно сделать — сделаем. Мы должны быть в каменоломнях.

Как сумасшедшие, опрокинув столы, рабочие опрометью выбежали на улицу и исчезли в темноте.

XVII

Гриффин передает последние минуты пребывания марсиан в стенах института в следующих выражениях:

«... Человечество может вздохнуть наконец полной грудью. Марсиане не будут более тревожить его кошмаром своего пребывания на Земле, среди американских граждан, имевших несчастье оказаться в роли хозяев нежелательных гостей. Снаряд с марсианами покинул Землю. Произошло это при самых драматических обстоятельствах. По некоторым соображениям, марсианам решено было предоставить более удобное и тихое местопребывание, чем Лос-Анжелос и его институт, который не вполне подходит по своей обстановке для научных целей ознакомления с марсианами. Но попытка перевезти марсиан с их снарядом разбилась об их упорное и ничем не объяснимое сопротивление. Они воздействовали на всякого, кто приходил с ними в соприкосновение, своей удивительной способностью подавлять чужую волю и внушать свои желания. Какое опасное оружие! Но, к счастью, земная наука оказалась в состоянии противодействовать марсианам. Для яда найдено было противоядие. И на этот раз честь изобретения принадлежит профессору Фримену. Он стал искать средство, нарушающее влияние марсиан, по тому принципу, по которому одна радиостанция подавляет волны другой радиостанции.

Было отмечено, что марсиане избегают подходить к токам высокого напряжения, имеющимся в институте. Этим был дан ключ к парализованию их радиочувства.

Когда марсиане отказались от добровольного переезда, на них были брошены волны громадного напряже-

ния и силы. Результат был удивительный. Марсиане поспешили, издавая ужасные стоны, спастись бегством в снаряд.

Решено было захватить самый снаряд с находящимися в нем марсианами и перевезти в намеченное место, не рискуя подвергнуться влиянию марсиан, тем более, что стенки снаряда оказывались непроницаемыми.

Но чувствуя себя побежденными, марсиане решили сразу разрубить создавшийся узел и улететь с Земли восвояси.

В тот момент, когда сторожа уже собирались поднять снаряд, чтобы перенести его на соответствующим образом оборудованный грузовой автомобиль, послышался резкий свист, от снаряда повеяло, как в первые дни, резким холодом, хлынули волны какого-то неведомого газа, представляющего собою, очевидно, двигательную силу для снаряда-ракеты, у присутствующих перехватило дыхание.

Раздался взрыв, люди попадали на пол в обморочном состоянии, а когда очнулись и пришли в себя, снаряда в здании уже не было. Пол под снарядом был разбит, и в стеклянной стене на запад было пробито отверстие. Находившиеся вне здания тоже слышали взрыв, после которого над их головами в одно мгновение пронеслось со свистом что-то громадное».

Марсиане, как видим из этого отчета Гриффина, как неожиданно появились, так неожиданно и улетели. Все их пребывание на Земле казалось теперь каким-то сном.

Астрономы усердно наблюдали все участки неба, чтобы подметить летящий в мировом пространстве снаряд, по безуспешно.

Совершенно незаметно промелькнуло спустя три дня после отлета марсиан и сообщение о переменах в редакции «Призыва» и исчезновении Джима Гея.

Обратил на это внимание только один Гриффин.

— Что за чушь, — ответил ему редактор, когда Гриффин указал последнему на странное совпадение — исчезновение марсиан и красного редактора. — Тем лучше, может быть, они его взяли с собою, чтобы он на месте убедился в прелестях коммунистического строя на Марсе. Туда ему и дорога!

Шутка редактора не убедила Гриффина. В газетном мире он был свой человек и не мог не заметить, что в ночь исчезновения марсиан номер «Призыва» вышел ужасно небрежно. А это свидетельствовало, что Джим Гей выехал куда-то очень спешно, не оставив заместителя.

«Какая-то связь здесь есть, — рассуждал про себя Гриффин. — Гей исчез одновременно с марсианами. Гея в снаряде не могло быть. Проследим».

Ему не хотелось так скоро покончить с марсианами и оставить их на долю глубокомысленных коллег из научных журналов. Удалось установить, что за несколько минут до исчезновения снаряда марсиан от квартиры Инкина, служившей, как известно, штабом красных, бешено помчались два автомобиля. Нарушая все правила быстрой езды, они пронеслись по городу и понеслись по Западному шоссе. Чтобы остановить автомобили и привлечь шоферов к ответственности за недозволенно быструю езду, за автомобилями помчался на мотоциклетке полисмен № 385. Но на первой миле за городом у мотоцикла лопнула шина, и полисмен вынужден был только записать номер одного из провинившихся автомобилей — 11 447.

Когда полисмен еще возился над шиной мотоцикла, над ним со свистом артиллерийского снаряда пронесся на большой высоте громадный, как он его назвал, «чемодан». Это его удивило, но потом, когда он услышал об отлете марсиан, вполне удовлетворило.

Поиски полицией собственника автомобиля 11 447 тоже остались безрезультатными. Это был какой-то Джонсон, которых в одном Лос-Анжелосе было несколько тысяч и который уже неделя как выехал из города, не оставив сведений, кому он уступил свой автомобиль. Полиция вынуждена была удовлетвориться тем, что есть.

По Западному шоссе даже в ночное время проезжали в оба направления сотни автомобилей, и поэтому след двух автомобилей казался совершенно затерянным.

Но Гриффин решил не прерывать своих поисков. Он поместил в газетах объявление с просьбой сообщить, в каком месте и на каком расстоянии от города в последний раз слышался свист артиллерийского снаряда.

Получилось около сотни ответов, большею частью совершенно не относящихся к делу, вроде предложения одной американки обменяться с Гриффином фотографическими карточками и начать переписку об индусской философии. В половине ответов указывали все четыре направления и уверяли, что слышали с неба музыкальные звуки улетающих марсиан, и только два ответа говорили, что свист артиллерийского снаряда был слышен над каменоломнями. Гриффин остановился на последних показаниях, тем более, что они совпадали с направлением полета снаряда и пробегом двух автомобилей, и решил лично отправиться на каменоломни.

Здесь его ждало кое-что новое.

Он узнал, что за карьером № 93, среди песчаных холмов, около полуночи взлетело несколько ракет. К месту пуска ракет бросилось несколько рабочих, которые долго не возвращались. Спустя некоторое время туда же промчались два автомобиля.

Больше Гриффин не мог собрать никаких сведений. Рабочие набрали воды в рот и упорно отмалчивались. Приняв его за сыщика, они по-дружески порекомендовали ему скорее убраться подобру-поздорову. Это не помешало Гриффину тщательно исследовать песчаные холмы. Но прошло уже несколько дней, и среди ям и отвалов было трудно найти следы упавшего снаряда.

Гриффин решил провести исследования по направлению к морскому берегу, расспрашивая, не видел ли кто подозрительного груза. Увы, по Западному шоссе ежедневно проезжали тысячи грузовиков с разнообразным грузом.

Решение мучившей Гриффина загадки нашлось в порту Сан-Барбара. Сюда из Лос-Анжелоса прибыл громадный сигарообразный ящик, который был сдан на небольшой пароход «Ред стэр» («Красная звезда»). Пароход успел уже отбыть в Японию, имея у себя на борту пассажиром Джима Гея из Лос-Анжелоса.

Теперь Гриффин не сомневался, что его догадка оправдалась полностью. Марсиане и не думали отправляться на Марс, сговорились о своем бегстве с большевиками Лос-Анжелоса и сейчас на пути в страну большевиков.

Все это им было доложено редактору «Пикчерала». На этот раз последний внимательно выслушал Гриффина и спросил:

— Что же вы намерены делать и как нам поступить?

— Опровергнуть убеждение, что марсиане летят в безвоздушном пространстве к себе на Марс, оповестить

весь мир, что они вместо этого спокойно пересекают Тихий океан, а дальше уже дело заинтересованных правительств.

— Да, но у вас это только предположения и никаких твердых доказательств. Где они?

— Я готов их добыть, если редакция уполномочит меня на это.

— Вы готовы ехать к большевикам вслед за марсианами?

— Да, — твердо ответил Гриффин.

— Смелый вы человек, я вам завидую. Поехать в страну чрезвычайки. Брр! Но если вы не отказываетесь, редакция готова оплатить ваши расходы. А пока — молчок. Я не хочу ставить свою газету в неловкое положение.

XVIII

В «Пикчерале» появился только намек, что предположение об отлете марсиан может оказаться преждевременным, и сообщение, что сотрудник этой газеты едет в СССР. Мудрому этого должно было быть достаточно. Были рассказаны и странные истории о некотором артиллерийском снаряде, который при страшно небрежном осмотре таможенной полиции в Сан-Барбара был погружен на «Ред стэр» (какое символическое имя!). Пароход же взял курс на Владивосток, так как его груз состоял главным образом из сельскохозяйственных машин, закупленных СССР.

Маршрут Гриффина был совершенно противоположный. Он выехал на Нью-Йорк, чтобы пересечь Атлантический океан и попасть в СССР через Берлин и Ригу.

История с марсианами уже начала забываться. У человечества были свои дела, чтобы долго останавливаться на одном каком-нибудь событии, которое уже в прошлом.

Можно поэтому представить себе то ошеломляющее впечатление, которое произвела на американцев краткая телеграмма Гриффина о приезде марсиан в Москву. Эту телеграмму подтвердило и Восточно-Европейское агентство, помечающее все события о жизни СССР скромным указанием: «Дано из Риги». Этого было достаточно, чтобы общественное мнение двух материков не сомневалось в правдивости передаваемого известия.

К президенту Соединенных Штатов полетели тысячи телеграмм с требованием, во имя человечности и милосердия, вырвать марсиан из рук большевиков, которые коварно захватили их в плен.

*Цивилизованное человечество,
— говорилось в одной из телеграмм, —
не может потерпеть, чтобы марсиане оказались
потерянными для человечества и выдали свои тайны в
подвалах ГПУ.*

Подобного рода телеграммы были получены и правительствами других государств, Лигой наций, учеными и художественными обществами.

Одновременно с телеграммами усилилась и бешеная кампания против СССР в мировой буржуазной печати.

«СССР сейчас, как никогда раньше, составляет угрозу всему миру. Пребывание в ее пределах марсиан чревато чрезвычайными последствиями, которые необходимо предупредить заранее, чтобы потом не было поздно. Большевики — изумительные мастера пускать пыль в глаза и сумеют так обойти простодушных марсиан, что последние окажутся простыми игрушками в их руках».

Вся эта кампания повела к тому, что начали упорно ходить слухи о том, что одно из правительств готовит советскому ноту с требованием выдачи марсиан цивилизованному человечеству. Передавался даже текст этой, еще не отправленной ноты.

Все это вынудило прибегнуть к разъяснительной информации, помещенной в некоторых заграничных газетах, в которой, не подтверждая и не отрицая факта прибытия марсиан в СССР, указывалось, что, поскольку известно, марсиане вынуждены были сами бежать от гостеприимства американцев и что большевики во всяком случае не откажут им в последнем, так как они

не совершили никакого уголовного преступления, которое требовало бы их выдачи, и все зависит от самих марсиан, где им жить и куда ехать.

Вся же международная шумиха вокруг марсиан только доказывает, что буржуазия обманулась в своих ожиданиях использовать марсиан для целей, ничего общего не имеющих с целями культуры, и сейчас негодует, что добыча ускользнула.

Это разъяснение было сочтено открытым вызовом, на который и был дан единственный разумный ответ, подчеркивавший вместе с тем глубочайшее миролюбие мировых держав: Польше, напрасно обивавшей пороги о предоставлении ей займа для несения культурной миссии на Востоке, последний был немедленно предоставлен в тройном размере, главным образом военным снаряжением, на том основании, что безопасней всего его хранить на складах держав, ближе всего служащих делу мира.

В этой тревожной международной обстановке сами марсиане незаметно отошли на задний план. Восточно-европейское агентство при всем желании не могло сказать о них ничего достоверного. Молчал и Гриффин, канувший, как в воду, после приезда в Ригу, откуда он послал свою знаменитую телеграмму о «воскресении» марсиан.

Одними это истолковывалось как свидетельство, что марсиане действительно сидят в ГПУ, а Гриффин расстрелян, другими — как очередная утка в дипломатической игре. Шутники уверяли, что под Марсом и нужно подразумевать СССР, а под марсианами... но это предположение было уже слишком нелепым. Марсиане начали окутываться тайной.

XIX

— Алло, Джим Гей!

— Вы? Гриффин! Здесь в Москве! Какими вас принесло сюда судьбами?

— Я так и знал, что вы окажетесь здесь. А где же ваши марсиане?

Джим Гей улыбнулся.

— Разве здесь для вас так мало интересного, что вы только и помните о марсианах?

Гриффин сразу стал серьезным.

— Если вы уделите мне немного вашего времени, я буду вам благодарен. Вы правы, я уже чувствую себя на новой планете.

— Тогда приходите вечером. Позвольте, я вам дам адрес.

Гриффин от нетерпения едва дождался назначенного часа и ровно минута в минуту постучал в двери комнаты Джима Гея. Ему послышалось, что Гей с кем-то разговаривал, но когда вошел в его комнату, там никого не было.

— Вас моим друзьям представлять не придется. Они вас хорошо помнят. Помните Гриффина, репортера, который, как вы говорили, порядочно надоедал вам? — обратился куда-то в пустой угол Гей.

Гриффин потер от недоумения руками глаза.

— Гей, кого вы мистифицируете?

— Здравствуйте, мистер Гриффин, — раздался хорошо знакомый ему голос, от которого он вздрогнул, — мы вас сразу узнали. Все-таки выследили нас?

— Что это значит? — пробормотал Гриффин.

— А просто мы беседуем на досуге с... Может быть, вы их узнаете? Здесь Гей повернул какой-то выключа-

тель; угол, из которого раздавался голос, затуманился, расплылся, и перед Гриффином вырисовывались четыре знакомых ему фигуры марсиан в большой просторной комнате, уставленной книгами и приборами, и с видом через широкую балконную дверь на широкий простор, где зелеными излучинами вилась река.

Это было еще поразительней. Гриффин великолепно знал, что он только что вошел в квартиру, находящуюся на одной из центральных улиц Москвы, а здесь у него впечатление, как будто он волшебством перенесся в красивую загородную местность с типично русским видом простора и далей.

Гей с улыбкой наблюдал удивление Гриффина и только бросил:

— Телерадио! Мои друзья марсиане предпочитают не двигаться с места, когда хотя бы встретиться и побеседовать со своими друзьями. Затруднение в этом, как видите, они устранили довольно удачно.

— Но ведь это же полное уничтожение пространства! — воскликнул восторженно Гриффин.

— А это восклицание вы отнесите к ним, — кивнул Гей на марсиан, стоявших четырьмя нелепыми металлическими ящиками.

— Вы будете нас... как это?.. Интервьюировать? — спросил один из марсиан, и в его голосе Гриффину почувствовалась необидная насмешка.

— Нет, нет, — замахал руками Гриффин. — Я только чрезвычайно рад встретиться с старыми друзьями, которые, как я вижу, — прибавил он осторожно, — чувствуют себя великолепно.

Но изменить своей привычке газетного работника, чувствующего сенсационный материал, было выше сил Гриффина. В его голове теснились тысячи мыслей и

вопросов. Марсианам не приходилось догадываться о них. Словно отвечая на его мысли, один из марсиан сказал, обращаясь к Гею:

— Вы можете поздравить нас, Гей. Мы добились того, что нам ответили с нашей планеты. Пока это простое поздравление, что с нами все благополучно.

— Вы хотите сказать, что обмениваетесь с Марсом радиовестями? — воскликнул Гриффин. — Но это невозможно!

— Почему? Мы послали волны, приближающиеся по своей длине к световым волнам. Вы пользуетесь волнами длиной в десятки и сотни метров, мы — миллионными долями метра. Только они и в состоянии преодолеть межпланетное пространство, вырваться из земной атмосферы. Мы условились об этом еще при нашем отлете с Марса, но выполнить смогли только сейчас. Надеемся через несколько дней окончательно наладить нашу связь и сделать свой предварительный доклад. О, для наших земных друзей он секретом не будет.

«Узнать его! — мелькнуло в голове Гриффина. — Узнать, во что бы то ни стало».

— Да, да, мы передадим привет от освобождающегося человечества.

«Большевиков» — подумал Гриффин. Но сейчас эта мысль ему показалась вполне естественной. Так оно и должно быть. Он кое-что видел, кое-что узнал.

— Мы скажем, что человечество на одной шестой части земной суши, в стране Пятилучевой красной звезды (земной символ нашей планеты), строит жизнь объединенного человечества.

«Социализм», — добросовестно отметил про себя Гриффин.

— ...без отцов-хозяев, удерживающих еще у себя поработанные массы фикцией, что они вместе с поработанными принадлежат к одной семье...

«Буржуазия с ее национальным государством», — перевел про себя Гриффин.

— ...без мировоззрения, что человеческое общество не может жить без них, от которых зависят и жизнь, и благополучие общества, и его богатство...

— Без религии, — пробормотал Гриффин.

— ...Что человечество накануне великих боев за свое окончательное освобождение...

— Накануне мировой социальной революции, — кивнул головой Гриффин.

— ...что мы с величайшим волнением следим за развертыванием этой борьбы...

«Но что им до нее?» — не утерпел подумать Гриффин.

— ...ибо это не только «внутренний» вопрос Земли, в котором заинтересована она одна, но и планетарный, вопрос товарищества всего живого.

— Послушайте, Гей, когда вы собираетесь обратно в Америку, к себе в Лос-Анжелос? — неожиданно спросил его Гриффин.

— В самом непродолжительном времени, — удивленно ответил Гей на вопрос.

— Видите ли, — замаялся Гриффин и решительно закончил: — Мне кажется, что я смогу работать там с вами. И у вас!

— Мы не отказываемся от людей, убежденных в правоте нашего дела.

На самой высокой астрономической обсерватории, в Андах, в Южной Америке, на фотографической пластинке, заснявшей участок неба, в котором находился сейчас Марс, одна из звезд была затемнена маленькой

точкой. Трудно было сказать, что она такое. Большая правдоподобность была за предположением, не вторая ли это луна Земли, которую до сих пор тщетно искали на небе. Начали искать точку в трубу и действительно нашли ее мчащейся с громадной скоростью по направлению к Марсу. Здесь вспомнили о нашумевших несколько лет назад слухах, будто бы на земле были марсиане. Известие о мчащемся к Марсу снаряде промелькнуло в газетах как-то незаметно. Но что значила эта новость наряду с телеграммами, говорившими о назревании новой грандиозной империалистической бойни с ядовитыми газами, лучами смерти, огненными дождями?

Просматривая, что выбросить из набранного уже газетного материала, ввиду того, что в последнюю минуту в редакцию поступило воззвание Коминтерна о предотвращении империалистической войны гражданской войной, Гриффин наткнулся на короткое сообщение о марсианах. Он повертел его в руке и, пометив: «Выбросить», обратился к Джиму Гею:

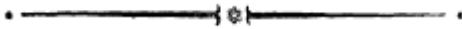
— Кстати, нужно будет сообщить жене Инкина, что наша делегация на Марс чувствует себя в снаряде превосходно. Инкин жив и здоров.

— Неудачно выбрали время для отъезда, — проворчал Джим Гей.

— Кто же знал, — пожал плечами Гриффин. — А впрочем, мы уже готовы.

Д. ПАНКОВ

ПО ПЛАНЕТАМ

Астрономическая юмореска
Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

Журнал «Мир приключений» № 5, 1928 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ

Я давно мечтал побывать в междупланетном пространстве. Оттуда весь звездный мир мне представлялся бы в совершенно ином виде, так сказать, перетасованным, с другим расположением созвездий, в ином освещении, с новыми объектами. И солнечная система, весьма загадочная, несмотря на успехи астрономии, вероятно, открыла бы мне не одну свою тайну.

Но как проникнуть туда? Где тот воздушный корабль или ракета, которые могли бы пронестись со мной хотя бы по нашей солнечной системе, человеческой космической родине? О межзвездном мире я уже не мечтал. Я долго ломал голову над этим вопросом, но, наконец, додумался. Чорт — вот кто меня повезет! Правда, с приходом советской власти черти были упразднены вкупе с царями и князьями. Ну, а вдруг на мое счастье кое-кто из чертей и остался на советской территории? Чем, в самом деле, чорт не шутит? Надо не поленился и поискать.

Вставал второй вопрос: где бы могли водиться черти? Я стал вновь соображать и сообразил: конечно, там, где больше соблазну для человеческой души. Испокон веку черти терлись вокруг всякого рода искусства: танцев, музыки, скульптуры, театральных зрелищ. Увлечется человек эстетикой, забудется, а чорт тут как тут: цап душу у ротозея и был таков! И когда меня осияла эта догадка, я отправился на один из самых красивых балетов: «Конек-Горбунок». И можете себе представить — не ошибся!

Ах, сколько здесь оказалось чертей! Однако, увидеть чорта и полететь на нем не одно и то же.

Опять являлся вопрос: как его использовать? С присущей мне сообразительностью я и тут нашелся. Я подметил, вероятно, безработного чорта, ибо он шатался один по фойэ театра. Я вспомнил, что во все века и у всех народов лицо, желавшее овладеть бесом, хватало его и осеняло крестным знаменем. Чорт тогда делался беспомощен как таракан, и у него можно было получить, что хочешь. Я решил действовать без промаха. Делая вид, что не обращаю на него внимания, я стал подкрадываться и, когда подошел достаточно

близко, вдруг сделал скачек и крепко схватил одною рукою за хвост, а другой стал крестить его со спины.

Чорт от неожиданности подскочил, потом быстро повернулся ко мне. Морда его изображала величайшее изумление. Но, почувствовав на спине прикосновение моих крестящих пальцев, он залился хохотом. Хохот его был визгливый, скрипящий, как будто хохотала намазаная дверь.

— О-хо-хо-хе-хе-хе! Цхе-цхе-цхи-цхи! Цхи-цхи-цхи! Бросьте, гражданин, хвост... Ведь, чтобы верить, что крест помогает против чорта, нужно в бога верить, а вы — сознательный, — и вдруг спину мне крестите... О-цхе-цхе-цхе-цхи-цхн! Вот разодолжил! О-хо-хо-хо!

Он стих и с еще неуспокоившимся лицом глядел на меня. Я готов был провалиться сквозь землю.

— Вы извините, — бормотал я в смущении, — я, конечно, пошутил... Я со всем моим уважением... Поймите, что в первый раз встречается такая редчайшая сила в вашей... морде... в вашем лице, то-есть...

По-видимому, он был польщен.

— Если вы думаете побывать в междупланетном пространстве, сказали бы прямо.

Я сам туда собираюсь и ничего не имею, чтобы прихватить вас. Вдвоем все веселее. Вы когда желали бы отправиться?

— Да, хоть сейчас! — воскликнул я вне себя от радости.

— Мне все равно, — деловито заметил чорт. — Идите в раздевальную, оденьтесь и ждите меня. Я сейчас туда спущусь.

Я быстро побежал вниз, оделся и стал посматривать на лестницу, ожидая увидеть спускающегося чорта. Неожиданно я почувствовал, как какая-то сила подхватила меня кверху, пронесла невредимо сквозь по-

толки и крышу театра, и не успел я осмыслить положения, как и Ленинград, и СССР, и весь земной шар оказались у меня глубоко под ногами в желтой мгле. У меня дух захватило. Царствовала абсолютная тишина, только время от времени поскрипывали оси планет.

— Перепугались? — услышал я под собою знакомый голос. Я глянул. Оказалось, я очень удобно сидел на плечах чорта, а он обнял мои ноги. У его пояса висел большой белый узел.

— Куда же вы хотели бы направиться? — спросил он.

— На Луну. Начнем с ближайшего и известного и перейдем к неизвестному и сложному... — дидактическим тоном сказал я.

Чорт усмехнулся.

— Из какой-нибудь методики изволите цитировать? На Луну, так на Луну. Держитесь крепче!

НА ЛУНЕ.

Мы повернулись лицом к Луне. Стоял январь месяц и в междупланетном пространстве ощущался сильнейший мороз: влияние льдов Полярного океана сказывалось даже здесь. По мере нашего приближения Луна увеличивалась в размерах с необычайной быстротой. Отчетливо обрисовывались щеки, губы, глаза; особенно явственно торчал вперед нос. И вот уже тут, с первых шагов, я имел возможность отметить, как несуразны наши земные представления о Луне, и как давно необходима была экскурсия в мировое пространство для исправления наших о нем знаний! Луну все-

гда изображают круглолицей, румяной, смеющейся деревенской бабой. Ничего подобного! Передо мной было худое, мертвое, все в морщинах лицо старухи. Ввалившиеся щеки, закрытые глаза, беззубый рот.

— Что она — спит? — спросил я чорта.

— А разве вы сами не знаете? Луна же — мертвое тело. Это во всех ваших учебниках написано. Она давно отжила свой век.

Быстро приближались мы к планете и стали опускаться. Около самой поверхности Луны я услышал странные звуки, похожие на чихание и кашель. Спустились. Со всех сторон к нам бросились лунные жители. Но что за физиономии были у них! Собственно говоря, физиономии не было, а вместо щек, обвязанные марлей и ватой, торчали с обеих сторон вздувшиеся футбольные мячи, между которыми выдавался вперед огромный, разбухший, сизо-багровый нос. И все они немилосердно чихали, стонали, хрипели, кашляли. Я думал, что попал в лазарет.

— В чем дело? — недоумевал я.

— Неужели и понятно? — укоризненно обратился ко мне чорт. — Ведь на Луне есть свет и тень, и нет атмосферы. На солнце — 150 градусов жара, а в тени — столько же мороза. Луножитель находится постоянно под влиянием резкой смены температуры. Вот у всех и флюсы, все и простужены. Ясно?

Я окинул взором все видимое пространство. Луножители там и сям толпами грелись на солнце, растянувшись прямо на почве. Погревшись несколько минут — больше они, очевидно, не выдерживали — они вскакивали, и с красными, ротными физиономиями толпами бежали тень от кратеров. Но там было невероятно холодно, и через несколько минут они с посиневшими от стужи лицами снова устремлялись на солн-

це, — согреться. Очевидно, в таких перебежках они вынуждены проводить всю жизнь. И все время не прекращалась симфония оглушительного чихания, кашля и хриплых стонов.

— Ну, и жизнь здесь! — сказал я. — Знаете что? Уедем отсюда по-доброму, по-здорову, пока не заразились каким-нибудь гриппом.

Чорт выполнил мою просьбу в одно мгновение: я едва успел ухватиться за его рога, как мы уже были далеко от Луны, и она быстро сокращалась в размерах. Наступила ночь. Я ежился от холода и поднял воротник пальто. Термометр показывал ровно 273° по Цельсию.

— А теперь куда? — спросил чорт.

— Право не знаю, ну, хоть на Венеру.

— Хорошо. Там мы будем перед рассветом. Там, кстати, вы и отогреетесь.

НА ВЕНЕРЕ.

От страшного холода я не мог сомкнуть глаз. К утру мы приблизились к планете и вдвинулись в зону густых облаков, окружающих Венеру сплошным толстым слоем. Спустились. Ручьями лил дождь, и я моментально вымок, точно окунулся в ванну. Сквозь пелену водяных струй я различил, что мы находимся в лесу. Было неестественно тепло. Отовсюду поднимался пар, стояли лужи воды. Я качнулся и дотронулся до одной из луж. Вода в ней оказалась теплою, как в кастрюле на плите.

— Почему она теплая? — спросил я чорта.

— Я удивляюсь, — ответил чорт, — до какой степени скудны ваши познания в астрономии! Разве вы не знаете, что Венера сейчас переживает третичный период. В эту эпоху на Земле также было тепло и мокро.

— А люди тут есть?

— Конечно. Люди есть на всех планетах, даже на Солнце. Со стыдом мне пришлось сознаться, что я, действительно, ничего не смыслил в астрономии. Мы стали выходить из лесу. Дождь не переставал ни на секунду.

Перед нами открылась долина, окутанная клочками тумана. Там и сям, в одиночку и группами, по хорошо шоссированным дорогам двигались венерцы — обитатели планеты. Меня удивил и рассмешил их костюм, вернее отсутствие костюма. Они были совершенно голы, только на ногах все имели глубокие галоши, а сверху, над годовой, держали зонтики. И еще более удивило, что женщины были украшены бриллиантовыми ожерельями и золотом, а мужчины курили дорогие сигары. Даже поденщицы носили золотые запястья на ногах и руках.

— Странный костюм! — проговорил я.

— Ничего странного нет, — возразил чорт. — Для чего им костюм? И так тепло, как в бане. А от сырости снизу и сверху достаточно галош и зонтика.

— А бриллианты и золото почему?

— Достаток, — огромное сбережение средств. На одежду не тратятся, на жилище — тоже, еды надо мало, потому что не надо лишних калорий на поддержание в теле тепла. Кроме того, они часто моются на теплом дожде. В баню не надо ходить. Благодаря чистоте у них нет заболеваний, получается экономия на лекарствах и врачах. При хорошем жаловании куда же

девать заработок? Вот и покупают женщины драгоценности, а мужчины тратятся на папиросы и пиво.

Я осмотрелся. Из растений здесь росла только зонтичная пальма, так сказать, самую природой снабженная защитой от дождя — зонтиками. Другие растения, очевидно, вымерли. По Дарвину это называется выживанием наиболее приспособленных... То там, то здесь торчали вывески, но все с одними и теми же надписями: «Трескал» и «Брилси». Я обратил внимание чорта на вульгарность и безграмотность надписей. «Трескал»! Грубо. Почему не написать — «ел»? А «Брилси» — «брился». — Чорт засмеялся.

— «Трескал» — это «Трест галош». А «Брилси» — «Бриллиантовый синдикат». Только всего.

Мне стало невмоготу в моей теплой одежде.

— Нельзя ли прекратить обзор Венеры?

— Когда угодно. Куда же мы направимся?

— На Марс.

НА МАРСЕ.

Подлетая к Марсу, я жадно искал знаменитых каналов. Однако, по мере нашего приближения к планете, я видел, как беспорядочные линии «каналов» строились в буквы, и я, наконец, прочел: *«Планета Марс. Просят не плевать и не бросать окурков»!* Вот те и раз! А каналы, что же? — не существовали, значит? И такая прозаическая надпись через всю планету — чем она вызвана? Дело в том, что марсиане, как люди высококультурные, давно перестали ползать на автомобилях и железных дорогах по земле; они летают по воздуху.

У них огромные рейсы на Юпитер, Сатурн, на Солнце, с которыми они ведут деятельный товарообмен. Чтобы летчикам и своим, и чужим не блуждать в поисках планеты при перелетах на огромной высоте, они и написали: «Планета Марс». С другой стороны, — при распространенности этого способа передвижения, — что бы было, если бы все сверху бросали окурки, да еще плевались бы? Конечно, в самый короткий промежуток времени планета оказалась бы заплеванной и покрытой слоем окурков.

Когда мы совершенно опустились на почву планеты, я был несказанно удивлен, что все доступное моим взорам пространство оказалось застланным персидскими коврами. Это зачем? При огромном воздушном движении часто случаются столкновения, и люди падают вниз. А чтобы не ушибиться, постланы ковры. Вот чем, между прочим, объясняется оранжевый цвет планеты, который земные ученые приписали, — смешно сказать, — пустыням на Марсе!

АСТЕРОИДЫ.

С Марса чорт меня понес на Юпитер. На пути нас чуть не раздавили. В одном месте мой возница вдруг на всем скаку мгновенно остановился, и я кубарем полетел через его голову. Шапка моя соскочила, и потом мне долго пришлось ее искать среди всяких созвездий.

— В чем дело? — сердито окликнул я.

— Разве не видите? Чуть под трамвай, то бишь... под астероид не попали. Смотрите — несутся!

Я глянул влево. К нам длинную цепью тянулись какие-то огромные светящиеся шары. Не успел я, как следует, рассмотреть, как один из них — передний в долю секунды вырос в планетку. Она со свистом пронеслась мимо, обдав нас облаком пыли. За ней — вторая, третья, четвертая. Мы еле успевали отскакивать, и так как они плыли не вереницей, а разбросанно, мы заметались, как угорелые... Я насчитал их ровно 1054. И мы сделали тысячу пятьдесят четыре скачка, избегая попасть под их вертящиеся тела.

— Ах, чтоб их чорт побрал! — воскликнул бес, отирая пот. — Как я про них забыл? Можно было бы пробраться в объезд...

НА ЮПИТЕРЕ.

Вот и Юпитер. Мы очутились на обширной площади. Здесь стройными рядами стояли юпитериане и производили упражнения. Когда нас увидели, к нам подошло два юпитерианина. При их приближении я невольно попятился. Передо мной были два рослых детины, огромного роста, с необычайно развитою мускулатурой. Особенно поражала мускулатура ног. Не занятые гимнастикой что-то жевали, двигая челюстями справа налево, по-коровьему. По окончании упраж-

нений все также принялись за еду. Ели очень долго, а затем снова построились в ряды и опять предались упражнениям. Мы с чортом уселись на травке и ждали, что будут делать юпитериане дальше. Но нового ничего не увидели: гимнастика сменялась едой, еда гимнастикой. Так — целый день. Я не мог понять, чем вызвано такое однообразное времяпрепровождение.

— Но, ведь, это же Юпитер — разве вы не знаете? На нем тяжесть в два с половиной раза больше, чем на Земле. Следовательно, чтобы передвигаться, надо огромную силу, а чтобы иметь силу, необходимы мускулы и питание. Вот они едят и упражняются.

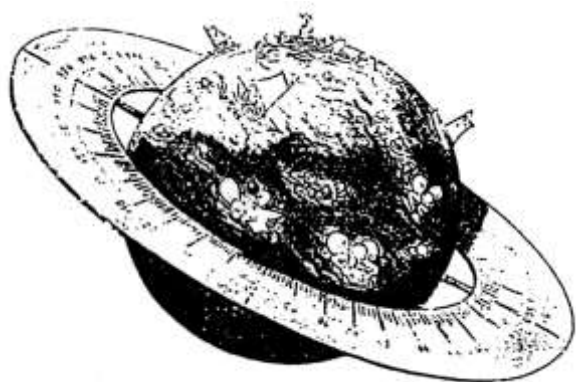
— А культура у них есть?

— Конечно, есть: физкультура!

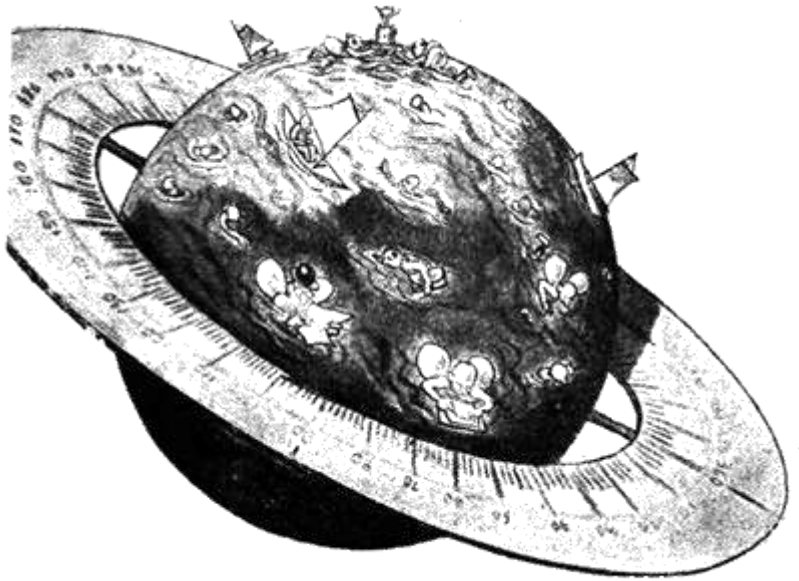
— И больше ничего?

— А вы посмотрите на их физиономии.

Я всмотрелся. Необычайно маленькая верхняя часть лица и колоссальные челюсти. Лба не было совсем, а волосы на голове начинались непосредственно от бровей. К нам они были совершенно безучастны. Мне вдруг стало скучно, и мы полетели к Сатурну.

НА САТУРНЕ

Еще далеко от него я почувствовал запах денатурированного спирта, но не обратил на это обстоятельство должного внимания: я был поглощен загадкой кольца Сатурна. Неужели правда, что оно состоит из камешков, как то предполагают земные астрономы? Каково же было мое разочарование, когда, подлетев вплотную, я увидел перед собою простой медный ободок с делениями на 360 градусов, которые у нас, обыкновенно, опоясывают школьные глобусы! Сатурниты таким образом, невидимому, избавляли себя раз навсегда от необходимости обращаться к картам и справочникам, когда требовалось определять долготу места. Что ж, экономно!

На поверхности планеты меня ожидал новый сюрприз: она оказалась жидкою, и сатурниты, подвязав подмышки пузыри и пробковые пояса, передвигались вплавь. Твердой земли нигде не было.

— Но почему же эта жидкость пахнет денатуратом? — в недоумении спросил я своего чичероне из ада.

— Если бы вы хорошо знали астрономию, вы бы не задали подобного вопроса, — ворчливо ответил чорт. Плотность Сатурна раза в два — в полтора меньше плотности воды. А какая жидкость соответствует такой плотности? Спирт. Сатурн и состоит из спирта. А чтобы сатурниты не вздумали его разбавлять водой и пить, как водку, он денатурирован. Ясно?

— Ясно, но спирт так воняет, что отправимся дальше.

НА НЕПТУНЕ.

Уран оказался по ту сторону своей орбиты и поэтому мы полетели к Нептуну — последней планете нашей солнечной системы. Приближаясь к нему, я услышал громкий храп, несшийся с его поверхности. Я выразил на лице недоумение. Чорт поторопился его рассеять.

— Посмотрите назад — каким кажется отсюда Солнце?

Я оглянулся. Дневного земного светила я не увидел, а вдали блестела звездочка, величиною немного больше нашей Венеры. Света было явно недостаточно и на поверхности Нептуна царствовал вечный полу-

мрак. Нептунианам ничего не оставалось, как предаться непрерывному дневному и ночному сну.

С Нептуна мы понеслись обратно. Около самого Солнца нам попался Меркурий.

— Залетим?

— Залетим.

НА МЕРКУРИИ.

Каждая из планет имела свои специфический запах... С Меркурия отчаянно несло гарью. Солнце над нашими головами пылало в виде огромного раскаленного медного таза. Неудивительно, что меркуриане ходили все в страшных ожогах и в волдырях, и от малейшего прикосновения к ним кричали благим матом. Других звуков я и не слышал. Что касается птиц и четвероногих, то все они существовали здесь только в зажаренном виде, а речки с рыбой представляли собою текучую уху.

— А знаете что? — обратился ко мне чорт: собственно говоря, цельной планеты Меркурия не существует, а есть только две половинки ее. Хотите убедиться?

В самом деле, когда мы подлетели к краю планеты, под нами открылась огромная щель. В нее можно было увидеть противоположный край планеты. С другой стороны, щель замыкалась вторым полушарием Меркурия. От него несло леденящим холодом. Я не мог сообразить, в чем дело.

— Меркурий вращается вокруг Солнца, повернутый к нему только одной своей стороной, как наша Луна к Земле, — разъяснил мне чорт: на этой стороне его — жар, на обратной — страшный холод. Планетка и треснула пополам, как трескается поставленный на снег горячий стакан.

В МЕТЕОРЕ.

Однако, я не забывал, что хотел побывать еще на Солнце Я посмотрел на часы: они показывали ровно половину пятого. Чорт бери! Нам предстояло покрыть восемьдесят восемь миллионов километров, и я предпочитал добраться до Солнца засветло, до наступления ночи. Мы поторопились в путь.

По мере приближения к светилу делалось все горячее и горячее. Я задумался: а как же мы пролетим зоны солнечной раскаленной атмосферы, да еще толщиной в несколько десятков тысяч километров? Ведь так, пожалуй, долетишь до солнечного твердого ядра в форме щепотки золы, а не живого сознательного наблюдателя! Угадав, по обыкновению, мои мысли, чорт остановился и заговорил:

— Чтобы безвредно пробраться сквозь солнечный огонь, надо найти большой метеор с дырой посередине и сесть туда. Там — температура мирового пространства. На метеоре мы благополучно и прикатим к месту назначения.

Мимо моих ушей, по направлению к Солнцу, со всех сторон жужжали какие-то невидимые пули и снаряды. Будучи колоссальным телом, Солнце притягивало к себе несметные количества метеоров всяких величин. Их-то я и слышал. Неожиданно чорт с невероятною быстротою понесся за чем-то и крикнул:

— Цепляйтесь!

Я увидел тогда, что впереди нас летел огромный камень с пещерою внутри. Мы бежали за ним во весь дух, силясь ухватиться за его края. Мне это так напомнило уличных ребят, цеплявшихся за «колбасу» трамвая, чтобы на нем прокатиться, что я рассмеялся.

— Цепляйтесь же, чорт вас возьми, а то прозеваем, — заорал, разозлившись, чорт.

Наконец, мы ухватились и вспрыгнули. Нас сразу объял холод, как будто мы уселись на северный полюс. Но мы постарались залезть еще глубже в пещерку, где было еще холоднее. Не попадая зуб на зуб, я видел сквозь узкое отверстие дыры, как воздух вне нас становился все светлее и превратился, наконец, в ослепительно блестящий пламень. Очевидно, мы уже проникли в солнечную фотосферу. Я зажмурил глаза, хотя меня слепило даже через закрытые веки.

В то же время я чувствовал, как постепенно мне делалось теплее и теплее, а затем стало и горячо. Я почти обжигался о камень и задыхался от жара, как вновь стал пропадать и блеск, и невыносимый жар. Потом наш воздушный экипаж сразу где-то шлепнулся, разлетелся в куски, и мы благополучно выпали на какую-то поверхность.

— Слава богу — живы! — радостно проговорил чорт.

НА СОЛНЦЕ.

— Мы на Солнце? — спросил я.

— О, да!

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались: лица и костюмы наши были покрыты слоем копти, как будто мы путешествовали внутри печной трубы. Насколько могли, отряхнулись и осмотрелись. Какой, однако, странный пейзаж! Все деревья здесь росли не кверху, а книзу, стлались по земле. Толстые ветви толстейших стволов извивались по земле, точно колосальные удавы, травы прилегли к почве вплотную, образуя мягкие неровности. Дома были похожи на низ-

кие, толстые, больших размеров ящики. Дым из них не поднимался кверху, как у нас, а тоже, извиваясь, точно под ударами, прикивал к солнечной поверхности. Еще удивительнее оказались животные и люди. Не было никого, кто бы ходил: все ползали. Пастух гнал стадо коров, припав животом к земле и странно распластав в стороны руки и ноги, как будто он плыл. Коровы не шли, а волочили свои туловища по траве, также растопырив в стороны ноги. Тащили свои животы по земле лошади, овцы, собаки, гуси, индюшки. И кроме того, все имели странно плоскую форму, как будто их всех только что вынули из-под пресса.

Особенно смешны были люди: они походили на лепешки с руками, ногами и головой. Все были одеты в очень тонкую кисею и, проползши несколько шагов, останавливались и начинали вытирать обильно струившийся пот. Лица у всех были изможденные, точно они встали после болезни. Очень сильно пахло потом.

По обыкновению, я ничего не понимал, и чорт не преминул уколоть меня моим невежеством.

— Вы также сведущи в астрономии, как я в различении собачьих пород, — проворчал он. Массу — то Солнца вы хоть знаете? Знаете, что на его поверхности всякая тяжесть в двадцать семь раз тяжелее, чем на Земле? Земной пуд здесь весит двадцать семь пудов, а земной человек — около ста пудов. Солнце всех тянет к своему центру: растения, дым, животных, человека. Вот все это и распласталось.

— А отчего же потом пахнет? — спросил я.

— И этого не сообразите? Но ведь вы же, в конце концов, все-таки на Солнце: жарко, Все потеют...

Он замолчал, потом засуетился, отвязал от пояса белый узел и сказал:

— Побудьте вы здесь, а я побегу дельце одно обделаю.

Через полчаса он возвратился, держа в руках толстый бумажник.

— Обделал!

— Какое дельце?

— А колбасы полтавской немного продал. У нас на Земле полтавская колбаса — 87 копеек фунт. Здесь фунт идет за 27 фунтов, следовательно, я-то имею право без прибыли и без убытку, а, так сказать, по себестоимости продать за двадцать три с половиной, а с маленькой накидочкой (за доставку) и за все тридцать. Я взял с собою фунтиков тридцать с небольшим. Тысчонку и выручил. Вот они!

И он, довольный, вновь потряс бумажником.

Мои мечты разыгрались. В самом деле, как скоро и легко можно разбогатеть! Двинуть бы сюда всего на всего вагончик колбасы, а продать ее здесь — за целый поезд в 27 вагонов. Сколько бы тысчонок можно было отложить в сберегательную кассу после такой операции! И как, действительно, полезно всякому человеку хорошо изучать астрономию!

Между тем жара делала свое дело: пот с меня тек ручьями. Надо было подумывать о возвращении на Землю. Однако, с Солнца не летел кверху ни один метеор, как же нам выбраться отсюда? Я уныло смотрел на беса.

— А кометы на что? Подождем комету, они часто сюда залетают.

ДОМОЙ, НА ЗЕМЛЮ!

Действительно, вскоре мы увидели, как по Земле волочился широкий хвост кометы, а она сама на большой высоте напрягала все усилия, чтобы отделиться от Солнца. Мы побежали к хвосту и постарались как можно плотнее завернуться в его складки, чтобы не подвергнуться действию жара фотосферы.

Через час комета осилила притяжение Солнца, и мы взвились кверху. Сначала, чтобы самим не тратить сил, мы решили было использовать комету для пере-

движения к Земле, но, оказалось, по справкам, что комета держала путь в занептунианские области и была нам не по пути. Мы на ходу спрыгнули с хвоста и самостоятельно двинулись к Земле.

— Знаете что, — сказал чорт, — давайте для разнообразия обратный путь совершим кверху ногами.

— Как так? А прилив крови к голове?

— Да так: в мировом пространстве нет ни верха, ни низа. А если так, можно перевернуться.

Мы перевернулись кверху ногами, и уже таким образом достигли Земли.

Здесь я из чувства благодарности долго жал чорту копыто, потом записал его адрес и обещал бывать у него. Мы расстались друзьями.

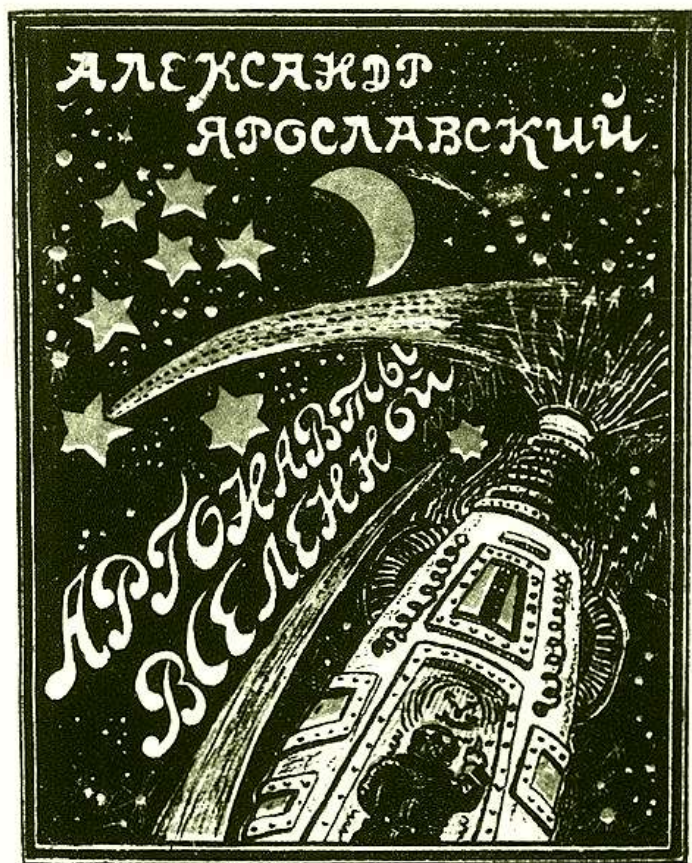
АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВСКИЙ

АРГОНАВТЫ ВСЕЛЕННОЙ

(Роман-утопия)

Александр Ярославский
АРГОНАВТЫ ВСЕЛЕННОЙ
Роман-утопия
М.-Л.: Биокосмисты, 1926 г.
Рис. на обложке — К. Томский.

МОСКВА. «Биокосмисты» ЛЕНИНГРАД.
1926 г.

ОТ АВТОРА

В дни, когда в Америке астроном Годдар готовится к практическому опыту посылки космической ракеты, когда у нас в Москве уже организовано общество межпланетных сообщений, — этот роман, написанный более двух лет тому назад, несколько устарел.

Утопия близится к реальности на глазах живущих.

Но мне милы наивные и немного старомодные герои этого романа. И мне думается, что моя попытка описания возможного межпланетного полета найдет отклик у всех пресытившихся сутолокой земли и иногда с надеждой и вопросом поднимающих глаза к звездам...

Александр Ярославский.
23-го февраля 1925 года. МОСКВА.

ГЛАВА 1

Чемберт

...И день и ночь работало радио. Сотрясались высокие башни от упругих искровых ударов. И нежно звенела певучая антенна.

А рядом еще выше, еще безумнее поднимались башни. Спешно заканчивали новую станцию. Суетились рабочие.

Проходили туземцы, работавшие на насыпи. Было оживленно и шумно. Работы подходили к концу, но Чемберт испытывал недовольство...

Уже две недели он не получал никаких известий из Парижа... И все чаще его взгляд с неопределенным вопросом обращался к громадному эллингу, скрывавшему окутанное парусиной и брезентом железное тело «Победителя». Распоряжался Чемберт спокойно и властно.

Выбритый, чистенький, с неизменным пробором и папироской, безукоризненно точный, холодный и выдержанный, — сын латыша и англичанки, он по-прежнему выполнял порученную ему работу. Что ж! Он, конечно, не гений, как Горянский, он ничего не сможет выдумать или изменить, но свою часть работы он доведет до конца!.. — Что теперь с Горянским?.. Заболел он? Может быть, арестован?..

— «Удался опыт или нет? — Или, может быть, у него не хватило денег?» — Тысячи предположений воз-

никали сразу и перепутывались. Но нельзя было показывать даже намека на неопределенность и сомнения. — Вера в Горянского была слишком велика; половина рабочих работала в кредит. Если бы у них мелькнула хоть тень догадки, — предприятие бы распалось. — Банкроты!.. — Да, если не вернется Горянский, — они банкроты!.. Впрочем, припасов хватит еще на три месяца. Горянский может вернуться... А если они заговорят о плате, если захотят домой, если откажутся работать, — тогда?

Нет!.. Этого не будет!.. Гениальная попытка не может окончиться так пошло и глупо какой-то Панамой...

— А если — все-таки? — Узловатая рука Чемберта погладила нервно холодное тельце браунинга в кармане, — он заставит! — Перестреляет половину, если понадобится, или умрет сам... — Впрочем, нет, глупости!.. — При чем здесь Панама? — Горянский ведь не Лессепс!.. Тут, конечно, другие... совсем другие причины. — Но что бы то ни было, а свою часть работы Чемберт доведет до конца!

— «Господин Чемберт! Господин Чемберт!» — к нему черненьким клубочком подкатился маленький негритенок Мукс.

— «Новости! — необыкновенные новости: — мы перехватили американское и французское радио! — Вас просят к аппарату, господин Чемберт!»

— «Радио... Париж... Горянский!..» — у Чемберта заискрились глаза и напряглись ноздри. Он вздрогнул и, нервно сутулясь, зашагал в аппаратную.

Маленькая лестница. Металлические колонны, изящные и мощные, как легкий абрис Эйфелевой башни. Желтые медные наконечники выключателей и спокойный, четкий, немного танцующий ритмический стук аппаратов. Телеграфист в громадной предохрани-

тельной каске, неуклюжий, смешной и немного похожий на водолаза, что-то суетливо показывает ему, оживленно жестикулируя. Его лицо в каске странно гримасничает. И Чемберту кажется, что это — средневековый Мефистофель издевается над ним здесь, в аппаратной.

...Разочарование! — тяжелое и острое, неожиданное и грубое, как удар кулаком в сердце, — это не Горянский!

Чемберт изнеможенно опускается на кожаное сиденье стула. — Который раз!.. Который раз его зовут на аппарат для того, чтобы он выслушивал какие-нибудь глупости, а от Горянского — ни слова!.. — Ах, разорвать бы эти глупые бесполезные проволоки!.. Какое ему дело до всего остального мира, до политических новостей, до этой нелепой бессмысленной войны, до визитов коронованных идиотов друг другу!.. До этих рабочих стачек! Все равно из этого никогда ничего не выйдет!.. — Разве могут рабы обойтись без кнута и погонщика?! — Да и что ему до этого, если радио молчит о Горянском?

Но телеграфист по-прежнему размахивает руками и по-прежнему сует Чемберту длинную узкую бумажку с рядами черточек, цифр и точек. И, наконец, сквозь ритмический стук приборов до сознания Чемберта долетают какие-то слова и упорно, сквозь безразличие и разочарованность проталкиваются в мозг: — «Гражданская война в России... Правительство Николая второго свергнуто... Революционеры захватили власть... Братания на фронте... Русская революция опасна: есть симптомы, указывающие, что она может превратиться в международную... Беспорядки на почве голода в Германии... Русский царь захвачен и арестован революционерами...» Брови Чемберта удивленно при-

подымаются: неужели из этого, действительно, что-то вышло!.. Рабы без погонщика?! Россия без царя?! Как это удивительно!.. Страна дикарей и рабов, страна малоподвижных тупых крестьян, где, казалось, было невозможно никакое свободное течение мысли, — и вдруг!..

— Неужели это, действительно, конец самодержавия?! С телеграфистом происходит нечто невозможное: он сбрасывает свою неуклюжую шапку и бежит, взволнованно крича, мимо Чемберта, вниз по металлической лесенке. Чемберт изумленно смотрит вниз. — Ведь вовсе не смешон теперь без каски этот стройный, бледный человек со смуглым семитическим типом лица! До Чемберта, который хотя плохо, но все же понимает по-русски, доносится голос телеграфиста, тонкий, острый и жалобный, отдаленно напоминающий плач. Проходящие рабочие останавливаются. У аппаратной собирается небольшая группа.

— «Братья!.. Товарищи!.. В России революция!.. Сейчас мы перехватили американское радио... Царь Николай Романов арестован!.. Пришла, пришла, наконец, и к русским свобода!..»

— «Братья! Мне не давали учиться в России... Моя мать убита во время еврейского погрома...» — слова телеграфиста переходят в рыдание.

— «Долго терпели мы, евреи! Долго терпел весь народ, но есть справедливость, есть возмездие!..»

Голос его прерывается. К телеграфисту подбегает русский рабочий. Говорят все вместе, шумно, непонятно и несвязно; рабочие бросаются на шею телеграфисту, — целуются... Чемберт с удивлением и с некоторым испугом смотрит вниз: — «Да, эти русские... Видно наболело у них на сердце много и долго... Экспансивный народ! Вот и Горянский такой!.. Нервный, впе-

чатлительный, чуткий, но в то же время решительный, героически-смелый... О, этот не станет плакать — нет! Он, когда нужно, сумеет быть острее стали, тверже гранита...»

Чемберт вспомнил шестой год в России. Баррикады в Москве. Себя и Горянского. Подъезжавших казаков, наведенный пулемет и застывшую наверху у красного знамени фигуру Горянского, красивого и спокойного под выстрелами, улыбавшегося радостно и по-детски наивно в глаза неизбежной смерти.

Он вспомнил, как схватил его, — тогда почти мальчика еще — в охапку, вместе со знаменем, и унес, спас чудом от неминуемой бессмысленной гибели...

— Где теперь Горянский? — Почему нет известий? — Что с ним? — Доведут ли они до конца это грандиозное дело, которое затеяли вместе? Но вдруг остро, сквозь печаль, сквозь воспоминание, одна практическая сегодняшняя мысль деловито постучалась в мозг: — эти русские! — этот телеграфист, который должен быть у аппарата!.. Как бы это не помешало работе?! Надо прекратить это!

Чемберт встал, сразу сухой и бесстрастный, чтобы спуститься к шумевшей, жестикулирующей кучке. — Вдруг звонок негромкий, но продолжительный и настойчивый ударил в сознание и уши:

Раз... Два... Три... Четыре... Пять!..

Три — Россия. Семь — Америка. Пять!.. Радио-телефон!..

— Нет сомнений: Горянский звонит из Парижа!..

С легким стуком отпала крышка прибора; забыв все на свете, Чемберт бросился к слуховой трубке. — Что это? — Женщина! — Значит, говорит не Горянский!..

— Кто же это может быть? — Мать Горянского умерла!.. Сестра тоже... Кто же это?

Голос женщины тихий, нежный, вдумчивый и далекий тонкой струей вливался в напряженное сознание Чемберта.

— «Говорит Елена Родстон из Парижа, по поручению Горянского... Попросите к телефону господина Чемберта».

— «Оль-райт! — Я, Чемберт, у аппарата, слушаю вас. В чем дело?» — и почему-то странно враждебно звучит голос Чемберта, — сам он не знает почему.

— «Мы с вами еще незнакомы, тов. Чемберт, — давайте будем знать друг друга! Я — Елена Родстон, невеста Горянского...»

— Что? Невеста?! Горянский женится?

Чемберт ошеломленно хлопает себя по лбу.

Но дальше, дальше!.. Проклятая девчонка, которая не может сразу перейти к делу!..

— «Горянский был болен, но вы не беспокойтесь, все благополучно, он уже поправляется, пока еще слаб. Он находится у меня: Улица Аллей 16, 81Б. — Говорю с вами по его просьбе. Через три дня вышлите за нами аэроплан; сами не отлучайтесь. Ваше присутствие на острове теперь более необходимо, чем когда-либо... Горянский нашел, что искал. — Больше говорить не могу — опасно. Аппарат вышлите маскированный. Ко мне являйтесь не сразу, а через несколько часов после прибытия. Успех близок; нужны лишь терпение и осторожность. Привет от меня и Горянского!»

С гулким стуком захлопнулась крышка. Слуховая трубка замолчала.

Радостный и ошеломленный откинулся Чемберт на спинку стула. — Горянский жив! Он нашел!.. Они почти у цели!

— Это главное!.. — И Чемберт радуется этому искренно и глубоко. — Но как в реке, чистой и прозрач-

ной, все же на дне, по течению, грузно поворачиваются тяжелые камни, так и в радости Чемберта оседало что-то тоскливое и чуждое... Да, все это так естественно!..

Так и должно было случиться... А между тем никогда он не думал, что будет именно так! — Всегда представлял себя и Горянского рядом. Всегда считал он, что Горянский — его ребенок, ребенок гениальный, бесконечно больший, чем он сам, но все же — его, его, Чемберта, неотъемлемо... А вот теперь между ними, двумя становится третий, то есть нет, третья! И как-то сами собой наивно, обиженно и совсем по-детски опускаются углы рта у крепкого, как кремень, сухого и стойкого Чемберта.

— Ну что ж! — Горянский молод, ему мало его, Чемберта, дружбы, ему захотелось страсти, женского теплого тела, женской чуткости и ласки... Может быть, это и хорошо! — вот болен он; она, вероятно, ухаживает за ним... Он, Чемберт, несмотря на всю его преданность и любовь, не сумеет ведь создать всей той атмосферы тепла, ласки и уюта, которой так легко окружает женщина любящая и желанная...

— Что ж, пусть так! — Женщина победила! Пусть уходит к ней Горянский!.. Остается их дело, нужное, великое, которому Чемберт будет служить до конца!

И, подавив вздох, опять спокойный и бесстрастный, с лицом, точно застегнутым на все пуговицы, он говорит телеграфисту, который уже снова в неуклюжей шапке стоит перед ним, смущенный своей недавней вспышкой, и мнет бумажки, чтобы скрыть свое замешательство, говорит сурово:

— «Делаю вам выговор, мистер Тамповский; какие бы интересные известия вы ни получили, все же до окончания дежурства нельзя отлучаться от аппарата!

Сейчас я получил телефонограмму от мистера Горянского: послезавтра мы отправим ему почту в Париж. Приготовьте копии наиболее интересных телеграмм, которые мы получали, и больше не смейте никуда уходить».

Телеграфист бормочет извинения срывающимся тонким голосом, плохо слышным сквозь шум приемников... Но Чемберт уже не обращает на него внимания. Берет трубку телефона. Соединяется с ангаром. И говорит спокойно, отрывисто и сухо, как капитан дредноута во время сражения:

— «Алло! Ангар! — Говорит Чемберт!.. — Приготовить Л/З для отправки за мистером Горянским в Париж. Аппарат маскируйте. Взять бензину на три дня. — Отправление послезавтра в час дня. — Летит Джонни!..»

Чемберт вешает трубку телефона, и сухой, бесстрастный, немного похожий на засушенную орхидею, идет осматривать работы.

ГЛАВА 2

Елена

Елена Родстон медленно шла по улице Аллей. Был веселый радостный солнечный день, и ей тоже было легко и радостно: Горянский лежал у нее и выздоравливал!..

— «Теперь он — мой!» — думала Елена. — «Эта напыщенная русская княжна, дочь генерала, такая красивая, с пышными волосами, не отнимет его у меня! — Ее дело проиграно!»

Да и теперь она, Елена, все равно не отдаст его!

— «Он — мой и больше ничей!..» — и сама не заметив, в такт мыслям, притопнула ботинком с невысоким английским каблуком.

Но что-то накидывало паутину грусти на игру радости; резкая прямая морщина прорезывала невысокий изящный лоб; забота, самая примитивная забота: нужно было достать для Горянского молока! Это было очень несложно, житейски просто и в то же время не совсем выполнимо. Кредит ее у лавочника давно иссяк. В булочной еще пока давали, но мясник и молочник вчера взбунтовались... И сейчас идти не стоит: все равно без денег ничего не дадут.

Елена еще в самом начале болезни Горянского истратила свои последние деньги, которых у нее вообще было очень недостаточно, и с тех пор жила вместе с больным в кредит.

Правда, у лих были консервы, которые она захватила из лаборатории Горянского после пожара, но нужны были еще: какао, белый хлеб, сахар, молоко, главное — молоко!.. Доктор сказал, что молоко необходимо, и чтоб пил его Горянский как можно больше. Как же быть? В долг не дадут!.. Это определено... До

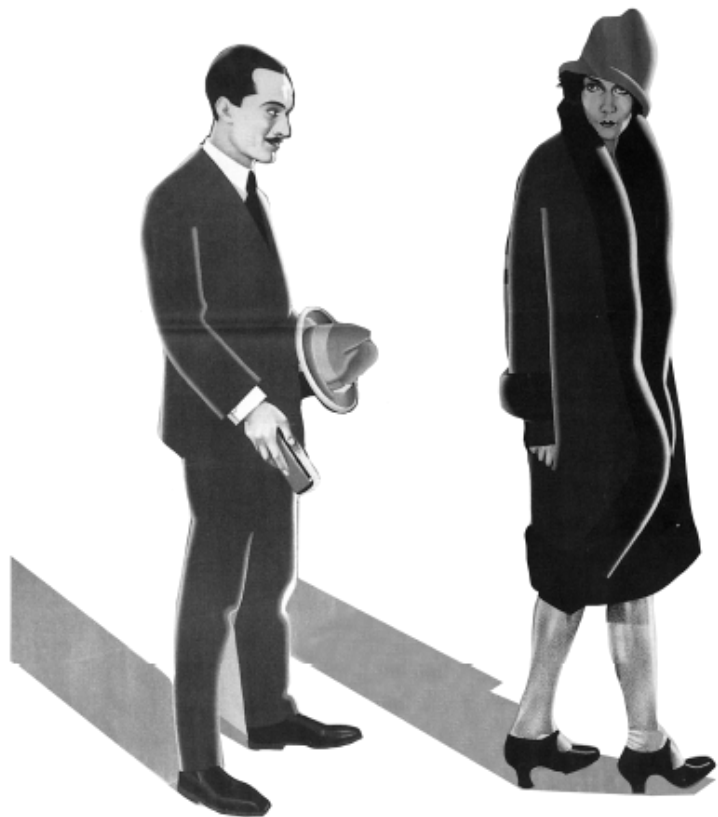
прибытия аэроплана от Чемберта целых три дня! Раньше вызвать его никак нельзя!.. Она и так страшно опасается, как повлияет перелет на Горянского. — Три дня!.. Нужно, по крайней мере, шесть бутылок — самое меньшее! Он поправляется и с каждым днем пьет больше.

Продать или заложить пальто? — Но как взять его незаметно? И потом она ведь подстелила его Горянскому, чтобы ему было теплее и мягче. Взять у Горянского? — Нет!.. Ни за что на свете! — Он еще может подумать, что она пошла за ним из-за денег... Он ведь знает, что она бедная, очень бедная... Да и как она будет просить у него денег?! Она — просить! И потом: разговаривать о деньгах, когда он болен!.. И, наконец, ведь эти деньги — золото!.. Он сам не раз говорил ей раньше, что их мало, что их едва хватит на дело... Как же может она надоедать милому с такими глупостями?!

— Нет, она должна достать деньги сама, и — достанет... И вот Елена решилась на такую вещь, о которой долго потом вспоминала с величайшим омерзением...

Владелец маленького кафе на повороте улицы Аллей, в котором Елена не бывала уже больше двух месяцев, преследовал ее своими ухаживаниями чуть не с первого дня ее появления в Париже. Елена решила зайти к нему. Стиснув зубы и вся сжавшись, нервно поживаясь, как будто собираясь войти в холодную ванну, она открыла дверь в кафе, где в ранний утренний час еще никого не было...

— «Добрый день, мосье Фанкони!» — заговорила она, преувеличенно развязным тоном с хозяином, стоявшим за стойкой, и первая, с деланной игривостью, протянула ему руку.

— «Здравствуйте, милая барышня», — забормотал Фанкони, сластолюбиво поблескивая черными глазками, похожими на две круглых мелких маслины.

— «Я же говорил вам, что вы еще придете ко мне! Значит, понадобился старый знакомый!..— Да, в Париже Фанкони многим нужен!.. Фанкони все знают!.. — Какая вы сегодня хорошенькая! — прямо как богиня!.. — Нет, прямо три богини сразу; Диана, Аврора и Венера!.. Ваши губки, ваши глазки пленяют смертных, да и бес смертных я полагаю... Будьте же поласковее к лю-

блящему вас Фанкони! — Это будет хорошо и для него и для вас. — Не правда ли?..»

И он потянулся к ней через стойку. Елену чуть не стошнило, но надо было сдерживаться.

— «Мосье Фанкони, — прервала она его разглагольствования почти прежним тоном, — я пришла к вам за маленьким одолжением: у меня временные затруднения в редакции, где я работаю... задержали гоно-рар... — У них, кажется, нет сейчас денег; а мы с подругой хотим отпраздновать ее именины, так, знаете, по-русски, в вашем французском Париже, — чтобы всего было вдоволь...

Так вот не устройте ли вы нам взаимобразно две четверти молока, булок, печенья, ну там еще чего-нибудь? Я, разумеется, расплачусь с вами на днях...»

— «С удовольствием, мадемуазель Елена, с очень большим удовольствием!.. — Почему не сделать услугу такой приятной барышне, как вы? Но только, знаете, я не люблю давать в долг: какие могут быть долги, да еще с очаровательными барышнями?! Наоборот, мы у вас всегда в долгу... Мы просто сделаем вам этот небольшой подарок...

— «Мальчик!» — обратился он к непроспавшемуся гарсону — «собери все, что просила мадемуазель! А вы, — продолжал он, обращаясь к Елене и нагло поблескивая глазками — тоже сделаете нам небольшой подарочек и зайдете ко мне сегодня вечером, часиков в девять на чашку кофе. Зайдете, — не правда ли, миленькая?..» — повторил он почти просительно. Елена страшным усилием воли подавила непреодолимое желание плюнуть ему в физиономию, повернуться и уйти, — самое главное это — молоко для Володи!.. — В конце концов, не все ли ей равно? А через три дня она с Горянским будет далеко от Парижа... А все-таки, хо-

рошо бы раза два сочно и смачно хлестнуть по жирной щеке этого пошляка!..

Но, подавив дрожь отвращения, она пробормотала:

— «Хорошо... хорошо... приду...»

— «Душечка! Ангел...» — расцвел просиявший Фанкони.

— «Вам, может, и деньги нужны?» — он выбросил на стойку десятифранковую монету. — «Возьмите!..» Елена вспыхнула до корней волос, но опять сдержалась.

— «Унижаться, так до конца!..» — подумала она. «Пригодится! Куплю Володе сахару и какао...» И опустила монету в карман. Через минуту шла Елена по улице, в сопровождении гарсона, нагруженного молоком и свертками, ощущая в кармане десятифранковик, который жег ей тело сквозь платье, сама удивляясь и стыдно любуясь тому, что сделала. И еще думала, что нет для любви ни высокого, ни низкого, когда делаешь для любимого. И знала, что и жизнь свою, и любовь, и тело отдала бы до конца, и на самом деле продалась бы Фанкони, если бы это нужно было для спасения ее Володи... Солнечный свет окрылял и радовал... Думала, что сейчас увидит Володю... Уже соскучилась о нем за два часа утренних поисков. Воображала, как поцелует этот высокий гениальный белый лоб, как пригладит эти волнистые русые волосы, которые так славно курчавятся над точно отполированной нежной раковиной уха...

— «Володик, хороший, славный!..» — думала она и понимала, что нет ничего в мире, чего бы ни сделала для милого своего... Тут Елена вспомнила, что нельзя, чтобы кто-нибудь увидел у нее Горянского, так как его разыскивают и это опасно; гарсон может проболтаться. Забрала сама свертки и бутылки, отпустила гарсона,

дав ему случайно завалившиеся пять су, и пошла в сторону, прижимая к себе пакеты, хотя была уже близко: все боялась, чтобы не подглядел за ней хитрый мальчишка. Внутренне побранила себя за то, что не вспомнила этого сразу и взяла с собой мальчика. Нарочно шла долго в обратном направлении...

Лишь когда увидела, что нет никого вдали, кроме случайных прохожих, повернула к себе. Шла торопливо. Думала, что еще три дня будут они безраздельно вместе с Володей... Еще три дня, а дальше... Дальше они, правда, тоже будут вместе... Вообще Елена не представляла себе своей жизни без Горянского, но дальше у него будет дело!.. Величественное... Смелое... И сложное, которого она не понимала и боялась, — боялась больше русской княжны, ибо знала, чувствовала каким-то подсознательным инстинктом, что, невзирая на всю его любовь к ней, Елене, — она для Горянского все же меньше, чем его дело.

Она женским чутьем представляла себе дело в виде большой, сильной и любимой соперницы, чувствовала неопределенную безликую ревность, в которой она сама себе стыдилась сознаться...

Вот ее маленькая скромная парадная!.. Вот улыбающаяся консержка...

С тех пор, как Елена поместила к себе Горянского, ее встречали с какой-то особенной улыбкой. Правда, она выдала его за двоюродного брата; правда, он был болен, но все, же эта улыбка тонкого женского понимания не сходила с губ консержки после переселения Горянского...

Поднялась по лестнице на пятый этаж. Вынула из сумочки ключ (уходя, она заперла Горянского). Щелкнула задвижкой и вошла в маленькую прихожую. Заглянула в комнату: Горянский спал. Сняла шляпку,

положила свертки на окно и минуты две, любуясь, смотрела на спящего...

Он спал, беспокойно бормоча негромко какие-то слова:

— «Свинец... гелий... уран... опять свинец... Нет, радий, только радий!..»

Выражение лица его изменилось, стало веселым, как у ребенка.

«...Радий...» — шептал он, улыбаясь во сне. — «Победа... Радий...»

Елена наклонилась над ним, осторожно, боясь разбудить, дотронулась губами до влажного горячего лба.

— «Володик, милый!.. Даже во сне он думает об этом своем, мужском и далеком!.. Выздоровливай скорей, мой мальчик!..» Еще раз поцеловала его в лоб и осторожно, боясь шуметь, стала разворачивать фанконовские свертки. Тихо прошла в кухню. Газовая плита не работала — газопровод уж два дня был испорчен... Поставила чайник на примус и долго задумчиво глядела на холодное синее пламя, любовно лизавшее дно и бока медного чайника.

Под ровное спокойное гудение примуса было так хорошо думать...

Прошла в комнату и опять смотрела на Володю.

Луч солнца ласковый, быстрый, жаркий скользнул ему на лицо. Уколола ревность: как смеет солнце целовать милого?!

Хотела задернуть занавеску, но было поздно, — Горянский проснулся.

— «Елена, ты?! — Я не слышал, как ты вернулась... Меня разбудило солнце... Ты знаешь — я видел сон: будто мы с тобой взлетали все выше и выше к солнцу двое, и только жаль было, что кто-то третий остался на земле...

— Мы мчались, как свет!..

— И вдруг солнце разбудило меня... Я проснулся и вижу тебя наяву! Иди ко мне!..»

Елена подошла и села на край кровати. Горянский потянулся к ней жадно, как к цветку...

— «Успокойся, милый!.. тебе вредно...» — говорила Елена, отвечая на его слабые, но бурные поцелуи. — «Успокойся, детка!.. — Хочешь, я принесу тебе молока?»

Она осторожно высвободилась. Через минуту вернулась со стаканом и булкой.

Горянский жадно пил горячее молоко, а Елена рассказывала ему, как звонила на остров.

— «Умница!.. — похвалил Горянский, — «значит, ты хорошо запомнила все, что я тебе объяснял перед тем, как свалился.

— «Володя!» — обиделась Елена, — «я всегда хорошо помню то, что ты мне раз показал!.. — Хочешь, сейчас включу радио-телефон?..» — и она поднялась было с кровати...

— «Не надо... не надо, милая! я и так верю...» — остановил Горянский и пробормотал задумчиво:

— «Да, послезавтра Чемберт вышлет за нами Л/з... — Хорошая машина. — Менее чем в восемь часов перенесет она нас на своих широких крыльях из Парижа на остров.

— Елена, а ты не боишься связать свою участь со мной, — полусумасшедшим изобретателем, — с преступником-анархистом?..

— Идиоты! — они считают меня преступником!.. Они думают, что там, в лаборатории, я готовил покушение на их правительство... Они думают, что во время пожара сгорел я, безумный анархист, вместе со своей лабораторией!..

Чины парижской охранки, вероятно, получат награду... Тут пахнет орденом Почетного Легиона в петличке...

Официально считается, что они уничтожили опасного государственного преступника... — О, ослы! Ведь если бы я захотел!.. Смотри, Елена».

Он с трудом своей ослабевшей после болезни рукой поднял с постели маленькую четырехугольную, похожую на большой портсигар, металлическую вещицу, очевидно, очень тяжелую, с которой он не расставался даже во время болезни, и показал ее Елене... Та вспомнила, что даже в бреду он прижимал эту вещь к себе, и свои напрасные попытки убрать ее с кровати...

— «Смотри, Елена: вот здесь в этой маленькой металлической коробке сосредоточена страшная, неизмеримая сила: стоит нажать вот этот незаметный рычажок и отсюда вытечет один атом освобожденного радия, и этого будет более чем достаточно, чтобы взорвать весь Париж!»

Глаза Горянского заблестели лихорадочным блеском... Он приподнялся в рубашке, сбросив с груди одеяло...

Бледный, красивый и страшный, прижав тесно к себе левой рукой Елену, заговорил, безумно присасываясь поцелуями:

— «Положи свой маленький пальчик сюда... вот так!..» Елена почувствовала упругое сопротивление кнопки и ей почему-то вдруг стало страшно...

— «Хочешь, Елена?.. В твоей власти сейчас жизнь всего Парижа!.. И наша!.. Один нажим этого розового пальчика, детски наивного, такого изящного, который я люблю задумчиво целовать, не спеша... и все полетит ко всем чертям!.. — Париж!.. Правительство!.. Охранка!.. Богатые, бедные — все!..

— Погибнет весь город, все вокруг на пятьдесят верст в окружности... Погибнем и мы...

— Четверть секунды — и мы превратимся в тончайшие продукты распада атомов!.. Мы и не заметим, как перейдем в ничто!..

— Жизнь или смерть? — Хочешь, Елена?»

— «Жизнь!.. С тобой!.. Милый, не надо!..» — в нервическом испуге воскликнула Елена, отдергивая палец от страшной кнопки. — «Люблю!.. С тобою жить хочу! Вдвоем!.. Вместе!.. Не надо... не надо смерти!..» Страстно, безотчетно прижалась она к Горянскому... Их губы соединились мучительно и долго... Смертоносная коробка с грохотом упала на пол. Глаза Елены сладко и безумно запрокинулись в глаза Горянского... Ей чудилось, что она отнимает его у смерти... А ему казалось, что к нему пришла сама жизнь, бившая ключом в ее упругом податливом теле, и обнимает его просто и пьяно... И в объятии упругих тел жизнь и любовь торжествовали над смертью...

ГЛАВА 3 Горянский

Горянский прибыл в Париж более двух месяцев тому назад. Почти все было готово для осуществления его идеи: рабочие, втайне из разных мест собранные на остров, башни радио, сотни машин, — мастерские и приборы, порученные его *«altro ego»* — его верному другу — Чемберту. В одном из эллингов острова, тщательно укутанные парусиной, скрывались почти законченные мощные формы «Победителя»...

И все же этого было мало: главного, души аппарата — двигателя пока еще не доставало. Горянский был инженером, но он мало походил на этих людей, почти всегда узких и ограниченных, практичных и меркантильных дипломников, выше всего ставящих карьеру и трезвую выгоду сегодняшнего дня, тупых и косных мещан.

— Да, как это ни странно, но инженеры — «творцы Фаустовской культуры», по меткому выражению Шпенглера, — почти всегда мещане. Особенно — заграничные, — эти тупые рутинеры, техники мысли, которые, приделав крантик или подставку к раньше существовавшему прибору, уже считают себя новаторами.

Техника керосиновых примусов, чайников, лампочек, освещающих будуары и уборные, электрических ковров, согревающих ножки дам полусвета и света, техника тысяч деталей буржуазно-мещанской «обстановочки» цивилизованного готтентота, — вот их ближайшие цели...

У них все реально, практично и трезво, все полно вульгарного здравого смысла, все достижимо... Никогда не увлекутся они высокими задачами, никогда не поставят целью невыполнимого...

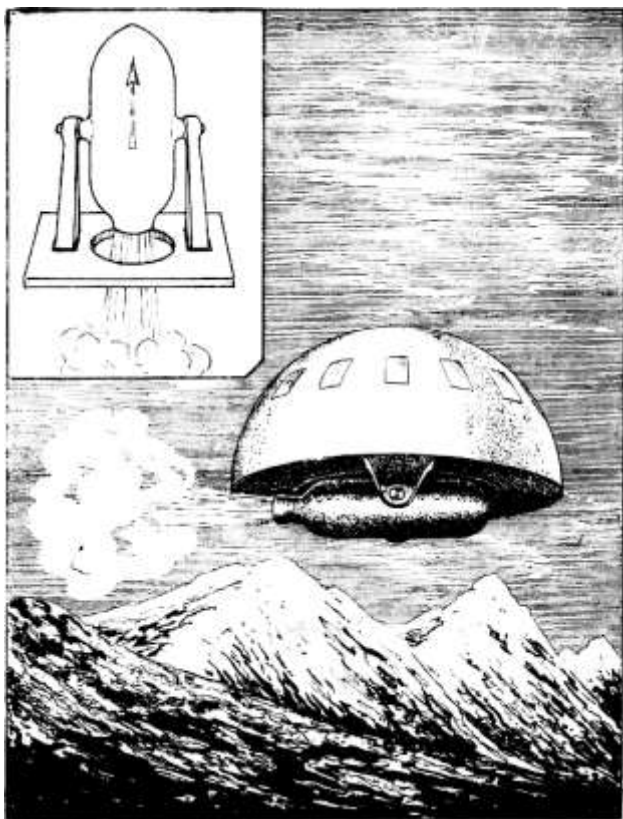
Бывают, конечно, и среди них радостные исключения, которыми только и жива техническая мысль и культура Запада. Но их немного, а основная масса — мещане, до ужаса трезвые и практичные.

Русские инженеры интереснее и безумнее, но их мало и в их распоряжении неизмеримо меньше технических средств и возможностей... Горянский был одним из безумнейших: только невыполнимое, только непреодолимое привлекало его.

Он был истинным поэтом техники, только поэмы его создавались из проволоки и железа.

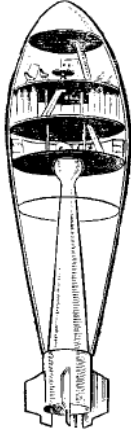
Он рифмовал безумие в изумительнейших триолетах из стали... Его электрические сонеты, излучавшие молнии, могли смело поспорить с сонетами Петрарки.

...Еще в шестом году, во время баррикад в Москве, ему случайно пришлось столкнуться с остатками работ гениального русского химика и революционера Кибальчича, удушенного царским правительством, которые сохранились в архиве полиции.

Ракетоплан Кибальчича

Ракета Циолковского

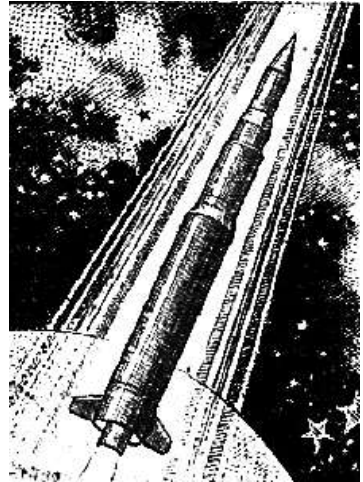

...Еще раньше в мозгу Горянского мелькала мысль о возможности окончательной победы над пространством, о реальном преодолении страшных миллионо-верстных промежутков пустоты, отделяющих островки жизни во вселенной, отдельные планеты друг от друга.

Работы Кибальчича, детски наивные, принимая во внимание технические возможности его эпохи, и в то же время ослепительно-дерзкие по изумительной силе и простоте основной мысли, захватили Горянского. Он имел раньше в виду другой принцип: он хотел использовать энергию света, наполняющую отдаленнейшие уголки вселенной, положив в основу закон лучевого давления, открытый русским физиком Лебедевым...

Но Горянский, человек, получивший высшее техническое образование в России и за границей, прекрасно сознавал, что при современном состоянии техники этот принцип, теоретически, безусловно, верный, практически несуществим...

И, тем не менее, корабль вселенной — машину, преодолевающую космические

Ракета Эснопельтри

пространства, построить можно.

Горянский был убежден, что за эпохой летания над землей последует эпоха заатмосферного, космического полета.

Он стал работать в этом направлении.

Ему пришлось ознакомиться с работами русского ученого Циолковского, с проектом француза Эснопельтри, и он увидел, насколько верна и даже близка к осуществлению основная мысль погибшего Кибальчича.

Горянский оставил свой первоначальный план об использовании лучевого давления и стал производить изыскания в направлении работ Кибальчича, Циолковского и Эснопельтри.

Горянскому досталось богатое наследство: план, проект и теория заатмосферного полета были фактически разработаны этими его предшественниками. Циолковский до мелочей разработал схему междупланетного корабля, теоретически, безусловно, верную; и Горянскому, после продолжительных проверок, удалось открыть лишь незначительную ошибку в вычислениях Эснопельтри.

По работам предшественников Горянский признавал себя на верном пути... Как новый космический мореплаватель, он стоял перед безграничным межзвездным пространством и чувствовал себя междупланетным Фультоном...

Но не было двигателя...

Работы предшественников давали лишь принцип; двигатель должен был найти он сам, и в этом, собственно, и заключалось решение вопроса. Это не было невыполнимой задачей, как первый проект, — это было трудно, сверхчеловечески трудно, но, в конце концов, осуществимо.

Когда Горянский понял это, когда увидел, что, действительно, близок к решению одной из красивейших задач, которую когда-либо ставило себе человечество, — он стал беречь себя, перестал подставлять свой спокойный лоб под нелепые казачьи пули...

Было бы бессмысленно и глупо ему, будущему планетному Колумбу, погибнуть от руки жандармов и штыков где-нибудь в московских тупичках и переулочках.

Горянский покинул Москву и такие красивые, увлекавшие его раньше баррикады.

Его друг, англичанин Чемберт, скучающий турист, фланер, объездивший весь мир, и от скуки решивший поиграть со смертью под красным флагом, последовал за ним. Мысль о возможности междупланетных сообщений, мысль о реальном проникновении на отдаленные миры, обожгла мозг Чемберта. Глубокий энтузиаст и мечтатель под пеплом холода и безразличия, искавший всю жизнь и не знавший, куда бросить себя, он нашел, наконец, выход для своей заглушенной энергии и предоставил Горянскому себя и свое очень большое состояние для достижения цели.

Его отец, богатый торговец, латыш по происхождению, женился на единственной дочери владельца одной из крупнейших английских фирм, оставшейся миллиардершей после смерти отца. Чемберт унаследовал одно из самых больших в Европе состояний.

Горянский — истинный пролетарий, родившийся от отца-рабочего и матери-интеллигентки, не имевший ничего, кроме своих рук, знаний и дипломов, — которому еще в гимназии приходилось содержать себя своим трудом, увидел в своем распоряжении свыше двух миллиардов на текущем счету английских и французских банков.

Он инстинктивно презирал буржуазию и случайно подружился с Чембертом лишь потому, что тот показался ему немного Агасфером, бродягой, мечтателем, выходящим из рамок класса.

Горянскому приятнее было бы, конечно, достичь победы собственными силами, и сначала он чувствовал себя как-то странно, пользуясь деньгами Чемберта, но потом, когда увидел искренний энтузиазм последнего, когда понял, что идея обожгла Чемберта не меньше, чем его самого, — тогда Горянский успокоился и стал рассматривать происшедшее, как акт своеобразной справедливости, когда буржуазия, в лице Чемберта, возвращала прогрессу и человечеству кристаллизованный в золоте человеческий труд, награбленный в течение столетий.

В Чемберте Горянский нашел незаменимого помощника, товарища и соратника.

Горянскому не хотелось окружать свои опыты рекламной шумихой и газетной трескотней.

Кроме того, он боялся, что в атмосфере надвигающейся войны... а его работы были так близки к уничтожению, к смерти, к исследованию разрушительной силы внутриатомной энергии; его достижения захотят использовать для убийства и войны, которые были ему глубоко омерзительны.

Потом он еще боялся, что ему могут помешать довести дело до конца....

Рассчитывать на правительственную помощь было бы, конечно, нелепо... Ему могли бы дать миллиарды на дредноуты, пушки, подводные лодки и т. п., но не дали бы, разумеется, ни копейки на постройку междупланетного корабля, отнесясь к этому, в лучшем случае, с иронией, сочтя его просто за тихого помешанного.

Правительство буржуазной Европы, правительство царской России могли только помешать осуществлению его планов. Состояние Чемберта являлось в данном случае прямо манной небесной и Чемберт буквально спасал идею Горянского, как однажды на баррикадах в Москве спас его самого.

...За не особенно большую сумму в пятьдесят тысяч долларов они купили целый маленький остров, — один из бесчисленных островков мало исследованной группы Самоа.

Плату внесли частью деньгами, так как туземцы вели торговлю с соседними островами и имели представление о деньгах, частью порохом, табаком, дробью, ружьями, одеялами и спиртом.

Невзирая на все протесты Горянского, которому не хотелось спаивать туземцев, пришлось

пойти и на это, так как иначе вождь племени островных туземцев, по имени Чигринос, не соглашался на сделку, заявляя, что какой же он будет царь, если не омочит губы и горло солнечной влагой радости, — так поэтично и пышно именовали островитяне спирт...

Чигринос считал необходимой выпивку в связи с продажей острова и приобретением взамен одеял, пороха и ружей, делавших его, по его мнению, могущественнейшим повелителем в мире.

Горянскому был очень смешон этот вождь, — Чигринос, казавшийся ему типичным по глупости, жадности и продажности образцом правителя вообще, не исключая и цивилизованной Европы.

Глядя на эту комичную фигуру, с головой, утыканной перьями, с необычным убранством, причем из одного уха свешивался легкий алюминиевый портсигар, а возле другого болталась перламутровая трубка, — в нос, уступая традициям старины и отеческим преданьям, он воткнул просто страусовое перо, — Горянский думал, что по существу пестрое убранство Чигриноса не хуже и не лучше, чем цилиндр и фрак какого-нибудь европейского президента или мундир, ленты, эполеты, золотое шитье и лосевые штаны любого российского генерала. У Горянского мелькала ироническая мысль, что если бы переодеть на наш лад этого очаровательного малого, то из него, вероятно, вышел бы недурной российский губернатор.

При заключении договора было поставлено особое условие, что Чигринос освобождает им необходимую для построек землю, хотя бы для этого пришлось выселить с острова часть племени.

Вождь островитян — «отец народа» согласился на это с легким сердцем, совершенно беззаботно, подобно

правителям цивилизованных стран или российским министрам, легко распродававшим оптом и в розницу отечественную территорию иностранным банкирам за небольшую взятку, — и быстро покончив с этим мало-важным, по его мнению, вопросом, перешел к определению количества пороха, одеял и ружей, и особенно священной солнечной воды.

Однако, на деле это оказалось труднее, чем думал мудрый Чигринос, и при водворении на острове людей и машин пришлось неоднократно прибегать даже к угрозе вооруженной силой для освобождения нужной территории, невзирая на то, что все условия Горянского и Чембертом были соблюдены, и плата Чигриносу была внесена вперед. В конце концов удалось все устроить, так как для туземцев было вполне достаточно меньшей, более возвышенной части острова. И даже удалось наладить вполне дружественные отношения с Чигриносом и его подданными.

Горянский очутился в роли неограниченного владыки этого пустынного клочка земли, а Чемберт ревностно исполнял обязанности первого министра.

Чигринос в данном случае исполнял роль дипломатического представителя дружественных пограничных держав, с которыми сохранялись добрососедские отношения.

Горянский часто в шутку сам называл себя островным кациком, — сыном луны и неба и младшим братом Чигриноса.

За восемь лет, которые истекли со времени переселения на остров, была сделано многое: пустынный заброшенный островок по внешнему виду напоминал, самое меньшее, германский фабричный поселок. Башни радио, элинги, починочные мастерские представляли главную массу построек.

Возле башен возвышался двухэтажный каменный домик, где жили Горянский и Чемберт.

Дальше раскинулись маленькие одноэтажные домики для рабочих, добрая половина которых обзавелась уже женами из числа очаровательных согражданок Чигриноса (Горянский, по совету Чемберта, не брал женатых рабочих и теперь, приехавши, рабочие акклиматизировались и начинали вращаться в островную почву семейственными корнями). Правительство островитян, как именовал Горянский иногда себя и Чемберта, могло быть спокойно за будущее островного племени.

Но дело Горянского все же медленно, слишком медленно, подвигалось вперед: два года потратил он на необходимые закупки, на заказы машинных частей в разных странах, на доставку их на остров, и вообще на организацию островных мастерских и островной жизни, и сверх того восемь лет упорной работы на самом острове, — всего около десяти лет протекло с тех пор, как у Горянского явилась мысль положить в основу своих изысканий принцип Кибальчича, а все-таки дело двигалось до обидного незаметно...

Давно уже были собраны отдельные части машин, выполненные на лучших европейских и американских заводах, давно все схемы и диаграммы возможного полета, пересмотренные тысячу раз и проверенные, лежали в специальных папках, но двигателя — этой таинственной души машины, ее всеоживляющего сердца, ее основного и отправного импульса, — все еще не было...

И в двадцать пятый раз снималась с якоря «Мария», прекрасная турбинная паровая яхта, служившая для сообщения острова с внешним миром, которую Чигринос за резкие пронзительные гудки сирены про-

звал «железной рыбой белого человека, кричащей со злости», — и в двадцать пятый раз пересекала океан, чтобы перевезти новые материалы для новых опытов...

И в сотый, в тысячный раз, в течение десяти лет с непоколебимым мужеством и стальным упорством принимался Горянский за повторные опыты и медленно, слишком уж медленно приближался к цели...

Гигантская скорость, — свыше десяти верст в секунду, нужна была ему, чтобы привести в действие машину.

Он же за время своих многолетних опытов с трудом добился шести верст и дальше не подвинулся ни на шаг.

Между тем, время шло и, невзирая на всю экономию Чемберта, невзирая на то, что почва острова давала хороший урожай и содержание рабочих им почти ничего не стоило, средства все же постепенно иссякали.

Отчаяние начинало охватывать Горянского: неужели из-за недостатка денег остановится великое дело, неужели проклятое золото — символ человеческого порабощения и унижения, восторжествует и тут!

Несколько раз он впадал в умственную и нервную прострацию, и если бы не Чемберт, который заботился о нем, как о ребенке, то он, может быть, покончил с собой.

Наконец, тоже по настоянию Чемберта, Горянский на последние деньги отправился в Париж, чтобы заняться изысканиями с радиом. Это была его последняя ставка, последняя конвульсивная попытка спасти свое дело.

Если и это не удастся, если он не найдет этих проклятых, недостающих ему четырех верст в секунду, — машина не полетит, его «Победитель» станет побеж-

денным, он не сдвинется с места, он инертной грудой бессмысленного мертвого металла будет лежать под крышей эллинга!..

...Тогда Горянский — банкрот, тогда он обманул Чемберта и попусту растратил его состояние!

Но первые же опыты с радием убили пессимизм и возбудили энергию Горянского.

Он снял квартиру в отдаленном глухом предместье Парижа, устроил себе на скорую руку походную лабораторию и работал, работал с утра вечера, а иногда и

целыми ночами, как бешеный. У него появилась вера в успех; опыты с радиом дали неожиданно блестящие результаты, открывалась возможность получения еще большей скорости, чем было нужно... И, кроме того, еще одна возможность, настолько сказочная, что он сам боялся в ней себе признаться.

Горянский продолжал упорно работать и даже нарочно до получения определенных результатов не хотел ничего сообщать Чемберту на остров, с которым мог ежедневно общаться, благодаря усовершенствованному им радиотелефону.

...Вечерами, совершенно истомленный от упорной сосредоточенной работы, он выходил подышать свежим воздухом прогуляться по тенистым бульварам...

Там он встретился однажды с Еленой.

Горянский принял было сначала ее за гризетку, за одну из тех бесчисленных ночных женщин, которые наполняют бульвары и главные улицы всех больших городов Европы, в особенности Парижа, и равнодушно прошел мимо.

Но потом его поразила небрежность ее костюма и торопливая походка (она шла из редакции домой и боялась, что консьержка закроет двери и придется долго стучаться) и он заговорил с ней, неожиданно для самого себя, может быть, потому, что ему инстинктивно почуялось что-то русское в ее манере и движениях.

Она не обиделась и не рассердилась. Отвечала спокойно, просто, с большим достоинством.

Ее низкий серебристый голос ласкал уши и заплетал хорошими прядями утомленный мозг Горянского.

Она рассказала Горянскому, что работает в «Пти Журналь» в редакции, и когда Горянский попросил у нее разрешения зайти к ней завтра вечером в редакцию, она не ответила отказом.

Они стали встречаться почти ежедневно; и эти встречи служили для Горянского приятным отдыхом после напряженной ночной работы.

Правда, у него были еще официальные знакомства, было одно семейство княгини Тамирской, дочь которой княжна Анна (познакомился он с ней еще в России) была влюблена в него по уши.

Но его врожденная нелюбовь к буржуазии и аристократии мешала ему чувствовать себя свободно в их вылощенном аристократически-мещанском салоне, и он не знал, о чем ему говорить с этой влюбленной в него, но чуждой ему, красивой напыщенной барышней. Горянский не умел и не хотел быть кавалером, — «кавалериться», как он иронически иногда выражался; и сознание, что ему внушают какую-то роль и что он должен как-то держаться и что-то делать, — внушало ему чуть ли не отвращение и ненависть к красивой княжне, которая в конце концов была виновата лишь в том, что его любила.

С Еленой же Горянскому было просто и хорошо, и уже каждый вечер он провожал ее из редакции до дому, и они незаметно сближались все больше и больше.

Один раз Елена оказала ему неожиданную услугу: у нее через редакцию были знакомства в электрохимическом институте и ей удалось устроить Горянскому возможность приобрести необходимый для опытов гелий по необычайно низкой цене.

Это расположило Горянского к ней еще больше...

Скоро он узнал ее несложную историю:

Дочь англичанина-врача, попавшего в Россию, Елена с детства росла в очень скромных условиях, граничащих с бедностью.

Отец ее умер рано. Она окончила гимназию в Питере и поступила на Бестужевские курсы, окончить кото-

рые ей не пришлось, так как нужно было содержать и себя и мать. Хорошее знание языков помогло ей найти место воспитательницы детей в богатом французском семействе, с которым она и уехала в Париж после смерти матери. Там с большими усилиями, тоже благодаря исключительному знанию языков, она устроилась в «Пти Журналь», как переводчица международной хроники...

После смерти матери она — одна, совсем одна на белом свете...

Горянский сказал о себе, что он инженер и работает над изобретением, которое должно доставить ему большие средства.

Так они встречались друг с другом... Время шло... Настроение Горянского было совсем радужным; он почти уже получил необходимую ему скорость... И, кроме того, то, другое, что казалось ему невозможным, — предстало перед ним во всей своей фантастической реальности...

Оставалось еще раз проверить и резюмировать добытое в форме портативного удобного прибора.

Горянскому казалось, что победа совсем близка.

Еще усилие и напоенный сверхчеловеческой мощью «Победитель» прорежет земную атмосферу, чтобы взлететь к звездам... Как вдруг совершенно неожиданно он открыл, что за ним следят!..

Вечером, возвращаясь после прогулки с Еленой, Горянский заметил, как быстро прошмыгнули две тени, когда он входил к себе в дом.

Ночью, когда он нарочно неожиданно погасил свет в лаборатории, он ясно увидел на мгновение два глаза и приплюснутый нос в стекле окна.

Ему вспомнилось старое революционное время, когда он спасался от шпииков в России...

Что ему было делать? — Бросить все и возвратиться на остров, не доведя до конца работу?

Но это было бы непростительным малодушием.

Пойти к префекту полиции и объяснить ему все.

Но он не хотел открывать тайну своих работ и потом ему, вероятно, все равно бы не поверили.

— Как же быть?..

Мысль о том, что необходимо что-то сделать, как-то выпутаться преследовала его неотступно.

Один раз в разговоре, неожиданно для самого себя, он сообщил Елене, что за ним следят. Его необычайно обрадовало то простое, открытое сочувствие, с каким встретила столь неприятную новость эта девушка, с которой ему было так хорошо, и которую он уже начал любить...

Она сразу же предложила ему, в случае надобности, свою квартиру, обещала помочь скрыться и добавила, что завтра же через бывавших в редакции, имевших какие-то связи с Парижской охранкой знакомых эмигрантов она выяснит, в чем дело...

...На другой вечер она встретила его с очень серьезным лицом и передала, что дело обстоит совсем плохо: охранка, которая последнее время была почти без работы, решила воспользоваться случаем и инсценировать в его лице прекрасный политический процесс...

Его считают опасным преступником-анархистом, готовящим с помощью адской машины покушение на правительство.

За его лабораторией, действительно, всегда следит сыщик и, что хуже всего, в конце этой недели Горянского собираются арестовать...

...Горянский горячо благодарил Елену. Его работы были почти закончены. План действий моментально возник у него в голове.

— «Если вы столько сделали для меня до сих пор, то вы поможете мне и впредь, не правда ли, мадемуазель Родстон?»

— «Да», — ответила Елена просто, — «я сделаю все, что сумею...» — и протянула Горянскому свою маленькую нежную руку, которую тот крепко пожал... И это пожатие послужило как бы скреплением их нарождающейся дружбы и любви...

— «Завтра, в час ночи — быстро проговорил Горянский, — вы наймете фиакр, не считаясь с ценой, и самый быстроходный, и законтрактуете его по часам на всю ночь. Вы будете ждать меня на втором повороте от переулка, где я живу, в течение десяти минут... Если я не появлюсь там к этому сроку, то, не спеша, нарочито шумно, всячески обращая на себя внимание, вы пойдете по направлению к моей лаборатории...

— Будет хорошо, если вы запоете какую-нибудь шансонетку (если только, конечно, не найдете этого неудобным). Как бы сильно вас ни поразило то, что там произойдет, — не пугайтесь и не беспокойтесь за меня серьезно, но внешне проявляйте свои чувства как можно более эффектно и шумно: кричите, зовите на помощь, даже, если это вас не затруднит, расплачьтесь, вообще не бойтесь и действуйте открыто и громогласно... — Вот вам программа на завтрашнюю ночь, если хотите оказать мне большую услугу... А сейчас разрешите показать вам дорогу в мою лабораторию и вообще считать своей гостьей на сегодняшний вечер...»

Мягкой улыбкой Елена выразила свое согласие, и они, смеясь и оживленно болтая, дошли до квартиры Горянского.

В лаборатории сидели недолго: — Елене надо было утром рано в редакцию, но все же здесь, над колбами и

ретортами, над сложными приборами, значение которых объяснил Горянский изумленной Елене, в обстановке, похожей на пещеру средневекового чародея-алхимика, — они поцеловались, поцеловались впервые!..

И наивность ее молодого, только что расцветшего чувства, прикосновение нежных, немного холодных, губ, ее невысокая упругая грудь и все ее крепкое, свежее тело, так хорошо прижавшееся к Горянскому в объятии, — опьянило его легко и радостно, как бокал «Клико», и наполнило новой бодростью и уверенностью в победе.

Целовались и сидели в сумерках, тесно прижавшись, как дети. И нарочно не зажигали света...

Было радостно обоим и хорошо вместе... И в целом мире не нужно было больше никого...

Но истекло время, и надо было расставаться: величие идеи у него и забота будней у нее нависали жестоко над любовью...

На прощанье вспомнил об обыденном и просил ее забрать необходимейшие вещи, так как завтра думал переехать к ней. И она собрала, по указанию, вещи и с женской практичностью захватила разбросанные по полу консервы.

Распределили свертки, и Горянский проводил Елену почти до половины дороги. Потом нанял ей фиакр, усадил, пожелал спокойной ночи, поцеловал на прощанье и радостно возбужденный вернулся в лабораторию.

Он работал напролет всю ночь до рассвета, не чувствуя усталости, и к девяти часам утра в металлической плоской коробке, похожей на большой портсигар, перед Горянским лежал результат его десятилетних исканий.

Перед ним была возможность вскинуть к звездам грузное тело «Победителя»! — Душа двигателя межпланетного корабля лежала на столе и, кроме того, совершенно неожиданно открывалась другая побочная возможность, найденная случайно, но укреплявшая и дополнявшая победу...

Перед Горянским открывались необычайные и грандиозные перспективы... Его немножко сместила мысль, что какие-то полицейские, какой-то глупый префект Парижа хочет арестовать его, — его, человека, в руках которого, вот в этой маленькой коробочке, сосредоточена страшная, стихийная сила, которая может не только перенести космический корабль через безграничные пространства, но и легко уничтожить полмира, если бы только он захотел употребить ее во зло...

Горянский подумал, что то же французское правительство предложило бы ему, что угодно, чтобы только получить в свое распоряжение для военных целей эту грандиозную разрушительную силу.

...Теперь, когда работа была окончена и достигнутый результат — металлический итог лежал перед ним, — Горянский сразу почувствовал страшную, непреодолимую усталость. С трудом, отчаянным напряжением воли, преодолевая сон, он сделал кой-какие приготовления на завтра и, свалившись на кушетку, не раздеваясь, мгновенно заснул, как убитый... До позднего вечера он проспал...

Ровно в час ночи Елена Родстон, с сильно бьющимся сердцем, стояла у фиакра, на условленном повороте переулка и, пользуясь слабым светом фонарей фиакра, следила за медлительной стрелкой...

Десять минут прошло — Горянского не было... Елена велела вознице ждать и сама, волнуясь, пошла к лаборатории.

Елена совсем не представляла себе, что будет делать Горянский, но твердо решила, что бы ни случилось, — помогать ему до конца, даже если придется рисковать жизнью.

Она хорошо помнила наставления Горянского и потому старалась идти как можно более шумно, — нарочно шаркала подошвами, а, подойдя ближе, стала неуверенно напевать вслух серебристым голоском модную шансонетку...

Приближаясь, она заметила, как влево за деревьями, возле лаборатории, мелькнула тень: сыщик дежурил на посту! У двери Елена с недоумением остановилась: откровенно говоря, она не знала, что ей нужно делать, но в то же время она до боли ощущала, что за ней сзади усиленно наблюдают: ей даже казалось, что ее спина стала прозрачной и ее сзади мягко щупают, щупают глазами... Это побуждало Елену к активности.

Взгляд в сторону показал, что света в окнах Горянского не было: он или же спал или нарочно не зажигал света. Елена снова запела, уже громче (она решила демонстративно разыграть девушку с бульвара, идущую на свидание) и стала громко стучаться в дверь:

— «Эй, вы там!.. Кто там есть?!.. Мосье!» — восклицала она ненатурально грубовато.

— «Отворите!.. Я не привыкла ждать — мои друзья всегда меня дожидаются!..»

— Если приглашаете, то отворяйте!.. — А то я уйду!»
— и она опять застучала... Ответа не было.

Вдруг послышался шум — будто упало что-то тяжелое... Через секунду страшный грохот и треск лопнувших стекол наполнили воздух.

Елена в ужасе отпрянула от двери — этого она не ожидала — громадный клуб желтого пламени показался из окна! Дым, густой и смрадный, повалил вместе с пламенем из окон и сквозь щели дверей...

Снова грохот, — еще взрыв — и пламя, сразу усилившись вдвое, лизнуло крышу...

Стало светло, как днем. В страшном испуге, забыв всякие инструкции и все на свете, полная ужаса за участь Горянского, Елена принялась изо всех сил ломиться в лабораторию, оглашая воздух криками...

— «Помогите!.. Пожар!.. Спасите!..» — кричала она, как безумная, и билась о дверь, до крови изранив маленький изящный кулачок, но никого не было вокруг, и никто не приходил к ней на помощь.

Неожиданно она почувствовала, что кто-то тронул ее сзади за плечо — оглянулась: какой-то человек невысокого роста, в статском, с физиономией, точно помазанной маслом, стоял возле нее. — «Сыщик!» — подумала Елена (кроме него, никого не могло быть поблизости)...

... — Да не все ли ей равно сейчас, сыщик это или святой — нужно спасти Володю. — Умоляюще кинулась к человеку в статском:

— «Мосье, умоляю вас!.. Помогите!.. Здесь горит человек!.. — Мой знакомый... Я шла к нему в гости... Он сгорит заживо!.. У него, очевидно, что-то случилось, — помогите!.. Спасите!.. Позовите кого-нибудь!.. Я с ума сойду!..»

— «Успокойтесь, мадемуазель», — отвечал ей чело-

век в статском, — нас тоже интересует и уж не в меньшей степени, чем вас, ваш знакомый...

— Поверьте, что мы не дадим ему сгореть — он нам очень нужен...

— Успокойтесь!.. Не плачьте!.. Я сейчас вызову пожарных и пришлю помощь...

— Да, — прибавил он с ехидной улыбкой — вам, милочка, выпало на долю очень жаркое, слишком жаркое свиданье!..

— Ну, успокойтесь же — я бегу за помощью!..» — и он быстро и ловко, немного приседая, по-заячьи, побежал вдоль переулка и скоро скрылся из глаз следившей за ним безнадежным взглядом Елены.

В отчаянье стояла она перед дверью и думала, что вот еще вчера разговаривала с Володей, живым и здоровым, и смеялась, а вот сейчас, может быть, он лежит рядом, в нескольких шагах от нее, за стенами этого несчастного здания, — мертвый, погибший мучительной страшной смертью!

И еще думала, что никого в жизни уж не будет так любить, как Володю...

Вдруг!.. Тихонько приотворилась дверь, — из-за нее осторожно выглянуло беззвучно смеющееся лицо Горянского.

— «Володя!.. — захлебнулась Елена неожиданностью, радостью и светлым испугом.

— Так это — мистификация?!.. Так это — ты сам, нарочно?!.. А я-то испугалась до смерти!..»

— «Шпик ушел?» — быстро спросил Горянский.

— «За помощью побежал, — за пожарными... Я его сама просила», — улыбнулась Елена.

— «Да, я видел из окошка, как он помчался зайцем... Ну, бежим, Елена! — у нас мало времени, а шпик проклятый может вернуться...»

Горянский аккуратно затворил дверь, повернул ключ два раза, вынул его и положил в карман; потом взял Елену за руки, привлек к себе и они поцеловались нежно и бурно и побежали, держась за руки, как дети, от пылавшей факелом лаборатории, освещавшей все вблизи, — во мрак, туманный и липкий, но казавшийся им светлым и приветливым, как их будущее...

Через минуту фиакр бешено мчал их по плохо освещенным улицам предместья...

Скоро потянулись светлые, пылавшие электричеством и газом, площади и бульвары, промелькнули, ослепительные днем и ночью Елисейские поля, и через полчаса Горянский вслед за Еленой подымался по лестнице на пятый этаж, мимо изумленной консьержки, которую не мог привести в себя даже золотой пятифранковик, деловито опущенный в ее ладонь Горянским, решившим разыграть галантного денди.

Только, когда он вошел к Елене, только когда опустился на диван в уютной маленькой простой комнатке, он почувствовал внезапно страшную слабость, разбитость, жаркую сладкую истому и усталость во всем теле.

Это его удивило: ведь он спал перед этим весь день, весь вечер, — почти до самого пожара...

— «Володя, что с тобой, милый? — сказала прижавшаяся к нему была Елена, изумленно отодвигаясь.

— О тебя обжечься можно, ты весь горячий, как огонь...

— Да у тебя ведь страшный жар!»

Мысли Горянского путались, ему стало казаться, что он еще в горящей лаборатории.

— «Уйди, Елена!.. Уйди!.. Горим!..»

— «Горячо!.. очень горячо!.. ключ затерялся — не отворить...»

— «Спасать!.. радий!..»

— «Елена... люблю... Огонь!..» — бормотал он в забытьи.

Елена уложила его на диван, укутала, как ребенка, поцеловав нежно и испуганно, и побежала за врачом.

Напряжение последних дней и усиленная мозговая работа без отдыха, в течение недавних месяцев, не прошли Горянскому даром...

Приведенный Еленой живший поблизости старичок доктор объявил, что у больного нервная горячка...

ГЛАВА 4

На остров!

... — «Так ты не хочешь их убивать, Елена? — говорил Горянский, когда после ласк, они отдохали разнежено и устало на смятых подушках кровати...

— «Черт с ними, пусть живут!..»

— «Все равно: рано или поздно волна рабочей революции сметет эту сволочь...»

— «А мы будем жить, жить и жить!.. Вся жизнь — наша, мы возьмем ее всю, не правда ли, детка?»

— «Чего нам ждаться?!..»

— «Дай-ка сюда телефон, Елена!»

— «Не надо, милый... Тебе еще вредно, — ведь ты еще не выздоровел!»

— «Ерунда! — я здоров, как бык, или ты не довольна моими поцелуями?»

— «Давай сюда трубку, я хочу говорить с Чембертом... Ведь, подумай, — я совсем забыл его! — Больше месяца я не слышал его голоса!..»

— «Чемберт — славный, вот увидишь, Елена, он будет ревновать меня к тебе!..»

Елена подвинула к Горянскому прибор, находившийся в маленьком чемодане, включила радиоаккумулятор, быстро распахнула окно и свесила маленькую антенну...

Она хорошо помнила все наставления Горянского, которые тот ей дал перед болезнью, и гордилась тем, что в прошлый раз сама сумела поговорить с островом.

Горянский с кровати любовался ее легкими изящными движениями...

Антенна висела за окном. Солнце отбрасывало от нее сетчатую тень на обои.

Горянский взял трубку и упруго нажал рычажок прибора. — Легкий треск заискрившейся антенны... Мгновение... — искра радио перелетала через океан. — Вот Горянский уже соединился с островом и с улыбкой прислушивался к звукам аппаратной, отдававшимся в слуховой трубке...

Он так привык к острову, что знал, помнил и чувствовал каждый прибор, каждую машину, как живую: — вот гудит большая правая «А», как большой шмель, медленно, ровно, солидно, с достоинством... Вот «Альфа» и «Бета» — быстроходные современные, частят друг за дружкой, вперегонку, точно два славных игристых мальчугана...

Вот еле слышен серебристый шелест большой островной антенны: Горянский на минуту ясно увидел аппаратную. Он представил себе, как его искра ударила в островную антенну... Звонок!.. Открылась крышка слухового прибора... Кто подойдет к нему? Дежурный телеграфист? Чемберт? Нет, он, вероятно, на работе.

...— «Алло! Остров! Кто у телефона?»

Горянский узнал сразу этот голос у которого ни притяжения, ни известное образование не смогли отбить акцента еврейского предместья.

— «Это — я, коллега Тамповский!

— «Я — Горянский, умерший, воскресший и выздоровевший, и собирающийся вам всем задать хорошую взбучку».

— «Здравствуйте, господин Горянский, здравствуйте!.. Уж мы все тут так обрадовались вашему выздоровлению!.. За вами через два дня пошлют аэроплан...»

— « Вы знаете — небывалая вещь: в России — революция!

— «Царь арестован! — Ну что же вы на это скажете, а?»

— «Ладно, ладно... — улыбнулся Горянский, — об этом после поговорим, а пока попросите к аппарату Чемберта».

— «Бегу, бегу, господин Горянский!»

Горянскому показалось, что он видит, как Тамповский суетливо скатился вниз по лестнице аппаратной.

— «Горянский — вы?» — раздался через две минуты низкий густой голос Чемберта.

Горянский чувствовал, как сквозь внешнюю сдержанность, в голосе этом трепетали и бились нотки радости.

— «Я, дружище Чемберт, я! Звоню из Парижа... Здоров, как стадо четвероногих, и счастлив, как тысяча ослов...

— «А у меня есть женка, Чемберт!.. — маленькая, славенькая и такая хорошенькая... Вот она сейчас стоит у окна и краснеет, что я вам ее расхваливаю. — Вы, смотрите, не вздумайте за ней ухаживать, а то я теперь выздоровел и кровожаден, как испанец, моментально вызову вас на дуэль!..»

— «Поздравляю вас, мистер Горянский...» — Горянский уловил в его голосе оттенок грусти.

— А как ваши успехи?»

— «Великолепно, мистер Чемберт!.. Идеально!.. Сногшибательно!..»

— «Я не только добился десяти верст в секунду, но я, кажется, сумею избавить вас от всех материальных затруднений...»

— «Ликуйте, Чемберт! Мы — Крезы, мы — Ротшильды!.. Богатство всех банков обоих континентов — ничто в сравнении с тем, что будет у нас через два дня!..»

— «Победа, Чемберт!.. Полная победа!.. «Победитель» взлетит к звездам! — это так же верно, как то, что я сейчас расцелую эту маленькую белую мышку, которая дуется на меня вот здесь у окна...»

— «Дружище Чемберт, мне надоело дожидаться! — Я здоров, как вагон поросят, как стадо коренастых креатинов...»

— «Я не могу больше ждать, вышлите за нами машину сегодня же. Я хочу пожать вашу твердую честную руку, хочу вдохнуть воздухом моего острова, хочу видеть моего старшего брата, сына луны и неба — Чигриноса...»

— «Мистер Горянский, — слышался радостный голос Чемберта, — я сделаю распоряжение сию же минуту, только не повредило бы это вам — может, вы еще не совсем поправились?»

— «Пустяки, Чемберт, я крепок, как паровоз... Я готов боксировать с Джонсоном и бороться с Геркулесом...»

— «Итак, Чемберт, я вешаю трубку...»

— «Значит, до скорого свиданья!..»

— «Л/з уже летит за нами?.. Что? Телефон из ангара испорчен и Мукс бежит в ангар?! — Люблю Мукса, — очаровательный чертенок!..»

— «Вы знаете, если он вам будет очень надоедать, отпустите его к нам в Париж, — пусть прокатится по воздуху...»

— «Кто летит, — Джонни? — Ну, он его наверное, возьмет...»

— «Я окончательно вешаю трубку... — Значит, через три часа машина прибудет к нам? — До скорого свиданья на острове, дружище Чемберт!»

— «Собирай пожитки, Елена! Сегодня мы определенно покидаем Париж».

— «Я рассержусь на тебя, Володя, если ты так будешь говорить обо мне своим друзьям. — Тебе смешно, а мне совестно».

— «Не сердись, детка!.. — сказал Горянский, вставая с кровати, закутанный в одеяло, как римлянин в тогу. — Давай помиримся!»

Он привлек ее к себе и вкусно поцеловал, исполняя обещание, данное по телефону Чемберту.

Елена отбивалась, смеясь, и делала вид, что сердится.

Незаметно проходило время.

Звонок внизу напомнил им, что пора отправляться.

— «Это — за нами», — сказал Горянский уверенно. Он был прав.

Елена пошла отворять.

— «Здесь живет Елена Родстон?» — раздался голос в прихожей.

Через минуту маленький черный Мукс в необыкновенной ширины брюках и в тирольской шапке с перьями вкатился в комнату и с радостным восклицанием бросился к Горянскому.

— «Мистер Горянский! Вот хорошо, что вы выздоровели!..

— А как интересно лететь! Какой большой Париж внизу, а сверху — какой маленький!..

— А знаете, — я не боялся, — вот спросите у Джонни!»

Горянский опустил руку в его пышную, черную шелвелюру и погладил по голове.

В дверях стояла улыбавшаяся Елена и вошедший Джонни.

— «Гуд дэй, мистер Горянский!.. Аппарат — в вашем распоряжении.

— «Когда изволите отправляться?»

— «Сейчас, Джонни, сейчас!» — ответил Горянский, пожимая ему руку и с удовольствием вглядываясь в его крепкое обветренное лицо.

— «Как же мы поднимемся?.. — вспомнила осторожная Елена. — Ведь сейчас — день, тебя знают в лицо. — И потом появление аппарата возбудит всеобщее внимание...»

— «Ерунда!.. — махнул рукой Горянский, — пойдем напролом!»

— «К чертовой матери шпикив!.. — Они надоели мне хуже горькой редьки...»

— «Улетим, Джонни, не правда ли? — Ведь французы нас не задержат?»

— «Оль-райт! — мистер Горянский. — Как вам будет угодно, а только не может этого быть, чтобы французы задержали англичанина!..»

— «Вот только, если мистрис говорит, что вас могут узнать, то разрешите предложить вам это...» — он протянул Горянскому каску авиатора с громадными наушниками и наглазниками.

Это была превосходная мысль — каска делала Горянского совершенно неузнаваемым.

— «Молодец, Джонни! — Беги за автомобилем, Мукс! — Только обязательно закрытый и поприличнее...» — Горянский радовался, как ребенок, предстоящему отъезду.

— «Позови консьержку, Елена! Квартиру твою мы на всякий случай оставим за собой, она еще может пригодиться...»

— «Мы уезжаем, — заявил Горянский появившейся консьержке. — Квартиру считайте за нами... Вот вам плата вперед за полгода. За вещами вы присмотрите».

Консьержка удалилась, оглашая воздух изъявлениями преданности и восторга.

Вместо нее появился Мукс, сияющий, и объявил, что автомобиль у дверей.

Елена собирала последние свертки.

— «Где машина, Джонни?» — осведомился Горянский.

— «В воздухе, мистер, над Марсовым полем... На две тысячи метров...»

— «Там, наверху!» — дополнил Мукс, тыкая в потолок черным пальцем.

— «Как? — удивился Горянский, — так вы — не одни?»

— «Нет, — ответил Джонни, — с машиной Апфель... Я спустился у северных предместий, а его послал в воздух... Нас предупреждал Чемберт о предупреждении мистрис и мы приехали к вам на метрополитене, но вы не беспокойтесь: мы можем сообщить Апфелю в любую минуту, на аппарате есть радио-телефон, а у меня в кармане — приемник».

— «Прекрасно, — сказал Горянский, — тем лучше, — мы проучим всех парижских шпииков. — Ты готова, Елена?»

Мукс, Джонни и Елена стали переносить в автомобиль необходимые вещи; Горянский просил Елену брать с собой как можно меньше.

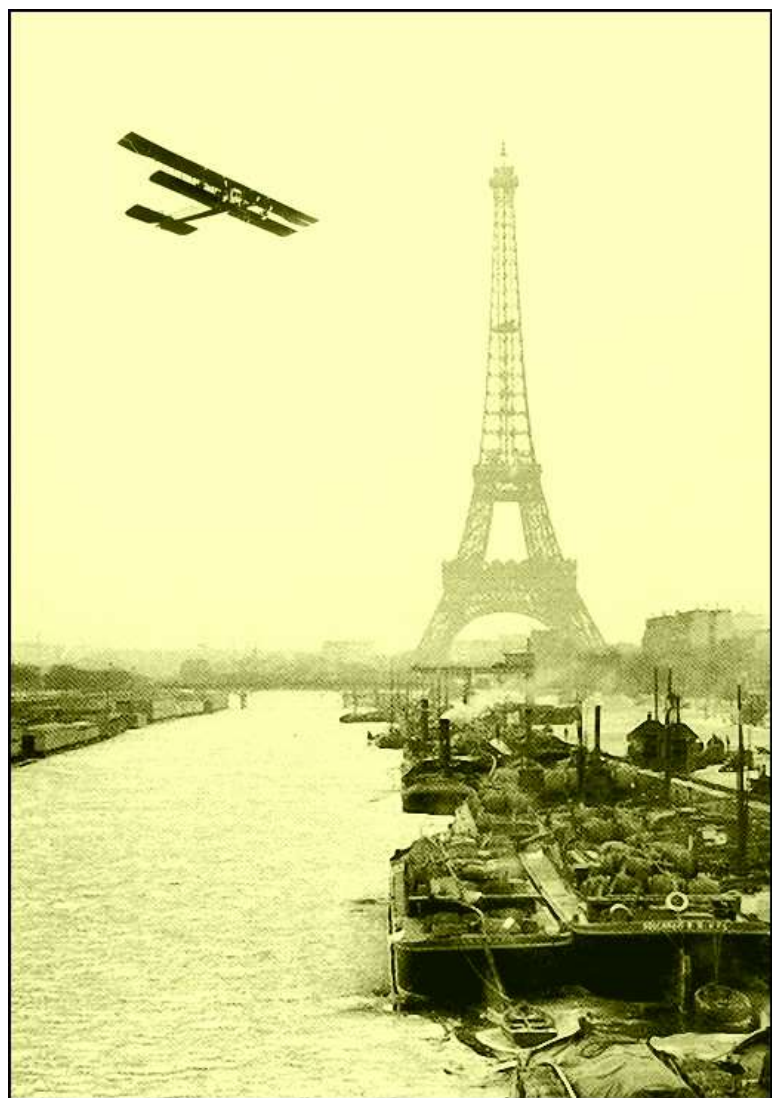
Потом Елена закрыла дверь и передала ключ консьержке.

Через пять минут все четверо мчались в закрытом автомобиле по направлению к Марсову полю.

Не доверяя слабому приемнику Джонни, Горянский сам привел в действие свой прибор. Минута — и он уже разговаривал с Апфелем:

— «Алло! — Л/з! — Апфель!» — говорил Горянский.

— «Слава богу! — слышался радостный голос летчика, — «а я уже целый час кружу над Парижем, —

Джонни и Мукс — с вами?»

— «Все здесь, успокойтесь Апфель... — Аппарат маскирован на французский лад?»

— «Да, господин Горянский!»

— «В исправном состоянии? — Баки защищены? — Прекрасно!.. Ну, вы — смелый человек, Апфель! — Я надеюсь на вас!..

— Спускайтесь на 300 метров и кружите над Марсовым. — Через пять минут мы будем там».

Марсово поле было уже близко. Вырисовывался четко огромный, изящный и кружевной абрис Эйфелевой башни.

Над полем кружилось, как и всегда, несколько учебных военных аппаратов. Горянский сразу узнал Л/3 — изящная птица парила над полем широкими плавными кругами; ее маскировка французскими военными отличиями предохраняла ее. Ее, очевидно, принимали за испытываемый новый военный аппарат и мало обращали на нее внимания. Пока все шло прекрасно.

— «Спускайтесь!» — телефонировал Горянский Апфелю.

— «Есть, мистер!» — отвечал Апфель.

Изящная птица резко наклонилась и плавно планировала к подножью Эйфелевой башни, куда медленно подъезжал автомобиль.

Но тут экспансивность Мукса внезапно спутала все планы Горянского: увидев спускавшийся Л/3, не в силах, по-видимому, сдержать душивший его восторг, Мукс мячиком выпрыгнул из автомобиля и бросился навстречу, размахивая белым носовым платком и крича что-то нечленораздельное.

Елена высунулась из окошка и стала звать Мукса обратно.

Шофер остановил автомобиль.

Какой-то человек в военной форме подошел близко к автомобилю и внимательно посмотрел на Елену.

— «Ба! — мадемуазель! Да ведь мы, кажется, с вами знакомы?!»

— «А как вы думаете, сгорел или не сгорел ваш дружок?»

— «Сыщик! — сразу узнала Елена масляную физиономию. — Боже мой, что теперь будет?!» — она в испуге задернула занавеску и, откинувшись на сидение, задыхаясь, шепнула об этом Горянскому.

Сыщик между тем вскочил на подножку и, откинув дверцу, заглянул внутрь автомобиля.

— «Что же вы от меня спрятались, милочка? — Э, да вас тут трое!»

— А сгоревший-то, оказывается, жив! — кивнул он на Горянского, который, как назло, был в этот момент без каски.

— А так вот оно что! — Нас, оказывается, надули!»

— «Парень! — обратился сыщик к шоферу, — я агент полицейской префектуры. Это — государственные преступники, ты мне за них отвечаешь».

— «Милостивый государь! — обратился он к Горянскому, направляя на него револьвер, — я вас арестую. — И вас, барышня, тоже.

— «Следуйте за...»

Продолжать ему не пришлось: мощный боксерский удар Джонни опрокинул его с подножки; Апфель, между тем, был уже почти над землей.

— «Вперед!» — скомандовал Джонни шоферу.

Тот не двигался...

Джонни выскочил из автомобиля, выхватил револьвер из рук ошеломленного падением и ударом сыщика и направил его на шофера, уловив его едва за-

метное движение удрать. Терять времени было нечего. Горянский, приподняв на руках Елену, посадил ее в аппарат; выпрыгнувший Апель вместе с огорченным Муксом перекладывали вещи.

— «Пора, Джонни!» — сказал Горянский, когда вещи были уложены и все, кроме Джонни, были уже в аппарате.

И действительно, было пора: сыщик, очевидно, уже оправившийся от увесистого кулака Джонни, поднялся и бежал по направлению к военным ангарам. Горянский указал на него Джонни, — Джонни поднял револьвер.

— «Оставьте, не надо, Джонни!» — в один голос воскликнули и Елена и Горянский.

— «Воля ваша, мистер! А только напрасно вы... — Да и этого молодчика, — он указал на шофера, — не мешало бы связать! — Наделают они нам еще хлопот!.. — пробормотал Джонни сквозь зубы.

— «Отправляйтесь, отправляйтесь, Джонни!» — топил его Горянский.

Джонни влез в машину и, взяв одной рукой рычаг, а из другой не выпуская револьвера, обратился к шоферу:

— «Мы сейчас поднимемся. У нас с собой бомбы. — Если вы двинетесь с места, мы вас взорвем! — Пока мы не улетим, — не двигаться — слышите?» — он положил револьвер в карман и неторопливо пустил двигатель машины. — И — вовремя.

На противоположной стороне поля уже суетились люди; сквозь шум двигателя прорывалось хлопанье ружейных выстрелов, расходились белые дымки по ним стреляли.

Джонни пустил двигатель полным ходом.

Мгновение разбега, когда земля с безумной скоростью уносится назад.

И вдруг поле, автомобиль, ангары стали проваливаться вниз.

Машина плыла в воздухе; могучие контуры Эйфелевой башни появились почти рядом; аппарат огибал башню слева.

Близко проносилась изящная железная плетень башни, легкая и кружевная, хотя сделанная из тяжело-го массивного металла.

Видна была кучка людей, смотревших на аппарат, один из них, очевидно лакей ресторана, приветственно махнул передником.

Елена в первый раз летела на аэроплане; голова ее сладко кружилась; Елене казалось, что она немного пьяна; нежно, радостно прижималась она к Горянскому.

Вдруг белое облачко показалось у переплетов Эйфеля; сквозь ровный шум двигателя и шуршанье ветра что-то звякнуло, как будто лопнула туго натянутая струна.

Выстрел с башни пробил крыло аппарата.

— «Год дэм!» — выругался Джонни.

— «Осторожнее, Джонни, дальше от башни!» — крикнул Горянский.

Крутой вираж положил аппарат на правое крыло — Джонни уходил от коварства Эйфеля...

Елена зажмурила глаза — ей показалось, что они сейчас упадут...

Джонни выровнял аппарат, и они пошли на подъем.

Внизу еще стреляли.

Через несколько минут, однако, уже почти ничего не было видно; ангары представлялись маленькими,

как игрушечными, и даже Эйфелева башня казалась невысокой темной иглой. На север раскидывалась красочная панорама Парижа, похожая на план или карту; еще несколько минут — и все внизу слилось в сплошное...

Ровный прохладный ветер обвевал лицо, ни одного звука не доносилось; только однотонный шум двигателя нарушал безмолвие. Джонни взял курс на северо-восток.

Горянский закутался поплотнее в меховое пальто, прижался ближе к Елене и, чувствуя внезапную усталость, опустил голову, и на высоте две тысячи метров, на коленях у Елены заснул крепко и сладко, как ребенок.

Через три часа они спланировали на остров.

ГЛАВА 5 «Победитель»

«Вот, Елена, — главное дело всей моей жизни!» — сказал Горянский, когда перед ними широко распахнулись двери эллинга и яркий солнечный луч заулыбался на широких железных боках «Победителя».

Горянский поправился и загорел за неделю, истекшую с момента их прибытия на остров. Глаза его утратили лихорадочный блеск и смотрели спокойнее и строже. Голос звучал вдумчиво и глубоко.

Сегодня он хотел объяснить Елене сущность работы, составлявшей смысл его жизни.

Чемберт стоял невдалеке и незаметно, но внимательно вглядывался в Горянского и Елену.

Он изучал ее все время, с момента ее появления на острове, и его враждебность начала рассеиваться. Но оттенок какой-то неопределенной зависти, чего-то похожего на ревность остался в его сознании и теперь. Он внимательно, настороженно ловил каждое выражение ее лица, следя, как менялось оно под влиянием страстной речи Горянского, показывающего свое детище.

— «Елена, — говорил Горянский, взволнованно расхаживая по эллингу, — представь себе дикаря, стоящего на берегу первобытного океана; — представь себе этот низкий нависший горизонт, это тяжелое мутное небо, эту серую белесую муть, заволакивающую туманом все на расстоянии двадцати-тридцати верст...

...Эти страшные непроницаемые свинцовые воды. И вообрази, что должен был чувствовать первобытный человек...

— Он казался себе былинкой в сравнении с мощностью океана.

— «Никогда, — думал он, — не сумею я преодолеть эти неизмеримые пространства воды!.. Никогда не узнаю я, что там на противоположном берегу, и есть ли этот другой берег, или там, за страшными скалами Сциллы и Харибды — конец мира!..» — так, вероятно, думал первобытный человек.

— А сейчас гений Фультона и объединенный труд людей расшвырял по всем морям и океанам паровые суда, и легко во всех направлениях пересекают водные пространства созданные человеком железные громады.

И перед громадным воздушным океаном в изумлении и испуге стоял дикарь, завидуя птицам, и не только дикарь, а лет сто тому назад и цивилизованный житель Европы 1819-го столетия, говорил: — «Это сумасшествие!.. это невозможно!.. это противоестественно!.. — Никогда человек не сможет летать, как птица!..»

— Совсем недавно, каких-нибудь двадцать пять-тридцать лет тому назад, управляемый полет человека считался совершенно невозможным, и вот сейчас дирижабли и аэропланы пересекают атмосферу земли повсюду, почти не считаясь с расстоянием и погодой.

— И мы сами с тобой, Елена, прилетели из Парижа, пройдя по воздуху больше двух тысячи верст...

— Неужели ты думаешь, что на этом остановится полет человеческой мысли?

— Взгляни на небо!.. Сейчас день, и одно только солнце нашей планетной системы — ничтожнейшее из мириадом солнц, наполняющих вселенную — виднеется на небосводе.

— Ночью видны триллионы триллионов и секстильоны секстильонов иных миров, разбрызганных в пространстве...

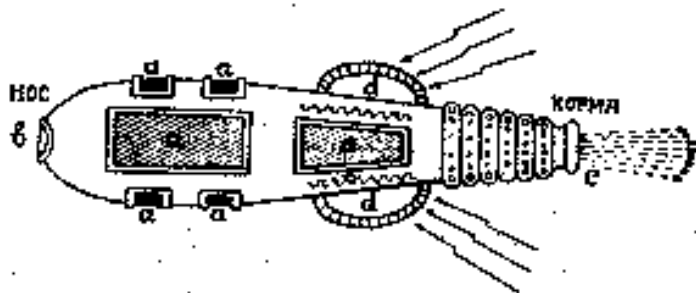
— Неужели ты думаешь, что человеческая мысль прекратит свое упругое стремление, неужели ты думаешь, что мы не сумеем проникнуть на эти отдаленные островки жизни, затерянные в пространстве?!.. — Подумай, Елена!.. Как за эпохой ходьбы, езды и плавания последовала эпоха летания...

— Как за телегой, пароходом и паровозом последовали Монгофлиер, дирижабль и аэроплан, так естественно, логически и неизбежно на очереди за эпохой летания в атмосфере земли должна последовать эра заатмосферного космического летания.

— Я понимаю, что тебе страшно ночью погружать свой взгляд в неизмеримое, страшно даже представить себе эти безграничные холодные пространства, в сравнении с которыми человек меньше, чем былинка перед океаном. — Но тем не менее человеческая мысль побеждает и тут: — **«Sic itur ad astra!»**

— Вот надпись, которую я велел высечь на железном борту «Победителя». — «Таков путь к звездам!..»

— Вот один из древнейших заветов человечества, и «Победитель», надеюсь, с честью выполнит этот завет и первый укажет путь к звездам...

Ракетный корабль «Победитель»

— Когда люди чего-нибудь сильно хотели и не могли сами этого добиться, они наделяли желаемыми свойствами свои абстрактные построения — бога или дьявола. Мы знаем, что христианские и эллинские божества в христианской и античной мифологии обладали способностью передвижения в космическом пространстве...

— Мы знаем, что у Гете Мефистофель, схватив ошеломленного Фауста за шиворот, тащит его за собой под звездным паркетом.

— Время басен и сказок прошло...

— Мы не нуждаемся в помощи чертей и богов! — Вот машина, реальная, как ты и твой поцелуй, которая будет переносить людей к звездам.

— И принцип, положенный в ее основу, — чрезвычайно прост:

— Ты видела когда-нибудь по улицам расшалившихся мальчишек, которые, пугая прохожих, взрывают у них под ногами маленькие ракетки — «шутихи»?

И эти мальчишки, беззаботно хохоча и наслаждаясь испугом прохожих, вероятно, никогда не думают, что в своем радостном хулиганстве они лицом к лицу соприкасаются с разрешением величайшей проблемы о победе над межзвездным пространством.

— Точно так же, как об этом, вероятно, никогда не думал какой-нибудь крепостной фейверкер или пиротехник, высеченный розгами предварительно и запускающий в небеса римскую звезду или бенгальский огонь на потеху помещику...

— Точно так же не думал какой-нибудь шалый школьник, запускающий с последней парты бумажную стрелу с чернильной кляксой на лысину учителя, что он вплотную подходит к вопросу о полете аэроплана...

— От великого до смешного — только шаг! Это опо-

стылевшая пошлая истина; и одно и то же расстояние отделяет бумажную стрелу, несущую чернильную кляксу на лысину педагога, от современного гигантского аэроплана, и маленькую шутиху от межпланетного корабля.

— Взгляни на нашего «Победителя»! — Это не что иное, как громадная ракета, и в то же время это — истинный экипаж вселенной, междупланетный корабль.

— Тебя удивляет, что я говорю о ракете? Тебе кажется, что ракета должна обязательно оттолкнуться от чего-то, и что в безвоздушном пространстве, где она не будет иметь, от чего отталкиваться, где у нее не будет точки опоры, — она не полетит?..

— Это неверно! — Ракета по существу является реактивным двигателем, она вовсе не нуждается в обязательной точке опоры, наоборот, она сама создает ее себе; она так же полетит в безвоздушном пространстве и в абсолютной Торичеллевой пустоте и даже лучше, так как там не будет сопротивления; она летит, если так можно выразиться, отталкиваясь от взрыва, то есть, вернее, она движется по принципу отдачи, используя энергию, развиваемую во время взрыва, и если силу газов, истекающих из нее во время взрыва, мы обозначим, предположим, «2», то сама ракета получит поступательное движение, в силу отдачи, со скоростью «2», независимо от того, находится она в плотной среде или разряженной.

— Мысль о применении ракеты принадлежит не мне: ее разработали еще до меня: — Кибальчич, Циолковский, Эснопельтри; но я нашел то, чего им найти не удалось: я создал двигатель «Победителя», — тот самый реактивный двигатель, без которого межпланетная ракета мертва, — вот он!» — Он вынул из кармана и поднял высоко на вытянутой руке ту небольшую ко-

робку, которой он уже однажды так напугал Елену, предложив ей взорвать Париж.

Она невольно отодвинулась от этой маленькой страшной коробки.

— «Не бойся, Елена! — улыбнулся Горянский, — да, здесь сосредоточена необычайная сила, но тебе она не причинит вреда.

— Это — радий, это — тот таинственный металл, который с таким трудом добывали до сих пор люди!

— Я научился разлагать его на составные части и при распадении частиц я получил нужную мне стихийную силу взрыва.

— Нужна громадная скорость — свыше десяти верст в секунду, чтобы преодолеть земное тяготение и кинуть планету к звездам и потом вести ее в желаемом направлении в пространстве!

— Эта скорость у меня есть.

— Ее мне дал радий. Мало того, — он мне дал еще одно: — мы с тобой сказочно богатые люди, Елена! — Я нашел философский камень древних алхимиков, — мы можем делать золото!

— Я выполнил свое обещание Чемберту, данное по телефону, помнишь? — И в кладовой Чемберта уже имеются слитки золота, полученные радиоактивным путем.

— Текучие неустойчивые элементы дают возможность менять выражение лица природы, сущность которой едина.

— Получить золото не труднее, чем получить свинец, чугун, латунь, олово...

— Одним и тем же способом можно превратить свинец в олово или в золото.

— Сущность материи — едина и капризные изменения ее форм всецело в руках того, кто владеет элемен-

тами распада радия: с помощью радия я могу металл или даже минерал превратить в золото.

— Если бы мы захотели, — мы легко бы вызвали крах всей буржуазной финансовой системы, обесценив на рынке золото, — навезя его сотнями пудов...

— Так радий помог нам привести в движение ракету и разрешил наши финансовые затруднения...

— И ты сейчас — не только жена капитана космического корабля, но и миллиардерша, Елена!..

— Но вернемся к «Победителю» — понимаешь ты теперь, Елена, каким образом полетит наша ракета?»

— «Как будто, я, в общем, уяснила себе принцип ракеты, но мне кажется, что она сгорит или разобьется на тысячу кусков, если прыгнет от земли с такой страшной скоростью: — десяти верст в секунду, как ты говоришь...

— По-моему, она должна загореться от трения о воздух; — ведь болиды и метеоры, попадающие к нам — эти падающие звездочки — сгорают в атмосфере...»

— «Правильно, Елена, — согласился Горянский, — и если бы ракета с такой скоростью ударилась бы в подушку земной атмосферы, то она, вероятно, еще прежде чем сгореть рассыпалась бы в пыль, — но она будет развивать скорость не сразу, а постепенно....

— В этой-то возможности широко варьировать скорость и заключается решение вопроса о том, можно или нет доставить человеческие существа живыми с одной планеты на другую.

— Ведь если бы мы, как герои Жюль Верна, захотели воспользоваться не ракетой, а пушкой, то, прежде всего, живые существа, заключенные в ядре, погибли бы от одной резкой перемены скорости, — просто погибли бы от перехода из неподвижности к скорости в несколько верст в секунду, которой обладает ядро при

вылете из дула; они были бы расплющены о дно своего ядра.

— Вообще до сих пор никто еще из живых людей, кроме знаменитого барона Мюнхаузена, не умел путешествовать на ядре верхом или внутри его!

— Наша же ракета в противоположность ядру развивает вначале очень незначительную, сравнительно, скорость, не свыше тысячи верст в час, то есть лишь в два с половиной раза больше современного аэроплана, — ну, хотя бы нашего $L/3$, на котором мы сюда прилетели.

С такой скоростью она прорезает плотный слой нашей земной атмосферы, который, как тебе известно, невелик и простирается над землей всего лишь на четыреста-четыре-ста пятьдесят верст...

— Полчаса будет более чем достаточно для ракеты, чтобы очутиться за пределами земной атмосферы в пустоте...»

— «Но ведь пассажиры ракеты все равно погибнут, невзирая на отсутствие сопротивления, если ракета разовьет свои десять верст в секунду, так как разница в скорости все равно будет огромная!» — возразила Елена.

— «Да, — и поэтому она все время, даже и в безвоздушном пространстве, все будет увеличивать скорость постепенно и равномерно, — ответил Горянский. — А с помощью медленного постепенного перехода можно приучить живые существа даже к очень большим скоростям».

— «Хорошо, — сказала заинтересованная Елена, — но если даже пассажиры ракеты перенесут такую ужасную скорость, благодаря постепенному нарастанию, то как же вы спасете их, когда ракета с такой безумной быстротой упадет на поверхность планеты,

куда будет направлена? — Не сможет же она лететь в пространстве без конца, ведь придется же ей когда-нибудь причалить!»

— «Скажи, Елена, — ответил ей Горянский вопросом на вопрос, — когда поезд подходит к станции, он замедляет ход, не правда ли? — Почему нашей ракете не сделать то же самое?»

— «Да, но ведь у поезда есть тормоза, а каким образом ты затормозишь ракету в пустоте?»

— «Елена, — обратился к ней Горянский, — можно тебе задать маленькую задачу, вроде тех, которые ты, вероятно, решала давно, в гимназии.

— Ты не удивляйся, если она покажется тебе страшно простой: если у тебя будет десять рублей, а я у тебя отниму рубль, сколько останется?»

— «Девять...» — удивилась Елена.

— «Ну, а если еще рубль у тебя возьму?»

— «Ну, восемь!..»

— «... И так буду отнимать постепенно, пока у тебя останется вместо десяти рублей, ну, десять копеек, — может это случиться?»

— «Конечно, может...» — удивилась Елена, все еще не понимая.

— «Я думаю! — засмеялся Горянский, — у меня были приятели, которые спускали и более крупные капиталы...

— Теперь — другая задача: «течет речка, через речку — мостик, а на мосту — овечка, а у овечки — хвостик», как поется в песенке...

— И течет она, — не овечка, а речка, конечно, — со скоростью, ну, предположим... пяти верст в час.

— А по речке по течению плывет пароход со скоростью десяти верст в час.

— Какова скорость парохода относительно берега?»

— «Ну, пятнадцать верст, — сказала Елена, — к его скорости скорость течения прибавится!»

— «А, если он вздумает повернуться против течения, тогда что?»

— «Тогда он будет плыть со скоростью только пяти верст...»

— «А если подымется ветер, течение усилится и станет, предположим, шесть верст?»

— «Тогда пароход будет проходить только четыре версты...»

— «А если — семь?»

— «Тогда — три...»

— «Ну, а если — все десять?»

— «Тогда станет неподвижно».

— Теперь вернемся к нашей ракете: она летит со скоростью десяти верст в секунду; давай-ка отнимать у нее скорость так, как у тебя деньги в первой задаче или же течение — скорость у парохода — во второй».

— «Да, но каким же образом?» — спросила Елена.

— «Да очень просто! — Вспомни принцип реактивного двигателя!»

— Ракета летит прямолинейно, и равномерно увеличивая скорость рядом последовательных взрывов. Давай также постепенно и равномерно отнимать у нее скорость рядом последовательных контр-взрывов, то есть реактивных процессов, направленных в сторону, противоположную движению ракеты».

— «Понимаю! — Понимаю! — воскликнула Елена. — Это будет, как во втором примере, когда пароход идет против течения, которое все усиливается, и пароход, наконец, останавливается...»

— «Совершенно верно! — обрадовался Горянский, которому было приятно, что Елена его поняла. — Мы совершенно прекращаем реактивные процессы, с од-

ной стороны, и ракета продолжает лететь лишь в силу инерции, а с другой стороны — мы вызываем те же процессы в обратном движении ракеты направления.

— И сначала медленно постепенно замедляем скорость, а потом сводим ее совершенно на нет, и ракета причаливает к поверхности предполагаемой планеты и, даже еще тише и спокойнее, чем аэроплан, — садится на землю.

— Конечно, — повторяю, что замедление скорости, так же, как и нарастание ее в начале полета, должно производиться медленно, равномерно и крайне осторожно, чтобы не отразиться на жизни пассажиров».

— «А как же возвратится ракета на землю?»

— «Ну, это уж совсем просто! — улыбнулся Горянский. — Да тем же самым способом, помощью тех же реактивных процессов...

— Я полагаю, что путешественники будут запасливы и возьмут с собой достаточный запас радия для путешествия туда и обратно.

— Итак, ты видишь, Елена, что наш «Победитель» в полном смысле — корабль вселенной и корабль управляемый: он может двигаться в любом направлении и его легко повернуть, направляя по желанию струю истекающих при взрывах газов, — таким образом, перемещая точку отдачи.

— Электрическая печь предохранит каюты «Победителя» от невыносимого холода межпланетных пространств; прочность стали, из которой сделана ракета, гарантирует «Победителю», что он не разломается от последовательных реактивных взрывов и не раздуется, как рыба, вытасченная на берег, от давления воздуха изнутри, когда очутится в безвоздушном пространстве.

— Целый ряд усовершенствованных мною приборов, которые употребляются на подводных лодках,

установленных внутри «Победителя», будет изготавливать искусственный воздух и, поглощая вредные газы и отделения, будет поддерживать внутри чистоту атмосферы.

— Мы возьмем, конечно, с собой обильные запасы провианта, в виде всевозможных консервов.

— Радио-телеграф и радио-телефон, ты видишь, Елена, для этой цели мы выстроили эти восемь башен и эту центральную главную, которая в два с половиной раза больше парижского Эйфеля, — будут соединять космическую ракету, летящую в пространстве, с нашим островом, точно так же, как тот же беспроводный телеграф соединяет какой-нибудь затерянный в океане пароход со всеми городами Европы и Америки и дает пассажирам возможность получать каждое утро свежие новости; скажу больше: даже если произойдет какое-либо несчастье и у пассажиров иссякнет запас радия, вернее — радио-активной смеси, без которой невозможна работа реактивного двигателя и немислим полет ракеты, то с острова можно послать им запасы энергии через пространство космической пустоты с помощью наших башен радио, так как мною открыт способ передачи энергии на расстоянии.

— Только это будет, конечно, страшно невыгодно и дорого, так как больше половины передаваемой энергии рассеется в пространстве.

— Таким образом, всюду, даже в отдаленнейших уголках вселенной, ракета — маленькая планетка, сделанная человеческой рукой, будет, как ребенок пуповиной с матерью, связана с нашим островом и родной землей!

— Остаются лишь некоторые детали аппарата: приспособление для посадки — нечто вроде шасси аэроплана, только смотри, Елена, какое солидное!

— Сложная система буферов снаружи, из мягких эластичных пружинящих стенок — внутри, для смягчения возможных толчков; ассортимент всевозможного оружия, причем сверх обыкновенных карабинов, винтовок и так далее, — более десятка электрических ружей, соединенных с реактивным двигателем, которые могут в любой момент дать разряд, молнию почти во всю мощность двигателя; если же ее окажется мало, то, повторяю, можно послать по радио запас энергии в любом количестве, так что каждое такое ружье есть, собственно, пушка в потенциале.

— Специальные костюмы, наподобие водолазных, из непроницаемой материи, с запасом воздуха, при наличии вооружения, о котором я уже сказал, также имеются на борту «Победителя» чтобы предохранить путешественников от бактерий и неизвестных химических и иных опасностей, когда придется вступить на почву неисследованного людьми неведомого мира.

— Еще одно приспособление: особые изогнутые ванны, заполненные водой до половины человеческого роста, в которые войдут путешественники для смягчения первоначального толчка при отправлении с земли.

— Сверх того будет еще специальный резервуар для питьевой воды и, кроме того, конечно, запас всяких лекарств и медицинских снадобий.

— Вот почти все детали машины, которой суждено будет осуществить древнейшую и грандиознейшую мечту человечества — мечту о полетах на звезды...

— Я не знаю, конечно, что мы встретим там, — но об этом мы не будем говорить, — живой или мертвый, вероятнее всего — живой, через несколько дней я сам буду там и увижу все это собственными глазами!

— Жаль, Елена, что я не могу показать тебе сейчас внутренность «Победителя», — мы устанавливаем там

главную трубу реактивного двигателя и сейчас туда нельзя пройти. Через два дня они закончат и тогда я все покажу тебе; там внутри очень уютно: славная светлая каютка и, кроме того, несколько отделений.

— Ты прости меня, детка, я утомил тебя, вероятно, этим длинным описанием машины?!»

С новым чувством уважения и страха смотрела Елена на металлические контуры «Победителя» и думала, что на днях он унесет в холод, безмолвие и пустоту ее Володю...

— Конечно, все выверено, предусмотрено, рассчитано, — они работают над этим уже десять лет. Спокойствие Чем-берта и уверенность Горянского передавались отчасти и ей, а все же страшно: а вдруг — ошибка, а вдруг — неудача?!..

Может быть, когда-нибудь люди и будут лететь безопасно на планеты, как сейчас они летают по воздуху, но только первые авиаторы ведь разбились насмерть!

— А это ведь первый прыжок с земли в космические пространства.

— Страшно!

— А вдруг — гибель?

— Что ж? — Тогда погибнуть вместе с ним!

— Нет, нельзя, нельзя отпускать одного Володю!

Она опустила глаза и сказала робко, не глядя на Горянского:

— «Володик, возьми меня с собой! — Можно?»

— «Это — мужское дело, детка!» — улыбнулся Горянский.

— «Володик, я не буду мешать! — Я тоже что-нибудь буду делать... Я спрячусь в углу, я — маленькая...»

— Володя, мне страшно, я боюсь отпустить тебя одного!..»

Горянский собирался рассердиться, но, взглянув в ее глаза, которые теперь широко открытые смотрели на него, полные просьбы и ласки, — смягчился:

— «Милая, как она меня любит!» — подумал он и сказал:

— «Ну, что ж? Если не боишься, — молодец!

— Хорошо, — едем вместе!»

— «С тобой я ничего не боюсь!..» — подошла к нему близко Елена.

Чемберт ушел; в эллинге были только они двое; Горянский крепко поцеловал Елену.

— «Мистер Горянский! — Мистрис Елена! — донесся к ним заливающийся голосок Мукса, и почти тотчас же появилась его ослепительная черная физиономия. — Идите обедать, суп остынет! — Мистер Чемберт послал за вами!»

Горянский и Елена отправились обедать, предводительствуемые Муксом.

ГЛАВА 6

Накануне

Горянский стоял у открытого окна; вечерняя свежесть вливалась в комнату и целовала в губы...

Елена заснула у себя.

Горянский один любовался необозримым ночным небом; как громадный кусок темно синего хрусталя, усеянного золотыми блестками звезд, загромождало оно высь — далекое и недостижимое...

Млечный путь, тонкий, прозрачный и серебристый неуловимо мерцал в бездонной высоте, тая зародыши новой космической жизни...

Небо, беременное солнцами, раскидывалось перед Горянским, как зовущая темноволосая женщина и, казалось, говорило ему:

— «Иди!..»

— «Я приду, — думал Горянский, — я возьму тебя, моя космическая любовница!»

Луны не было видно — она боялась показаться на глаза смельчака, полетом мысли и творчества дерзавшего оскорблять ее целомудрие.

— «Завтра я буду там! — шептал Горянский, — завтра... завтра...» — Он опустил взгляд вниз.

Башни радио легко возвышались во мраке; в домиках рабочих не было огней — все очевидно, уже спали...

Массивные формы «Победителя», освещенные электричеством, вздымались недалеко от окна вправо.

Все было готово. И со вчерашнего дня стоял выведенный из эллинга «Победитель», принявший на свой борт реактивный двигатель, запас радиоактивной смеси и все необходимые запасы и приборы.

Из окна он был очень похож на грандиознейшего кита или же на маленький дирижабль.

Электрический свет дробился на гранях его обшивки и легко можно было прочесть даже ночью высеченную на носу золотую надпись: «*Sic itur ad astra!*»

Снаряженная и начиненная радием ракета была готова каждую минуту ринуться к звездам.

Тупой с носа и удлиненный к корме, где чуть виднелся выход реактивной трубы и руль реактивного прибора, идеально осуществлявший в своей конструкции форму падающей капли, — «Победитель» прижался к земле и глядел в небо своими темными зеркальными окнами-глазами, сделанными из двух кусков цельного хрусталя, презрительно и грозно, как на врага, приземистый и мощный, весь собравшийся, точно накоплявший силу для страшного прыжка.

Горянский снова поднял взгляд в темную синеву; он представил себе необозримое пространство жуткой пустоты, отделявшее планеты друг от друга.

— «А если... ошибка? — Если сумасшедший междупланетный прыжок не удастся? — Если, смерть?»

Мгновенное сомнение укусило мозг.

— «Может быть... может быть, простое счастье с Еленой здесь, на земле, стоит дороже всех междупланетных полетов?!»

— «Выбирай!..» — казалось, говорила ночь.

— «Выбирай!..» — кричало протестующее упругое молодое тело, которому органически невозможна, противна была перспектива риска и смерти.

«Победитель», казалось, еще больше прижался к земле и ждал настороженно и любопытно ответа своего строителя и капитана.

Луна, осмелев, выкатилась из-за облаков и улыбалась тоже, насмешливо и вопросительно...

Горянский решил: нет! Он полетит, во что бы то ни стало, он прыгнет на эту улыбающуюся луну, как тигр из радио-металла!

Любовь прекрасна, но ему мало одной любви здесь, на земле, и он сумеет разбрызгать и унести ее дальше за солнца, в космические просторы... риск, боязнь смерти, протест мяса — не остановят его.

— Может быть, он не имеет права рисковать жизнью Елены, но своей жизнью он вправе распорядиться.

— А Елена... Он не хотел брать ее с собой, ему приятнее была бы мысль, что она — в безопасности здесь, на земле, но она сама упорно, настойчиво, хочет быть с ним.

— Что же? Пусть будет так!...

— Завтра, завтра в победе или смерти воплотится ослепительная мечта, — завтра будет подведен итог его десятилетней работе!

С легким скрипом отворилась дверь кабинета; вошел Чемберт и, подойдя к окну, положил руку на плечо задумавшемуся Горянскому.

— «Что же, завтра летим?»

— «Да», — ответил, оборачиваясь, Горянский.

Они, неожиданно для самих себя, крепко пожали друг другу руки.

— «Что-то будет с нами там, Горянский? — сказал Чемберт, садясь на окно и указывая рукой на небо. — Хотел бы я уже быть там!..

— Проверили ли вы все... ты все?.. — спросил он, сам не замечая, что переходит на ты. — Уверен ли ты в действии своих приборов?»

— «Безусловно!» — убежденно ответил Горянский. — С самого возвращения сюда я упорно контролирую все мои вычисления; ни одной ошибки! — Все правильно.

— Только одно сильно беспокоит меня...»

— «Что?» — Острые огоньки испуга блеснули в глазах Чемберта.

— «Башни радио... — вздохнул Горянский, — особенно главная, с помощью которой будет работать междупланетный беспроводный телеграф и в случае надобности можно будет бросить энергию...

— Мы сделали большую ошибку, Чемберт! Мы не приготовили себе настоящего помощника и заместителя; когда мы с вами будем в пространстве, кто же заменит нас здесь?»

— Тамповский? — Джонни?

— Хороший преданный парень, но ведь он же совершенно не интеллигентен!

— Тамповский будет хорош, пока работает радио; ну, а если что-нибудь испортится?

— Он ведь только телеграфист, а не инженер... — При малейшей порче он может просто растеряться...

— Наконец, как знать, что в наше отсутствие может случиться на острове?

— Мы сделали большую, большую ошибку, и виноват в этом я!..

— Предвидеть все и упустить из виду такую простую и в конце концов несложную вещь: да ведь за эти восемь лет можно было превратить того же Тамповского или Джонни в хорошего инженера!

— А теперь не откладывать же из-за этого наш опыт еще на несколько лет, когда все уже готово?

— Впрочем, глупости!

— Я разнервничался, как баба, и напрасно расстраиваю себя и вас, Чемберт: машины работают прекрасно — я сам вчера их осматривал;

— мы вернемся через два-три дня. Почему же им останавливаться без нас?

— Наш добрый Чигринос за эти два дня тоже, вероятно, не произведет вооруженного низвержения существующего строя!

— Не правда ли, Чемберт? — Пустяки, — все будет хорошо! — Завтра летим, Чемберт!»

— «Я останусь, — сказал Чемберт чуть слышно. Лицо его как-то сразу осунулось; блесевшие ранее глаза погасли, он нервно крутил пальцами пуговицы своего безукоризненного костюма. — Это моя вина, а не ваша, Горянский, вы были заняты, вы работали над самым изобретением, над машиной, вы создавали...

— Я имел достаточно времени, чтобы обучить Джонни...

— А Тамповский... не человек!.. Его оставить одного совершенно невозможно.

— Это — моя вина, и я останусь, Горянский».

— «Нет, нет!.. — запротестовал тот, тронутый и уничтоженный таким самопожертвованием. Он понимал, чего стоит Чемберту этот героический отказ от участия в полете, который был его мечтой в течение всех десяти лет борьбы и работы.

— Нет, нет, уж если нужно, то пусть лучше останусь я!.. Я этим искуплю хоть отчасти свою непростительную идиотскую оплошность.

— Вы отдали мне все свое состояние, вы были моим братом и другом, вы меня идейно поддерживали все время; без вас я, может быть, и даже почти наверное, не довел бы дело до конца.

— Этого бы не доставало, что бы, так сказать, у старта, в итоге работы, вы оставались за флагом!..

— Для меня достаточно будет сознания, что идея осуществлена, что машина полетела,

— Нет, если уже нужно расстаться, то честь первого полета принадлежит вам, Чемберт!»

— «Нет! — Нет, я не согласен!.. — восклицал Чемберт.

— Вы! — творец идеи, творец машины!.. Если бы не было бы вас, не было бы и ее.

— Я — только орудие, только подспорье, только средство. Вы же — цель и отец достижения цели.

— Честь первой героической, беспримерной в истории попытки, безусловно, ваша, и я бы сам себе не пожал руки, если бы вздумал ее оспаривать у вас, опираясь на свои деньги. — Я был бы тогда недостоин названия порядочного человека...

— Нет, вы полетите, а останусь на острове я...»

Так препирались они в немного смешной со стороны борьбе великодушия, передавая друг другу права рисковать жизнью...

Наконец, после продолжительного, искреннего спора Горянский уступил.

— Так, может быть, даже лучше!.. — говорил Чемберт, когда они потом оба, взволнованные и немного уставшие, сидели у окна, казавшегося началом темно-синего туннеля, ведущего в небо... — Мы будем сообщаться по радио, и я смогу записывать малейшие подробности вашего беспримерного путешествия...

— Я буду всегда держать наготове неистощимый запас энергии, чтобы, по первому вашему сигналу, послать ее вам.

— Потом я сумею распродать золото, которого у нас так много сейчас, благодаря вашему открытию; ведь вы уже более чем втрое вернули мне мое состояние! — На вырученные деньги, если вы задержитесь, — я не сомневаюсь, что вы встретите там что-нибудь сверхчеловечески-ценное и интересное, чего нет на земле, — можно будет закупить машин, поставить новое, еще более мощное радио, и я сумею даже построить и вы-

слать к вам вторую ракету, если понадобится. — Ее можно будет сделать автоматом, управлять ею буду сначала я, потом вы, оттуда, где будете находиться, по радио...

— Да, Горянский, мы сейчас — зачинатели новой эры в истории мира и нам ли с вами спорить о первенстве?!

Летите, Горянский, — и да будет с вами победа!

— Но знайте, если с вами что-либо случится, если только замолкнет пульсация радио, доносящая ко мне ваш голос из неизмеримых пространств, — то в тот же день, когда после повторных вызовов вы не ответите, я покончу с собой. — Наша судьба да будет едина!»

И на движение протеста Горянского повторил настойчиво:

— «Я считаю долгом чести, даже расставшись с вами, оставаясь здесь, на земле, в то время как вы будете там, подвергаться равной с вами опасности...

— Но отдохните, Горянский. — Вам надо набраться сил на завтра. — Спите спокойно и крепко, милый! — нотки отцовской глубокой нежности слышались в голосе Чемберта.

— Спокойной ночи, до завтра!» — он конвульсивно пожал руку Горянского и исчез за дверью.

Горянский закрыл окно: синева ночи уже больше не звала его... — сразу почувствовал непобедимую свинцовую усталость...

Он опустился на диванчик у окна и заснул моментально и крепко, под луной полной, бледной и грустной, и слышал, как подошла к нему и накрыла одеялом проснувшаяся после ухода Чемберта Елена.

И знала Елена, что полетят они завтра и глядела на луну, к которой они должны были устремиться, и ду-

мала, что, может быть, последняя эта ночь у нее, Елены, в жизни...

А завтра, быть может, разбрызганная на тысячи кусков, устремится она вместе с Горянским в смерть!..

И жутко было Елене и радостно стоять перед неизвестным, и было это, как в детстве, когда еще девочкой стояла она на балконе шестиэтажного дома, вглядываясь вниз, в темное и пустое, и думала: прыгнуть или нет?

...Хотела разбудить Володю, но пожалела усталого, так вкусно и хорошо спал он, хотя очень хотелось ей услышать голос милого и говорить с ним...

И не страшной казалась луна и не злой: ласково улыбались лунные губы и, казалось, обещали и просили что-то...

Поняла Елена — любит луна Володю, как женщина, и порадовалась Елена, что не пустила милого одного...

— Хорошо с милым и в жизни и в смерти вместе! И на луну смотрела победно, как на соперницу неопасную, и даже жалела ее...

Так до утра просидела Елена у изголовья Горянского.

ГЛАВА 7 В ракете

Последние приготовления были сделаны. Чемберт вместе с Еленой взшел на верхнюю площадку ракеты, люк был откинут, и в нешироком отверстии виднелась уютная, блестящая новой обивкой, внутренность каюты.

Все население острова собралось возле «Победителя»; не было только Мукса: с утра он куда-то пропал, — вероятно, убежал в селение туземцев.

Пришел Чигринос — сын Луны и Неба — посмотреть, как его младший брат, по его приказанию, как он объяснил соплеменникам, полетит на луну.

Верный Джонни неуклюже подошел прощаться и неловко смахнул нависшую слезу:

— «Мало понимаю в таких вещах, но все же не хотел бы я быть в этой чертовой штуке!..» — ворчал он про себя.

Тамповский долго и взволнованно тряс руки Горянскому и Елене и несвязно, со смешным акцентом, го-

ворил что-то о высоких целях, героизме, человечестве и прогрессе...

Чемберт молчал и только смотрел пристально на Горянского и Елену, к которой он тоже привязался за последнее время, освещенных невысоким утренним солнцем; — странно: ему почему-то все казалось, что он видит их в последний раз. Он усилием воли отогнал эту мысль и подошел к «Победителю» попрощаться.

— «Вы — смелая и благородная женщина! — сказал он покрасневшей от неожиданности Елене, — если б вы не любили его, — он указал на Горянского, — я был бы счастлив назвать вас своей женой. — Я от души завидую вам сейчас, — голос его дрогнул — что вы летите с ним, в то время как я должен остаться...»

— «Чемберт! — горячо воскликнул Горянский, хватая его за руку, — отправляйтесь с нами! — Будь что будет! — Тамповский как-нибудь справится и без вас!»

— «Нет, Горянский, — возразил Чемберт твердо, — мы уже решили... — я остаюсь. — Счастливого пути! — Возвращайтесь скорей!»

— «Елена! — обратился Горянский к жене, — кто знает, что с нами будет через минуту, полет опасен... Но еще не поздно: может быть, ты останешься?»

— «Володя!» — только сказала Елена, и слезы обиды задрожали в ее голосе и глазах...

Горянскому стало стыдно:

— «Прости меня, детка! — сказал он, беря ее за руку, — ну так идем вместе навстречу всему, что нас ожидает!»

Он послал последний прощальный поклон острову и всем окружающим; Елена раскланялась тоже, и они спустились в каюту.

Громкий взрыв приветствий долетел до них; — особенно выделялся рев Чигриноса и бас Джонни:

— «Ура «Победителю!» — Ура, Горянский! — Дорогу к звездам!» — Горянский нажал боковой рычажок — люк аппарата захлопнулся, как бы защемив кусок ответственных криков; мгновенно стало тихо; сквозь окна виднелись жестикулирующие фигуры провожавших, виден был распорядившийся Чемберт, приветственно раскрывались рты, но не слышно было ни звука...

Вот толпа отодвигается, очевидно, по распоряжению Чемберта, отбегает подальше...

— «Пора!» — Горянский помогает Елене войти в одну из двух изогнутых, немного выше человеческого роста, ванночек, наполненных водой; поправляет у Елены под головой прикрепленную к стене подушку и напоминает, как держаться за верхние предохранительные ремни; Елена морщится — она вся промокла выше пояса; ей неприятно ощущение липнущего платья, но она покорно и молча, не возражая, протягивает руки к ремням.

Горянский подходит к двигателю, осматривает его внимательно, дает предохранительный звонок наружу, потом — еще и, забыв встать в предохранительную ванну, нажимает главный рычаг...

Башни радио и постройки острова, видные из левого окна, со страшной скоростью падают вниз...

Непреодолимая сила швыряет Горянского назад... что-то больно ударяет по голове!..

В глазах — ослепительный блеск!..

Горянский теряет сознание...

Когда крышка захлопывается за Горянским и Еленой, Чемберт отодвигает обступивших аппарат провожающих; с помощью Джонни удается оттащить Чириноса, все протягивающего руки для благословения.

Раздается звонок. — Чемберт отходит сам, командует отойти еще дальше от аппарата.

Второй звонок! — испуганные туземцы с Чигриносом сами, не дожидаясь команды, убегают дальше...

Пауза.

Вдруг страшный взрыв потрясает остров! — Стекла вылетают из окон домиков, сети антенны сотрясаются у дальних башен радио... Страшный вихрь опрокидывает на землю всех присутствующих!..

Молния сверкает в небе и внезапно начинает идти дождь.

Когда опрокинутые вихрем поднимаются и, потирая ушибленные места, робко подходят туда, где стоял «Победитель», там ничего нет... Только следы шасси на песке и немного взрытая разрыхленная почва, да длинный, как канавка, след газовых излучений на земле напоминает о том, что он только что был здесь.

Больше сотни человеческих голов, невзирая на дождь, задраны кверху и упорно смотрят в высь.

Ничего — ни малейшего следа машины нет в небесах: гигантская ракета со страшной силой отпрыгнула от земли; и даже не верится, что она минуту назад была тут.

Чуть слышный запах гари щекочет ноздри...

Чемберт в тревоге — ему кажется, что взрыв был слишком силен...

Через несколько минут дождь перестает лить и безоблачное солнце снова сияет над островом...

Только разбитые окна и несколько расшибленных носов свидетельствуют об исчезнувшей ракете...

Елена с трудом раскрыла глаза; она чувствовала страшную тяжесть в голове, боль в ушах и слабость во всем теле...

С удивлением оглянулась: что с ней?

— Она по пояс стоит в воде, чувствует под головой неудобную твердую подушку... затекшие руки подняты кожаными браслетами, пристегнутыми к ремням над головой.

Взгляд Елены упал на распростертое на полу у стены человеческое тело.

— «Володя!... Боже!... — Что с ним?...» — и, сразу придя в себя и вспомнив, что они в ракете, Елена выскочила из ванны, из которой вытекла уже почти вся вода, — чуть не вывихнув себе руки, выдернула их из ремней и кинулась к Горянскому.

Он лежал навзничь у стены. Лоб был окровавлен; очевидно, при падении Горянский ударился о что-то...

Елена прислушалась — он чуть слышно дышал... Сердце ее забило от радости.

Она подошла к маленькому шкафчику, где, по указанию Горянского, должна была быть аптечка, и достала склянку с нашатырным спиртом...

После довольно длительных стараний Горянский был приведен в чувство.

Он оглянулся безумно, очевидно, еще не придя в себя, и с трудом приподнятый Еленой был посажен на диван. Она обмыла ему ранку и перевязала полотенцем лоб.

— «Елена, ты?! Где — мы? — Почему так болит голова?» — прошептал он изумленно.

И вдруг, взглянув случайно на двигатель и, очевидно, вспомнив все происшедшее, сказал громко и энергично:

— «Ну, и надо же быть таким ослом, как я! Мало того, что не встал в ванну, но еще передвинул рычаг на целых полмиллиметра больше, чем следовало! — Нужно удивляться, как это мы остались в живых!

— Кретин я — непроходимой крепости!.. Чемберт

вот никогда бы не сделал такой глупости!..

— Бедняжка! — привлек он Елену к себе, — ты сама, верно, чуть жива и еще заботишься обо мне!..

— Ты вся вымокла в ванне! — Пойди в соседнюю каютку, переоденься...»

— «Сейчас, милый! — отозвалась Елена, — я так испугалась, увидев тебя на полу! — Мне показалось, что ты мертв!..

— Володя! Милый! — Мне так странно, что мы с тобой сидим сейчас здесь вдвоем в этой уютной маленькой кабинке!

— Мне все кажется, что это — сон...

— Неужели мы, действительно, в ракетке?

— Может быть, мы умерли, и это — тот свет?!»

— «Нет, милая, — возразил Горянский, улыбаясь, — на том свете не бывает плюшевых диванов и потом там вряд ли можно набить такую основательную земную, то есть, виноват, ракетную шишку, как у меня!.. — Он притронулся ко лбу.

— Нет, мы на самом деле теперь — в ракете, которая стала маленькой самостоятельной планетой, и, смеясь над земным притяжением, мы с безумной скоростью мчимся к луне, моя маленькая женка! — он взглянул на часы и на показатель скорости...

— Тридцать пять минут прошло с момента нашего отправления... Мы уже выходим из пределов земной атмосферы, мы висим над землей на высоте пятисот верст...

— Смотри, Елена, какой чудный, какой необыкновенный вид!» Он кинулся к нижнему окну, — увлек за собой Елену, распахнул, чтобы лучше видеть, нижнюю боковую ставню нажатием кнопки. Вид, действительно, был величественный: земля, обращенная к ним одним из своих полушарий, медленно вращалась, как

гигантский титанический глобус: ракета, вышедшая из атмосферы силой реактивного двигателя, самостоятельно двигалась в пространстве, не участвуя во вращении земного шара вокруг своей оси; и поэтому они могли наблюдать суточное вращение земли...

— «Володя, — воскликнула Елена в восторге, — какая прелесть! — Я никогда не думала, что путешествовать в ракете будет так интересно!»

Шар земной, немного похожий на сплющенное по концам яйцо, медленно вращал свои тяжелые мохнатые бока... Медленно проплывали океаны и материки... Контуры Африки раскинулись резко и отчетливо, как на карте.

Громадное тело земли поворачивалось, как живое. Елене казалось, что перед ней вырисовывается таинственный механизм вселенной...

— «Однако, пора увеличивать скорость!» — сказал Горянский, отрываясь от окна.

Он взглянул на хронометр, висевший на стенке, и передвинул рычаг еще на полмиллиметра.

Вращающаяся громада земли сразу стала заметно уменьшаться.

— «Сорок пять минут прошло, — сказал Горянский. — Когда пройдет час, то раздастся сигнальный звонок; каждый час нашего пребывания в пространстве будет отмечаться особым сигналом; мы висим сейчас на высоте свыше тысячи верст; и идем со скоростью одной версты в секунду...

— Помнишь, Елена, мои объяснения на острове, в эллинге «Победителя», когда я еще все хотел отнимать по рублю?»

— «Помню!» — откликнулась Елена с окна.

— «Так вот мы теперь, наоборот, будем отнимать, а прибавлять скорость, пока наш «Победитель» не разовьет нужные нам десять верст в секунду; но только мальчик в школе может ошибиться при решении задачи; в крайнем случае, злостный математик ему влепит кол, каковые я каюсь, получал сам нередко в гимназии; — а если я переведу слишком сильно вот этот рычаг и перейду, например, сразу от одной версты к пяти или же к восьми, то мы с тобой срочно отправимся в лучший мир... Ты помнишь, что произошло несколько минут назад с нами, когда я погорячился и увеличил скорость лишь в полтора раза: еще немного... и мы бы погибли!..

— Да, ошибаться нельзя: нас экзаменует строжайший экзаменатор — смерть!

— Скорость можно лишь очень медленно увеличивать и очень медленно замедлять потом, отнимая понемногу, как в моем примере...

— Итак, моя женка, мы с тобой сейчас — пассажиры, и команда, и капитаны космического междупланетного корабля, граждане маленького самостоятельного небесного тела. У нас тоже есть атмосфера, но только она внутри, а не снаружи, как у земли; и мы не вращаемся вокруг своей оси, что было бы весьма неудобно, — только потому, что этому препятствует специальное устройство нашего реактивного прибора.

Мы не блещем отраженным светом, как луна, но если мы зажжем электричество, то можем сыграть роль маленького солнца, только не греющего...

— И самое главное: мы мчимся, со все увеличивающейся скоростью от земли к луне, и если нас не зацепит по дороге какой-нибудь шальной метеорит или блудящая комета, то мы, несомненно, прибудем к цели, а наша цель — луна.

— Я выбрал ее, как ближайший островок жизни в окружающем пространстве, — как ближайшую к земле космическую станцию.

— Космические расстояния огромны и измеряются миллионами, — сотнями миллионов верст и более... Но расстояние луны от земли, это — сравнительно скромное для астрономических цифр расстояние; если вообразить землю, которая еще поворачивается, все уменьшаясь, вот в этом окне в виде жирной замоскворецкой купчихи и обвязать веревкой, как поясом ее толстое пузо, то длина такой веревки, такого корсажа, обнимающего талию мадам земли, — земной экватор, — будет тридцать шесть тысяч верст; десять таких кушаков, связанных вместе, свободно уложатся между луной и землей, во время перигелия, то есть в момент наибольшего их приближения друг к другу.

Триста шестьдесят тысяч верст — вот то расстояние, которое отделяет землю от луны и которое теперь

пробегают наш «Победитель» — расстояние для астронома небольшое; при нашей скорости это — пустяки. Десять верст в секунду, это — тридцать шесть тысяч верст — в час; ты видишь, — мы могли бы в один час совершить кругосветное путешествие вокруг всего земного шара вдоль экватора.

— Если бы ракета могла развить полный ход сразу, то ровно через десять часов мы были бы на луне; но это невозможно по уже известным тебе причинам.

— На ускорение и замедление уйдет тоже еще около десяти часов; час мы уже провели в ракете; — через девятнадцать часов мы должны причалить к кроткой Силене...

— Ну, а пока, Елена, я хочу есть! А так как от земли мы уже отлетели, а до лунных ресторанов еще далеко, то я надеюсь, что моя женка исполнит роль межпланетной хозяйки и покормит меня чем-нибудь на высоте... — он взглянул на хронометр, — двух тысяч верст над самыми высокими земными горами...»

— «Сейчас, милый!» — встрепенулась Елена.

— «Остолоп я безмозглый, — вдруг хлопнул себя Горянский по голове, так что повязка чуть не слетела.

— Эгоисты мы с тобою, женка, — совершенно позабыли про Чемберта, а он ведь там с ума сходит; надо его успокоить и вообще вступить ним в постоянное общение!»

Горянский вытащил из-под дивана переносный телефонный прибор и соединил его через специальный стенной провод висящей снаружи за бортом «Победителя» антенны.

Почти моментально раздался сигнальный звонок: перепуганный, взволнованный молчанием «Победителя» Чемберт уже закидывал пространство мощными радиоволнами...

— «Видишь, Елена, бедняга Чемберт себе за это время вымотал все нервы и руки отбил на аппарате!» — укоризненно сказал Горянский, берясь за слуховую трубку...

— «Алло! «Победитель»! Отвечайте! «Победитель»! Отвечайте!» — прохрипела трубка в ту же минуту взволнованным нервным голосом Чемберта.

— «Остров! Отвечаю! Горянский! — Успокойтесь, дружище Чемберт, все обстоит благополучно! Двигатель действует превосходно; мы с Еленой здоровы и летим к луне во все лопатки...»

— «Слава богу!» — взволнованно отозвалась трубка.

— «Я набил себе шишку на лбу, и поделом! — продолжал Горянский, — я по-дурацки переставил рычаг почти на целый миллиметр и в полтора раза увеличил скорость.

— Вас на острове, вероятно, тоже здорово потрянуло?

— Что? — Вихрь и молния? — Все стекла перебиты?!

— На землю опрокинуло?! — Пошел дождь?

— Да, я так и думал!

— Благодарите меня! Это все по моей милости... — Что брат мой, Чигринос, не возносит мне благодарственные моления?

— Что? Вы говорите — на луну по его распоряжению? Что же, это меня радует!.. Пусть передаст через вас все свои поручения на луну, — выполню с удовольствием!

— И шлет луне сто поклонов? И это передам с удовольствием!

— Вы говорите — пропал Мукс? — Не может быть! Ну, ничего, найдется! — Просто запропастился где-нибудь... проказливый чертенок!..

— Что? Обвиняют нас в похищении Мукса? Ты слышишь, Елена? — оторвался Горянский от трубки. — В жертву луне, по распоряжению Чигриноса?..»

Горянский залился неудержимым хохотом вместе с Еленой.

В трубке бился одновременный смех Чемберта.

— «Передайте им, Чемберт, что мы половину его уже зажарили и съели, а другую половину везем на луну в сыром виде... — Нет, кроме шуток, Чемберт, я не понимаю, в чем дело: в ракете никого нет, кроме нас с Еленой; при том крышка тяжела и должна всегда быть закрыта; мне кажется, он никак не мог залезть туда...

— Впрочем, мы обыщем все наши владения — они невелики, — и сообщим вам!..

— Дружище Чемберт, вы не обижайтесь, но я жрать хочу, как миллиард бегемотов, да и вы ведь, вероятно, с утра тоже ничего не ели!..

— Давайте-ка закусим, вы — на земле, а я на небе, то есть, виноват, в ракете; за нас не беспокойтесь — ракета наша тверда в пространстве, как паперть Исаакиевского собора!..

— Что? Вы хотите говорить с Еленой, — с наслаждением передаю ей трубку... — Только умоляю вас, дорогой друг, не отнимайте ее у меня надолго — желудок мой урчит, как голодный тигр, а она только что обещалась меня покормить». — Горянский передал трубку Елене.

— «Вы — героиня!.. — доносилось из трубки. — Я должен от души извиниться перед вами за то, что вначале испытывал к вам тайное недоброжелательство — я эгоистично боялся, что вы отнимете Горянского у меня и у его великого дела...

— Я вижу теперь, как ошибался: вы не только — жена, вы его соратница... Я преклоняюсь перед вами и завидую вам, несущейся с ним в ракете; вы — подруга гениального человека и вы достойны его. Простите же мое недоверие!..»

— «Вы слишком хвалите меня, Чемберт, — сказала Елена, — вы преувеличиваете мои заслуги...

— Я — не героиня; я просто — маленькая женщина, которая любит, и делаю, что могу... — Не могла же я оставить Володю, когда он решился на этот безумный полет? Я думала, что это невозможно, что это — почти смерть!

— Вижу теперь, что ошибалась... Но, все же ведь не могла я его оставить одного?.. Умирать — так умирать вместе!

— А на вас я не сержусь, Чемберт, я знаю, что вы — хороший и любите Володю, и вам — большое спасибо за заботы о нем и обо мне.

— А теперь вы больше заботьтесь о себе и о своем здоровье: вы и так стали за последнее время такой худой и бледный... Побольше ешьте и обязательно что-нибудь вкусное!..

— Вот я разложу вещи, достану свою поваренную книгу, я ее, кажется, захватила с собой, второпях, и сообщу, вам по телефону рецепт одной необыкновенной яичницы, вроде омлета, а ваш негр вам ее сготовит; хотите, а?

— Не благодарите!.. Не за что...

— Ну, всего хорошего, Чемберт, а то Володя делает мне такую страшную физиономию, и все время указывает мне на свой желудок, и я боюсь, что б он, правда, не умер голодной смертью! Ну, всего хорошего, еще раз!

— Идите-ка и вы завтракать. Часика через два позвоним вам опять».

Елена положила трубку и достала из шкафчика банку с консервами.

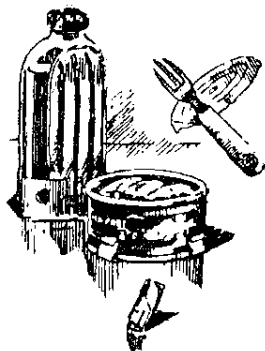
— «Володя! Что это? — спросила она с изумлением, — разве консервы вытекли? Но банка цела!.. — В чем дело? Это — двухфунтовая банка... Почему она такая легкая? В ней, по-моему, не больше четверти фунта весу!»

Горянский улыбнулся: — «Разве ты не чувствуешь ничего особенного, когда ходишь по каюте, Елена?»

— «Да, мне как-то особенно легко и приятно здесь, только вначале было немного жарко...

— А теперь совсем хорошо и легко».

— «Попробуй, приподнимись на носках посильнее, как будто ты делаешь балетное па!» — коварно предложил Горянский.

Елена выполнила это и, к своему удивлению, подпрыгнула и стукнулась головой в потолок.

— «Видишь, и ты стала легче; — Елена, смотри! — Горянский чуть оттолкнулся от стены и мгновенно перенесся в противоположный конец каюты, — и я тоже необычайно уменьшился в весе!»

Елена смотрела на него с колоссальным изумлением...

— «Это изменение в весе есть результат уменьшения силы земного притяжения; а оно тем слабее, чем дальше мы от земли. А мы от нее уже на расстоянии четырех тысяч верст...

— В нашем путешествии будет момент, когда весу совсем не будет. Тогда произойдут любопытные, необычайные явления, которые ты сама увидишь; это будет, между прочим, очень неудобно... Но не бойся: когда мы подлетим к луне, вес снова появится, хотя и в сильно уменьшенной степени.

— Но, ей-богу, будем есть, а то у меня не хватит сил даже произнести себе самому эпитафию!..

— А ты двигайся медленнее и осторожнее и учитывай силу движений, а то обогатишься синяками и шишками, вроде моей, и перебьешь всю посуду!»

Он взял у Елены банку и стал ее открывать консервным ключом, сидя на диване; Елена осторожно прошла в спальное отделение переодеться, — она до сих пор оставалась в мокром платье.

Вдруг оттуда донесся ее взволнованный крик:

— «Володя, иди ко мне! Здесь кто-то есть!»

Горянский оставил банку и, не рассчитав движения, с силой перелетел через всю каюту, за что и поплатился: приобрел новую шишку при столкновении с дверью.

Елена, нагнувшись, стояла рядом с кроватью, из-

под которой, действительно, высывалась черная кудластая голова, могущая принадлежать только Муксу...

Горянский нагнулся и вытащил его за шиворот из-под кровати.

— «Проклятый чертенок!» — пробормотал Горянский, — «так он все таки забрался к нам! Но что же делать с ним на расстоянии шести тысяч верст от земли? Не выбросить же его в безвоздушное пространство?!»

Но нужно было прежде всего привести его в чувство...

Мукс лежал вытянувшись, без движений: очевидно, он был оглушен подъемом в первую минуту так же, как и они с Еленой, но обморок его не прошел до сих пор еще; наружных повреждений на теле не было; Горянский ощупал ему голову, но и там все обстояло благополучно — видно, солидная шевелюра помогла ему, даже если он и стукнулся основательно головой.

Горянский приложил ухо к груди Мукса — сердце слабо билось... Елена пустила в ход нашатырный спирт, который уже помог сегодня привести в чувство Горянского, и поднесла склянку к самому носу мальчугана. Горянский стал растирать тело Мукса; минуты через две Мукс зашевелился.

— «Ты не говори, Джонни, Чигриносу, что я украл у него перья, я хочу еще стащить!..» — пробормотал он, открывая глаза, и, очевидно, не представляя себе, где он находится. — «Мистрис Елена!.. — закричал он вдруг, увидев ее, — значит мы на острове!.. — Разве мистер Горянский не полетит на луну? — «Победитель» не двигается!..» — протянул он разочарованно.

— «Я-то вот полечу на луну, — сказал Горянский, полушутя, полусерьезно, — а тебя выброшу в окошко, обратно на землю, скверный мальчишка!

— Ты знаешь какой переполох ты наделал на острове? Тебя там ищут еще до сих пор; а рассерженный Чигринос велел принести тебя в жертву луне!»

— «Ах, мистер Горянский! — закричал испуганный Мукс, приподымаясь, — не отдавайте меня на съедение луне! Уж лучше выбросьте меня обратно на землю!»

— «Это мы еще посмотрим, что с тобой делать! — пробормотал Горянский, приподымая его с пола, и кладя на кровать. — А пока лежи-ка ты лучше спокойно!..»

— «Ну, что с ним делать? — обратился Горянский к Елене.

— Вот еще новоявленный гражданин новой планеты!..»

— «Теперь ничего не поделаешь, — ответила, смеясь, Елена.

— Пусть летит вместе с нами на луну; был земной, теперь станет лунный хулиганишка», — и она погладила Мукса по волосам.

— «Ну, теперь за еду, Елена, а потом уже сообщим Чемберту о находке. — А то нам так и не удастся сегодня перекусить», — еще раз напомнил Горянский и снова отправился открывать консервы.

Мукс, сразу воспрянувший как только вспомнили о еде, появился в каюте и робко поглядывал на Горянского.

— «Садись, Мукс, и сиди! — подозвала Елена. — И веди себя хорошо. Сейчас будем завтракать».

С большим трудом удалось Елене накрыть маленький столик салфеткой и поставить на него тарелки. При малейшем движении все угрожало слететь.

Как и следовало ожидать, с Муксом произошла катастрофа; ему захотелось поболтать ногами, как он это

делал у себя на острове, сидя на пристани; результаты вышли потрясающие: — стул полетел в одну сторону, Мукс — в другую, а скатерть, которую он увлек за собой, со всем содержимым — в третью...

Однако, все окончилось благополучнее, чем можно было ожидать, потому что предметы, находившиеся над скатертью, не упали на пол, не разбились, как следовало бы предположить, а, повиснув в воздухе, медленно скоплялись у стены, обращенной к земле, где их без труда и выловили Горянский с Еленой.

Внушив Муксу подзатыльником уважение к законам Ньютона внутри ракеты, Горянский с остальными продолжал прерванный завтрак.

— «Восемь с воловиной тысяч верст, — сказал Горянский Елене, взглянув на измеритель. — Скоро притяжение земли совсем прекратится и центр нашей ракеты станет для нас центром тяготения; тогда совсем нельзя будет справиться с тарелками; трудно будет есть и пить, и вообще наступит ряд еще больших неудобств.

— Потому ешьте и пейте скорее!» — И он подал им наглядный пример.

Впрочем, проголодавшиеся Елена и Мукс и не нуждались в особенном уговаривании.

Горянский передвинул рычаг двигателя еще на миллиметр и увеличил ход.

Земля в окне утратила свою выпуклую форму и представлялась громадным мерцающим плоским диском. Она была похожа на сияющий светлый щит; контуры материков нечеткими линиями испещряли его поверхность.

Солнечные лучи, не сдерживаемые никакой атмосферой, проникали сквозь окна внутрь.

Хотя снаружи царствовал страшный холод безвоздушных пространств, внутри ракеты становилось тепло, даже жарко. Ход «Победителя» все усиливался.

Сквозь маленькое окошечко в корме можно было видеть массы газа, выходявшего из реактивной трубы, широко стлавшегося позади «Победителя», как хвост кометы.

— «Мне хочется спать Елена! — Поговори сама с Чем-бертом насчет Мукс а, а я немного вздремну.

— Следи за хронометром и каждые полчаса — не раньше — передвигай рычаг вперед на миллиметр, но смотри — не больше!.. — И он показал ей, как это делать.

— Сумеешь, Елена?»

— «Думаю, что сумею...» — ответила та.

— «Тут еще будут разные фокусы с тяготением, но ты не бойся: это — ерунда!.. Впрочем, если что-нибудь будет нужно, разбуди меня...»

Он вытянулся на диване во весь рост и через минуту заснул...

ГЛАВА 8

Через пространство

Елена сидела возле двигателя и смотрела задумчиво в окно на все уменьшавшийся земной диск...

Уже с час тому назад она переговорила с Чембертом, сообщив о нахождении Мукса в ракете, и Чемберт поздравил Елену с увеличением ракетного народонаселения; он прибавил, что туземцы острова плохо примут это известие, так как это подтвердит их подозрения, что Чигринос отправил Мукса в жертву луне; от этого могли произойти большие неприятности на острове; Чемберт прибавил, что как-нибудь постарается это уладить.

Елена сообщила, что в ракете все благополучно, что она у машины, а Горянский спит.

Чемберт просил его не будить, и разговор закончился. Мукс тоже заснул, прикорнув на соседнем диванчике...

Елена бодрствовала одна в ракете...

Прозвенел негромкий сигнальный звонок хронометра, отмечавший истекший час...

Елена методически передвинула рычаг и снова вернулась к своим мыслям...

Земной диск все таял и таял в окне...

— Что-то ждет их там, на луне, к которой они стремятся?

Внутри ракеты было поразительно тихо; в тишине раздавался лишь мягкий ритмический стук хронометра и сонное дыхание спящих...

На одну секунду Елена с изумительной отчетливостью вообразила себя висящей между двумя мирами в этой маленькой стальной коробке, мчащейся с необозримой скоростью в неведомое; она ощутила на мгно-

венью свою страшную оторванность от городов, от земли, от живых людей... Она вспомнила Париж, явственно увидела Елисейские поля, услышала шум, движение экипажей и говор толпы, подумала, что никогда больше, может быть, этого не увидит и не услышит, представила себе, что она одна, безгранично одна в ужасающем безмолвии пространств, и ей стало страшно; жуть, как в детстве при чтении страшной сказки и рассказа о мертвецах и привидениях, прокрадывалась в мозг, острыми иглами щекотала спину, укалывала тело...

Вот распадаются тонкие хрупкие стены ракеты, и она, Елена, падает в пустоту...

Она видела, как падает ее тело, она судорожно ищет воздух в безвоздушии...

Невообразимый жестокий холод зажимает сердце... Вот маленьким ледяным комочком несется без конца, будет носиться ее тело в пространстве...

И ее перевернуло: — ракета показалась ей гробом, а спящие Горянский и Мукс похожими на трупы...

Да, несомненно, — они обречены, — возврата нет!

Куда и зачем понесло их в пустоту, куда-то на далекую луну?

Ведь это возможно только в детских фантастических романах; кому и зачем это нужно?

Разве плохо простое скромное счастье там, на земле: просто жить, как все, — любить, — иметь детей от него; она представила себе, что у нее — маленький, и лицо ее потеплело...

К чему же эта гордость мыслей, эти взвивы и взлеты, при которых так легко, так неизбежно погибнуть?.. Нужен ли вообще весь наш прогресс, вся цивилизация, вся наша техническая культура, — ведь ракета — лишь

звено в цепи изобретений; — прибавят ли они простой человеческой радости хоть на йоту?

Елена взглянула в лицо спящему Горянскому и вдруг почувствовала, что ее сомнения распадаются, как карточный домик...

Она вдруг, как-то сразу, представила себе, что здесь вот, рядом с нею, в этой маленькой железной клетке, затерянной в пустоте, на плюшевом диванчике лежит и дышит живой гений.

Да, это — не только ее Володик, большой, картавящий, ласковый, немного несуразный, который целует и обнимает и с которым так сладко и хорошо во время последних стыдных ласк; это не только — теплое живое тело, к которому истомно ночью прижаться, это еще — гений!..

Да, гений!..

Возможен ли он?

Перед глазами Елены — вереницы безумных, кидающих вызов за вызовом неодолимой стихии:

Первая искра... огонь... первый топор... первый рычаг... приручение животных... пар... первая паровая машина...

Уадс... Стеффенсон... Фультон... Эдиссон...

Пароходы... паровозы... аэропланы...

Рельсы и провода, опутывающие землю...

Гигантские башни и кружевные мосты...

Электричество, радио и все величие, вся мощь современной техники и культуры: библиотеки, музеи, груды картин и статуй, изящные платья, красивая вкусная еда; свет и тепло в жилищах...

Книги... много книг... а в них такие изящные, такие красивые мысли, такие образы, такие песни о любви, от которых жить и радоваться еще слаще...

Театр; создания творческой прихоти, оживающие на сцене, объединяющие толпы в один порыв, в одно великое наслаждение искусством, идеей, ослепительной и острой, возносящей личности, и двигающей массы...

Стройные изящные системы мыслей, похожие на величественные замки...

Гений! Да, — гений!..

Он наполняет вкусом и вкусом жизненные игры, он вливает смысл и увлечение в мерцание будней...

Гений и объединенный труд миллионов создали все богатства, всю радость мира!

Гений, — да! — С ним не страшно!.. даже здесь, в этой маленькой ракетке, которая, вскинутая с ослепительной дерзостью, мчится к луне...

Жена гения!..

Великая гордость наполнила сознание Елены; — да, — она жена гения, — не просто женщина, не просто жена, любящая и любимая, как тысячи любящих, рождающих детей и умирающих бесследно, — нет, она подруга творящего, она — соратница титана, и в ее преданности, в ее поцелуях, простых и обычных, как у всех, есть частица высокого творчества...

Ее забота и любовь подвинут человечество в более благородные игры...

Сладко не только любить, как все, но и быть соучастницей игры, изумительной, дерзостной и блестящей!..

Страх исчез из сознания Елены: любовь, надежда, вера в победу и достижения, и упругая мальчишеская бодрость, дерзкая, чуть озорная, — всколыхнули мозг и тело...

Елена с вызовом взглянула на уменьшавшийся в окне земной диск:

— «Погоди... погоди, земля! Мы еще заставим, заставим тебя двигаться по нашей прихоти!..»

Пусть погибнем! — радостно и вкусно мгновение гениального взвива...»

Тихо подошла Елена к Горянскому и осторожно, чтобы не разбудить, и нежно поцеловала его высокий изящный лоб:

— «Спи, милый! — Я, маленькая и слабая, помогу, помогу тебе повернуть колесо мира...»

Она вернулась к рычагу и, теперь радостная и взнесенная, смотрела в окно — с бешеной скоростью мчалась ракета — уже только четыре версты ускорения оставались до полного хода, свыше восьмидесяти тысяч верст отделяло ее от земли...

Плавно стучал хронометр, отсчитывая сигнальные звонки и осторожно передвигала рычаг Елена.

Медленно раскручивалась нить времени...

Елене захотелось пить. Она взяла со стола графинчик — к ее изумлению, вода не выливалась из него.

Елена ударила по донышку — блестящий радужный клубок выкатился из графина и, красиво поблескивая всеми цветами радуги, повис посередине ракеты.

Елена, ошеломленная, выпустила графин и стакан, и они неподвижно повисли в воздухе.

Она ощутила внезапный толчок: Мукс, очевидно, повернувшись во сне сильнее, чем следовало, налетел на нее, плавно перелетев через всю каюту.

Спустя секунду, Елена наблюдала замечательное зрелище: — черный непроставшийся негритенок, тарща глаза, висел неподвижно как раз посередине каюты; — от его головы оставалось пол-аршина до потолка и столько же от ног до пола. Графин, стакан и красивый водяной шар висели возле.

Мукс, которому, очевидно, очень хотелось пить, инстинктивно потянулся к воде и стал втягивать ее губами непосредственно из водяного шара, не прибегая к бесполезному графину и стакану.

Это рассмешило Елену и напомнило ей старую сказку, где окорока сами лезут в рот герою.

— «Ешь!» — крикнула она Муксу, опуская в воздух кусок колбасы, лежавший рядом с консервом; колбаса немедленно повисла рядом с водой и графином и через минуту очутилась во рту Мукса.

— «Давайте еще, мистрис!» — воскликнул он, немало не смущаясь необычностью своего положения.

Елена отправляла ему по воздуху кусочки колбасы, смеясь негромко, и Мукс поглощал их в невероятном количестве, вися в воздухе, сверкая глазами, похлопывая себя по животу и болтая ногами.

Однако, Елена немедленно была наказана за свой смех и неосторожное движение отправило ее прямо к Муксу...

Разбуженный всем происходящим Горянский приподнялся на кушетке и в ту же минуту был рядом с остальными; все трое стукнулись лбами.

Горянский и Елена минут пять хохотали, вися в воздухе и глядя друг на друга и на гримасничающего Мукса, которому, по-видимому, все это ужасно нравилось.

— «Я могу летать, как птица!.. — кричал он. — Мы все сейчас птицы!.. Чигринос будет мне завидовать! Смотрите, мистрис!»

Он уцепился за свисающий с потолка ремень и кувыркнулся. Но возмездие уже преследовало Мукса: он закрутился в воздухе колесом...

Это была любопытнейшая вещь: ни один акробат столичных цирков не мог бы сделать этого.

Вначале это очень одушевляло Мукса: он крутился, как черный чертенок, крича, что он превзошел самого Чигриноса, скаля зубы и размахивая руками и ногами; но после десятиминутного вращения у него закружилась голова и воодушевление его стало падать... Спасительный ремень, от которого он откатился, остался на аршин влево и дотянуться до него Мукс никак не мог.

— «Вот Муксу и наказание, — сказал с улыбкой Горянский, берясь за ремень и притягиваясь к полу. — Оставим его тут вращаться вокруг своей оси, в центре тяготения ракеты — пусть покрутится, как гроб Магомета; сопротивления тут почти нет, — обратился он к Елене, — тяготения тоже; центр его там, где находится сейчас Мукс; он может крутиться так несколько недель, а если выкачать из ракеты воздух, так до второго пришествия!.. — Ну что, нравится тебе там, Мукс?»

— «Ой, мистер, довольно!.. Пусть уж так покрутится Чигринос!..»

— «А ты будешь себя хорошо вести? Не будешь шалить?»

— «Ой, не буду, мистер! Ей богу, не буду!.. — закричал испуганный Мукс. — У меня уж все в глазах и в голове кружится!..»

Горянский, держась за ремни потолка, осторожно подплыл по воздуху к невольному акробату без трапеции и, приостановив движения бедного мученика, увлек его с собой на диван. Все трое сидели теперь рядом на диване, зацепившись ногами за специальные ремни, проложенные посреди пола, а Мукс сверх того упирался в потолок тростью Горянского; как будто бы возможность летать в любую минуту уже не привлека-

ла его особенно, после невольной эквилибристики, и он удрученно молчал.

— «Нет, не стоит быть птицей! — высказался он, наконец, — у птиц всегда болит голова!..» — В голове у него все еще трещало.

— «Правильно! — согласился Горянский. — Вот, Елена, последние шутки тяготения, новых сюрпризов оно нам преподнести уже не сможет!.. — Но это будет продолжаться до тех пор, пока мы не вступим в сферу притяжения луны, или какого-нибудь другого тела... Сейчас мы, так сказать, сами себе притяжение; наша ракета — самостоятельная планетка; нет ни верха, ни низа; если можно бы было выйти на поверхность ракеты, то мы одинаково бы держались и на верхней, и на боковой, и на нижней ее части, потому что центр тяжести вот здесь!.. — он указал туда, где только что крутился Мукс. — Все тела стремятся к центру тяготения, по законам тяготения, поэтому ни верха, ни низа практически не существует; если я возьму этот стул кверху ножками... — он высвободил стул, прикрепленный, как и остальная мебель, к полу, и перевернул его в воздухе, — и поставлю на его перевернутое сидение этот графин, то он будет на нем стоять точно так же, как он стоял бы в нормальном положении, если стул будет находиться выше центра тяготения... — Смотри!»

Горянский встал посредине каюты, уцепившись за ремни, и, взяв правой рукой стул с поставленным на него графином, медленно и осторожно описал в воздухе большой круг вокруг предполагаемого центра тяготения. Горянский повторил это несколько раз; графин все время спокойно стоял на сидении стула.

— «Если вылить жидкость сейчас, то она тоже соберется в шар и повиснет здесь, возле графина, — это ты,

кажется, уже видела...

— В стакан ее налить трудно: слишком слаба сила тяжести...

— Таково тяготение, шутки которого нам сейчас очень неудобны, но на основании его же законов движутся миры и летит теперь наша ракета!.. Законы его гласят: Всякое тело в пространстве, где нет никакого притяжения, будет двигаться прямолинейно и равномерно по инерции, если вывести их из неподвижности.

— И если бы притяжения не было совершенно, то достаточно было бы просто оттолкнуть ракету от земли в желаемом направлении, и ракета должна была бы долететь до луны по прямой линии; но в том-то и дело, что притяжение существует, и не одно, а фактически очень сложно переплетающиеся притяжения различных небесных тел...

— Для нашей планетной системы самое сильное притяжение это — притяжение солнца... Конечно, во вселенной эта сила ничтожна, и само солнце со всей нашей планетной системой мчится, как былинка, подчиняясь могущественному притяжению какого-то другого, еще более громадного солнца, которое находится где-то возле созвездий Геркулеса и которое в свою очередь движется вокруг какого-то центра, и так без конца...

— Но, как говорится — «сильнее кошки зверя нет...» — и в нашей планетной системе этот самый сильный зверь — солнце.

— Я мог бы сейчас передвинуть рычаг назад и остановить реактивный двигатель, и мы бы не упали, — мы продолжали бы двигаться по инерции, но мы не попали бы на луну; не прошло бы и получаса, как мы были бы втянуты в сферу притяжения солнца, с которым при этих условиях не мог бы сравниться ни один реак-

тивный двигатель, и через мгновение со страшной скоростью, которая возрастала бы обратно пропорционально квадрату расстояния, падали бы на солнце.

Еще не долетев до его огненной и газовой поверхности, ракета на довольно большом от него расстоянии была бы расплавлена и обращена в жидкость и газ от страшного жара.

— И даже пепла не осталось бы от наших разбрызганных тел, чтобы упасть на солнце.

— Вот потому-то нельзя ни на минуту приостановить двигатель. Мы летим к луне по изогнутой кривой линии, так как, только что вырвавшись из притяжения земли, прежде чем попасть в сферу лунного притяжения, мы должны сделать самостоятельное и сильное движение, чтобы преодолеть притяжение солнца...

— Если же только солнце затянет нас, как насос, — мы погибли!

— Но довольно объяснений и разговоров, давайте обедать!»

Они закусили тут же на диване консервами и колбасой, причем Муксу нравилось выливать горячее какао из специальных жестянок, где оно сохранялось горячим, в воздух; какао собиралось в светло-коричневый клубок и Мукс, поигравши с ним предварительно, втягивал его. Таким образом, он без труда очистил четыре банки. К этому же способу прибег и Горянский, потому что, таким образом, слишком горячее какао сразу остывало.

Елена предпочитала более нормальный способ и, терпеливо дождавшись, пока остынет, пила из жестянки.

— «Теперь ты можешь спать, мы с Муксом будем дежурить», — и Горянский, поцеловав Елену, проводил ее в спальное отделение и показал, как нужно присте-

гиваться к ремням, чтобы при малейшем движении не взлететь а воздух.

Затем Горянский вернулся к двигателю.

Взгляд на хронометр показал, что наступал уже девятый час их полета; около ста тысяч верст отлетели они от земной поверхности и еще двести шестьдесят тысяч верст отделяло ракету от луны...

Звонок, отмечающий время; — Горянский передвинул рычаг на последний миллиметр.

Теперь двигатель работал полным ходом и ракета мчалась со скоростью десяти верст в секунду, или триста шестьдесят верст в час.

Шесть часов полета с такой быстротой и пять часов замедления — и они будут на луне.

Горянский взглянул в заднее окно; диск земли, уменьшавшийся с каждой минутой, был сейчас очень похож на луну.

Зато луна в переднем окне становилась все больше и больше и своим большим желтым телом занимала почти все окно.

Горянский задумался, разглядывая выступавшие на желтом диске резкие очертания контуров поверхности.

— Что то ждет их там, на этой спутнице земли, к которой летят они сейчас, очертя голову?

— Есть ли там живые существа, подобные человеку, и если — да, то как они их примут: враждебно или дружески?..

— Они должны были начать свою культуру раньше, чем мы; может быть, мы покажемся им дикарями, полуживыми, не достигшими того уровня, чтобы стоило с нами считаться, и они поступят с нами, как с дикими животными?

— Или, может, примут любезно представителей земли?

— Тогда мы обогатимся от них сведениями о еще неизвестных нам открытиях и изобретениях; может быть, они сообщат нам сведения, которые опрокинут все наши установившиеся понятия и создадут начало новой эры для человечества, если мы сумеем донести эти сведения до земли.

— Может, там решили все волновавшие нас вопросы? Может, там мы найдем на них ответ?

— Может, там племя силачей и титанов, ведь на луне сила тяготения меньше, чем на земле, и это должно благоприятствовать росту, — победило природу и окончательно одолело стихию?

— Может, там техника настолько превосходит земную, насколько наши европейские инженеры уменьем строить превосходят готтентотов или зулусов?

— Может, живые существа пропорциональны массе планет, и тогда племя мудрых карликов повелевает там помощью изумительных гениальных машин?

— Или, может, там погибли давно остатки давней культуры, умершей в непосильной борьбе с охлаждением планеты и только жалкие остатки одичалых племен ютятся в лунных пещерах?..

— Есть ли там жизнь на поверхности или, может быть, она ушла внутрь, где еще используются вулканические силы, где еще сохранились остатки теплоты?

— Есть ли там воздух, без которого немислима жизнь подобных нам существ? — Или, может, там ничего нет, даже моллюсков и насекомых, даже бактерий? — Может быть, последние остатки жизни погибли на охлажденной планете? Может быть, никакая жизнь там невозможна? Может, вместо атмосферы, серная кислота ровным слоем заливаает поверхность планеты, как утверждает Аррениус? Может, луна — только труп, холодный и безнадежный? Может, ее улыбка — улыбка

мертвеца, страшное *memento mori* скалящего зубы черепа?

— Может, стоит она, как громадный гроб, как висящее в пустоте кладбище, чтобы быть предостережением для смельчаков, которые пожелают вырваться из узких и цепких объятий земли на простор Вселенной?

— Может быть, к другим планетам, более далеким, но более живым — к Марсу, к Юпитеру и к Венере — следовало ему направить ракету?..

Но как бы то ни было, а жутко и интересно, интересно до боли, что скажет эта первая космическая станция, самая близкая к земле — крошечный островок в океане Вселенной!.. Горянский пристально глядел на все ясней очерчивающиеся линии громадной лунной тарелки и думал, что скоро раскроются и будут ясно видны таинственные лунные ландшафты...

Земной диск, между тем, уменьшился больше чем втрое и в сплошное и ровное слились линии его поверхности; ракета мчалась; она прошла уже больше половины пути и была от земли на расстоянии двести тысяч верст.

Два раза уже говорил Горянский с островом по радио и каждый раз приятно и немного странно было слышать голос Чемберта, дружественный и деловитый, явственно доносившийся из неизмеримых пространств.

И странно было Горянскому, и казалось ему, что это какая-то игра, как в детстве, когда он был еще мальчиком, в гимназии, — и казалось, что дурачит его Чемберт и прячется здесь в ракете и сейчас выйдет и засмеется.

И опять вспомнилось Горянскому раннее детство, как просыпается он утром в деревне с зарею рано-рано, при первом утреннем возгласе петуха.

И, кажется, явственно слышит он петушиный крик...

— «Ку-ка-ре-ку!» — раздалось в ракете.

— Что это? — Слуховая галлюцинация?

Крик повторился.

Или проделка Мукса?

Горянский оглянулся: Мукс спал, пристегнувшись ремнями, на диване, где спал перед этим сам Горянский.

— Что же это?

Крик петуха на расстоянии двести тысяч верст от земли, перед лунным диском, в стальной ракете...

— Да, черт возьми! — Непростительная забывчивость! — Не сам ли Горянский велел Джонни поставить в кладовую ракеты корзину с двумя курицами и петухом и после совершенно забыл о них. Удивительно только, как они не умерли? И как они до сих пор молчали?!

Горянский оторвался от набухающего лунного диска и прошел в кладовую; одна курица лежала неподвижно, по всей вероятности, мертвая, но вторая курица и петух были живы; они, очевидно, только сейчас очнулись от столбняка, в который впали во время толчка при отправлении...

Курица сидела, нахохлившись, но петух ходил как ни в чем не бывало, оправляя примятый от толчка гребешок, и время от времени громогласно кукарекая.

— «От них может произойти целое поколение лунных кур и петухов» — подумал, улыбаясь, Горянский и, оставив воскресшего шантеклера с подругой, вернулся к двигателю.

Уж громадным становился лунный диск в окне, уж выпукло начинала выступать его середина.

Двести сорок тысяч верст от земли указывал измеритель. Пора было начинать замедление скорости, нужно было постепенно тормозить ракету.

Горянский приготовил к действию второй реактивный двигатель для контр-взрывов, в передней части ракеты, делавшей ее подобной космическому трамваю с двумя моторами — передним и задним; он был пока еще не нужен — ракета не вступила еще в сферу притяжения луны, но Горянский хотел приготовить все заранее.

Он посмотрел на спавшего Мукса, кинул мимолетный взгляд на маленькую землю в боковом окне и передвинул рычаг назад на миллиметр.

Луна в переднем окне сделалась уже совсем выпуклой; начинал вырисовываться рельеф поверхности...

Вдруг, между луной и окном бесшумно пролетели два маленьких небесных тела, очевидно, метеориты, и на мгновение ее поверхность была заслонена третьим громадным массивным болидом...

Горянский вздрогнул; — вот та опасность, которую нельзя предвидеть: переведи он главный рычаг назад на сотую долю секунды позже, задержи он на йоту замедление хода, — и ракета разлетелась бы перед самой луной вдребезги, на тысячу осколков!.. — И он, и спящая Елена, и Мукс обратились бы в ничто!.. Он вспомнил про мойру — судьбу — неотвратимый фатум древних — и подумал, что до сих пор еще случайность играет неизмеримую роль в жизни человека.

— «Динь-динь-динь...» — зазвенел телефонный звонок.

— «Алло! Горянский!» — звал Чемберт.

— «Здесь, дружище, — отозвался тот, — под самым носом у луны, то есть — нет, перед самыми лунными губами!..»

— Сейчас чуть-чуть на метеор не наскочили: промелькнул, как ошпаренный, перед самыми окнами «Победителя»!.. — Что, — завидуете, что я подвергаюсь опасности, в то время как вы сидите на острове?

— Не завидуйте, дорогой мой, ничего нет хорошего! Признаться, я основательно струсил, когда этот нахальный небесный верзила проскочил у нас под самым носом...

— Что? Остальные?

— Елена спит... И Мукс тоже спит... Видали бы вы, как этот Мукс освоился у нас в ракете!.. Уморительная образина!.. Вы знаете, кажется, я перестаю жалеть, что он к нам залез: с ним весело и потом он развлекает Елену.

— Вы не знаете, как успокоить соплеменников Чигри-носа по поводу полета Мукса на луну?

— Ерунда!..

— Скажите им, что мы вернем его в целости и сохранности!

— Скажите, что они нарекаются отныне все священным племенем луны и что луна отныне благосклонна к ним!..

— Что? Вы опасаетесь за наше золото? Ха-ха-ха...

— Уж не боитесь ли вы ограбления? Кто же будет вас грабить на нашем острове?

— Уж не Чигринос ли?

— Совершенно невозможно!..»

— «Не смейтесь, Горянский! — отвечал озабоченный голос Чемберта. — Меня почему-то все время гложет... Я сам себя не узнаю, начинаю нервничать...

— Я буду гораздо спокойнее, когда отправлю «Марию» с золотом в Европу... Держать его здесь мне неприятно... Да и настроение туземцев, в связи со всей историей, мне совсем не нравится...»

— «Возьмите себя в руки, Чемберт, и успокойтесь...

— Пустяки все это, если даже допустить, что вас ограбят, чего я совершенно не допускаю, то это совсем неважно: в вашем распоряжении радиы и мои формулы, и вы можете наделать снова золота, сколько угодно!

— Мы подлетели к луне, Чемберт!

— Вы не сердитесь: я хочу запечатлеть на фотографической пластинке вид из ракеты на лунные ландшафты, так что пока до свиданья!.. Теперь буду звонить вам с луны».

Горянский положил трубку. Он достал из чемодана усовершенствованный кодак последнего выпуска и установил его перед окном; вид, действительно, стоило сфотографировать: — на огромной выпуклости лунного полушария красиво выделялись горные цепи и кряжи.

Лунные горы, превосходящие по высоте земные, выделялись острыми коническими формами.

Горянский снимал одну фотографию за другой. Никакие земные карты луны не могли, конечно, сравниться с этими снимками. Время шло — ракета приближалась...

Уже было заметно вращение колоссальной выпуклости. Кряжи и цепи на лунном экваторе двигались слева направо...

Горянский взглянул на измеритель: — триста семьдесят тысяч верст от земли; — оставалось только пятьдесят тысяч верст; — пора было тормозить двигатель. Горянский подскочил к нему и передвинув рычаг назад до отказа.

Двигатель остановился. Теперь ракета лишь по инерции стремилась к лунной поверхности... Вращение колоссального лунного шара делалось все заметнее.

— «Елена! Мукс! Вставайте! — бросился Горянский будить их.

— Мы подлетаем к луне!»

Но Мукс, проснувшийся еще раньше его возгласа, уже прилип к окну.

— «Это — земля, мистер Горянский, — кричал он, — мы прилетели обратно! — Только какая она старая, сморщенная, желтая и нехорошая, — как лимон!.. Она состарилась, пока нас не было.

— Какая же это луна? У луны должны быть рот, нос и уши. Она должна скалить зубы — вот так!..

— А это — земля, только мы прилетели к ней с другого края!

— Мистер Горянский, мы опустимся прямо на гору, не правда ли?»

Через минуту Елена прильнула к окну рядом с Муксом.

— Так вот она эта планетная гавань, в которую они должны сейчас причалить! — Она не так уж необычно-

венна, Мукс отчасти прав: — она напоминала Елене не землю, правда, но те земные карты луны, которые ей приходилось видеть; лунные пики, кряжи и горные цепи пересекались по всем направлениям. Вулканический характер поверхности сразу бросался в глаза. Рука времени и космических сил избородила и исцарапала ссохшееся лунное тело.

Только двенадцать верст оставалось до луны. Ракета уже начинала вступать в сферу лунного притяжения. Еле заметное возвращалось тяготение: стакан, выпущенный из рук, уже не висел неподвижно, а медленно плыл к переднему окну.

Пора было приводить в движение передний двигатель; Горянский подвинул на полмиллиметра второй рычаг; широкая струя газа застлала половину окна — начиналось реактивное торможение ракеты.

Задний двигатель не работал уже почти час, и ракета двигалась лишь по инерции, а теперь — просто падала на луну, постепенно замедляя противодействием второго двигателя силу падения.

Восемь... шесть... пять... четыре... тысяча!..

Сила тяжести начинала чувствоваться...

Взяв банку со стола, Елена с удивлением почувствовала ощущение веса, от которого она уже успела отвыкнуть; тарелка, которую она по старой привычке спокойно выпустила из рук, наклонно упала на пол в направлении передней стенки каюты и разбилась.

В ногах и во всем теле ощущался слабый зуд...

Чувствовалась легкая, еле уловимая тошнота, как на аэроплане, при переходе к планированию.

Но передвигаться внутри ракеты сделалось гораздо легче, можно было определенно ступить на пол, не цепляясь за ремни, без опасения взлететь в воздух.

Тысяча... пятьсот верст... четыреста пятьдесят... — ракета падала на луну, но реактивный двигатель действовал.

Все шире и шире врывалась газовая струя спереди — падение явственно замедлялось.

Четыреста... триста... двести пятьдесят... двести... ракета уже не падала, а быстро опускалась к лунным кряжам.

Шар луны красиво вращался перед Еленой, Горянским и Муксом, холодный и темный, без пятен леса, без сверкающих океанов, без блистающих ледников, сухой, мрачный, гористый и пустынный.....

Как встретят там жителей земли?

Может, уже сбегаются толпы лунных обывателей, чтобы посмотреть на опускающуюся, как громадный болид, ракету?!

Семьдесят пять верст. пятьдесят... тридцать...

Очевидно, там нет атмосферы — слишком отчетливо и точно можно разглядеть малейшую подробность: и цвет поверхности, серовато-желтый, и никого: — ни одной двигающейся точки, которую можно было бы принять за живое существо; только громадные коричневые скалы пирамидальной формы вместе с поверхностью проплывают вправо...

Горянский лихорадочно фотографирует ландшафт за ландшафтом...

Двадцать пять... пятнадцать... десять... восемь... пять... три... верста!..

«Победитель» почти приостанавливает спуск и висит над иссеро-желтой равниной, как дирижабль; только равнина как будто подымается к нему.

Все уже и уже становится круг горизонта...

Вот громадная вершина острого черного пика виднеется почти вплотную с окном «Победителя»...

Четко выделяются громадные бурые трещины...

Влево раскидывается огромный лунный кратер, зловещий и жуткий, — в него вглядываются путешественники в надежде увидеть кого-нибудь...

Никого!.. Гигантское черное отверстие уходит во мрак, может быть до самого центра луны... Там — бездна...

Под «Победителем», совсем близко, в нескольких саженях виднеется ровное пространство с ссохшейся зеленовато-серой почвой...

Никого!..

Горянский возбужденно передвигает рычаг на последние полмиллиметра... толчок... еще толчок!..

Упруго содрогаются пол и стенки ракеты...

«Победитель» благополучно опускается у подножия гигантского пика...

Они — на луне...

ГЛАВА 9

Луна

Горянский судорожно бросается к телефону.

— «Алло! Земля! Чемберт! — лихорадочно вызывает он. — «Победитель» причалил!.. Мы уже на луне!»

— «Поздравляю! — доносится серьезный задумчивый голос Чемберта, — теперь я могу сообщить вам одну вещь, которая вас ошеломит. Сколько времени пробыли вы в ракете?»

— «Девятнадцать часов сорок три минуты семнадцать одна сотая секунды», — отвечает Горянский, взглянув на хронометр.

— «А вы знаете, какое число сейчас на острове? Пятнадцатое ноября восемнадцатого года!»

— Я не хотел сообщать вам до сих пор, так как все время получал от вас известия по радио, знал, что все обстоит благополучно и хотел приготовить вам маленький сюрприз к вашему прибытию; — я решил, что сообщу вам об этом не раньше, чем вы будете на луне.

— Земные хронометры сделали за это время более девяносто суточных оборотов...

— Три месяца один день и полчаса прошли с момента отправления ракеты до этого нашего разговора с вами!

— Зеленые ростки пшеницы, едва зеленевшиеся при вас, уже сжаты и дали обильный урожай...

— Признаюсь вам, я с большим трудом удерживался до сих пор, чтобы не сообщить вам об этом...

— Все вы помолодели ровно на три месяца... Я только начинаю неопределенно догадываться, почему это произошло».

— «Не может быть! — воскликнул ошеломленно Горянский. — Так значит Эйнштейн прав! Наш полет — наглядная демонстрация принципа относительности!..»

— «Елена, — обратился он к жене, — ты подумай только: этот ужасный Чемберт злобно скрывал от нас все время, что мы скрали у Хроноса три месяца один день и полчаса!.. Это, впрочем, так и должно было быть: время, по прекрасному выражению нашего Лобачевского, который является одним из предшественников Эйнштейна, — есть лишь движение для измерения других движений; оно всегда относительно; нет абсолютного времени, одинакового для всех; оно зависит от скорости: чем быстрее движение, тем медленнее время; мы бешено мчались через пространство, и три земных месяца растаяли в двадцать часов...

— Но любопытнее всего, что мы на самом деле психологически и физически пережили именно только двадцать часов и разница эта не только на хронометре; — щеки мои гладки, ты видишь? А я брился перед отправлением на острове; на земле, ты можешь себе представить, какая-бы выросла щетина за три месяца?»

— «Да, — изумилась Елена, — мы действительно ели только два раза и я спала только раз!

— Совсем не верится, что могло пройти целых три месяца».

— Да это только на земле, — успокоил ее Горянский, — для нас прошло двадцать часов!..

— Если бы ты была не в ракете, а в фантастическом ядре французского физика Ланжевена, ученика Эйнштейна, и мчалась со скоростью двести пятьдесят тысяч верст в секунду, перед которой наша скорость лишь жалкая пародия, то для тебя прошло бы лишь

два года, в то время как на земле прошло бы двести лет.

— Ты бы вернулась на землю молодой и встретила бы новую эпоху и своих поседелых внуков и их взрослых детей, а какой-нибудь из них смело мог бы признаться тебе в любви, невзирая на твой двухсотлетний возраст... То, что произошло с нами, лишь пустяковый эпизод в сравнении с этим!..

— Но какой злодей этот Чемберт, что до сих пор ухитрился скрывать от нас это!

— Выражается вам искреннее порицание от лица всего ракетного населения, — прокричал он Чемберту, — за низкое укрывательство нашего страшнейшего врага — времени. Французы гордятся тем, что они убивают время, мы выполнили это буквально и уничтожили целых три месяца.

— А вы скрываете от нас нашу победу, разбойник! Даже Мукс возмущен вашим поведением!..»

— «Я сообщу вам еще одну новость, — сказал Чемберт, — которая вас обрадует до глубины души: помните вы поэтическую Парижскую Коммуну, которой вы так восхищались и которая погибла под штыками разъяренных версальцев; она воскресла в России!

— Вчера мы поймали сообщение о том, что двадцать пятого октября либерально-буржуазное правительство Керенского свергнуто. — Ах, да!.. — Вы ведь не знаете, что так называлось коалиционное правительство, образовавшееся в России вслед за Государственной Думой, правившей первое время после свержения Николая...

— И рабочие захватили власть, провозгласив Советы Рабочих и Солдатских Депутатов... — Во главе движения стоит Ленин...

— Провозглашена диктатура пролетариата...

— Парижская Коммуна, кажется, действительно воскресает в России, в грандиозном масштабе... Буржуазия мира испугана... — Что-то действительно небывалое в социологии и истории возникает в вашей России!..»

— «Спасибо, Чемберт! — Я рад, что первое известие о русской коммуне я получаю одновременно с прибытием на луну... Спасибо, дружище!..»

— Это счастливое предзнаменование!

— Да здравствует пролетарская революция!

— Да здравствует русская коммуна!

— Да здравствует победа рабочих!

— Да здравствует победа на земле и в космосе!

— Я так счастлив, я так доволен сейчас, Чемберт!

Исполнились все мои заветные мечты: — я достиг луны;

— я люблю и любим; — в мире воскресла поправная Парижская Коммуна!

— Если мне даже суждено умереть через минуту, все равно — я счастлив!..»

— «Не говорите о смерти, Горянский, — снова донесся задумчивый голос Чемберта, — «вы молоды, вы еще только у начала победы...»

— Исследуйте планету, на которой находитесь и возвращайтесь скорей обратно — лишь тогда ваша задача будет закончена.

— Кстати, — добавил Чемберт шутливо, — одна из жен Чигриноса предсказывала вам удачу...

— По ее мнению, богиня Луна к вам расположена...

— Пророчества этой вещуньи по моему адресу были гораздо хуже...

— А у меня все в порядке, — продолжал Чемберт уже серьезно, — по первому вашему требованию, я го-

тов кинуть к вам на луну грандиозные запасы земной энергии, если понадобится!»

— «Прекрасно, Чемберт! — Итак, я вешаю трубку. — Как ни приятно разговаривать с вами, но меня манит лежащая за окном поверхность луны; мне не терпится ступить на лунную почву... Сейчас мы выйдем из ракеты!»

Горянский снял три больших неуклюжих, похожих на водолазные, предохранительных костюма с крючков, на которых они висели, и перенес их в столовую.

— «Твое счастье, Мукс, — сказал он, приводя в порядок составные части костюмов, — что мы захватили с собой лишнюю предохранительную одежду, а то сидеть бы тебе в ракете до скончания века!..»

— Следовало бы тебя продержатъ здесь, чтобы ты отучился совать свой черный толстый нос в чужие дела!»

— «О, мистер Горянский, — взмолился Мукс, — не оставляйте меня здесь!.. Я тоже хочу на луну!..»

— «В этих костюмах, Елена, — сказал Горянский, — мы попробуем рискнуть выйти из ракеты.

— Здесь, по всей вероятности, нет атмосферы, судя по тому, что все выделяется с такой отчетливостью... — Впрочем, если б она даже и оказалась, то не менее опасными, чем ее отсутствие, могут быть лунные бактерии! Вообще мы не можем даже себе представить тех опасностей, которые нас ожидают...

— Примем на всякий случай возможные предосторожности: мы возьмем с собой запас нашего земного воздуха; он будет у нас за спиной, сжатый в металлических баллонах, как у водолазов; эта непроницаемая ткань изолирует наше тело от неизвестной нам среды, в которую мы войдем; если не будет воздуха, не будет и звука, поэтому возьмем на всякий случай с собой ра-

дио-телефон, чтоб не разыгрывать глухонемых; при встрече с лунными чудовищами, если таковые окажутся, нас предохранят вот эти электрические ружья; я тебе уже говорил о них, Елена... Выбрасываемого ими разряда достаточно, чтобы уничтожить даже ихтиозавра... Итак, мы вооружены и снаряжены, насколько возможно, земными средствами. Остальное предоставим нашей смелости и судьбе... Во всяком случае, мы выйдем и посмотрим поближе луну. Не правда ли!» —

— «Да, да!» — отозвались Елена и Мукс одновременно.

— «Было бы очень глупо улететь обратно, не посмотрев ее!» — воскликнула Елена.

— «И это было бы непростительной трусостью», — добавил Горянский.

— «Итак — в путь! Но мы возьмем с собой также и этих двух спутников, — он приподнял клетку с петухом и курицей. — Впрочем, я думаю, что в первый раз нам довольно будет и одного шантеклера. — заметил, он вынимая петуха из клетки и пересаживая его в непроцеваемый металлический футляр, где тоже был приготовлен небольшой резервуар с сжатым воздухом: — «Вперед, дети земли». — «Allons enfants de la terre!..» — воскликнул Горянский шутливо, застегивая на спине Мукса последние пуговицы предохранительного костюма.

Затем он подошел к Елене, которая, ни слова не говоря, крепко и просто его поцеловала.

Когда все были готовы, он дал каждому в руку по электрическому ружью и показал, как нажимать его кнопку, проверил у каждого крепко ли держится баллон с воздухом и соединенная с ним маленькая антенна радио-телефона.

Затем Горянский захватил футляр с петухом, взял небольшой, но сильный электрический фонарик и отошел к правой стене каюты; выходить через верхнее отверстие было рискованно: если бы на луне не оказалась атмосферы, то весь воздух моментально вылетел бы из ракеты.

Горянский нажал скрытый в стене рычажок; завертелась по винтовому нарезу и через минуту широко распахнулась металлическая дверца, открывая вход в небольшой четырехугольный коридорчик, похожий на миниатюрную переднюю бокового выступа ракеты...

Все вошли туда, причем Горянский захватил еще огромный красный флаг для сигналов.

Коридорчик был так мал, что они с трудом в нем разместились.

Горянский нажал внутренний рычажок — дверь завертелась обратно по винтовому ходу и через минуту бесшумно и плотно захлопнулась; доступ в каюту был прегражден.

Горянский показал жестом, чтобы все повернулись к ней спиной. Еле заметное нажатие боковой кнопки — дверь на луну раскрылась широко. Первым ступил Горянский на почву завоеванной планеты. Он чувствовал себя лунным Колумбом.

Поворот небольшого кольца в борту ракеты — раскрытая дверь захлопнулась. «Победитель», гладкий и неуязвимый, лежал, как большая темная рыба...

Горянский чиркнул спичкой из заранее приготовленной коробки с русской надписью «Ираида Лапшина» (по иронии случая эта коробка с ним попала на луну), но бесполезно — спичка не загорелась... Еще и еще — он истратил более десяти спичек — бесцельно; с таким же успехом он мог бы применить любую щепку.

Несомненно, воздуха не было; предосторожности, принятые ими, были как раз кстати.

Горянский сказал по телефону Елене, чтоб она помогла ему развернуть флаг, и через минуту они с Муксом, забравшись по маленькой лестнице на верхнюю площадку, водрузили громадный красный флаг над ракетой.

— «Мне необычайно хорошо и легко», — телефонировала Елена, — «я, как птица: я чувствую себя наполовину легче...»

— «Это оттого, что сила тяготения здесь намного меньше, чем на земле», — ответил Горянский, — «мы собственно напрасно подымались по лестнице на площадку...» — Он слегка подпрыгнул и через минуту опять стоял у красного флага.

Мукс немедленно последовал его примеру, но, не рассчитав движения, перепрыгнул через ракету...

Елена тоже легко подпрыгнула, несильно оттолкнувшись от поверхности на площадку, и встала рядом с Горянским у флага.

— «Как хорошо на луне! Мы уже почти стали птицами!» — телефонировала она мужу.

— «Посмотрим, что будет дальше!» — отвечал он.

Красный свет на поверхности начинал слабеть...

Атмосферы, создающей розовую поэму зари, порождающей мягкие земные сумерки, не было; резко и грубо, без полутонов, почти без перехода, наступала ночь.

Видно было, как по всему горизонту явственно надвигалась черная полоса мрака, медленно наползая, — как перед ней отступал красноватый свет.

Резко и четко выделялась черта, отделявшая их друг от друга. Полутеней не было.

Через минуту черная черта прошла над «Победителем»... Везде была ночь.

Небо черное, как чернила, испещрилось красноватыми угольками звезд. — Грубо, красно и четко горели они и не серебрились и не мерцали бриллиантово, как над островом, покинутым ракетой...

Над горизонтом всходила земля. Диск ее, красноватый и светящийся, напоминал луну, но был раза в три больше земной луны.

Она, как огромный аляповатый фонарь, сильно освещала, теперь черную, испещренную трещинами, поверхность.

Она всходила все выше и выше, как ночное, лунное солнце, и снова медленно, черной плотной стеной отползал мрак... Горянский решил пойти навстречу земле, приходившей им на помощь: он повернул выключатель и два могучих радиоактивных прожектора «Победителя» брызнули ослепительные, мощные разливы света...

Но свет этот не был белым и серебристым, как на земле,

— красный и немного зловещий, тянулся он гигантскою полосой до самого горизонта, сливаясь со светом земли. «Победитель» сам стал маленьким солнцем.

— «Вот — дорога победы! — воскликнул Горянский, указывая на полосу света с «Победителя», раздвинувшую по обе стороны темь. — Идем!»

— «Да!» — ответила Елена твердо.

Они, спрыгнув с площадки, медленно и осторожно пошли вперед, держась в полосе света с «Победителя».

Горянский зажег электрический фонарик и освещал каждую пядь поверхности: он боялся, чтобы как-нибудь не упасть в одну из расщелин.

Вот путешественники подошли к гигантскому кратеру;

— необозримый, еще более черный, чем черный мрак, он казался страшным; — Горянский остановился... Но потом он все-таки решил исследовать.

Осторожно приблизясь, он осветил фонариком край кратера; край этот не везде был отвесен; слева виднелись три отлогих ращелины, по которым можно было спускаться... Горянский наклонился над кратером; на мгновение ему показалось, что он слышит шум...

— «Елена, ты слышишь?» — телефонировал Горянский.

— «Нет», — отвечали Елена и уцепившийся за нее Мукс, тоже наклонившиеся над краем.

— «Здесь тихо и страшно, мистер Горянский... Там притаился, наверное, лунный дракон! Не будем идти туда!»

Но они все-таки стали спускаться.

Горянский по-прежнему шел впереди, сжимая в правой руке электрическое ружье, а левой освещая кратер фонариком. Спуск неожиданно становился более отлогим.

Минут пять они шли, почти не опускаясь, по сравнительно ровной дороге. Кто-то тронул Горянского за плечо: — «Володя, — услышал он в телефон взволнованный голос Елены, — смотри, Володя!» — она показала рукой вправо — Горянский взглянул: там виднелись одна за другой грандиозные каменные ступени.

Подошли ближе.

Как раз там, где кончался отлогий спуск, массивно вырисовывались эти ступени, влево, где только что шел Горянский с Еленой, и Муксом. Горянский приподнял фонарик выше — виднелся ровный отвесистый край, уходивший в темную пустоту, которую не мог

осветить даже электрический свет... Не обрати Елена внимания на ступени — кто-нибудь из компании провалился бы туда!..

Горянский внимательно изучал эти широкие мощные ступени, уходившие без конца вниз и вверх; очевидно, это была лестница в кратер, восходившая, вероятно, до поверхности; — и думал, что, несомненно, только разумные существа могли обтесать и высечь эти каменные плиты.

Более полутора аршин отделяло одну ступень от другой; какие ноги каких гигантов спускались по этой лестнице? И есть ли они сейчас на луне?

Что это? — Спуск в лунные рудники или шахты? Памятник жизни, давно погибшей, или существующей и сейчас?

Еще осторожнее, еще крепче сжимая ружье, стал Горянский спускаться по ступеням. Елена и Мукс последовали за ним. Минут двадцать они прыгали со ступеньки на ступеньку... При условиях облегченного тяготения это не было трудно.

После каждых десяти ступеней следовала площадка. Вот уже девять таких площадок... Дальше виднелась плоская облицованная стена, плотно прижимавшаяся к краям кратера.

Слева площадки был отвесный, ничем не прикрытый край, уходивший вниз.

Вправо шла дорога, ровно и гладко вымощенная темнозелеными плитами, имевшими форму гигантских ромбов.

Горянский неожиданно поскользнулся на одной из них и с силой упал навзничь; футляр с петухом, висевший у него на плече, сорвался и с грохотом ударился о плиту; крышка футляра сломалась.

Горянский, вскочив, кинулся к футляру, думая, что петух издох, — петух стоял на одной ноге, отодвигая голову от электрического света фонарика, и лениво трепыхал крыльями; — он не был мертв...

Вне себя от любопытства, Горянский лихорадочно вытащил коробку «Ираида Лапшина» и чиркнул спичкой— спичка горела... Здесь был воздух!..

Через минуту слабое «ку-ка-ре-ку!» донеслось сквозь шлем до Горянского: земной петух приветствовал лунное подземелье...

Елена и Мукс подошли тоже и все трое внимательно смотрели на петуха минут десять...

Горянский пристально изучал его...

Вдруг петух неожиданно оживился, и с кукареканьем, слабо долетевшим до уха присутствующих, выскочил из футляра.

Его прыжки и удары крыльев, которые на земле не могли поднять его выше двух аршин, здесь, благодаря ослабевшему тяготению, создавали впечатление полета; если бы не веревочка, привязывающая его за ножку к футляру, то он, может быть, на самом деле бы улетел.

Горянского больше всего поразило то, что вид петуха был гораздо здоровее и бодрее, чем в ракете: петух расхаживал, прыгал и кукарекал, с каждой минутой, очевидно, чувствуя себя все лучше!..

Горянского заинтересовала какая-то особая живость его движений и он, взяв его за ножки, приблизил к себе; глаза петуха необычайно блестели; он вырвался и изо всех сил клевал каску Горянского.

Тот, чрезвычайно заинтересованный, слабо понимал, в чем дело; он сжег более десяти спичек; — все они вспыхивали моментально, горели быстро, — хотя, по внешним признакам, не было ветра, — и необычайно ярко.

Из осторожности Горянский еще полчаса наблюдал за петухом; когда по прошествии этого времени петух все еще по-прежнему бегал, чувствуя себя, по всей видимости, прекрасно, Горянский начал действовать: — он нажимом кнопки надвинул на рот и нос специальный предохранительный клапан, вроде противогаза, и приоткрыл нижнюю часть шлема...

— Прекрасный, свежий, живительный воздух, неизмеримо более приятный, чем тот, которым дышал до сих пор Горянский, ворвался ему в легкие... Горянский вздохнул полной грудью и почувствовал, как сильнее забилося его сердце, как крепче напряглись мускулы, как острее заработал мозг; и понял причину оживления петуха...

Это был озон!..

Через минуту Горянский отвинчивал свой шлем и то же делали остальные.

Минут пять все трое не говорили друг другу ни слова, — только жадно с широко раскрытыми ртами, как лакомство, пожирали воздух...

— «Это так вкусно, что я съем весь воздух, а заодно и луну!.. Это вкуснее пирожного!» — сказал, наконец, Мукс.

— «Да, — согласилась Елена, — ни на одном из курортов я не дышала таким изумительным воздухом!»

— «Ты не могла его встретить на земных курортах, — сказал Горянский, — потому что это — озон, чистейший озон с кислородом.

— Сюда действительно бы следовало отправлять больных для лечения... — Вот теперь мы и устроим лунные курорты, — улыбнулся он Елене, — а Мукс станет посыльным и будет ездить на землю по поручению больных».

— «Нет, — с важностью ответил Мукс, — не хочу на землю, мне здесь нравится... Я уже не боюсь теперь... И потом здесь так вкусно...»

— «Вот видишь, Елена! Уже есть один свежеиспеченный лунный патриот, изменяющий земле!..»

— Да, атмосфера здесь прекрасная!.. Но не могу понять, как попал сюда озон и почему держится здесь этот воздух, не улечиваясь на поверхность?!

— Но давай продолжим наши исследования!

— Вперед, новорожденные силениты!

Они двинулись дальше с отвинченными шлемами, болтавшимися за плечами, захватив с собой петуха; все по-прежнему с удовольствием дышали, как будто ели что-нибудь вкусное; воздух был теплый и влажный и отдаленно напоминал морской воздух земных побережий.

Влажность эта сильно удивляла Горянского, так как нигде не было видно никаких следов воды.

Подвигались дальше, скользя на темно-зеленых плитах...

Всюду, куда хватал только свет электрического фонаря, который нес Горянский, расстилались эти плиты, каждая из которых была более сажени в длину и в ширину...

Горянский не мог определить, что это была за порода; он думал, что это немного похоже на земной малахит... Но где и когда можно найти малахит в таком количестве и такого размера? Ведь каждая из плит была цельной!..

Он поднял лампочку; высоко-высоко возвышался гигантский свод.

Наши туристы незаметно вошли в пещеру колоссальных размеров; темно-зеленые плиты пола без

конца тянулись вдаль, куда не доходил свет электрического фонаря.

Горянский осветил фонарем стену пещеры — стена была также облицована такими темно-зелеными плитами, — очевидно, ими была выложена вся пещера.

Так шел Горянский со своими спутниками все дальше и дальше, пока не остановился, боясь заблудиться.

Протяжение громадной пещеры, казалось, не имело конца...

Никакие земные сооружения не могли сравниться с этой изумительной работой неведомых лунных строителей. Несколько Исаакиевских соборов можно было бы поставить в пещере друг на друга, да еще осталось бы место для *Notre Dame de Paris!*..

Горянский уже собирался вернуться из опасения заблудиться или забраться слишком далеко, решив отложить дальнейшую экскурсию до следующего лунного дня, как вдруг Мукс, игравший с петухом, стал звать Горянского и Елену.

Они подошли.

В левой стене, служившей началом необозримого свода, виднелся ряд ниш почти у самого пола. Они были совершенно пусты, высотой в два человеческих роста, облицованные внутри бело-розовым минералом, напоминавшим мрамор, но более блестящим; они напоминали большие, но изящные раковины. У некоторых часть пола была приподнята и образовала как бы лежанку.

Нигде не было видно воды, но воздух становился все более и более влажным...

Еще шаг — и Горянский замер одновременно в испуге и восхищении: — прямо на него, — казалось, непосредственно из-под вершины свода, — падал грандиоз-

ный водопад, раза в два больше Ниагары... Но в то же время не было слышно ни звука; падала и пенилась вода, отсвечивая при электрическом свете фонаря сотней тысяч радуг; переливалась, играла и вспыхивала бриллиантовая пена, и все совершенно бесшумно...

И, наконец, почему он, Горянский, не смят, не уничтожен, не унесен, как былинка, лавинами льющихся вод?

Все трое стояли, как зачарованные в арабской сказке...

Наконец, Мукс закричал: — «Да, ведь это же стекло! Тут можно сделать миллион зеркал!..

— Смотрите, мистер Горянский!»

Горянский шагнул вперед. Действительно, то, что он видел, было иллюзией, оптическим обманом... Но на самом деле было нечто еще более изумительное: колоссальная, совершенно прозрачная стена, как хрустальный занавес, перегородившая всю пещеру от края до края, сливаясь со сводом...

Водопад, который видел Горянский, действительно падал, но только он падал за этой стеной. Необычайная толщина стены — на взгляд Горянского она была почти двухсаженной — не мешала ее прозрачности, — с изумительной отчетливостью были видны каскады и бриллиантовые всплески пенящихся струй... Масса воды низвергалась почти с двухверстной высоты за стеклянной стеной...

— Какие руки могли выстроить эту стену? — Какие машины? — Какие инженеры?

Водопад, больше Ниагарского, превращенный в изящнейшую игрушку, падал как бы в аквариуме...

Для полного сходства не хватало только рыб; но характерной особенностью и изумительной сказочной пещеры, — и кратера, — и пустынной лунной поверх-

ности являлось полное отсутствие каких-либо живых существ...

Здесь, в великолепной пещере, изящно облицованной темно-зеленым, — с чудным воздухом, с изумительным грандиозным аквариумом, — это было странно до жути: казалось, хозяин, могущественный и мощный, приготовил все гостям, а сам ушел отдыхать; — вернется ли он?

Земная техника, земная архитектура в сравнении с величием и простотой этих изумительных форм из прозрачного и крепкого минерала казалась Горянскому жалкой и маленькой.

У последней ниши, рядом со стеной, виднелась прозрачная рукоять с наконечником из того же темно-зеленого минерала, на котором в форме изящно насеченного барельефа был изображен диск, в котором Горянский по главным линиям без труда узнал наш, земной; рядом с ним — другой, в несколько раз больше, со струящейся коронкой,

— солнце...

Внезапная догадка охватила Горянского; он схватил поддающуюся рукоять и изо всех сил повернул ее влево — ничего...

Вправо — ослепительный свет залил пещеру!..

Это было волшебное, сказочное зрелище, перед которым бледнели арабские сказки: — прозрачная стена казалась сплошным бриллиантом — синие, голубые, розовые огоньки закипали в танцующих водяных каскадах; вода пенилась, как шампанское, и пена белее девственных снегов Альпийского глетчера поражала радужными искорками...

Без конца низвергалась лавина воды в прозрачном, и нельзя было долго смотреть на нее — она гипнотизировала; начинала кружиться голова...

Горянский отвернулся: темно-зеленый зал, освещенный неведомо откуда брызнувшим светом, виден теперь был весь, с рядом колонн, которые раньше не были заметны, у входа...

Свет заинтересовал Горянского; он повернул блестящую рукоять до отказа налево — свет сиял по-прежнему; поставил ее в первоначальное положение посередине — свет погас; вправо — свет опять появился.

Так вот он, таинственный выключатель!.. — Но откуда же берется свет?

Сколько ни смотрел Горянский, он не мог найти какого-нибудь отверстия, ничего похожего на газовый фонарь или электрическую лампочку... В чем же источник света? — Мозг Горянского, мозг инженера и открывателя был сильно заинтересован.

— «Иди сюда, Володя!» — позвала Елена, которая нашла в глубине другой ниши рукоять, похожую на первую.

Горянский взглянул внимательно: на рукояти был такой же розовый барельеф, но только с изображением падающих капель.

— «Вода!» — подумал Горянский. Он не ошибся: поворот вправо — во всех нишах, от прозрачной стены до самого входа, во всех сразу, сколько их было, появилась вода!

Мукс, опустившийся ко дну ниши, с криком отдернул руку:

— «Ай-ай! Да она горячая!»

Горянский и Елена наклонились к бассейну ниши и оба, почти одновременно, приподнялись с различными восклицаниями:

— «Да это, действительно, чертовский кипятилок!» — сказал Горянский.

— «Ай, какая холодная!» — воскликнула Елена.

Действительно, в одном бассейне вода с одного края была горячее лавы, с другого — холоднее льда.

Горячая и холодная вода были вместе, в одном бассейне, ничем не разделенные, и каждая сохраняла свою температуру.

Удивление Горянского возрастало. Он привел рукоять в прежнее положение — вода во всех нишах исчезла.

Он потрогал стенки бассейна: они не были ни горячие, ни холодные, ни влажные, — вода не оставила никаких следов.

Горянский переложил рукоять налево, ожидая, что, как и в первом случае, не получится никаких результатов, но ошибся: мгновенно, с легким серебристым шумом, на высоте почти версты появились тонкие водяные струи, которые стали перекидываться от одной стены к другой...

Через минуту сверкающий потолок из водяных струй заслонил собой свод залы. Потянуло прохладой. Воздух стал более влажным.

Полюбовавшись несколько минут вторым сводом, Горянский поставил рукоять в середину.

Все исчезло: — не было даже капель на стенах... Не было видно никаких отверстий, из которых могла бы появиться вода.

...Лишь влажность и легкая прохлада напоминали о том, что было за минуту.

Горянскому захотелось пить; он опять перевел рычаг налево — к его удивлению, ни холодной, ни горячей воды отдельно не появилось — вся вода была ровной, приятной, почти комнатной температуры.

Горянский начинал уставать от всех этих необъяснимых явлений...

Он понимал, конечно, что это — не чудо, и что все это вызывается определенными техническими причинами, — но, как видно, лунная техника была неизмеримо выше земной, и он должен был сознаться сам себе, что пока понимает во всем этом, как готтентот в паровозах...

Жадно напившись воды, Горянский так и оставил рукоять повернутой направо, кинул еще один взгляд на застекля-ненный водопад и заявил, что пора возвращаться.

Елена и Мукс последовали его примеру и тоже утолили жажду. С большим трудом потащили Мукса, который ни за что не хотел уходить от чудес.

Идти по освещенной теперь пещере можно было гораздо быстрее. Кукареканье путуха, восклицания Мукса и разговоры Горянского с Еленой были единственными звуками, нарушавшими безмолвие, но разговоры и восклицания раздавались редко, — все устали; даже неугомонный петух кукарекал реже и Мукс тоже завял...

Вот уже виднеются колонны — сейчас должен быть выход на площадку.

Но что это?

Широчайшее изумление открывает глаза Горянскому: где же выход?

Выхода нет!.. До самого свода расстилается темно-зеленая стена...

Раз двадцать обходил Горянский с Еленой и Муксом стену в надежде найти какую-нибудь рукоятку — что-нибудь понять, уяснить себе, каким образом могла появиться стена, почти в две версты вышиной и около версты длиною, на месте, где час тому назад был вход... но ничего понять невозможно...

В изнеможении опускается Горянский на зеленые плиты...

— «Как странно, Елена, — говорит он, — неужели мы перелетели расстояние между землей и лунной, преодолели всевозможные опасности, — неужели я работал десять лет над созданием «Победителя» для того, чтобы, в конце концов, быть замурованным, заживо погребенным здесь, в этом зале? Какая странная, какая бессмысленная вещь — случайность!»

— «Мы не погибнем, милый, нет!..» — отвечала ему Елена, — у меня есть какое-то предчувствие, какое-то чутье, что все кончится благополучно... Мы еще увидим луну! Мы еще увидим землю! Мы еще увидим нашу ракету! Мое предчувствие меня еще никогда не обманывало...

— Приляг, милый, успокойся, соберись с мыслями, — может, еще что-нибудь придумаешь...»

Мукс, сидевший рядом, плакался:

— «Пропавшее наше дело, мистер Горянский!.. Не видать мне больше Чигриноса!..

— Видно, разгневался на нас лунный хозяин, что украли мы у него свет и воду! Не выпустит он нас отсюда».

— «Свет и воду!..» — догадка уколола мозг Горянского; он опрометью кинулся бежать по освещенному залу...

В двадцать гигантских шагов он очутился у водопада...

— «Да, надо отдать свет и воду, — Мукс, несомненно, прав!» — подумал он и положил вторую рукоять в нише на середину — вода исчезла; он поставил на середину первую рукоять — свет мгновенно погас...

— «Володя, — раздался почти одновременно радостный голос Елены. — Иди, проход открылся!»

— «Выпустил нас лунный хозяин!» — заливался Мукс.

Через десять минут они были на площадке перед входом.

Горянский осветил фонариком вход; как прежде, изгибалась колоссальная арка; не было никаких следов только что исчезнувшей стены... Решительно: — лунная техника слишком неуловима!...

Отсчитали девять площадок, — на девятой надели шлемы.

— «Петуха мы оставим здесь, — сказал Горянский, — иначе он задохнется, так как футляр мы разбили. Заберем петуха завтра».

Елена накрошила петуху несколько бисквитов, которые у нее были с собой, причем Мукс не упустил случая стянуть у него один бисквит, за что и получил от петуха хороший удар клювом. После этого инцидента между петухом и Муксом, исследователи лунных недр покинули площадку.

По наклонному склону и расселине они поднялись к краю отверстия кратера. Яркий свет прожекторов указал им дорогу к «Победителю».

Через тридцать пять минут они были у ракеты.

Горянский взглянул вверх: опрокинутая чернильная бездна с звездными угольями по-прежнему висела над головой.

Земной диск стоял в зените. На луне была полночь.

Горянский отворил боковую дверцу в выступе ракеты, чтобы снова ее герметически захлопнуть; минута толкотни в тесном коридорчике — и они опять на месте!

— «Да, лунный хозяин прав, — говорил Горянский, — он закрыл вход, чтобы заставить нас выполнять правило вежливости: — действительно, недели-

катно в квартире своих знакомых оставить на всю ночь гореть электричество и, вдобавок, открыть еще кран у водопровода! Он проучил нас поделом!

— Ну, надо сообщить обо всем этом Чемберту!»

Горянский подошел к телефону:

— «Алло! Земля! Чемберт! Говорит Горянский! — закидывал он пространство. — Алло! Земля! Чемберт!»

— двадцать раз повторил он призыв... Аппарат не работал. Земля молчала...

ГЛАВА 10

Опять в пространстве

Тяжелая грусть охватывает население ракеты...

Неисчислимо количество раз за время двух лунных суток кидался Горянский к бесполезному телефону и оглашал пространство бесцельными призывами.

Искрилась антенна «Победителя»; красноватые и большие, высоко взлетали искры — напрасно! Земля по-прежнему молчала, Чемберт не отзывался!..

Горянский прекратил исследование луны, в течение долгого времени возился с прибором, пересматривая малейшие его части, думая, что, может быть, двигатель испорчен...

Но вдруг, когда истекали третьи уже лунные сутки, — слабый звонок задребезжал в приборе... чуть слышный, надорванный голос донесся из пространства, но, увы, это был не Чемберт!

Это говорил Тамповский.

— «Господин Горянский, — хрипел измученный голос телеграфиста, — страшное несчастье! — Мистер Чемберт убит!..

— Говорю с вами, вероятно, в последний раз!.. Башни радио разрушены!.. Еле держится, шатается главная башня, с помощью которой я говорю с вами... Через минуту и она рухнет!..

— На острове все разломано!.. Эллинг горят!..

— На нас позавчера неожиданно напали туземцы, и Джонни вместе с частью рабочих отразил нападение и спас Л/3...

— С туземцами двое из наших рабочих... Один из них и убил Чемберта... Апфель тоже убит.

— И все из-за вашего золота!.. Они хотят золота!

— Туземцы разделились: Чигринос со своими сородичами все время защищал нас... Теперь он, кажется, тоже убит...

— Не знаю, что теперь будет!.. Я совсем болен!.. Джонни ранен!.. Мы с Джонни совершенно измучились!..

— И зачем только мистер Чемберт не отправил с острова этого проклятого золота!..

— Запасы энергии, заготовленные для вас, рассеялись в пространстве... над островом была страшная буря... Не знаю, что будет далее. — голос оборвался... слышался широкий шершавый шорох, шум и еле слышный треск... Вероятно, упала последняя радиобашня... Аппарат замолк.

Трубка выпала из рук Горянского... Он зашатался и изнеможено прислонился к стене каюты...

Мукс изумленно таращил свои большие черные глаза...

Ничто, даже гибель всех его машин, бесцельная гибель энергии, предназначенная для нового, еще более отдаленного и трудного межпланетного полета, — не поразило Горянского так, как известие о смерти Чемберта!..

Горянский вспомнил московские баррикады, вспомнил сколько раз спасал ему жизнь Чемберт, вспомнил годы совместной борьбы и работы на острове...

Увидел Чемберта, всегда спокойного, всегда корректного, всегда выдержанного, отчетливого, как хронометр, — Чемберта, который отдал все: — и себя, и состояние, и жизнь ему, Горянскому...

Чемберт умер, его убили!.. О, будь у него, Горянского сейчас энергия, радио, много радио, — он стер бы остров с лица земли!.. Он потопил бы его в океане!..

Но кому же мстить?

...Золото!..

— Да будет проклят тот час, когда он, Горянский научился делать золото!.. Это он, безумный, — виновник гибели Чемберта!..

Жестокое горе шатало мозг Горянского...

Стоит ли жить, когда смерть все равно существует, когда умирают такие люди, как Чемберт?!..

Почти ощущая физическую боль, метался Горянский по ракете.

Елена с трудом успокаивала его...

— «Пойми, Елена, — рыдал он, как ребенок, у нее на коленях, — этот человек был мне все: он был мне роднее отца, ближе друга!.. Он был мне соратник в творчестве!.. Теперь никого, никого не осталось у меня!

...Я — один во вселенной!..»

— «А я?..»

— «Да, прости, — горе оглушило меня!.. Теперь только ты, только ты — жена, соратник, друг, — осталась у меня во всем мире!..» — воскликнул, как бы проснувшись, Горянский, твердо прижимая к себе Елену.

Он вскочил с внезапной энергией:

— «Назад! Мне противен вид луны!..

— Я хочу тотчас же видеть остров, встать на могилу Чемберта!..

— К земле! Скорей к земле!»

Он подбежал к двигателю и поразился: приемники радио-активной смеси были почти пусты.

— Что это?

Правда, истрачено было более половины имевшегося запаса радио на безуспешные, безумные, почти ежесекундные попытки снести с Чембертом, в течение

трех суток, но оставшейся половины должно было ведь быть более чем достаточно для возвращения на землю.

— Что же это? Или, может быть, разложение радия, его утечка происходит здесь быстрее, чем на земле?

Горянский оглядывает машину еще, — еще — снова контролирует приемники...

— Да, несомненно, так!.. Простой, но страшный факт: как бы то ни было, в приемниках почти нет смеси!

Горянский сообщает об этом Елене. Мучительное отчаянье охватывает его: — все кончено... так просто...

И незачем было уходить из темно-зеленого зала, не всели равно было: умереть там с голоду или задохнуться здесь, в маленькой железной клетке, когда за недостатком энергии прекратит свое действие прибор, вырабатывающий воздух?

Или покинуть ракету, переселиться с Еленой и Муксом в пещеру и стать селенитом, лунным обитателем, без надежды когда-либо вернуться на землю?

Горянский предвидел, предвидел ведь такую возможность недостатка радио в ракете, но опрокинуты ведь радиобашни, которые могли бы послать ему с острова запасы энергии через пространство...

Радий!.. Если бы у него был радий!..

Он изготовил бы сам радио-активную смесь, чтобы вернуться...

Он бурно приподымается:

— «Елена, здесь на луне должен быть радий!.. Мы будем искать его! Мы найдем! Отправимся сейчас же!»

— «Хорошо, милый, идем!» — соглашается Елена.

Они одевают костюмы. Горянский уже готов отворить дверь в двустенный выходной коридор, как вдруг простая мысль появляется в его мозгу: зачем искать и исследовать пешком, взбираясь на лунные горы и пи-

ки, когда пока имеется в распоряжении «Победитель»? Остатков реактивной смеси более чем достаточно для того, чтобы ракета облетела десятки раз вокруг лунного шара и исследовала поверхность луны во всех направлениях. Правда, она летит слишком быстро, но можно будет опускаться в нужных местах и производить исследование.

Да и все равно, почва поверхности той стороны лунного шара, на которой они опустились, ничего не обещала в смысле радиоактивности! Конечно, следовало бы обследовать ее детально, но... какой-то толчок подтолкнул мысль Горянского, не попробовать ли посетить раньше второе, еще неизвестное им полушарие луны? В случае неудачи, ракета ведь легко сможет вернуться; но, может быть, там, именно там, они найдут радий?!

Горянский поспешно снимает предохранительный костюм; удивленные Мукс и Елена следуют его примеру.

— Мы поищем на другой стороне! — говорит Горянский, подходя к рычагам; упругий толчок. Обращенная в металлический дирижабль ракета взмывает над скалистой поверхностью и мчится в направлении лунного полюса... Ис-серо-черный лунный север расстилается внизу...

Но что это? — Скорость чрезмерно увеличивается — Горянский с изумлением смотрит на двигатель — тот исправен, но скорость все возрастает... Какая-то могущественная сила притягивает их...

Может быть, они попали в сферу притяжения какого-нибудь еще неизвестного небесного тела, какого-нибудь спутника луны, еще не открытого земными астрономами?

Но как бы то ни было увеличенная, в силу неизвестных причин, скорость «Победителя» все возрастает и доходит до трех верст в секунду!.. Поверхность луны проваливается с ужасающей быстротой!..

Горянский в отчаянии приводит в действие носовой реактивный прибор: скорее, скорее попробовать затормозить ракету!..

Отчетливо работают двигатели, мантия газа моментально расстилается перед носом ракеты, ракета сопротивляется, как живая, — бесполезно: скорость растет!..

Изумление и отчаянье пронизывают мозг Горянского.

— Содрогание!..

— Толчок!.. — Еще толчок...

— Расшвыривает на пол пассажиров космической ладьи!..

Горянский теряет сознание...

Бессильная сопротивляться, очевидно, втянутая в сферу солнечного притяжения ракета мчится в пространство...

Елене кажется, что она спит... страшный сон возникает в ее мозгу: ей снится, что она маленькая девочка и лежит у себя в детской, в кровати...

Вселенная суживается — маленькие, как игрушечные шарики, планеты кажутся мячиками... Вот они втекают в детскую и танцуют над головой...

Вот рыжий мячик, больше других — солнце!..

А это что? — Маленькое, как иголочка, — нет, еще меньше, — как игольное острие, — как обломок игольного острия отделилось от одного из шариков и мчится к рыжему мячу!.... Елена знает, что это ракета, но Елене не страшно,

— наоборот, любопытно и очень смешно. — Какая интересная игра! Какие славные мячики! — Положить бы их все к себе под одеяло!

Громадная рука вырастает над шарами и любопытно Елене, что же будет дальше?

Рука берет маленькое, мчащееся к рыжему мячику, и поворачивает это маленькое обратно... Все исчезает...

Кто-то неизвестный и ласковый подходит к Елене, кажется ей — входит в мозг и глаза...

— «Не бойся, — говорит ей незнакомец, — я — не призрак, я — не мертвый, я — живой, такой же, как ты...

— И ты когда-нибудь будешь такой же, как я!..

— И я помогаю вам, потому что все мы братья и все мы

— едины! И ты мне — сродница и сестра, хотя и родилась на земле далекой!

— Вы вернетесь к луне и когда будете близко к месту, где опустились раньше, ты разбудишь милого своего — он здоров, спит, так же, как и ты, но только, увы, не видит и не слышит...

— Вы опуститесь, где были раньше, придете к ступеням, и я опять помогу вам.

— Люби и не бойся, сестра!» — И ласковый, как еле слышное касанье нежных, щекочущих мозг крыльев бабочки, голос затих, замер, казалось, в бесконечной безграничной пустоте...

И грустно без него стало Елене... И страшно... И одиноко... И захотелось умереть, но вспомнила, что есть у нее еще Володя и что надо ему помочь...

Проснулась: — лунная выпуклость выросла совсем близко в окне; измеритель показывал восемьсот верст...

Елена привела в чувство лежавшего неподвижно Горянского и рассказала ему свой сон.

Горянский улыбнулся: — «Очень поэтично, но неправдоподобно; совсем, как в оккультных романах; у тебя расстроились нервы, девочка моя, тебе нужно по-лечиться!..»

И грустно было Елене, что Володя смеется, — тягостно было и больно...

— «Не понимает, — думала она, — умный, но не понимает!..» — вспомнились ей слова во сне, что он не видит и не слышит...

Но как бы то ни было нужно было спустаться...

Лунная поверхность — все больше и больше... Горянский привел в движение реактивный тормоз и благополучно спустился на прежнем месте, как раз у подножья пика.

Горянский очень просто объяснял себе историю с ракетой: просто они попали в сферу притяжения какого-то еще неизвестного пока небесного тела близ луны; приведенный в действие реактивный тормоз противодействовал его тяготению; от этого возник ряд толчков... От одного из них, очевидно, ударившись, Горянский и потерял сознание.

За время его обморока двигатель справился, как видно, с этим неведомым тяготением, и неуправляемая ракета начала падать на луну; тут Горянского привела в чувство Елена и он стал управлять двигателем.

Так объяснил себе все Горянский. Рассказу Елены он не придавал ни малейшего значения...

Итак, они снова на луне, на старом месте! Им не удалось поискать радий... Что ж? — Они поищут здесь!..

А теперь Горянскому прежде всего захотелось есть.

— «Чемберт!.. Чемберт!.. — думал он, прожевывая бутерброд, — известие о его гибели послужило началом всех несчастий...

Как странно: — он два дня тому назад умер на земле, они сейчас чуть было не погибли здесь!..

— Чемберт! Хороший, милый Чемберт!..»

На короткую долю мгновенья Горянскому показалось, что он явственно видит за окном окровавленное лицо Чемберта. Горянский протер глаза — ничего не было: громада лунного пика безжизненно возвышалась за окном.

— Что же это? И у него, Горянского, тоже начались галлюцинации! Или эта пустынная луна населена призраками?

— Час тому назад — Елена, сейчас — он. — Нет, им всем, очевидно, надо лечиться!.. Скоро даже хулиганище Мукс начнет беседовать с духом Чигриноса!... Надо взять себя в руки!

Не жалея воды, запас которой был невелик, Горянский вылил себе на голову полведра холодной влаги и в спальном отделении обтерся весь мокрой холодной губкой. Он посоветовал такой же холодный душ Елене, и сначала и слышать не хотел о том, что б тотчас же отправиться к ступенькам, как умоляла Елена, а собиравшись заняться радио-активными изысканиями почвы вблизи «Победителя» и уже собирал все необходимые инструменты, но потом, подумав, что в пещере можно захватить свежей воды и что можно поискать радиий и там, вспомнил почему-то одновременно, по какой-то смешной ассоциации про оставленного петуха, поддавался на упорные уговаривания Елены, настаивавшей, что идти нужно сейчас же, — согласился.

Надев предохранительные костюмы, они отправились.

ГЛАВА 11

Кладбище бессмертных

Горянский, Елена и Мукс остановились на последней площадке.

Кукареканье петуха доносилось уже почти из-под сводов пещеры; они не нашли его на прежнем месте на площадке: он, очевидно, в своих прыжках увлек за собой футляр, к которому был привязан.

И если бы не его бодрое земное «кукареку», то можно было бы подумать, что с петухом что-нибудь случилось.

Горянский, смеясь, отправил за ним Мукса. Тот отправился, прыгая, как блоха, с электрическим фонариком...

Минуту Горянский провожал глазами прыгающего светлячка, потом обернулся: с Еленой происходило что-то странное; — он поднял свой фонарик (у него их было несколько про запас) и осветил ей лицо; невзирая на широко раскрытые глаза, оно было как у спящей...

Оно просвечивало, как будто изнутри его освещали...

— «Идем!» — сказала она, протягивая вперед руку.

— «Куда?» — спросил ошеломленный и немного испуганный Горянский, решивший, что у нее снова галлюцинация.

— «Не знаю — меня зовут!.. Идем!..» — и она пошла куда-то. Огорченный Горянский следовал за ней.

Елена шла твердо и уверенно, как по давно знакомой дороге, вглядываясь широко раскрытыми глазами во тьму. Она дышала ровно и спокойно, как во сне, и не говорила больше ни слова.

Они подошли к самому краю площадки; перед ними была стена из гладких плит; влево был обрыв.

Горянский приподнял свой фонарик и сделал шаг к Елене: он боялся, чтобы она не подошла слишком близко к обрыву. Но его опасения были напрасны: легко и уверенно пододвинулась она вплотную к стене.

Дальше произошло нечто, опрокинувшее все соображения Горянского: свободно, с той же странной механичностью, которая отличала теперь все движения Елены, она приложила палец к стене в трех разных местах (ни она, ни Горянский потом никак не могли отыскать этих трех точек); капитальная толстая стена, в несколько сот сажений протяжением, бесшумно взвилась вверх, как занавес в театре.

Открылся проход, залитый ослепительным сверкающим светом.

В одно мгновение стало светло, как днем. Свет залил площадку и каменные ступени; в отдалении явно виден был Мукс, бегущий с петухом...

Елена вошла в сверкающий проход. Не верящий своим глазам Горянский пошел за ней. — Как только он вошел, Елена опять деловито поднесла руку к трем разным местам стены.

Грандиозная стена так же бесшумно опустилась.

Елена по-прежнему молча двинулась вперед...

По обоим сторонам вздымались колонны, такие же прозрачные, как стена в темно-зеленом зале.

Прямо перед вошедшими вздымалась лестница, тоже вся прозрачная, как бы сделанная из хрусталя.

Елена пошла вниз по стеклянным ступеням. Горянский вслед за ней опускался все ниже и ниже...

Прозрачных колонн по обоим сторонам лестницы уже не было; — по бокам ее возвышались две колос-

сальных, прозрачных стены, вплоть до самого потолка, тоже прозрачного.

Все внутри опускавшегося вниз стеклянного коридора было залито таким же светом, неизвестно откуда исходившим, но только еще более ярким и ослепительным.

Елена по-прежнему опускалась вниз. Горянский следовал за ней...

— Ниже и ниже, — они прошли уже более тысячи ступеней...

Горянский начинал уставать.

А Елена шла по-прежнему бодро, казалось, не чувствуя ни малейшей усталости. Она дышала равномерно и спокойно и на ходу, казалось, спала...

Горянский с естественным любопытством вглядывался в глубь стеклянных прозрачных стен. Ему начало казаться, что что-то похожее на гигантские соты или на ряд саркофагов, поставленных друг на друга, возвышалось за этими стенами.

Опустившись еще ниже, Елена остановилась на небольшой площадке перед маленьким возвышением, сделанным, на взгляд Горянского, из темно-розового гранита.

На вопросы, задаваемые Горянским, Елена по-прежнему не отвечала... Она нагнулась и протянула руку к одному из стеклянных овалов, похожих на два больших стеклянных яйца, по бокам розового возвышения. Стелянный верх приподнялся и опустился так быстро, что Горянский не успел ничего рассмотреть, — только заметил голубоватое сверкание, как бы вырвавшееся из стеклянной крышки.

Елена держала в руках такое же яйцо, только в миниатюре, и протягивала его мужу механически, безразлично. Он взял.

Верхняя половина открылась, — Горянский не мог поверить, он ущипнул себя до боли, чтобы убедиться не галлюцинация ли все это, — там был радий, — более ста граммов радия! Столько радия не было, пожалуй, на всей земле! — Тот радий, который он искал, который был ему нужен, как воздух!..

И он получил его из рук Елены каким-то невозможным, сказочным образом, в обстановке, похожей на страницы из «Тысячи и одной ночи»... Какая странная история!..

Или, может быть, оккультисты правы, и нереальное, сверхчувственное существует?

Елена стоит неподвижно и спокойно...

Вдруг она приподымает руку, как бы желая обратить внимание Горянского.

Изумление его превосходит всякие границы: русские буквы!..

Да, самые обыкновенные русские буквы, отливая золотом, появляются на темно-розовом граните:

«Не бойся, я — не дух, не призрак!..»

Золотые буквы дрожат, переливаясь на граните.

— «Я такой же живой, мыслящий, радующийся, как и ты!..

— Только я старше тебя, намного старше: ведь мне уже более десяти тысяч лет!

— Я говорю с тобой с отдаленнейшего мира, название которого все равно ничего тебе не скажет, так как ваши астрономы лишь через много столетий его узнают.

— Я говорю с тобой и помогаю тебе, потому что мы с тобой — одно, ибо любовь и мыслящее начало действительно едины во вселенной.

— Но мы ушли неизмеримо, неисчислимо вперед, по сравнению с вами, земные братья: — ты прилетел

сюда с помощью радия, овладев тем, к чему не пришли еще другие земляне, и ты, действительно, гениален, ибо пока это — высшее проявление творчества на земле.

— Но взгляни:»

Яйцевидные крышки по обеим сторонам распахнулись; голубое сверкание наполнило воздух...

— «Смотри, — писали чудесные буквы, — ты можешь здесь видеть радий пудами... — Крышки захлопнулись.

— Я могу делать радий по прихоти, по капризу, так же, как ты научился только что делать золото, но это совершенно неважно! — есть иные силы, — неисчислимое количество сил, часть которых и вы когда-нибудь узнаете, — которые неизмеримо могущественнее радия; все они — проявление единой мировой силы, которую знаем мы.

— С помощью этой силы я разговариваю сейчас с тобой на расстоянии, которое в сотни миллионов лет пробегает свет, — для вас величайшая скорость во вселенной.

— С помощью этой силы я спас тебя и остановил твою ракету, когда она падала на солнце.

— Мы овладели этой силой вполне, как вы овладели рычагом и паром...

— Да, мы могущественны!..

— Эти ничтожные жалкие явления, что так поражают тебя, для меня — только легкая простая игра. Но когда-нибудь и вы будете играть так же, ибо во вселенной процветают и ценятся великие игры.

— Планеты не живут отдельною жизнью — все они связаны между собою величайшей силой тяготения, сущность которой долго еще будет непонятна вам.

— Кроме того, свет постоянно течет между ними, как кровь в организме.

— Движение света — поистине кровообращение вселенной; тела планет обмениваются лучами как поцелуями... Тончайшие неуловимые былинки — зародыши жизни и бактерии — переносятся световыми лучами в силу лучевого давления с одной планеты на другую — планеты оплодотворяют друг друга.

У вас есть индийская легенда, что рис и пшеница упали с неба, — это верно: не только рис и пшеницу, но много-много других подарков вы получили с других планет, но больше всего вы получили от нашей луны, как ближайшего к вам планетного острова.

— Из одной массы создались луна и земля, только мы раньше оторвались от раскаленной газовой массы, и луна раньше формировалась и охладела; у нас были уже разумные существа и цивилизация, когда раскаленная молодая земля была еще маленьким солнцем.

— Под двумя солнцами расцвела наша культура, и величие и мощь ее возросли.

— Ваши ученые напрасно ищут промежуточного звена между обезьянами и людьми, ибо иное, совсем иное происхождение человека...

— Аоантроп и питекантроп, найденные вашими исследователями, действительно существовали, но они — результат смешанных браков. Братья — мы с тобой по плоти и мысли, как и сестры, создавшие нас планеты!..

— Как только начала остывать земля, как только первые материки и океаны очертили края на земном диске, — сейчас же явились смельчаки, которые на аппаратах, подобных твоей ракете, и на других, — устройство которых тебе непонятно, — отправились туда.

— Наша культура уже тогда была высока, — выше вашей теперешней земной, и над первобытными океанами земли реяли лунные аэропланы; ихтиозавр и птеродактиль падали от электрических ружей лунных пришельцев...

— Слишком тяжела даже и для наших исследователей, — не в силу даже и для них была борьба со стихией, юной и мощной... И много погибало их, особенно от земных бактерий...

Но снова и снова летели аппараты с луны на землю и, наконец, на первобытном материке утвердились пришельцы; земля стала как бы колонией луны. Этому способствовало еще и то, что и у нас в те отдаленные времена господствовало насилие.

Наша культура была молода, беззаботна и детски жестока, но убийство все же было нам противно, — и вот побежденных в борьбе, кого вы называете преступниками, — стали отправлять на землю, лишив их возможности возвращаться обратно. Они соединились со смельчаками, уже бывшими там, и это была первая разумная жизнь и первая цивилизация на земле...

— Неоднократно она погибала от страшных первобытных бурь, потопов и землетрясений, но луна выбрасывала новых осужденных, и культура эта возобновлялась.

— Ваша легенда об Адаме не лишена основания: действительно, когда появилась человекообразная обезьяна, близкая к питекантропу, краснокожий полуживотное, получеловек, — на земле уже были цивилизованные лунные выходцы.

— Так развивались параллельно и рядом две совершенно разные породы.

— Сообщение с лунной прекратилось; наша культура стала благороднее и мягче; насилие прекратилось; пе-

ред жителями луны разворачивались перспективы более великие и более интересные, чем земля.

— О ней стали забывать. Население колонии, не имевшее связей с родной планетой несколько столетий, стало дичать. Начались смешанные браки, результатом которых и было создание более высокой земной породы.

— Редкие экспедиции с луны были и позже.

— Миф перуанцев о нежном бледном боге Гветцале, скандинавские сказания и саги о светлицем Бальдуре, китайские мифы о прилетающих с луны драконах есть воспоминания о них.

— Почти везде и всюду высокоцивилизованные пришельцы становятся во главе. Они порождают древние культуры.

— Почти одновременно в Атлантиде, Китае и Египте появляется пар, аэроплан и электричество. Их тогдашние цивилизации почти равняются теперешней вашей, но носили более изолированный характер.

— Ваша легенда о божественном происхождении власти относится к этой эпохе. Титулы фараона и богдыхана — «сын неба» тогда понимались буквально, ибо и они и их ближайшие помощники были, действительно, неземного (лунного) происхождения, и они сами и все окружающие еще помнили об этом...

— Так появились ваши первые большие цивилизации, все не земного, а лунного происхождения.

— Они разрушались в силу смешанных браков, понижавших уровень и способности лунных выходцев, являвшихся мозгом всех этих цивилизаций, а с другой стороны — из-за отчужденности...

— Страна Кеми (Египет) пала под ударами полудиких земных племен; Атлантида погибла под волнами океана — спаслись лишь немногие, основавшие в Аме-

рике цивилизацию Перу и Мексики, погибшую много после от насилия Кортеса; Китай омертвел и одичал в своей отчужденности; индийская цивилизация тоже ушла в себя, оградившись от всего остального мира.

— Так вырождались и вымирали остатки благородной лунной расы, но часть их, бывшая в Европе, у берегов Эгейского моря, создавшая миф о богах и героях древней Эллады, положила начало вашей теперешней культуре. Но эти остатки лунных племен за время борьбы и скитаний много утратили и потеряли. Им пришлось начинать сызнова...

— Постепенно, смешавшись окончательно с земными народами, они совершенно забыли о своем происхождении...

— Так, на протяжении веков, после долгих перепитий, которые тебе, вероятно, известны, появилась и ваша современная европейская цивилизация с ее техникой и культурой, которая, как ты теперь видишь, тоже не земного, а лунного происхождения.

— Две расы у вас на земле: одна — простая, грубая, земная рождается, живет и умирает, вся погруженная в повседневную заботу, думающая только о ней; но смутное воспоминание о родной планете еще сохранилось — у другой; оно заставляет засматриваться на звезды, оно толкает на сладкое безумье, оно начертало гордую надпись римлян: «*Sic itur ad astra*», гласящую, что путь культуры ведет к звездам, — это она привела тебя сюда!

— Привет же тебе на луне, брат мой, ибо, воистину, мы с тобой одного и того же лунного племени!»

Горянский невольно склонился перед дрожащими золотыми буквами.

— «Не удивляйся, что я пишу здесь на твоём родном языке: корень языков один для всей нашей пла-

нетной системы, и наш лунный язык, которого ты, конечно, не поймешь, — все же близок к земному санскриту.

— Я пишу мысли на этом камне, облекая их буквами понятного тебе языка, — пользуясь энергией, неизмеримо быстрее света, подобной тяготению, — еще неизвестной вам на земле. Я общаюсь с тобой из дальнейших пространств, так как мы давно живем во вселенной, и на луне никого нет сейчас, кроме тебя и твоих спутников.

— На более многоцветных, на более прекрасных планетах живем мы сейчас — кочующие странники вселенной.

— Луна служит нам лишь складочным пунктом космической гавани, — временным кладбищем для тех из нас (мы ведь давно победили старость и смерть), кто захочет отдохнуть ненадолго от жизни, устав от бессмертия, чтобы снова воскреснуть в грядущем; ты можешь видеть их, — усыпленных по их же желанию, — в гигантских сотах за прозрачными стенами перед тобой.

— Когда-нибудь, брат мой, и вы победите старость, смерть, пространство и время, и будете на самоцветных играющих планетах-солнцах вместе с нами, ибо вы тоже — граждане вселенной!

— Ты первый начал победу над межпланетным пространством, ты первый прилетел к нам; возвращайся на землю, пусть за тобой кинутся сотни новых ракет, сотни новых космических кораблей к первой для вас станции в пространстве — луне, и дальше к звездам и солнцам, на необозримые просторы вселенной; — знайте, — нет у вас врагов, кроме смерти, пространства и времени, и, победив их, вы организуете любовь. Торжествуйте же над природой всегда и везде! В оке-

ане вселенной мы ожидаем вас! Прощай, брат мой! Привет земле!»

Еще мгновенье дрожали золотистые буквы на граните и пропали бесследно, точно вошли в камень...

Елена ушла обратно, все с такими же широко раскрытыми глазами, по-прежнему безмолвно.

За нею шел еще не пришедший в себя от недоумения Горянский, сжимая в руке радиий, и думал о том, что в двух шагах от него, за прозрачной стеной, в величественном покое лежат опущенные в саркофаги жители вселенной, пожелавшие отдохнуть от бессмертия...

Так же бесшумно, как прежде, три раза прикоснулась Елена к стене. Так же мгновенно поднялась стеклянная громада и такими же размеренными движениями заставила Елена ее опуститься. Затем, словно очнувшись, сразу потеряв неживую механичность движений, Елена кинулась к Горянскому:

— «Володя! Что это? Милый, — где мы? Здесь темно и страшно!.. Сейчас я видела, будто иду, иду без конца, в светящемся хрустальном замке...»

— «Ты была там, милая, — серьезно сказал ей Горянский, показывая футляр с радием, и рассказал ей происшедшее. Подсочивший Мукс плакался, что лунная стена, как он выразился, съела их и долго не отпускала, а он сидел здесь один с петухом и фонариком и плакал...

Причитанья Мукса и крики петуха смешивались с рассказом Горянского.

Возвращались все, захватив с собой свежей воды в темно-зеленом зале и унося с собой петуха в принесенном из ракеты втором футляре.

Через несколько минут они были уже возле «Победителя». Перед тем, как войти в ракету, Горянский и

Мукс с трудом взобрались на вершину острого пика, стоявшего рядом, и водрузили там громадный красный флаг, упавший с ракеты и лежавший внизу.

На скале под флагштоком Горянский с большими усилиями высек своим складным карманным ножом следующее:

— «Здесь были люди 25-го ноября 1918-го года по земному европейскому летоисчислению. Капитан реактивной ракеты — Горянский. Они придут опять».

Они спустились вниз и долго смотрели на свисающее красное полотнище; не хватало земного ветра, чтобы раздуть, распушить могучие красные складки.

«Ничего, — уверенно думал Горянский, — мы создадим на луне атмосферу, если это угодно будет прихоти человека!» Последний взгляд на неширокий горизонт, на мертвый, но величественный лунный ландшафт, — и они вошли в ракету.

Полчаса было достаточно Горянскому, чтобы изготовить реактивную смесь, главная составная часть которой была у него в руках.

Через тридцать пять минут он наполнил приемники смесью, и ракета взвилась в пространство.

ГЛАВА 12

Последняя и самая маленькая

«Прощай, луна!» — сказала Елена, вглядываясь в окно на уменьшавшуюся лунную поверхность.

— «Нет, не прощай, а до свиданья! — полушутя, полусерьезно возразил Горянский, — мы вернемся, Елена, даю тебе честное слово, что люди здесь еще будут!»

Через шестнадцать часов (ракетного времени) межпланетные путешественники уже опять могли наблюдать вращение земного шара...

Только теперь, при взгляде на него, пришла Елена в ужас от мысли, что они могли не вернуться; почувствовала любовь к земле, жадную и простую...

— «Хорошо жить, Володя!» — и руки Елены обвили шею Горянского.

— «Да», — задумчиво ответил он.

— «Земля! — Земля!» — кричал Мукс, подпрыгивая чуть не до потолка ракеты. И восторг его смешивался с звонким кукареканьем петуха, тоже вострепнувшегося при приближении к родной планете.

Через три с половиной часа заторможенная ракета уже нависала над островом. Широкая струя газа из переднего реактивного двигателя уже лизала островную поверхность... — Перевод рычага на последние полмиллиметра! Толчок! Они опять на земле, они снова на острове!

С лихорадочной поспешностью отвинчивает Горянский верхнюю крышку ракеты; Елена в окно видит подбегающую коренастую фигуру Джонни, — с удивлением видит за ним считавшегося ею мертвым поху-девшего Чигриноса... Больше никого!..

— Где же остальные?

При виде Чигриноса Мукс пляшет от радости...

Горянский развинчивает, наконец, крышку, и все выскакивают наружу... Земной воздух опьяняет...

— «Ура, мистер Горянский!.. Да здравствует победитель луны!» — раздаются восклицания Джонни.

Чигринос делает молитвенный жест и благоговейно склоняется до земли, он тоже приветствует своих лунных посланцев, каковыми он их теперь уже и сам считает. Увидев Мукса, он так же почтительно повторяет молитвенный жест и склоняется перед Муксом так же низко, как перед остальными; потом, воспрянув, он хватает его за шиворот и изо всех сил начинает лупить бедного селенита, приговаривая: «Ты как смел лететь на луну, проклятый щенок, без моего разрешения? Ты думал укрыться туда от меня с украденными перьями!.. Ты думаешь я не знаю о твоих проделках?»

— Хотя ты теперь — и святой сын луны — да будет благословенно ее имя, — Чигринос молитвенно склоняется, не выпуская Мукса, — но я все-таки тебе покажу!» Он снова принимается его лупить. Джонни с трудом отнимает Мук-са у расвирепевшего Чигриноса.

— «Где же остальные?» — спрашивает озабоченный Горянский.

— «Уплыли», — отвечает Джонни со злобой: — бежали захватив «Марию», — они боялись, что я их всех перестреляю!.. Мистер Чемберт... вы знаете...»

Джонни судорожно отворачивается. — «Негодяи!.. Но вы не беспокойтесь!» — успокаивает он Горянского, — сообщение с материком возможно — мне удалось отстоять Л/з!..»

Горянский крепко пожимает руку Джонни.

— «Тамповский сильно болен... Ему плохо...»

— Апель погиб...

— Только мы с ним да Чигринос и остались на острове...

— Туземцы, после исчезновения Мукса и отплытия тех негодяев, бежали, решив, что остров под лунным проклятием, и каждую ночь луна будет похищать кого-нибудь...

— Пойдемте к Тамповскому — ему тоже будет большая радость увидеться с вами...

— Потом я покажу вам могилу Чемберта...» — Грусть снова затемнила открытое лицо Джонни...

Горянский оглянулся — все на острове было разрушено; домиков рабочих, мастерских, эллингов, поселка туземцев не существовало. Дикая трава покрыла необработанные пашни и заполнила опрокинутые башни радио. Каменное здание конторы, где ютились Джонни с Тамповским, одиноко возвышалось на образовавшемся пустыре...

— И потом — Чемберт!.. Чемберт!.. Как бы радостно встретил он их, если б был жив! Какая странная вещь — судьба! Она сильнее смерти!.. Победят ли когда-нибудь ее люди?

— Горянский со своими спутниками остались живы после межпланетного полета, — они невредимы вернулись с луны, а Чемберт лежит здесь, на острове, мертвый!.. В той земле, на которую опустилась победоносная ракета!..

— Да, его смерть — как бы искупление первой победы над космическим пространством!..

Грусть затеняет солнечный свет в сердце Горянского...

— Да, древняя Мойра!.. Вероятно, она довлеет даже над могущественными селенитами, победившими смерть.

— Но довольно о мертвых! Жалкими сожалениями Чемберта не воскресить!

— Работать, действовать, жить, бороться, кинуть тысячи новых ракет на луну и дальше! Поднять башни радио, снова создать мастерские, — оживить остров!..

В их распоряжении Л/З! Через три часа они могут быть в Европе... Но прежде — навестить Тамповского! Измученный голос телеграфиста, едва доносившийся через пространство, еще звучит в ушах Горянского...

Последний берет под руку Елену, и они вместе идут к Тамповскому.

Телеграфист бледен, изнеможден и страшно истощен, его замучила малярия... Елена дотрагивается до его лба, — он страшно горяч.

— «У него уже три дня такая температура, — печально сообщает Джонни, — лечу его, как могу, чем придется...»

Тамповский открывает глаза... Слабая улыбка растягивает его губы.

— «Господин Горянский! Мистрисс Елена! Мистер Чемберт... знаете...

— Поздравляю вас с величайшей... величайшей победой для чело...» — у него нет сил продолжать, истомлено закрываются глаза... он бредит...

— «Ничего, милый, выходим вас!.. Выздоровеете!..» — ласково гладит его лоб Елена и посылает Джонни в ракету за аптечкой...

...Отдав последнюю честь могиле Чемберта, Горянский и Джонни направляются к Л/З. Елена остается с больным...

— «Я закажу широкую мраморную доску на могилу Чемберта, — думает Горянский, — с золотой надписью: «Соратнику товарищу, павшему в честном поединке с природой — от победивших».

Шумит мотор... Изящный взлет Л/З подымает с острова Горянского и Джонни... Упруго содрогаются

крылья... Земной влажный ветер обдаёт лица... Поэт пропеллер...

Они летят в Европу...

Прошло три месяца...

Поднятые башни радио величественно возвышаются над ожившим островом.

Искрится и звенит антенна...

Тамповский выздоровел и по-прежнему — в аппаратной.

Шумят возрожденные мастерские...

У берега попыхивает трубой новая «Мария»...

Чигринос и Мукс — влиятельные личности у возвратившихся туземцев.

Лунный радиий движет машиной.

Растут новые части новых ракет-сестер победоносного «Победителя»...

Ночь мягкая, темно-синяя, земная... такая ласковая... легла и дышит над океаном и островом...

Горянский и Елена — на берегу...

— «Смотри», — говорит Горянский, — луна как бы приветствует их, появляясь над горизонтом... С недоверчивым любопытством смотрят они на нее — неужели они были там?

Но радиий в прозрачном яйце, в невероятном количестве, — оживляющий остров, — небывалые образцы пород и минералов, — захваченные Горянским лунные ландшафты — слишком красноречивы... Да, кроме того, слишком свежи еще в памяти воспоминания лунных прогулок, чудеса темно-зеленой пещеры, хрустального прозрачного зала...

Свежо еще впечатление грустной жути от мертвенной безатмосферной лунной поверхности...

— Да, они, действительно, были там!..

Так стоят они рядом, сладостно вдыхая влажный ночной воздух моря под лучами ласковой луны и вкрапленных в синеву звезд, высоких и блестящих...

И чудится Горянскому и Елене, что взлетают от земли тысячи ракет, туда, на звезды... за солнце... дальше... дальше!..

И кажется, что кривится обиженная, забытая, превзойденная луна, — с ломким треском рушатся распахнутые в солнце просторы...

И слышится голос, нежный и мудрый, как тогда во сне.

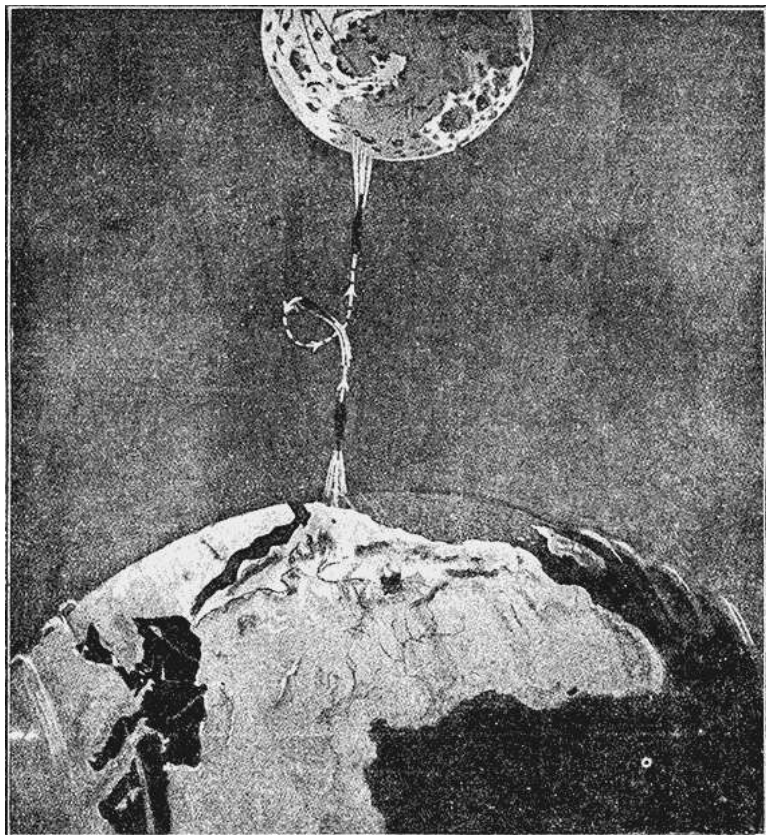
— «Мы ждем вас... Пусть кипит и плавится бокал мировой радости...

— Вперед, аргонавты вселенной!..»

ВЫСТРЕЛ В ЛУНУ.

Журнал «Всемирный следопыт», № 04, 1926 г.

В прошлом номере «Всемирного Следопыта» мы разбирали разные возможности полета на луну и остановилась на том способе, который нам указывает современная наука. Это — ракета, движение которой основано на принципе противодействия, например,

отдача (обратный толчок) огнестрельного оружия. Приводимый рисунок схематично изображает полет такой ракеты. Так как в своей нижней части, где находятся взрывчатые вещества, ракета будет тяжелее, то, в силу замены земного притяжения притяжением луны, она должна будет в определенной точке своего полета перевернуться.

ВИВИАН ИТИН

ОТКРЫТИЕ РИЭЛЯ

Фантастическая повесть

Публикуется по: В. Итин. Высокий путь. — М.-Л.: Госиздат, 1927.

I. МАШИНА ВРЕМЕНИ

Тюрьма была переполнена. В одиночки запирали по несколько человек. В самой тесной клетке третьего этажа, где в коридорах дежурил военный караул, жили двое. Один был молод, другой казался стариком, но путь, отделявший юношу от смерти, был короче.

Он был пойман с оружием в руках. Старик, когда-то известный врач, тоже обвинялся в большевизме, но в то время играли в законность и демократию, необходимо было разыскать какое-нибудь «государственное преступление», чтобы его повесить. Поэтому в его прошлом упорно рылась следственная комиссия.

Молодой человек стоял, прижав лицо к решетке. Сквозь летний северный сумрак чернели хвойные горы. Внизу стремилась мощная река. Он верил в теории, по которым человек, когда умирал, был мертв, но громадный оптимизм его молодости не допускал смерти. Расстрел представлялся ему звуковым взрывом, виселица — радужными кругами в глазах. Он видел.

Беззвучно вздымались ровные волны. Он лежал на корме, разбитый дневной работой, но ему было хорошо от выпитого вина. Рядом двое китайцев, таких же носильщиков, ссорились из-за украденной рыбы. Он смотрел на живой путь луны в океане, на отражения разноцветных огней гавани, отелей, кабаков...

Врач, читавший у восковой свечи, приподнялся.

— Страна Гонгури? — сказал он. — Я прочел это в твоей тетрадке, Гелий. Здесь, кажется, больше поэзии, чем географии.

Он взял рукопись.

*— В снегах певучих жестокой столицы,
Всегда один блуждал я без цели,*

*С душой перелетной пойманной птицы,
Когда другие на юг улетели.
И был мир жесток, как жестокий холод,
И вились дымы-драконы в лазури.
И скалил зубы безжалостный голод...
А я вспоминал о стране Гонгури.
И все казалось, что фата-моргана
Все эти зданья и арки пред мною,
Что все, пред лицом урагана,
Исчезнет внезапно, ставши мечтою.
Здесь не было снов, но тайн было много.
И в безднах духа та нега светила —
Любовь бессмертная мира иного,
Что движет солнце и все светила.*

— Так писали, когда я жил в Петербурге, — сказал Гелий. — Скучные вирши.

Тень Гелия задвигалась на переплетах решетки. Грохнул тяжелый выстрел. Рикошет пули взвыл в одиночке и вдруг затих, щелкнул в углу.

Гелий спрыгнул с нар, подошел к свету.

— Я просил тебя, — сказал врач, немного задыхаясь. — Вчера поставили казачий караул.

— Что ж, доктор, неожиданно лучше... Впрочем... — Гелий быстро вскинул голову: — Ты хотел спросить меня? Гонгури... Да, сейчас, пожалуй, пора заняться самыми индивидуальными переживаниями.

Гелий замолчал. Старик, потрясенный и ослабевший, молчал тоже.

— В сущности, — продолжал Гелий, чтобы развлечь его, — здесь и рассказывать не о чем. Это мало вяжется со мной. Теперь, от безделья, те же мысли снова надоедают мне... А началось это, кажется, еще в детстве, когда я лежал в зеленой тени с книжкой под головой,

и в солнечных лучах пели стрекозы. Потом яснее повторилось во Фриско, на берегу океана... Вероятно, потому, что я жил тогда всего беспутнее. Но не только в кабаках, в дни, когда я был трезв и голоден и дремал от усталости, сначала словно отвлеченная гипотеза, а потом все увереннее я начинал вспоминать... Понимаешь, это были просто несложные мечты, возникающие у всех нас, — о мире более совершенном, но всегда, когда они проходили, мне чудилось, что это вовсе не грезы, а память о чем-то, очень родном, близком и недавнем. Однажды, еще на севере, я испытал глубокий экстаз, стоивший мне большой потери сил. И тогда я запомнил имя женщины... Ее звали Гонгури. На океане это повторялось чаще. Словом, Страна Гонгури — какие-то навязчивые видения.

Я знаю, что ты скажешь. Заранее согласен... Во всяком случае, все это имеет свои научные объяснения. Дай прикурить.

— Да, можно всему найти научные объяснения...

Гелий курил, громко глотая дым.

Старый арестант спросил:

— Гелий, хочешь вернуться в Страну Гонгури?

Гелий встал.

— Злая шутка, — пробормотал он. — Откровенничать слабость, но...

Раздался новый выстрел, потом длинный, странный крик.

— На этот раз прямо в цель! — сказал Гелий. — Говорят...

Он вскрикнул и бросился к окну.

— Гелий! — закричал врач, ловя его руку. — Я совсем не шутил! Сядь!

— Дай мне кончить со всем этим!

— Что ты хочешь сделать?

Рука Гелия ослабела.

— Тебе казалось, что ты жил там? Что было, то есть. Что такое время? Нелепость. Почему бы нам не восторжествовать над нелепостью?

— Ты изобрел «Машину Времени», — усмехнулся Гелий, привычно подавив тревогу.

— Да, — ответил врач. — Конечно. Уэльсовский автомобиль четвертого измерения невозможен, иначе путешественники будущего давно были бы у нас. Но все-таки победа над временем вовсе не утопия. Мы постоянно нарушаем его законы: во сне. Наука зарегистрировала много случаев, когда самые сложные сновидения протекали параллельно с ничтожным смещением часовой стрелки. Я испытал нечто подобное во время опытов с одурманивающими ядами и теперь не сомневаюсь даже в семилетнем сне Магомета, начавшемся, когда опрокинулся кувшин с водою, и кончившемся, когда вода еще не успела вытечь из него... Однако обыкновенный сон не годится для наших целей. Он слишком нестроен, его режиссер вечно путает сцены. Гипнотический сон более всего подходит для нас.

Гелий поднял голову.

— Да... Впрочем, не следует во всем уподоблять гипнотизм сну. В некоторых стадиях гипноза самое тусклое сознание может расцвести волшебным цветом. Один мой пациент производил впечатление гения своими экстатическими импровизациями, хотя в обыкновенной жизни это был бездарнейший писака.

— Может быть, он повторял чужие стихи? — усмехнулся Гелий.

— Все равно, — ответил врач, — наяву я не слышал от него ничего подобного. Это нечеловеческая память... Другой, совсем калека, профессор, высохший, как Момзен, становился великим воином, настоящим

Ганнибалом, сыном Гамилькара! Он вел свои войска через Альпы, ветер жег его лицо, боевые слоны гибли от холода, но глаза его горели, как пожары двух городов. Он спускался в италийские долины под ржание коней нумидийцев и мерный стон мечей, бьющихся о щиты... Так он рассказывал, клянусь болотом.

— Такие сны можно увидеть и в китайской курильне.

— Это более чем сны, — возразил врач, увлекаясь любимой темой. — Когда говорят о гипнозе, имеют обыкновение утверждать, что это воля гипнотизера вызывает в спящем процессы транса и т. п. Конечно, воля здесь ни при чем. Я говорю спящему, что его тело бескровно, и кровь перестает литься из ран, я говорю, что его мышцы окаменели, и слабый человек лежит на двух подпорках, касающихся его затылка и ступней, выдерживая большой добавочный груз. Это общеизвестно. Гипнотизер не может подчинить чужой так называемой души, он лишь вызывает в ней какие-то неисследованные силы, ассоциативные процессы мозга, и она более или менее раскрывает их, не переставая быть увлекающей загадкой...

— Хорошо, доктор! — прервал Гелий, явно любуясь необычайностью положения. — Ты хочешь усыпить меня и сделать только одно внушение: чтобы я вернулся в Страну Гонгури? Хорошо. Я готов на какие угодно опыты! Я только думаю, что меня трудно загипнотизировать... Впрочем, когда я засну, ты можешь попытаться. Сегодня я спал не более пяти часов.

Врач кивнул головой.

Коридор наполнился гиком и хохотом. Нелепо взвизгнула частушка. Кто-то тяжелый остановился у камеры, и в круглой дырке двери забегал мутный глаз.

— Не спишь, гады! — заорал голос. — Скоро тебе крышка.

Шум исчез, лязгнул железными зубами на гулкой каменной лестнице.

Старик прижал руку к решетке ребер. Гелий взглянул в побледневшее лицо и, вспомнив, заговорил спокойно:

— Что с тобой, Митч? Все хорошо. Я хочу плюнуть в глаза смерти. Что в самом деле дремлет в нас? Четыре года я знаю тебя, и теперь, здесь, ты остался таким же изобретателем экспериментов, каким был... А! Как мне сказать? Слышишь — тюрьма, камень, кованые приклады, гвозди сапог. Камень и железо. Ничтожество. А мы займемся нашим опытом! Я готов. У меня нет других мыслей...

Свеча погасла. Серый сумрак проник в квадраты окна. Гелий говорил:

— Теперь надо скорее заснуть. Спокойной ночи... — И совсем по-мальчишески улыбнулся. — Итак, мы отправляемся в Страну Гонгури!

Он отвернулся, закрываясь своей английской шинелью, снятой после боя с мертвого врага.

— Спокойной ночи, — машинально сказал врач.

Скоро он услышал ровное дыхание спящего, привыкшего засыпать в короткое время отдыха в грязи пристаней и вокзалов, в открытом море в бурю, в заставе перед тем, как идти в снега величайших равнин и стоять часами на грани борющихся миров и смерти.

Врач смотрел в лицо Гелия, освещенное голубоватым светом, и мысли его кружились. Его лихорадило. Он бормотал бессвязно.

— Электроны света, мысль в его мозгу... Мир... Мозг... Непонятно...

Он с усилием встал, очнувшись, и осторожно взял руку Гелия.

— Ты спишь, — сказал он, — спи! Волны мрака укачивают, как море.

Он приступил к своим внушениям.

Грудь Гелия расширилась. Он бредил и жестикулировал. Потом лицо внезапно побледнело, словно невидимая рука сдернула с него маску.

— В сущности, все гипнотические состояния индивидуальны, — пробормотал врач, прижимая пульс спящего, сам почти загипнотизированный спокойствием сна.

Тюрьма, камень, железо. В сумеречном сознании мелькнули врезавшиеся в память дни. Лицо Гелия было неподвижным.

...Гольден Гейт. Синяя соль и густой ветер. В России революция, Октябрь... После долгой работы он зашел отдохнуть в первую открытую дверь. Это был матросский салун. Грязные сильные люди всех рас. Крики многих наречий. И в центре, он сразу заметил у подвального окна, напряженное от потока мысли лицо, такое же, как теперь.

...Чудовищные леса и деревни. Морозы, пред которыми градусы Фаренгейта из сказок Лондона — оттепель. Костры под лапами громадных елей. Крутящиеся саваны буранов... Потому что Гелий сказал тогда твердо и безоговорочно: «Надо ехать». Тихий океан остался на востоке, но огневая завеса уже разделила Азию и Европу.

...Хаос первоначальной власти. Сражения. Коммунистические отряды, скрывшиеся в тайге. Санитарная повозка под шкурой медведя. Ремень винтовки, прилипший к плечу Гелия... В декабре их окружили. Не-

сколько человек по обычаю бандитских войн были доставлены живьем... Это — они.

Врач зажег спичку, чтобы закурить. Резкий свет упал на веки Гелия, спящий вздохнул глубже. Врач быстро бросил пламя.

Единственной его надеждой была миссия Соединенных Штатов, приехавшая в город. Говорили, что американцы, помогая излюбленному порядку паровозами и теплым бельем, иногда бывали в тюрьмах перед большими расстрелами, стесняясь финансируемого ими варварства, и, кажется, спасли кого-то. Он слышал фамилию Д. Мередит. Не тот ли Мередит, которого он лечил?

Врач эмигрировал сразу после 1905 года. Ему «повезло», как говорили. Он спокойно практиковал на Клэй-стрит, постепенно терял прежние знакомства и не думал больше о борьбе. Его стали звать «Мастер Митчель», друзья сокращенно — «Митч».

«Гелий! Он странно вошел в мою жизнь», — думал врач.

Он улыбнулся, вспомнив их встречу. Голод перемен и выхода был в нем сильнее первой любви...

Ему показалось, что лицо спящего стало еще поразительнее. Он взял его руку. В памяти зазвучали обрывки стихов, к которым приучил его Гелий. Он бормотал их вслух, не владея собой:

— Сердце губит радостная жажда,
Лучше умереть, но заглянуть...

Он смотрел в неподвижное лицо. Ему становилось не по себе. Точно огромный полет...

— Пульс!

Сердцебиение спящего замедлялось с угрожающей правильностью. Врач принялся будить его. Неожиданно это оказалось трудным. Гелий открыл глаза, но не

отвечал на вопросы и смотрел с таким сумасшедшим удивлением, что врач невольно отступил в страхе. Громко повторяя фразы, он стал рассказывать о происшедшем. Прием подействовал. Скоро Гелий стал более внимателен к окружающему и нахмурился от воспоминаний. Врач зажег свечу, велел Гелию закурить. Привычные ощущения лучше всего повлияли на него.

Он нерешительно взял обломок зеркала.

— Я не изменился? — сказал он.

— Ну как ты себя чувствуешь? — робко спросил врач, но Гелий только покачал головой.

Он сел на койку, опуская лицо в ладони. Далеко в городе ударил колокол. Гелий выпрямился.

— Сколько времени? — быстро спросил он.

— Час.

— Час! Скоро рассвет.

Он глубоко вздохнул и продолжал очень спокойно, как будто говорил о деле.

— Поздно... Да, кто-нибудь должен знать. Садись, Митч, слушай, что это было. Я закрою глаза, чтобы лучше видеть. Слушай!

Его речь зазвучала необычно:

— Я Риэль, так меня звали раньше, я Гелий, видел сегодня мир с непредставимой высоты. Я хочу тебе рассказать об этом... Я был Гелием и стал Риэлем... Вернее, наоборот. Но это лишь теперь я помню последовательность видений, тогда же было совсем иное. Видимость реального ничем не отличалась от обычного состояния вещей. Мне было приблизительно 24 года, как теперь. Это не значит, что моя жизнь длилась в течение 24 оборотов Земли вокруг Солнца — земные меры вообще неприменимы к миру, где я назывался Риэль, но я все же буду употреблять их, потому что кажущееся для нас понятнее действительных соотно-

шений. Да... Сначала я спал, потом моя жизнь стремительно потекла назад, к своему первоисточнику. Друг за другом возникали предо мной все более и более ранние картины, словно тени фильма, разорванной и соединенной так, что последние сцены стали первыми и первые — последними. Промелькнули школьные годы; началось детство. Я читал давно забытые книги, уносившие меня на воды Амазонки и Ориноко, на таинственные острова и далекие планеты. Я помню себя совсем крошечным ребенком, влюбленным в нянины сказки, безумная фантазия которых так торжественно звучала в темной детской, при свете зимних звезд; я внимал им и забывал себя. Потом я подошел к огромному дереву, несомненно, из учебника ветхого завета, и тогда, подобно смутному сну, во мне родилось воспоминание об этой жизни, хотя пред собой я видел только степь, но старик, похожий на оперного статиста, дал мне жемчужину величиной с голубиное яйцо, и я улыбнулся, уверившись, что вспоминаю лишь грезы дневного сна. Я стал смотреть на тусклый свет жемчуга, и мое сознание постепенно погрузилось в него, пока не наступил хаос... Но сияние жемчуга длилось. Бледная тончайшая пыль наполнила пространство. Сначала, как звездная туманность, скопилась в небольшой фосфоресцирующий шар. Он лежал в руке статуи, изображавшей мыслителя. По-видимому, все вместе, статуя и удивительный шар, представляли собой нечто вроде художественного ночника. Я отвернулся и попытался заснуть, но не мог. Свет раздражал меня, и я не мог забыть каменного лица, отражавшего напряженное внимание неведомого духа, неприятно-бледного лица, освещенного голубоватым сиянием... И вдруг у меня явилась мысль исследовать вещество голубого светильника в моей машине. Тогда где-то в са-

мом центре я ощутил непередаваемый толчок. Так бывает, когда вдруг забудешь что-нибудь... С этой мыслью я вошел в Страну Гонгури. С этого момента я ничего не помнил о себе. Я стал человеком другого мира.

Гелий замолчал, сжимая ладонью веки. Воля его билась с расстроенными полчищами образов, стремилась вернуть им порядок и красоту мысли. Сознание, что весь этот вихрь замкнут в клетке его мозга, было чудовищно. Гелий открыл глаза.

II. СТРАНА ГОНГУРИ

— ...Этот мир! Я его видел... Но мы все время видим его и потому идем сквозь строй нашей жизни. Не думай, конечно, что я расскажу что-нибудь по порядку...

Был 1920 год после революции. У нас были бананы, персики, розы... огромные! Вишни величиной с яблоко и персики величиной с арбуз. Я начал с яблок, потому что наша планета была прежде всего сад. Мир делился на страны по плодам их растений. Их пояса были нанесены на карту. Домашних животных я не помню. Правда, мы пили белую жидкость, называющуюся молоком, ели молочные продукты, в кухнях я видел желтоватый порошок, сохранивший название «яйца», но все это было делом химических заводов, а не скотных дворов... Сады, поля злаков и волокнистых трав. В более холодных широтах росли леса, но там не было людских жилищ.

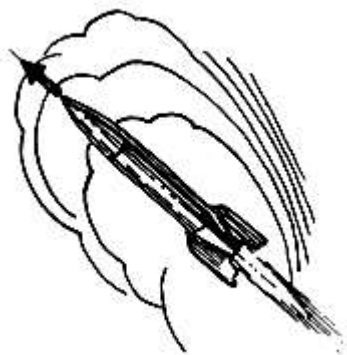
Среди садов, на много миль друг от друга, поднимались громадные литые здания из блестящих разноцветных материалов, выстроенные художниками и потому всегда отличные друг от друга. Эти дворцы строились так, чтобы казаться гармоническим целым с природой. Я хочу сказать, что они должны были излучать горение художественной мысли, чтобы слиться с горизонтом равнин, гор и садов... Впрочем, были также большие города. Их было немного. Там сосредоточивались библиотеки, музеи, академии. Улицы были разноцветным ковром того же непрерывного сада, только здесь было больше цветов, декоративных растений, фонтанов, статуй. Да это, впрочем, и не были улицы, артерии городов: передвижение со времени изобретения онтэита совершалось в воздухе.

Онтэ жил за тысячу лет до моей эры. Развитие нашей науки шло так, что физическая природа мирового тяготения постигалась ценой больших усилий. Онтэ первый дал законченную теорию тяготения и нашел особый комплекс энергии веществ, онтэит, стремящийся от массы. Воздушные корабли моего времени представляли собой стройные дельфинообразные тела, их оболочки были отлиты из легких металлов, в центральной верхней части помещались онтэзитные поверхности, замкнутые в диафрагму изолятора, вроде тех, что устраиваются в наших фотографических аппаратах. Движением диафрагмы сообщалось нужное ускорение по вертикали.

Со времени Онтэ можно было изменять очертания материков, уничтожать и переносить горы. При нем началась разработка общего плана планеты... Один раз в моей жизни я видел постройку нового города. Тысячи кораблей принесли сделанные на заводах части, летающие люди соединили их, но когда завершилась мысль инженера, заснула энергия машин, на смену пришли ваятели, живописцы, поэты, томимые своей

вечной неудовлетворенностью. Город был назван Лейтоэн по имени поэта Лейтоэн...

Мир — энергия, Митч, она безгранична. Мы здесь нищие миллиардеры, мучаемся от ее недостатка, но она всюду. И нужно немного разума, немного коллектив-

ного разума, чтобы подчинить ее организующей силе сознания. Как просто! А мы...

Гелий взглянул на шершавую ткань своего каменного мешка и, вздрогнув, продолжал:

— Первое, что я помню из моего детства, — это полет. Я учился управлять маленьким аппаратом, состоящим из пояса, поглощавшего тяготение, и радиодвигателя. В первый раз я испытал ощущение бесплотности, как от наркоза. Но в конце второго тысячелетия новой эры не только машины были совершенны. От права и власти — этого подобия кнута и других воспитательных атрибутов — почти ничего не осталось. Преступление стало невозможным, как... ну, как съесть горсть пауков! Только дети еще играли в государство и войны. И вот, в играх я всегда стремился лететь скорее и выше других, вызывая смех взрослых.

Мне было шестнадцать лет, когда радио Лоэ-Лэлэ загремело тысячами рупоров и экранов, что Везилет вернулся. Везилет провел четыре года на Тобероне, крайней планете нашей солнечной системы. Межпланетный путь был пройден еще в легендарные годы последней революции, но только после изобретения онтэита межпланетное сообщение стало обычным. Освобожденные от тяжести «победители пространства» всплывали до пределов тяготения, и тогда небольшого радиоактивного двигателя было достаточно, чтобы развить планетную скорость и лететь в любом направлении. Существовало постоянное сообщение с планетой Санон, ближайшей к нам из внешних миров. В экваториальном его поясе были наши колонии. На остальных планетах человек не мог жить, там жили странные чудовища. Исследования этих миров длились века, много экспедиций погибло, на смену им

мчались новые. Мне было шестнадцать лет, и я был охвачен пламенем этого чистого героизма...

Когда я говорю о своих видениях, Митч, не кажется ли тебе, что это действительно «более чем сны»? Мир Гонгури во мне, неотделим от меня и так ясен, словно горный день. А вот когда люди лежат друг против друга, зарывшись в снег, и целятся друг в друга, и в сознании грохот, грохот, грохот...

— Ты рассказывай, — сказал врач тихо.

Гелий сдавил скулы.

— Да... — очнулся он. — Я бросил свою школу в Танабези и улетел к Везилету. Я узнал, что он снова отправляется в путешествие, теперь на последнюю планету, между нами и солнцем, Паон. Ось вращения Паона была наклонена к плоскости эклиптики почти на 40°, зной и холод чередовались там в полугодовые сроки. Я помню, для меня это было так удивительно! Я сказал Везилету, что в Танабези скучно, что я хочу ему помогать. Вероятно, это было трогательно, и Везилет засмеялся, чтобы безобиднее меня выпроводить. Он сказал, что на Паоне надо одеваться. Ни одна тряпка еще не оскверняла моего тела. Только старые люди носили туники. Везилет напялил на меня шерстяное белье, меховую куртку, шубу, шапку, обувь. Мне казалось, что меня бросили в муравейник, я не мог шевельнуться, как твой кролик, положенный на спину и таким образом загипнотизированный необычностью положения. Старик смеялся. Тогда я прошелся по металлическому полу, до слез заставляя себя улыбаться, и сказал, что я силен, что я могу носить тяжести и хорошо знаю машины. «Может быть, мы возьмем его?» — это была Нолла, спутница Везилета. Так решилась моя судьба. Вошел Марг, сильный человек из колонистов Санона. Кожа его была белой, а губы чернели ата-

вистическим пушком. Марг больно сжал мускулы моей руки. Я молчал. «Ты должен работать, — сказал он, — иначе я тебя выброшу. Идем!»

В небе сиял огромный Паон, бог страсти.

В безвоздушной среде единственной неожиданной опасностью были метеориты, блуждающие обломки миров, что давало возможность избежать смертельной встречи с этими своеобразными рифами межпланетных пространств. Марг ушел управлять кораблем. Нолла смотрела в нижнее окно. Везилет заперся в своей каюте и рассказывал что-то почти шепотом машинке, записывающей речь.

Предо мной вздымался громадный амфитеатр нашей планеты. Сотни раз с той же высоты я видел на экране очертания знакомых земель, и все же их чрезмерная реальность казалась фантастичной. Контуры материков и облачные массивы были огромны, краски сияли. Я надолго забылся в экстазе созерцания.

*«Мир исчезал, но мы летели дальше.
И сердце не хотело возвращенья», —*

как смутное эхо, вспоминаются стихи Ноллы... Она действительно не вернулась.

Я полюбил Ноллу. В однообразные часы, среди бесконечной пустыни мира, далеко от ее оазисов, освещенные ослепляющими лучами солнца, неизменно лившимися с одной стороны, тогда как в другие окна были видны лишённые своего ореола разноцветные звезды, я полюбил то сияние мысли, каким Нолла озаряла жизнь. Диск нашего мира сначала прочно казался дном, потом замкнулся в круг, стал чем-то существующим сбоку и незаметно опрокинулся ввысь зеленоватой луной. Мы говорили, стараясь не двигаться, так

как всякий легкий толчок перебрасывал наши потерявшие вес тела к противоположной стене. Тогда мы медленно, как рыбы в аквариуме, плыли в воздухе, взвешенные, точно жидкое масло в растворе воды и спирта. Нолла смеялась. Я был заражен чем-то вроде слабого отголоска патриотизма диких времен.

Да, мне казался странным город Лоэ-Лэлё. Я родился в стране, где не было ничего лишнего. Точная мысль определяла производство. Коллективное творчество преобладало. Даже художники очень часто вместо подписи ставили знаки своих школ. Лоэ-Лэлё, конечно, был звеном той же цепи. Образование, материалы для творчества, пища, город, одежда были спаяны одним планом планеты, но то, что не было признано необходимым для жизни и развития народа, ни в Та-набеси, ни в других городах не производилось. А в Лоэ-Лэлё до сих пор существовали диковинные социальные наросты, люди, употреблявшие какое-то курево, вино. Я помню, я увидел у Ноллы алмазный диск с тончайшей резьбой, изображавшей лицо Энергии. Это была страшная чепуха: деньги. Ценность их была, разумеется, условной, потому что наши заводы превращали любые вещества. Единственной мерой могла считаться только полезная энергия. Денежная единица Лоэ-Лэлё равнялась принятой силовой единице радия. Я сказал Нолле что-то вроде: «Вы плохо кончите», — очень довольный сознанием своего превосходства.

Удивительнее всего была история Лонуона. Ученый и поэт, он был одним из величайших людей моего времени. В его реторте впервые зашевелилась протоплазма, созданная путем синтеза из мертвого вещества. «Настанет день, — говорил в стихах Лонуол, — когда человек будет питаться мыслями и рождаться от платонической любви». Лонуол отказался от избрания

Ороз, чего никогда не случалось прежде, построил недалеко от Лоэ-Лэлё, на скалистом мысе западного побережья, большой дворец, но не включил его в общую городскую сеть. Он жил там со своими учениками, подобно легендарному повелителю, окруженный необычайными обрядами и почестями. Все это казалось вымыслом, даже сном. В Танабези избегали говорить о Лонуоле.

Нолла соглашалась, улыбаясь, и дразнила меня: «Да, вы многочисленнее, счастливее и... бездарнее. Кто был Онтэ? Кто Везилет?» Среди вещей Ноллы я нашел эмалевый изумительный портрет молодой девушки. Она стояла светлая, каменная, нагая. Черный нимб озарял ее лицо. Меня ослепил свет страсти, но глаза девушки были такими далекими, что было неопровержимо, только подвиг мог бы разбудить этот огонь. Вот для чего стоило жить! Я видел... Лоэ-Лэлё на берегу залива теплых вод, на полуострове, прямым углом вдавшемся в море. Там, где пересекались набережные, на блестящей глыбе, стояла статуя юноши, восходящего к свету. Я видел сверкающие здания, бездонные зеркальные площади, улицы, полные шума и удивительных криков, гипертрофированные розовые кусты, разноцветные деревья, аллеи, вымощенные плитами темного топаза, солнечные поляны — голубые, зеленые, желтые, — легкие невиданные постройки, одетые

вьющимися цветами, огромными, как луны. Внизу за деньги покупают вино и душистый дым цветов Аоа... И над всем этим миром такая девушка!

— Это Гонгури, — сказала Нолла.

«Ах, что мне было сделать!» — думал я...

На шестидесятый день наш блестящий корабль влетел в орбиту редчайших слоев атмосферы Паона. С непривычной быстротой, усиленное постепенным замедлением скорости полета, стало возрастать ощущение веса. Я лежал, прильнув к нижнему окну, и смотрел на растущий диск планеты. Океаны занимали большую часть ее поверхности; они были беспокойны, разных оттенков — от грязно-бурого до темно-синего и на полосах покрыты шапками льда и снега. Кое-где из этой массы воды торчали уродливые глыбы суши. Половину видимого пространства застилала горная цепь туч. Постепенно она закрыла все поле зрения, пока мы не погрузились в нее бесшумно, как в тончайший пух. Из облачного хаоса дыбом встали редкие полосы хвойного леса, лесом покрытые горы и в центре свинцовая река, широкая, точно морской залив.

Я не буду рассказывать о наших скитаниях. Они были огромны. Мир Паона был тяжек, как Земля. Мы не могли воспользоваться обыкновенными летательными аппаратами с нашим тройным почти весом, но холодный сжатый кислород Паона возбудил нас, и мы, сгибаясь под ношей своих тел, ушли в лес пешком. Нолла говорила: «Прекрасно, передвижение в диком мире должно свершаться диким способом, идем!» Гигантский ливень настиг нас, горные потоки подняли и унесли межпланетный корабль в реку. Светящаяся пыль солнечных лучей рассыпалась так быстро, словно на небо целыми океанами лилась тьма. Наступала ночь. Мы, привыкшие к одиночеству людей высокого

социального строя, легли вместе, как маленькое стадо дикарей, у дымящегося костра. Марг сказал, что мы будем по очереди не спать и «сторожить». Мне пришлось вспомнить многие полуисчезнувшие слова...

Утром, словно на высочайших горах, выпал снег.

Мне запомнились эти дни... Нет, надо сказать: ночи. Дня почти не стало. И вместе с тьмой росли холод и метели. Река окаменела в белых льдах. Мы шли вниз по реке, ища в ледяных полях стальной блеск «победителя пространства». У нас было оружие — три больших электрических заряда. Марг убивал животных, сдирал их шкуры для ночлега, варил мясо больших белых птиц. Мы ели мясо, и сила санонца казалась нам чем-то более совершенным, чем поэмы Ноллы. Он вел нас и повелевал нами. Но он погиб, раздавленный пятой зверя...

Мы не могли похоронить Марга, как обыкновенно, бросив его тело в беспредельность звездных пространств; нам пришлось сжечь труп на большом костре. Пахло горелым мясом. Нолла бредила. Я построил шалаш из коры и сучьев. В первую же ночь его занесло снегом. В этой пещере мы жили семьдесят дней. Впрочем, нет: Нолла освободилась раньше. Она заболела. Болезнь перешла в смертельный жар. Она умерла.

Я помню... каждый день я выползал на сверхъестественную стужу расчищать сугробы. В углу на груди вонючих шкур металась Нолла, выкрикивая непонятные названия: «Ра, Тароге, Огу!» Везилет неподвижно сидел у ее ног. Я должен был поддерживать огонь, греть воду и убивать животных. Когда умерла Нолла и горе мое стало угрожать и моей жизни, Везилет увлек меня строить другое жилье. Прежнюю нору мы превратили в баню с глиняным котлом и печкой. В первый раз я увидел, насколько мы, жители великих го-

родов, забыли первичную, непроницаемую тьму природы. Когда-то я был подобен тропическому цветку, и вот теперь я выхожу из дьявольской раскаленной парильни, построенной по образцу, заимствованному из музея в Танабези, и одеваюсь на морозе, при свете туманной влаги, освещенной звездами. И в морозном ореоле, как сон или чудо, предо мной сияет зеленая звезда Гонгури. То, что раньше казалось невозможным, стало действительностью, но так как прежде было более реально, чем настоящее, то по временам все мерещилось непрерывной грезой.

Везилет стал для меня ближе и понятнее. Я думал, что Везилет мог бы жить в Лоэ-Лэлё и женщины, подобные Гонгури и Нолле, любили бы его; но всю жизнь он провел в грубой борьбе с опасностями диких миров. Какая сила влекла его по этому пути? Не то ли смутное беспокойство, что оторвало меня от правильной жизни в моей школе?.. Везилет улыбнулся и заговорил со мной, как с равным, о последних достижениях, о той страсти, что словно ледяной газ сжигает мозг мыслителей... Я слушал его и слушал вой зверей, и вьюги, и шипение дымного дерева в огне...

Однажды с моей охоты я вернулся, ликуя! Солнце дольше обыкновенного задержалось над горизонтом... Скоро снег не выдержал и помчался в реки грязными струйками. Лед раскололся и поплыл, крутясь и сталкиваясь с веселым шумом. Земля покрылась цветами и вдруг высохла и запахла зноем. Огромные бабочки вылупились из своих куколок, амфибии и змеи наполнили траву, птицы вернулись с юга... Я никогда еще не представлял себе смены времен года, и неожиданно наяву я увидел, как ожило «заколдованное царство»! Казалось, мир наполнился галлюцинациями... Сверкающий корабль летел в голубой яри, приближаясь ко

мне... Люди, подобные тем, каким я был когда-то, вышли из него и более ясные, чем сон, приветственно подняли руки. Это были люди Лоэ-Лэлэ.

Гелий встал.

— Есть у тебя табак, Митч? — сказал он. — У меня что-то дрожит вот здесь. Я все рассказываю не о том, о чем хотел.

Врач вывернул карманы. Гелий жадно проглотил клуб вонючего дыма, продолжал:

— Я вернулся в Танабези. И тогда я снова понял, что мне скучно. Мне было скучно от математически правильных коридоров с рядами аудиторий по сторонам, от алмазных ромбов, покрывавших пол, от цилиндров колонн, от параллельных линий, от безжалостно знакомых поступков людей. «Ах, что бы мне сделать?» — думал я с тоской. В чем счастье? Недавно это был отдых у огня после длинного перехода и спокойный сон для мозга и мышц. Сэа, моя подруга, лучшая из всех, казалась слишком самоуверенной, когда я смотрел в лицо Гонгури. Мне удалось усовершенствовать один из двигателей воздушных кораблей. Я видел, как мои машины распространились всюду, но никто даже не знал моего имени... Потому ли, что я один боролся с чудовищами Паона и во мне проснулись тысячелетние зовы, потому ли, что разгоралась еще моя юность, но не одна любовь, зависть — я сам себе стыдился признаться в этом — схватила меня, когда я услышал об избрании Гонгури в Ороэ. Я видел ее на экране, гордую и прекрасную, с невидящими глазами стоявшую пред мировой толпой, и краски горячей крови заливали мое лицо. Я думал: «Вот какая-то девушка, сочиняющая стихи, носит знак Рубинового Сердца, а я все еще здесь!» Я оставил Рунут, читавшего Высшую Телеологию в Танабези, и улетел в Лоэ-Лэлэ.

Мне ничего не было жаль в Танабези, кроме Рунут и, может быть, Сэа. Рунут — кажется, он был моим отцом — не стал меня отговаривать.

— Я был там и вернулся, — сказал он, улыбаясь моему тщеславию.

Это меня смутило, но в моей памяти волновался лик огромного здания, величайшего в мире, в центре круглой зеркальной площади Лоэ-Лэлё. Его названия менялись в зависимости от того, какая сила казалась наиболее величественной и всемогущей. В мое время это был Дворец Мечты. Я пришел, чтобы самозабвенно работать в его лабораториях и достичь... — чего? — этого я сам не представлял себе ясно... Везилет выслушал меня ласково и сказал, положив руку на мое плечо: «Не большое достоинство, что ты придумал свой двигатель, Риэль, но то, что ты так молод, действительно заслуживает внимания». Я вздрогнул: гении Лоэ-Лэлё избирались в Ороэ, когда они были молоды...

— Ороэ, — тихо перебил врач. — Ты не говорил...

— Да... Как несовершенно слово! Как ограничена в средствах передачи наша мысль!.. Вот в одно мгновение я без всякого усилия могу охватить все пережитое мной, весь этот мир, а чтобы передать тебе хоть небольшую часть, я рассказываю, рассказываю, пропуская тысячи вещей, и все не могу дойти далее до видений сегодняшнего сна... Да!.. Ороэ — это, конечно, пережиток. Первоначально так называлась организация художников. За две тысячи лет до моей эры какой-то царек, по имени Ороэ, додумался, что он не понесет особого ущерба, если освободит несколько человек от разных чудовищных повинностей того времени. Ну, разумеется, царек очень любил мадригалы, льстивые портреты, почетные титулы и рассчитывал на славу. Он назначил деньги на жизнь 25 молодым художни-

кам различных искусств. Ему приписывают, между прочим, любимый афоризм Везилета: «Мысль не поэма, не пропадет». Я задумался раз над его словами, и, мне кажется, здесь есть доля истины. Если бы, например, Менделеев умер перед тем, как открыть свой знаменитый закон, он был бы все равно открыт немного позднее. Но никто никогда не кончит «Египетские ночи». И еще: если бы вдруг спустились на нашу планету люди другого мира, превосходящие нас на несколько тысячелетий культуры, твоя медицина, например, показалась бы чем-то вроде шаманской магии... Да! Зачем это я?.. Разумеется, гениальность в те времена, как у нас, самым тесным образом связывалась наличностью Ясных Полян. Подавляющее большинство художников, литераторов, с первых шагов принужденных жить на свой случайный заработок, Маркс не без основания ставит в один социальный ряд с бродягами, авантюристами, ворами, разорившимися кутилами, отставными солдатами, тряпичниками, точильщиками и т. д. — не припомню всего списка. Эти люди богемы или близкие к ней всегда живут, боясь большой работы. Говорят, у Берлиоза была больная жена, когда он задумал прекраснейшую из своих симфоний. И он принудил себя забыть ее, чтобы иметь возможность сочинять вещицы для рынка. Он совершенно забыл ее; это вполне достоверно... Ну, я опять о нашей тюрьме... Институт Ороэ, конечно, очень скоро выродился, в него попали всякие подлизы. Но идея осталась. В первые годы революции, после отмены крупной собственности, мастерство упало. Последующий же расцвет, несомненно, связан с организацией Ороэ. Члены ее выбирались на съездах делегатов всех творцов страны... Впоследствии материальная необходимость института исчезла, но, как я говорил, Лоэ-Лэлё, один из

древнейших городов, сохранил много пережитков. Рядом с прекраснейшими зданиями там оставлены такие исторические уроды, которые казались столь же нетерпимыми, как заразные животные. Я никогда не мог к этому привыкнуть. Ороэ Лоэ-Лэлё объединял всех выдающихся людей города. Его гении в принципе были всемогущи. Каждая их мысль должна была осуществляться, хотя бы для того потребовалось напряжения всех народных сил. Нечего говорить, понятно, что у избранников Лоэ-Лэлё не могло быть низких и нелепых побуждений.

Члены Ороэ почти всегда избирались в молодости, по первым лучам их дарования. Вот отчего сердце мое забилось сильнее от слов Везилета. Я был тогда очень молод.

На другой день я получил свои комнаты на Засадной улице, высоко над морем и розовыми садами. С первых дней я перестал принадлежать себе. Неисчислимые толпы наполняли аудитории, музеи, библиотеки Дворца Мечты. Неисчислимые противоречия отравляли его воздух. Оглушительные фразы, непонятные и сложные доказательства проносились по многоликой душе словно вихрь, более могущественный, чем буря Паона. Я видел людей, стонавших от тяжести мысли, я видел их равнодушными к внешнему над листами книг.

Я возвращался, томимый смущением. Я забывал о своих мечтах.

Легким движением я включал ток в систему приборов, чтобы получить из библиотеки книги Ноллы и Гонгури. Скоро я сам стал писать стихи. Было так хорошо читать, слушать с кем-нибудь музыку, созерцая в глубине экрана театральные представления, или про-

сто смотреть в огромное окно на сияющий город и темное небо...

Однажды высоко над ширью влаги я играл в лучах заходящего солнца с девушками Лоэ-Лэлё. Пылали фосфорические тона океанийских закатов. Мы ловили птиц и отпускали их разноцветными розами. Это был детский спорт, и мы были веселы, как дети. Я увидел незнакомую девушку, летевшую мимо. Я догнал ее. Она плыла, закинув руки за голову, смотря в бирюзовое небо, где начинали сиять самые большие звезды.

Широкий, черный онтэитный пояс сжимал ее крепкое тело. Она задумалась и не сразу поняла меня. Потом, когда я был совсем близко, она взглянула в мои глаза с легким пренебрежением, с ласковой досадой и отвернулась. И только тогда я заметил Рубиновое Сердце-признак Ороэ. Я узнал ее: то была Гонгури, моя Гонгури!..

В ту же ночь я снова заблудился в лабиринте Дворца Мечты. Мне снова показалось, что меня окружает безнадежный хаос, и я никогда не отличу в нем истинно ценного от хлама... Но вот я услышал Везилета. Я вижу его как наяву: высокий, седой, дымящий листьями Аоа, пахнущими эссенциями тропических смол. Он был прекрасен среди множества приборов и машин, прекрасна была его речь, чистая и сухая, как треск электрических разрядов. Он не читал определенного курса. Разные сведения можно получить из книг. Он говорил лишь о том, что волновало мир, и тянул нас за собой, на высоты подлинной науки. Я дрожал на его лекциях, как любовник, и бледно-коричневая кожа моего лица становилась огненной от возбуждения.

Случилось так, что в то время вновь разгорелся спор о строении материи... Т. е., конечно, свойства всех элементарных частиц, их формы, объем и вес, пути

атомов, электронов и даже открытых Онтэ радалитов были давно вычислены с точностью орбит небесных тел нашей системы. Все это входило в учебники. Вопрос шел о пределе...

И вот под влиянием мучительной моей и светлой жажды во мне возникла отчаянная мысль — овладеть мельчайшими лучами энергии, претворить их в подобные им, видимые световые волны и собственными глазами посмотреть, из чего состоит Мир!

Прошло два года. Я полюбил пустынные места в горах, далеко к северу от Лоэ-Лэлё, у каких-то нечеловеческих изваяний, высеченных неизвестным скульптором. Я отдыхал на плоском камне, измученный потоком мыслей и неудач. В глазах расплывался серебряный свет нашей маленькой луны.

Внезапно в полусонных глубинах сверкнула чудовищно яркая молния. Машина Риэля была найдена!

Я не помнил явившейся мысли, она была мгновенна, но я знал, что она живет во мне и теперь остается только расшифровать ее... Но еще два года я сжигал свой мозг в лабораториях фантастического здания, два года с безумным темпом мысли я переходил от книг к вычислениям, от вычислений к опытам и лекциям. Гонгури пришла ко мне узнать о странной моей работе, и я достиг наконец ее желанного взгляда.

Я знал, что она считает меня неудачником, но я был уверен в себе. С тех пор я часто замечал издали ее сияющий взор, но Гонгури и всему окружающему я уделял лишь немногие минуты и незначительные слова. Она была обыкновенная девушка. Как все.

Я работал в гигантских «Мастерских Авторов». Во главе Мастерских стоял старикашка Пейрироль, выбранный туда за свою нечеловеческую любовь к машинам. Днем и ночью я видел его проверяющим му-

скулы своих любимцев, то изящных, хрупких и сложных приборов для тончайших измерений, то огромных электрических молотов, изрыгающих торжествующий чрезмерный грохот в атмосфере стальных плавилен. Тысячи тонн металла выбрасывались вверх с помощью поверхностей онтэита и вновь падали, давя на чудовищные рычаги, наполнявшие движением тысячи зал Дворца Мечты. Я сроднился с этим вечным движением, шумом, визгом и шелестом, выделявая части моей машины и торопя помогавших мне мастеров из студентов верхних этажей. Восемь раз модель оказывалась недостаточно точной, восемь раз мы принимались за нее снова. Пейрироль встретил меня однажды тонкой усмешкой. По его мнению, я должен был поплатиться за свои фантазии. То, конечно, был намек на эстетический обычай, по которому неудачники всегда старались возместить расходы Мастерских. Я снова поднялся в аудитории и библиотеки. Однообразными днями я просиживал за чертежным столом или блуждал, не видя, по бесконечным музеям и городам всех эпох, воспринимая сквозь сон сказочное величие и помня все одну и ту же мысль, пока меня не нашли ночью без сознания под лапой атлантозавра.

Меня отправили лечиться в онтэитный завод. Кажется, почти все заводы находились в ведении врачей. Завод, зеркальный и железный, стоял в горах, в хвойной чаще, у порогов Сортуа-Ту. Каменная плотина пересекала ущелье. Под стеклянным куполом, под ветром озона час или два в день я делал ритмические движения в бездумном и прекрасном напряжении тела. Под переменный ток тускло сверкали мчащиеся маховики, сухие искры поднимали волосы, щекотали спину. Для изготовления онтэита требовалось огромное количество энергии. Воздух, казалось, был насы-

щен ею... Впрочем, некоторые доказывали, что часть производимой онтэитом работы совершалась за счет уменьшения центростремительной силы. В последнее время, помню, с этой целью были организованы новые измерения. Я пробовал вычислить, когда использование онтэита заметно отразится на космическом равновесии.

Врачи отпустили меня через месяц. Тогда, точно получив резерв для атаки, я снова кинулся в дым Аоа в Мастерские Авторов.

И я победил. Я первый увидел, как плотный кусок вещества превратился в мелькающий вихрь светящихся точек. Я придумал способ следовать всем их бесчисленным движениям. Я научился наблюдать эфемерные, мимолетные явления, замедляя их, замедляя само время...

Конечно, я понял, что вовсе не разрешил проблемы, но большего я и не ждал. Атомные системы превратились в звездные миры, в солнца, окруженные планетами. И в их спектре, в первых же поспешных моих наблюдениях, я нашел мелькнувшую линию хлорофилла.

Гелий вздрогнул.

— Стало холодно, — сказал врач.

— Нет, другое, — продолжал Гелий. — Я улетел к Везилету. Он встретил меня беспокойной и ласковой насмешкой, но потом слушал много часов подряд. Слава моя росла, точно обвал. Меня избрали в Ороэ. Торжественный обряд должен был совершиться в ближайший день. Но мальчишеская моя греза теперь меня не волновала. Время действительно нелепость. Можно прожить десять лет и сохраниться как уродец в спирту, а можно стать совсем другим в несколько дней. Я вырос, я был безучастен к своему триумфу. Может быть,

это было временное утомление, преходящее влияние бессонных ночей, листьев Аоа и напряженной мысли, но я был склонен считать мое состояние тем конечным пунктом, куда приходит всякий разум. И странно, погибая от усталости, я в то же время испытывал мутящую пустоту наступившей бездеятельности...

У меня была бессонница. Я лежал в большом зале на мягком черном диване, и мои глаза были открыты. Я был один. Тишина ночи нарушалась только легким плеском струек воды, лившейся в углу из мраморного экрана. Она освещалась у своих истоков яркими сконцентрированными лучами всех цветов спектра, преломлявшимися в воде, словно каскады самоцветных камней. Я подумал о том, что мне надо уснуть, для этого следовало бы принять небольшую дозу яда, но мне не хотелось вставать. «Темнота лучше всего», — прошептал я, движением руки гася свет, сиявший в разноцветных струйках. Стало темно, но не совсем. Какая-то бледная тончайшая пыль наполнила воздух. Я оглянулся: свечение исходило от фосфоресцирующего шара, лежавшего в руке статуи Неатна... Я говорил об этом.

И вот у меня явилась мысль исследовать вещество шара в моей машине.

III. НАХОДКА

— Ты говори тише. Я вижу, ты устаешь. Говори просто.

— Да. Я лягу.

Митчель подвинулся, набросил на него шинель. Сукно было грязно, пропитано несмываемым злом мира.

— Представляешь ли ты смену моих переживаний? Все, что я рассказывал, — это воспоминания Риэля.

Теперь я хочу рассказать о том, что я видел на самом деле, в моем сне... Слушай!

Очарованный моей мыслью, я подошел к машине, держа в руках светящийся шар. В черноте окна виднелось безлунное небо. Было темно, но высокие кипарисы — факелы мрака — все же выделялись на Звездном Пути. Маленькие метеориты иногда сгорали, мгновенно отражаясь в море. Вспыхнула зарница. Я включил ток в механизмы и, встав на каменный диск, заглянул в окуляр... Так я помню все очень ясно.

Молекулы фосфоресцирующего вещества были сложны, как молекулы органических соединений. Они отражались на жемчужном экране вихрями звездных скоплений. Я замедлил, вспомнив детское мое увлечение искусством сияющих цветов. Потом я уловил движения одной из частиц. Это была простая желтоватая звездочка, и я оставил ее, заинтересовавшись одной из планеток. Ось ее вращения была наклонена к плоскости эклиптики, полушария то замерзали, то становились желтыми от зноя, как Паон.

Сердце мое нехорошо ударило. Я приблизил планетку. Стадо четвероногих, напоминавших антилоп, паслось на берегу ручья. Вдруг стадо исчезло, желтый хищник распластался в упругом прыжке...

Быстрое пламя наполняло мои жилы.

Я вспомнил, Везилет рассказывал мне о своих новых исследованиях явления мировой энтропии и о своей любви ко всякой жизни, вступающей в неравную борьбу с этим грозным процессом обесценения энергии. И вот я увидел, что жизнь насыщает мертвое вещество, повторяясь в однообразных формах. Арена мировой битвы расширяется беспредельно...

Желтый зверь начал пожирать свою добычу. Я от-
вернулся.

— Что это! Мне вспомнились враждебные звуки четвероруких существ Паона. Предо мной были жалкие жилища, вроде тех, какие мы строили в делях. У самого большого шалаша плясали черные обезьяны, вооруженные длинными палками.

Я, кажется, вздрогнул. То были люди, почти люди!

Двое дикарей вышли из шалаша, и на их пиках я увидел мертвые белые головы настоящих людей. Орава уродов вытащили нагую белую женщину. Черные самки зажгли костры. Жрец начал мистический танец...

Я спрыгнул, забегал по залу, радостный и оглушенный. Какое открытие могло сравниться с открытием Риэля!

Я снова подошел к окуляру. Жрец слизал с ножа кровь. Я тронул кремольер.

Предо мной был город светлокожих. Если бы не снег, он напоминал бы города далекого прошлого моей страны. Улицы, возникавшие столетиями, поразительное неравенство зданий, вагоны, движимые электричеством, передававшимся по проволоке, тяжелые машины, четвероногие и нелепая толпа одетых, волосатых, безобразных людей — все это я видел когда-то в стеклянных залах музеев Дворца Мечты.

Я видел поезда, катящиеся по железным рельсам силой перегретого пара. Из красных ящиков вылезали люди и тащили громадные сундуки и узлы, сгибаясь под их тяжестью. «Частная собственность», — сообразил я.

Следуя за движением этих поездов, я перевел мой взор в глубь страны.

Белые дикари мало отличались от черных.

Я смотрел на снежный ландшафт. Седой лес, замерзшие воды, гнилые деревни. Вот предо мной человек, одетый в шкуру барана. В одной руке человек несет, размахивая, несколько убитых зверьков, другой тянет детеныша. Рядом понуро шагает теленок. Они входят в жильё, и теленок входит за ними. Внутри, на земле, лежит старик в шубе, в шапке и качает ногой люльку. Под люлькой, на сене, сука и выводок щенков.

Люди жили вместе с животными, как животные.

В одном месте при свете луны я увидел статую, воздвигнутую на пороге желтых песков: зверь с лицом человека. Я обратил внимание на толпы одинаково одетых мужчин, шагавших в ногу, возбужденно горланивших и вооруженных длинными ружьями, оканчивавшимися ножами. То, что я увидел, совсем не совывалось с моим представлением о войнах. Здесь не было ни подвижных армий, ни осажденных городов, ни «героев». Здесь были осажденные страны и вооруженные народы. В глубоких длинных ямах, вырытых параллельными рядами, на расстоянии большем, чем от Лоэ-Лэлё до Танабези, стояли люди и целились друг в друга. Я оценил высокое качество огнестрельного оружия и военных машин, применявшихся во враждебных армиях, каких никогда не было у нас...

То была скорее не война, а коллективно задуманное самоубийство. Я стал терять мое высокое равнодушие

исследователя. Меня встряхивала перемежающаяся лихорадка странного возбуждения. Временами я стал забывать о себе, жить чужой жизнью... Так, вероятно, бывает, Митч, когда вместо того, чтобы лечить болезнь, ты заболеваешь сам.

— Да, — сказал врач.

— Боюсь, мои видения покажутся слишком обыденными, надоевшими. На трамвайном столбе медленно, как маятник дьявольских часов, качался черный труп повешенного. Город был мертв. Только маленькие мохнатые хищники бегали по улицам, обнюхивая куски брошенных тканей. Кругом города шли такие же мертвые изуродованные поля, словно земля в этом месте покрылась струпьями безобразной болезни. По ним бродили люди с красными значками на рукавах — символы могильщиков, вероятно, — и подбирали своих братьев — безликих, безголовых, безногих, жалкие комки запекшейся грязи, бывшие когда-то людьми.

В грязевых гейзерах взрывов, в спутанных клочьях колючей проволоки, бетона и глины, где лишь угадывалась красная примесь, из траншей поползло длинное облако стелющегося дыма. Когда оно рассеялось, пространство, заключенное в поле моего зрения, напоминало кладбище солнцепоклонников. Мертвых сменили живые, защищенные безобразными масками. И какие-то громадные машины медленно двинулись на них. Солдаты выползали из своих ям. Люди бежали и падали, становясь странно неподвижными. Вдруг широкий взрыв мгновенно разорвал одну из машин. Куда-то бросились солдаты с запрокинутыми головами, и лица их, быть может, мне показалось, были черны, как уголь. Они так и застыли в моей памяти, потому что с порывом шторма белое облако, словно погребальный

саван, закрыло всю сцену. Внизу клубилась неровная поверхность легкой влаги; на ее фоне простер крылья примитивный летательный аппарат. Аэроплан сделал несколько кругов и, как птица, увидевшая добычу, нырнул вниз.

Я скоро заметил, что раскрывавшиеся предо мной события не были связаны обычным течением времени. Отраженные лучи микроскопического светила каким-то сложным процессом перерабатывались для моего восприятия. Но стоило мне сдвинуть легкий рычаг, и в мой глаз проникал уже другой ряд лучей, в мое сознание — другие впечатления, и я не всегда мог определить, какие из них более ранние и какие поздние. Война — или, может быть, не война, — повальная болезнь, алые язвы которой я видел в ограниченных полосах страшного мира, внезапно просочилась внутрь страны. Те же пятна войск расплывались по планете, отличаясь лишь едва заметными значками, и немедленно вступили в борьбу. Только приемы были примитивнее и кровожаднее... Впрочем, все это я видел... Пленники со связанными руками, которых под дикие танцы медленно топили в реках, пожары, внезапные порывы великодушия и потом еще более глубокий мрак странных противоестественных страстей, какие может навевать лишь болезнь... Кто говорил мне об этом?.. В тропических странах Паона есть чудовищный вид муравьев. Если разрезать экземпляр этой породы на две части, то половинки, челюсти и жало начинают свирепо сражаться друг с другом. Так продолжается каждый раз, в течение получаса. Потом обе половинки умирают.

Я вспомнил океан, мерное дыхание волн, простое сердце стихий. У меня возникла жажда погрузить сознание в его космическую синь; но на равнине воды,

как пятна сыпи, появились сотни больших военных судов. Вдали одиноко погибал брошенный корабль. Объятый пламенем и черным дымом, он медленно погружался в пропасть, и обезумевшие ослепленные люди с разбега бросались в ледяные волны, среди наступающей ночи. Двигались наглые щупальца прожекторов. И волны, отражая огни пожара, казались фантастической зыбью адских болот, где, как говорит великий поэт, вечно мелькают беспомощные руки отверженных, простираясь к пустому небу за несуществующим спасением и ловя только холодный воздух бездны...

Я зажег белый свет, чтобы проверить ясность моих восприятий. Все было неизменно. Я приблизил плакетку.

Было утро. В ореоле ледяных радуг вставало солнце. Под холмом сбились в кучу всадники и пехотинцы, плясавшие, как дервиши, чтобы согреться. О, я знал, какой это мороз, когда вместо одного солнца в небе кружатся пять! В такое утро я возвращался с берестяным ведерком воды в нашу нору на Паоне, и мои пальцы, одетые в мех, стали неподвижными, как ледяные сосульки... Вдруг я заметил, что от кучи солдат отделился голый человек. Он шел в степь, сжав на груди руки, с безумным лицом, прямо, не оглядываясь, точно автомат. Солдаты лениво посматривали ему вслед. Потом один из всадников легкой рысью поехал по тропе, намеченной в снегу босыми ногами. Когда расстояние между ними сократилось на три шага, всадник не спеша занес высоко над головой изогнутую ледяную саблю. Страшный прорез вспыхнул наискось между плечом и шеей. Человек упал, но все еще был жив. Тогда всадник снял с руки длинную пику, и я видел, как го-

лая нога три раза беспомощно поднималась кверху, при каждом нажиме.

Рядом, в чаще леса, стоял совсем старый солдат и молился. Я видел, у этого идолопоклонника не было никакой склонности к своей профессии. Что-то чуждое, какая-то противоестественная необходимость тяготела над ним. Двое других солдат, одетых иначе, подкрадывались к нему сзади. Я ждал, что враги только застрелят старика; но они не могли шуметь. Один из них быстро схватил его за горло — излюбленный прием этого мира — и опрокинул навзничь. Мгновение они боролись. Затем другой солдат равнодушно сунул в извивающееся тело свой нож. И они осторожно поползли дальше, озираясь, как хищники, и... и... также крестились!

Митч, ты, конечно, давно понял: я открыл нашу Землю, земное человечество! Сейчас-то меня мороз подирает, хоть я и вколачиваю себе, что это всего лишь отражение идей, повторявшихся со времени Бернулли. Или с каких времен?.. Эти горы, эта гигантская река, эти океаны земли на восток и запад до обоих океанов, весь этот громадный мир, такой великий для нашего глаза, эти звезды и тончайшая разорванная вуаль Млечного Пути, титанической аркой висящая над нами, все бездны, вся жизнь — только миниатюрный вихрь частиц в какой-то игрушке иного мира!.. А когда я был Риэлем, меня пугали маленькие красные пятна на белом снегу, то, о чем мы говорим в стихах.

— Но вот у меня опять нехорошо здесь, и я думаю, разве не страшно, что мы привыкли? Разве ты не привык видеть убийство? Разве я не втыкал мой штык в человеческое мясо? Впрочем, какие там стихи!

Я, Риэль, думал. — Огни, трупы, шествия, знамена, смятые шелка, корабли, наполненные солдатами, взрывы, мертвые страны: и эта вездесущая красная ткань — кровь — только дикий вихрь, мчащий меня в кошмарных сферах! Мне казалось. — Сейчас я сделаю последнее усилие и проснусь в лаборатории, занятый сложными вычислениями, своим обычным трудом. Я еще ничего не достиг. Эта преходящая слабость навеяла мне дурной сон... Я помню, что закричал; но я был один, и никто меня не услышал в тот поздний час.

Я устал и беспорядочно перемещал поле зрения. Война продолжалась. Видения были неисчислимы: и я почти не думал о них; но несколько подавляющих картин встают предо мной ясно и неотступно, как эринии.

Тощие сумасшедшие женщины ломились, размахивая пустыми корзинами, в запертые двери; но женщины были слабы, и двери не открывались.

Огромная, выжженная зноем пустыня. И в ней только одно живое существо — человек. Он лежал неподвижно у маленькой норки и ждал с терпением больного.

Дальше!

Великолепная растительность покрыла побережье теплого моря. Светлый поток пенился среди виноградников, плантаций табака, маслиновых и миндальных рощ и садов фруктовых деревьев. Легкие яхты проходили мимо мраморных дворцов, останавливаясь у многолюдных пристаней, с кофейнями, базарами, лавочками. За чистым столиком сидели разноцветные женщины и мужчины в твердых ошейниках, ели пирожные, фрукты, жир и сахар, поглядывая на голых самок на пляже, внизу. Здесь же, около группы изящных легких зданий, медленно копошились такие же голые существа, едва способные двигаться: они были

слишком толсты. Несомненно, это была лечебница для ожиревших. Они лежали на солнце, вытапливая сало, и читали курьезные бумажные газеты с десятками страниц. Один из них — белый и страшный урод — одолел, кажется, все это огромное сочинение. Там, наряду с рисунками разных яств, я видел снимок с того света — с голодных у дверей. Толстяк прочел газету, отложил в сторону и повернулся на другой бок. Он был спокоен... мистически спокоен!..

— Страна моей Гонгури! Митч, ты докажешь мне, что это только сон, а вот Земля существует несомненно!

— Нет, — завыл я, — нет, я не покажу этого Везилету!

Мне было стыдно, что в моей комнате я нашел такую дрянь.

Я быстро встал и опять захотел выбросить Голубой Шар, ставший совсем тусклым при свете начинающегося дня, но мой взор скользнул по моей комнате, по различным обыкновенным предметам, и я быстро успокоился. Я даже улыбнулся. Так в детстве, после испуга, мы бросаем последний презрительный взгляд в темный угол, где вместо почудившегося призрака висело грязное белье...

Я в последний раз взглянул на Землю. Внизу волновалось беспредельное поле злаков. Я смотрел на золотые волны, обещавшие новую жизнь, и мой мозг очищался от раздражения и невечных мыслей. Мне вспомнились другие волны, неизобразимое смятение текучих людских масс на улицах удивительного города, странно многолюдного центра среди пустынных северных равнин. Тогда я не понимал отдельных поступков, но общий смысл творимой жизни был мне ясен... Я знал судьбы этих порывов. Все было открыто

мне. Может быть, я заразился чем-то от Земли, но я уже без содрогания вспоминал алые пятна на белом снегу и радостные лица идущих мимо мертвых. «Иногда течет много крови, иногда меньше». Прошли века, настало время другим расам плясать под скрипку миссурной смерти. Снова загорелись костры и запахло человеческим мясом. Но ураганы проходят. Являются гении. Мир становится прекрасным...

И вот я снова изнываю в своем величии и в своем ничтожестве! И предо мной неизменно, везде, одна и та же Бесконечность, грозная, как старинный бог...

Жизнь! Вот целую ночь я жил другой жизнью, но разве она не «одна во всем», как говорит Везилет?

Я был царем и, томимый скукой, убивал проклинавших меня потому, что я был мудр и думал о величии, непонятном звериному народу. Я был рабом, и мне ничего не надо было, кроме маленького клочка пахотной земли, но воины царя врываются в мой дом, насиловали моих жен, уводили с собой, и я проходил тысячи мер, убивал и мучил, повинувшись враждебной воле, и сам мучился от постоянного ужаса. Я был избранником народа и казнил деспотов и вождей черни, и толпа ликовала вокруг их виселиц. Я был преступником, мне вырывали ноздри и приковывали к огромному веслу, и я должен был двигать его взад и вперед все дни моей жизни. Если я останавливался, плеть надсмотрщика врезалась в мою спину, и снова я напрягал разорванные мускулы, пока мой труп не выбрасывали в море.

И кем бы я ни был — убийцей или пророком, во мне осуществлялась одна и та же бесконечная жизнь. Иногда я возмущался против нее и не хотел играть роли, какую она мне предназначала, я уничтожал ее, но все-таки любил и ненавидел только те сердца, зловоние от

разложения которых подобно аромату тяжелых пахучих смол, в сравнении с тем, какое они распространяли, когда бились.

Женщина была на моем пути, и если я любил ее, я был бесстрашен и побеждал всех... Миллионы лет сменяли миллионы, а жизнь однообразная, как морские волны, и, как они же, неповторяющаяся, длилась стихийно, победно, безнадежно. Всегда, когда я подчинялся ей, подчинялся даже и самой смерти, но теперь я устал и хочу знать, что же Я — смертный Риэль в ее торжествующем бессмертии. Я хочу знать... Я хочу знать!

IV. РУБИНОВОЕ СЕРДЦЕ

Врач подошел к нарам, погладил горячий лоб юноши. Рука была горячей.

— Ты говори тише, — повторил он.

— Ничего, — потемнел Гелий. — Я скоро кончу. Черт, нет курева!

— Да, все.

— Ну вот. — Я рассматривал землю..., но лучевой поток солнца, яркий, желтоватый, теплый, проник в комнату... Как хорошо! Я подошел к окну.

Золотая вуаль волновалась в утренней влаге, и сквозь нее нежнее казались очертания зданий, залитых могучим ровным светом. Неясные туманы бесшумными лавинами катились с гор. Ветка вьющегося растения достигала моего окна. На ней качался, простираясь ко мне, единственный, огромный, белый цветок. В первый раз я испытывал радость от простой мысли, что живу в этом моем мире. Радость и гордость. Веселые школьники, похожие на быстрых птиц, гонялись за большими платформами, несшими груз зеленых, желтых, оранжевых, красных плодов. Быстрые корабли, как легкие рыбы, плыли в легком океане неба. Я лег и стал думать, что в этот день я пойду рука об руку с Гонгури, последней из Ороэ, в центральные залы Дворца Мечты. Так, мечтая, я понемногу погрузился в пылающие пятна памяти, в глазах замелькали изменчивые фосфены, словно мягкие цветные хлопья, и я утонул в них, теряя сознание.

И все время мне снился громадный глаз, смотревший на меня из высшего пространства.

Чей-то веселый голос звал меня.

Мне казалось, что это Нолла будит меня ранним утром среди сверкающих снегов Паона. Я открыл гла-

за. Солнце светило мне в лицо; на жемчужном экране смеялась Гонгури...

Обряд передачи Рубинового Сердца был древен, корни его вросли в религиозную Магию Неатна, основателя «Союза Победенного Духа». В мое время, конечно, обряд был пронизан лишь эстетическим сознанием, бездумным и радостным. Каждый раз в его светлую форму вливалось новое творческое вино. Я отвык от людей, ночные видения меня истощили, но мне было хорошо здесь. Я рассказал Гонгури о своей любви и о нашей первой встрече над берегом моря.

Мы шли по зеркальной площади Дворца Мечты. Под ногами сияла отраженная голубая глубь, белые перистые облака вздымались внизу. И в центре, в бездну и небо, рос лучезарный Дворец. Он был построен в последний раз, совсем недавно, в год моего рождения. Тогда здесь работал Рунут. Дворец был отлит из искусственного золота и золотистого топаза, он был стремителен и блестящ, как язык пламени, как солнечный протуберанец. Сквозь вибрацию воздушных волн на высоте 500 метров я видел статую такого же восходящего к свету юноши, как на берегу моря, только взор его был открыт и он не закрывал лица от солнца. Я помнил о жизни страшной планетки и все не мог решить: сейчас мне сказать о ней или подождать? — «Риэль! Риэль! Риэль!» — слышал я эхо толпы. Где-то высоко над нами скрестились колебания токов и запели, рассыпались страстным гимном Сторы.

Стора — девушка, отдавшая свою жизнь ради крупницы знания. Этот полуполюгендарный эпизод тоже связан с именем Неатна. Не помню, для чего ему понадобилось наблюдать живое бьющееся человеческое сердце. Стора согласилась на этот опыт и не перенесла его.

С тех пор ее имя стало торжественным символом и почитание ее превратилось в культ...

Мы шли, наверное, полчаса по невидимой голубой глади; легкое и грандиозное здание заполнило мой кругозор. Я смотрел вниз и видел Дворец Мечты опрокинутым, как в телескопе. Сумрачный вход казался узким в лучевых вертикалях, но может быть, более ста человек в ряд вошли, не потеснившись, в громадное ограниченное пространство, где каждый звук замирал в отдалении. В голубоватом тумане, как вершины в голубой чистоте и свежести неба, растворялся зеркальный свод, и там еще громче длился зов гимна. Везилет встал у ног статуи Сторы, поднимавшей к своду свое Рубиновое Сердце. Он говорил о красоте творческих стремлений, о том, как они зарождались на заре человечества, сначала случайными вспышками, сначала в играх дикаря или ради его жестоких нужд и наконец разгорелись в пожар независимой страсти, приведшей нас к величию. Он говорил о страданиях, так хорошо известных всем нам — они были неисчислимы и все-таки бессильны, — о желанных страданиях творчества и прославлял даже отречение от радостей жизни. Он говорил только давно знакомые фразы, но они звучали во мне, подобно гимну Сторы...

На черном камне мелькнули слова древней клятвы Неатна — «...если бы даже ангелы преградили ваш путь — не смущайтесь, ибо истинно говорю вам, будете тогда, как боги!»...

Везилет опустил на мои плечи нить черных жемчужин с Рубиновым Сердцем, и потом все подходило ко мне и говорили о любви, наполняющей сознание...

Этот день был очень утомителен для меня. Я долго стоял перед экраном, меня хотели видеть во всех городах, я слушал длинные приветствия и говорил одно и

то же, смотря на мелькавшие лица. Гонгури оставила меня. Тогда, в первый раз в эти годы, я вспомнил о Рунут, о Сэа, о светлом спокойствии Танабези. Я вызвал Рунут и попросил ждать меня в нашем старом саду, у зданий моей детской школы.

Я поднялся высоко и летел, омытый теплыми жесткими струями урагана, радуясь, что жизнь так далеко от меня. Я был болен. Мне казалось, что не онтэитный пояс, а хаос возносящих экстазов Сторы несет меня в небе. За хребтом порфировых гор Лоэ-Лэлэ, на зеленом плоскогорье, у подкаменной речки, я увидел людской рой. В толпе поднимались десять громадных межпланетных кораблей. Я вернулся; но прежде чем передвинуть диафрагму изолятора на падение, я снял черный жемчуг с рубином. Внизу было торжество более громкое, чем избрание Ороэ; но я ничего не знал; в последнее время я совсем не слушал газет. Станный старик стоял на нижней лестнице и не говорил, а кричал, грозя кулаком в небо. И вся толпа была возбужденной. Я спустился, спросил. Трое обернулись. Кто-то седой ответил, точно отмахнулся от насекомого: «Здесь не до мальчишек». Грубость всегда казалась мне удивительной, я взял человека за руку. Он обернулся снова, тоже удивился и вдруг засмеялся мне в лицо. От него запахло мутным и перегорелым. Он сказал:

— Война!

Кровь моя упала. Откуда он узнал о моих видениях? Кто-то из нас спит. Я дернул его, чтобы он очнулся. Вероятно, я заразился общим смятением. Сильный толчок отбросил меня в сторону. Несколько человек подлетели к нам.

— Что это, перепились?

Внезапно взвыли победные клики, я взглянул: корабли исчезали в небе. Я бросился вверх, так высоко, что стал задыхаться. Я был оглушен миром. В первый раз я подумал, что в школе Лоэ-Лэлё говорили правду.

Рунут встретил меня в аллее магнолий, у бассейна из яшмы и вьющихся роз. Мы говорили о последних работах Рунут и о значении моего открытия. Пришла Сэа. Рунут, чтобы не беспокоить меня, сказал обо мне только ей. Сэа была прекрасна, но то была другая красота, чем Гонгури. Можно было любить кого угодно и в то же время чтить Сэа, как стихию. Она говорила, что однажды пыталась увидеть меня, но Пойрироль, варвар, с ужасом заметил ей, что никого нельзя отвлекать от работы в лабораториях... Так мы болтали, любуясь, пока диск моего браслета не стал оранжевым — цвет восьмого часа. Сэа звала меня на великолепные игры, где будут мои прежние друзья, но я мог только обещать вернуться на следующий день.

Я спросил Рунут, не знает ли он о десяти кораблях, и увидел, что Рунут, как все, удивляется, что я не знаю. Я был болен, и мне все казалось, что непредставимый глаз смотрит на меня и мою страну, как я смотрел на Землю. И потому меня мучило желание совершить нечто превосходящее все поступки мира трех измерений, только что? — Я не знал и вот забывался.

— Ведь это же экспедиция Гэла, Риэль! — сказал Рунут.

Гэл! Я вспомнил. Значит — сегодня... Полтора года перед этим Тароге поднялся за пределы солнечной системы, чтобы никогда не возвращаться. С ним было двадцать человек детей. Взрослых было всего трое: Тароге, инженер Ставант и жена его Лопэ. Потому что путь их должен был длиться более тридцати наших годов. «Победитель пространства» Тароге нес нужное

количество конденсированной энергии пищевых экстрактов; но если бы на планетах ближайшей звездной системы не нашлось доступных условий для жизни, все должны были бы погибнуть. Тридцать лет! О них, об этой жизни в межзвездной пустыне, были написаны поэмы... Я знаю, тебе будет очень интересна эта деталь: помнишь мои вирши — «Империализм Солнца»? Их свертели на сигарки в Саянах. Тема одна и та же...

Тароге нашел планету, подобную нашей. Она получила имя: «Генэри», в честь первого ребенка, родившегося там. План Тароге был прост. Люди должны были размножиться, построить город, заводы, машины, наполнить истощенные конденсаторы энергией и потом через столетие кто-нибудь должен был вернуться в Лоэ-Лэлё. Вокруг, с одной стороны, расстилалась огромная равнина, покрытая красноватой травой, в рост человека, наполненной бесчисленными существами, с другой, за небольшой речкой, начинался лес и вдали снежные непроходимые горы. Это была экваториальная полоса с ровным и теплым климатом. Люди построили дом из обожженной глины и посадили хлеб. Жатва была обильной; но что могли сделать несколько человек на планете, в полтора раза превосходящей наш мир? Тогда Тароге начал поиски неведомого случая. Через год, в плодородной долине, немного севернее тропика, генэрийцы встретили становище темнокожих. Они знали богов, огонь и оружие. Новые белые боги взяли их детей и много молодых женщин, а мужчин заставили строить глиняные дома. Женщины рожали расу полубогов, ни белых, ни темных. Старые колдуны племен собрали совет и решили обмануть выходцев неба. В одну ночь они снялись и ушли в джунгли со всеми людьми; но повелители настигли бегле-

цов. С помощью чудес и смерти они подчинили их и вернули в прежний плен.

Через 60 лет в глиняном городе Тароге было более 300 человек, говоривших на языке Гонгури, и еще больше детей, учившихся в настоящей школе. Доменная печь озарила заревом заросли Генэри, жидкий металл послушно стал принимать форму машин. Приближался день, когда старые конденсаторы победителя пространства должны были снова наполниться радиом; но неожиданная опасность отдалила победу еще на много лет.

Тароге умер от змеиного яда. Темнокожие рабы считали его вождем пришельцев. Один из туземцев, Умго, понял, что если ударить белого дубиной, он умрет даже скорее, чем зверь. Этого нельзя было сделать только потому, что другой белый тотчас же направит смертельный огонь из трубки, которую всегда держит рукой в кармане. Умго ненавидел победителей. Его мысль была медленна и упорна. И вот однажды он исчез из города вместе с дюжиной других обученных дикарей. На этот раз их нельзя было найти; но через два года они появились с тысячами коричневых воинов соседних становий. Умго научил часть из них употреблять лук и деревянные стрелы, чтобы убивать невидимым из-за угла. Вокруг него объединились все ограбленные племена. Первыми погибли рабочие, копавшие руду в горах. Потом воины окружили школу и перебили полубелых детей. Женщины сбежали на их крик и потерялись в толпе. Когда генэрийцы сумели организованно пустить в ход оружие, половина их многолетнего труда была уничтожена или обесценена.

Умго не был убит. Он увел племена в дебри и горы. С тех пор заросли стали непроходимыми. Пришлось

строить укрепления и ввести боевые отряды для походов за рудой и охраны.

Война длилась более двадцати лет, прежде чем был закончен межпланетный двигатель, унесший Гэла. И вот теперь город Лоэ-Лэлё построил десять победителей пространства, в пять раз превосходивших корабль Тароге, чтобы пополнить светлокожей расой и могучим оружием порядевшие ряды колонии Генэри.

Рунут помрачнел. Быстрые видения истощали ясность моей мысли. Я бормотал. — Так вот почему старый пьяница крикнул мне сегодня противоестественное слово: «Война!» Вот почему у Гэла такое томное лицо и глаза слишком широко расставлены друг от друга!

Внезапно я почему-то вспомнил Голубой Шар, и ночные кошмары сна овладели мной.

— Что с тобой, Ризель? — спросил Рунут.

— Ах, — ответил я, — как бы мне хотелось явиться между ними и смести лучами смерти и тех и этих... и тех и этих! Я погружался в прошедшие века и в будущее, — все становилось расчетливее, но убийств совершалось больше... О, как можно так быть! Как можно, когда все это здесь, рядом, как можно...

Я взглянул на Рунут и вздрогнул. Это действительно было безумие.

— У тебя опасный бред, Ризель, — услышал я. — Нельзя безнаказанно в несколько лет молодости совершать работу целой жизни. Если бы ты остался у нас, ты не прятал бы своих мыслей, мы трудились бы вместе, и человечество приобрело идеи твоих изобретений и твои открытия закономерно и безболезненно; но в Лоэ-Лэлё, с ее культами, празднествами, индивидуализмом и громадным гипнозом, ты был захвачен эгоистической страстью, более сильной, чем твоя воля.

Ты мог бы стать таким же счастливым, как Сэа, и потом таким же, как я; а теперь разве ты счастлив?..

Рунут был прав, и я дал ему обещание, что я буду жить с ним, в Танабези. — «Только не теперь», — добавил я невольно. Я рассказал о Гонгури. Рунут немного успокоился, но, вероятно, его надежда исчезла в тумане подсознательных тревог так же мгновенно, как мое тело, брошенное слишком резким движением в облака, озаренные пурпуром и киноварью заката.

Ждала ли меня Сэа, не знаю...

Может быть, я неверно передал впечатления этого вечера. Я думал о другом. Я вижу, сквозь голубоватый дым, гениев Ороэ за каменным столбом, в большом зале. Высоко, словно невидимые жаворонки, пели струны. Невидимые автоматы приносили нам розы и фрукты, и сок Аоа. В зеркалах, в полированных геометрических поверхностях, отражались светящиеся шары — светильники, легкие, как воздух, бесшумно блуждавшие между нами. Голова Гонгури лежала на моем плече. Я знал — Гонгури меня любит. Я слушал Гэла. Он был силен и крепок, ему было более ста лет. Он жадно насыщался и, как все ограниченные люди, очутившись в центре великих событий, рассказывал громко и пространно о жизни на Генэри. Я видел... Умго, с лицом ночного человека, раздвигает папоротники, бесшумно, как рысь; Тароге, убийца и гений, обдумывает план глиняного города... И я ловил себя на смешном вычислении, во сколько раз скорость мысли превосходит скорость света?

Юноша поэт, светлоглазый Акзас, влюбленный в Гонгури, подошел к нам, улыбающийся, бледный. Акзас был одет в драгоценную ткань, и мы жалели его. Одежду носили только старые люди; молодым она назначалась эстетической комиссией, чтобы скрыть

недостатки тела. Я услышал напряженную декламацию, отрывок из той же старинной поэмы «Ад», которая вспоминалась мне, когда я смотрел на Землю.

*— Тогда настала тьма. Я ввержен был
В холодное бескрайнее пространство,
И пустота рвала мне грудь и душу;
Осталось только тусклое страданье,
Такое скучное, что показалось,
Миллионы долгих лет прошли, когда
Часы отметили одну секунду...*

«Я это знал», — промолвил я с тоскою.

Быстрым взором памяти я развернул земные картины, и мне также показалось, что я прожил годы в ту изумительную ночь. Я спросил Гэла:

— А что, те новые люди, ушедшие сегодня на помощь, опять будут насиловать женщин и отнимать их детей?

Гэл засмеялся.

— Ты думал, — сказал он, — что жизнь это только то, о чем говорят в школе?

Вот уже второй пьяный старик глупо оскорбил меня сегодня. Гнев непривычно сдавил мне скулы, я встал и сказал Акзасу:

— Молчите! Что ваши стихи? Хотите, я покажу вам настоящий ад?

Настала тишина. Гэл усмехнулся. Тогда я рассказал о странной породе человекообразных, найденных мной в голубом фосфоресцирующем шаре. Я не удержался и рассказал о многих земных видениях, за исключением слишком нестерпимо стыдных, и, наконец, заговорил о самом поразительном, о возможности великого Риэля иного мира, созерцающего нашу страну из непредста-

вимых пространств. Те существа, быть может, настолько же превосходят нас, как мы карликов частицы Голубого Шара; может быть, они вовсе не зависят от стихий, может быть, они непосредственно обращаются друг с другом и обладают нечеловеческой способностью познавать сущность вещей...

Вдруг, рассекая мои тревоги, раздался радостный голос:

— Как это прекрасно!

Я замолчал, опустил ся. Везилет заговорил о том, что поток жизни более безграничен, чем мы думали. С каждым взмахом маятника создаются, развиваются и умирают бесконечные бездны миров. Всегда и везде жизнь претворяет низшие, обесцененные формы энергии. Мир идет не к мертвому безразличному пространству, всемирной пустыне, где нет даже миражей лучшего будущего, а к накоплению высшей силы:

— И над всем главенствует мысль! Мы еще не знаем ее действительной силы. Может быть, она зажигает солнца!.. И вот Риэль открыл, что она вездесуща. Как это прекрасно!..

Я вспомнил цикл идей Везилета. Жизнь растет. Мир оживает. Материя постепенно станет жизнью, а жизнь сознанием. Может быть, когда-то Вселенная была сознанием, ворвавшимся в звездную туманность от неведомого творческого порыва. В юношеских своих стихах Везилет говорил о двух бескрайних сферах сознания, слившихся в любви. Так родился Мир. Не отсюда ли, не от неосознанной ли памяти уродливая идея Гога? — Я смотрел на прекрасный лоб Везилета и видел жреца, слизывающего с широкого ножа кровь. Это ведь тоже сознание. Оно казалось мне черным, поглощающим светлую мысль в странной интерференции. Мысль! Можем ли мы еще говорить о ней? К чему

привели нас тысячелетние исследования психической энергии?.. Мне хотелось разбить доводы Везилета, я смог бы сказать так много; но я ощутил в себе большое безразличие и промолчал.

Прямые губы Акзаса, с легкой атавистической тенью, как у Марга, раздвинулись: «Я с нетерпением жду, Риэль!»... Я знал, что он не был из числа «Хранителей Тайн». Это меня волновало.

Гонгури, Везилет и еще несколько человек последовали за нами.

Мы летели над звездной улицей. Огненные потоки шли по контурам зданий, отражаясь в нижних зеркалах. Грани вершин Дворца Мечты бросали чистейшие лучи фиолетовой части спектра, такие мощные в своих элементарных тонах, каких нигде никогда не бывает в мире. Сияющие корабли отделялись от плоских крыш, поднимались, ускоряя полет, реяли и мелькали как метеоры. Низкий тембр огромной жизни едва касался сознания, и трудно было отличить, когда кончалась музыка лучшей и начиналась музыка струн. На северо-западе, где поднимался Звездный Путь, на горбе каменного мыса маячил силуэт дворца Лонуола. Дворец был покрыт светящимся веществом и горел ровным голубым светом, отражаясь в зыби океана, живой и воздушный, как сказочный дух. Гонгури держала меня за руку и тихонько импровизировала бессвязно:

— Лоз-Лэлэ и Звездный путь.

Риэль,

мы дети великанов.

Великий ветер океанов

Мне голову кладет на грудь.

Риэль,

забудь...

*Риэль, забудь мираж экранов.
Лоз-Лэлё и Звездный Путь.
Ночные бризы океанов
Нам голову кладут на грудь.
Риэль —
 забудь...
Полет!*

Мы опустились в той самой комнате, где я начал свой день. С изменившимся лицом Везилет смотрел на статую мыслителя и на Голубой Шар, вырванный мною из его руки.

— Мозг Неатна! Риэль, неужели ты не знал?

Нет, я опять забыл. Память моя была перегружена слишком односторонне. Я вспомнил предостережение Рунут...

Умиравший Неатн, близкий к той черте, где бесконечность гениальности переходит в бесконечность безумия, велел своему ученику Дею каким-то неведомым способом препарировать его мозг. Дей исполнил желание своего учителя, и с тех пор мертвая ткань засияла с непонятной постоянной силой.

— Мысль, электроны света. Мир... Мозг... непонятно... — забормотал врач.

— Что с тобой, Митч?

— Так. Это я говорил во время твоего сна. «Мир... мозг... непонятно»: Мир — мозг Неатна!

Гелий побледнел.

— Ты хочешь сказать?.. Да... В этот момент я — Риэль — впервые проникся безнадежностью вставшей пред мной загадки: может быть, ничего не было, может быть, сон?

Везилет, волнуемый совсем особенным любопытством, поднялся к моей машине... И вдруг остановился; и все внезапно замерли и умолкли.

В окне стоял человек, одетый в простую одежду черного или скорее темно-серого цвета, откуда еще резче выделялось его белое невиданное лицо. Он по-медлил, взглянул нам в глаза, и его черты отразили спокойствие и рассеянность. Это был Лонуол. Он медленно поднял тонкую серебряную трость, раскаленную на конце током, и коснулся поверхности Голубого Шара. Изумительное вещество вспыхнуло огромным розоватым пламенем, и скоро от него остался только чад.

Когда я очнулся от гипноза, Лонуола уже не было. Некоторые части моей машины оказались испорченными, и наблюдения стали невозможны. Акзас подошел ко мне и спросил заученным тоном: «Уверен ли ты, Ризель, что все, о чем ты рассказывал, не приснилось тебе прошлой ночью? Вспомни, — ты очень утомлен»...

— Я думаю об этом, — ответил я.

Везилет бросил на меня короткий тревожный взгляд и подошел к окну, где неподвижно стояла Гонгури, смотревшая на звезды. У меня кружилась голова. Может быть, причиной нездоровья был чад, оставшийся после сгорания шара... И еще, все время меня мучило представление, будто я вдохнул ту частицу газа, где находилась Земля. — «Так что же мне сделать, что сделать?» Я старался воплотить какое-то смутное решение. Потом, внезапно, я увидел свет, подобный мысли Архимеда, когда он воскликнул: «Эврика!»

Я ушел в мою любимую черную комнату. Ее стены образовали восемь углов, одна из них, с огромным окном, не была параллельна противоположной. В глубине со звоном падали светлые струйки воды, и блики

света и звуки тонули в мягких поверхностях черной материи. Мраморные статуи в нишах казались летающими в темноте. Между ними качался тусклый диск маятника. В трех плоскостях, на потолке и на противоположных стенах, заключались три зеркала. Я заглянул в их призрачные пространства и увидел там себя, — странно изменившийся образ, радостный, почти нечеловеческий. С каждым взмахом маятника, думал я, «жизнь осуществляет свое назначение, и скоро я постигну его, и постигну, что нее я — Риэль — в этой смене существований». Я клялся жизнь свою отдать ради достижения истины и потому, подойдя к медленным часам, достал из ящичка, вделанного в них, заветный яд.

— Риэль! — позвала меня Гонгури.

Я спрятал драгоценное вещество и пошел ей навстречу.

— Риэль, — говорила она, — ты нездоров, тебе надо принять лекарства и отдохнуть...

— Да, я очень устал, Гонгури; я хочу большого покоя, — сказал я.

Мы подошли к окну.

— Ты видишь перед нами этот сад с темными силуэтами деревьев, дальше ты видишь горы, и представляешь море, и наш город, и более смутно, весь наш обширный мир с его великим человечеством, любовью, красотой... Выше! Скоро Лоэ-Лэлё превратится в неясное пятнышко, потом обрисуетя громадный контур нашей планеты... Дальше! Наш мир перестал существовать для нас. Мелькают звездные системы, косматые туманности, остывшие солнца, и потом нас окружают большие провалы... Дальше! Звезды сближаются в поле зрения, и скоро вся видимая вселенная становится маленькой ограниченной кучкой яркой пыли. В

отдалении появляются другая, третья, множество таких же звездных скоплений. Мелькают миры, исчезают в перспективах, словно разнообразные предметы, когда быстро летишь невысоко над землей и смотришь назад... Дальше! Звезды наполняют видимое пространство, оно начинает казаться более плотным и, наконец, превращается в маленький шар, излучающий бледно-голубой свет... На мгновение мы теряем сознание и потом вспоминаем, что мы здесь, в Лоэ-Лэлё. Ничто не изменилось. Пред нами тот же сад, полный цветов, вдали горы, где-то должно быть море, дальше город и весь остальной неподвижный громадный мир... А вверху небосвод, полный знакомых звезд, — тоже неподвижных... неподвижных для нас... я устал, Гонгури...

Она приласкала меня, и я думал: «Да, как это бессмысленно мучиться из-за того, что всегда одинаково...»

Неизмеримость — прекрасна, потому что пред ней равны все пространственные величины, и вот любовь становится больше мира... — Но как мне было сказать? Я не мыслил, я ощущал ее. Это было пустое — щемящее, тошнотворное. Оно было во мне. Как это скажешь?.. «Человеку не дано последнего знания, и это прекрасно!» Я соглашался с Гонгури и думал: «Сейчас я проверю»...

— Забудь о своем сне, о своей страшной земле, Ризель, — длилась далекая речь. — Утром мы полетим с тобой вместе в поля, где растут лилии долин, и в рощи Аоа. Мы будем смотреть на радугу в брызгах водопада и ловить голубых птиц. Потом мы войдем в мой корабль и улетим на острова Южного океана. Там, я знаю, в пустыне, есть одинокий атолл. Мы будем там одни. Долго...

— Да, — прошептал я. Забываясь в ярких эдемах, мы сидели, обнявшись, на пушистой шкуре черного зверя. Иногда я начинал дрожать от странного волнения, и это беспокоило Гонгури.

— Пустяки, — сказал я, — бессонная ночь и усталость. Сейчас я приму успокаивающего лекарства, и все пройдет.

Тогда я вынул частицу пурпурового вещества и проглотил ее. Потом я выпил воды, и мне стало спокойно.

Мы говорили о красоте и величии жизни, о любви и цветах, растущих на великолепных склонах гор. Я ощущал, как постепенно безболезненно умирает мое тело, и, забываясь, уносился в сияющие выси. Скоро Гонгури заметила неестественный цвет моего лица и замедленное биение моего сердца. Она быстро осветила комнату и, взглянув мне в лицо, поняла все.

Я закрыл глаза и лежал неподвижно.

Вдруг я услышал голос Ноллы и другие светлые голоса.

— Риэль, бедный Риэль, — говорила она, — мы не можем тебя взять с собой, потому что ты убил себя.

Внезапное смущение заставило меня в последний раз поднять веки.

— Риэль, бедный Риэль, — едва слышно повторял Везилет, — он не знает, что самоубийство не может раскрыть ни одной тайны.

Вдруг мне показалось, что это не Везилет, а Лонуол.

Я пытался ответить ему, но не мог, и стремительно погружался в странное состояние сознательного небытия, полного мерцающего света и шума. Так длилось, вероятно, очень много времени, пока, наконец, ты не разбудил меня. И вот я здесь. Под окном ходит часовой. Тюрьма.

V. КРАСНЫЕ ЛАНДЫШИ

Двое долго молчали. Гул мира выл в тишине черепа. Поздняя луна всплыла из-за соседнего корпуса, как будто вздрогнула, взглянув на землю, и медленно поплыла к зениту, побледнела и задумалась, как лицо Лоноула.

— Одна десятиmillionная миллиметра и десять миллионов световых годов одинаковы для мысли математика и воображения поэта. Гонгури права. Это прекрасно.

Гелий встал, шагнул не видя вперед. Лунный свет нарисовал на стене черную решетку. Гелий очнулся. Кровь его встала на дыбы и тяжело грохнулась, как лошадь. Он вздрогнул.

— Мысль эта впервые была высказана, кажется...

— Мысль! Мысль! — забормотал Гелий, — что такое мысль? Она вроде кори: рано или поздно, а придет человечеству. Но никто, никогда... — Да, Митч, я знаю: это сон. Я помню только то, о чем думал раньше. Почему я забыл такие простые вещи: как изготавливается онтэит, электрическое оружие? Я мог бы расплавить засовы, уничтожить тюремщиков, освободить человечество... Но я забыл! Сон, сон! Пальмы качают листьями на коралловых рифах, теплые волны шелестят галькой, моя девочка потягивается от наслаждения, когда ее распеленают, студенты идут за город, и у каждого из них есть лучшая из всех девушек... «И вот любовь становится больше мира», — говорит Гонгури. А я... — Митч! Усыпи меня опять и вели запомнить все, все!..

Ну, ладно, — ладно, знаю, — невозможно, глупость, чертовщина, — но ведь теперь уж все равно... Нет! — Почему бы не предположить, что бессильное в яви со-

знание в гипнотическом трансе вдруг найдет силы открыть выход? Вдруг потенциальная энергия мозга освободится сразу, в гениальном предвидении? Разве тоска моя — не сила, разве ее мало, чтобы проломать какую-то кирпичную стену? Усыпи меня, Митч, прикажи точно запомнить, как с помощью обыкновенного тока приготовить онтэйтный пояс и оружие. Может быть, нам удастся...

Старик обнял его и утешал беспомощно и ласково.

— Ты бы лег... Ты еще не спал... завтра.

В лунный луч спустился овальный паучок и застыл в бледном сиянии, словно туманность Андромеды. Сны Гелия помчались в большие провалы, в сияющие вихри, в электронные кольца. Паутинные нити и круги заплели небо, радужные нимбы и фосфены открылись в громадный глаз, смотревший на него из непредставимых бездн. Он проснулся. Сердце его билось безумно. Прямо в его лицо, как сверхъестественный глаз, смотрело желтое солнце.

Камера была полна людьми. Впереди стоял молодой чешский офицер, белобрысый, розовый, свежий. Рядом нерешительно мялся жирный джентльмен, одетый в однотонное хаки. В джентльмене без труда можно было узнать современную разновидность миссионера и филантропа. Комендант скомандовал встать.

— Это и есть большевики? — вполголоса спросил американец у своего переводчика и вдруг получил быстрый и насмешливый ответ на родном языке от грязного молодого арестанта, продолжавшего лежать на нарах.

— Да, они самые...

Последовал стереотипный удивленный вопрос:

— Где вы учились по-английски?

— М-р Мередит! — воскликнул врач, вставая.

Американец застыл. Он вспотел, снял очки, протер шелковым платком цвета хаки круглые стекла и надел снова. Ему обещали показать ту породу существ, что во всех журналах изображается в виде орангутангов... и вдруг его называют по имени! Это было хуже землетрясения.

— М-р Мередит, вы меня не узнаете? Вспомните, однажды мне пришлось дежурить у вашей жизни.

— М-р Митчель! — хрипнул американец. Он не знал, что ему делать, но все же протянул руку. — Господи благослови! Как вы сюда попали?

— М-р Мередит, я знаю, вы близки господину генеральному консулу, у меня есть к вам единственная просьба.

— Да, да, конечно, — ожил американец. — Я похлопочу за вас...

— Благодарю, мне не угрожает опасность; я говорю о нем. Это тот, о ком я говорил с вами в Штатах.

Вы написали статью по поводу бомбардировки Реймского собора. Мне передавали также, что вы поместили в «Стейтсмене» интервью по поводу разрушения Красной гвардией памятников искусства в усадьбах русских бар. Вы должны думать, что сохранить художника важнее, чем предмет искусства. Храм, разрушенный варварами, может быть восстановлен; но кто скажет, что мы теряем со смертью молодого автора? М-р Мередит! Вы пользуетесь влиянием, вы должны спасти его... Иначе вы и вся ваша самодовольная нация, только...

Старик закашлялся!

Гелий подошел к нему.

— Зачем все это, Митч?

Мередит растерянно бормотал свое: «Уеа, уеа».

— Скажите ему, — обратился он к переводчику, ки-

вая в сторону коменданта, — что они оба американские граждане, чтобы с ними обращались хорошо, и т. д... и что я лично буду говорить со штабом.

Чех был хмур. У него была неудача с русской девушкой. В таких случаях на человека находит вдохновение. Вот прекрасный повод сорвать злость и отличиться! Он сообразил, от каких бесчисленных хлопот он избавит свое дипломатически настроенное начальство, если умело выведет красных в расход. Он галантно поклонился Мередиту, сказал, что ради него он немедленно переведет арестантов на заимку для исправляющихся, около монастыря, на том самом берегу, который Фритьюф Нансен назвал «Северной Ривьерой».

Американец соображал, следует ли ему проститься, но, увлеченный солдатами, очутился в коридоре и махнул рукой. От дальнейшего обхода он отказался.

Через час чех вернулся в камеру озабоченный и сияющий от своего творческого подъема.

— Соберись! — сказал он Гелию.

— Куда?

— На заимку.

Гелий подошел к своему другу, поцеловал его.

— Прощай, старина!

— Прощай! Нет, я пойду с тобой...

— Ну, — хлопнул себя по обмоткам английским стеклом чех, — ты в другой раз.

Надзиратель легко отмахнулся от старого арестанта и захлопнул дверь.

Гелий пошел впереди небольшого конвоя. Они быстро прошли пыльный город, пересекли линию железной дороги, пригороды и стали подниматься по направлению к Сопке. Дорога шла среди свежего березняка, выше начиналось краснолесье. Гелий задумался, он вдыхал теплый запах смолы.

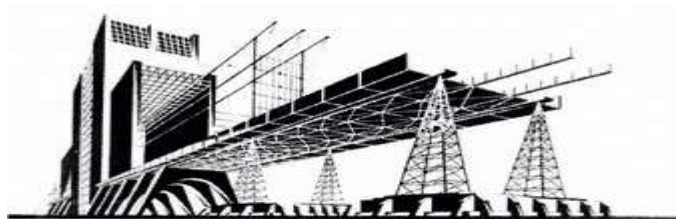
Внизу, между зеленых гор, стремился голубой, сказочный Енисей. Рядом вздымались кедры; в траве, у красных скал, росли неисчислимые ирисы, сарана и красные гроздья незнакомых цветов, называющихся в Сибири ландышами...

В красном бору, у Красного Яра, красные ландыши!

Как на экране своей машины, он ощутил, что шедшие за его спиной остановились, осторожно защелкали затворами и зашептались быстрым чешским говором.

Синели дали.

Это было такое же сияющее утро, как Лоэ-Лэлё, когда он шел рука об руку с Гонгури к рубиновому сердцу Сторы.

СОДЕРЖАНИЕ

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

ВНЕ ЗЕМЛИ

Научно-фантастическая повесть

5

А. СМИРНОВ

НЕОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

Фантастический очерк

273

МИХАИЛ ПРУССАК

ГОСТИ ЗЕМЛИ

Фантастический роман

297

Д. ПАНКОВ

ПО ПЛАНЕТАМ

Астрономическая юмореска

381

АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВСКИЙ

АРГОНАВТЫ ВСЕЛЕННОЙ

(Роман-утопия)

413

ВЫСТРЕЛ В ЛУНУ

593

В. ИТИН

ОТКРЫТИЕ РИЭЛЯ

Фантастическая повесть

595

